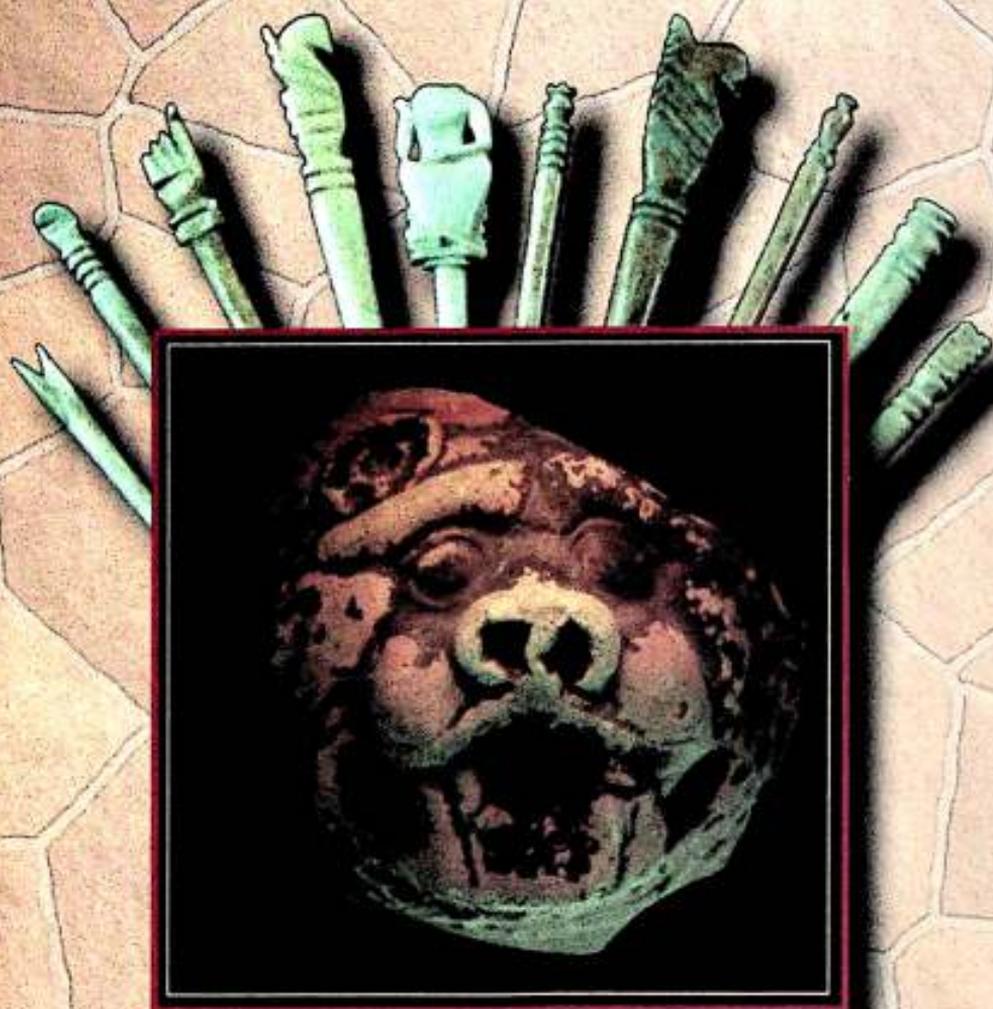

ARCHAEOLOGICA VARIA

В. А. ЗАВЬЯЛОВ

**КУШАНШАХР ПРИ
САСАНИДАХ**

По материалам раскопок на городище Зартепа

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИИ И ИСКУССТВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Санкт-Петербург
2008

Серия
«ARCHAEOLOGICA VARIA»

Редакционный совет

С. И. Богданов, Ю. А. Виноградов, Б. В. Ерохин (Санкт-Петербург, Россия),
Б. А. Литвинский (Москва, Россия), В. М. Массон, А. Е. Мусин,
В. П. Никоноров, Ю. Ю. Пиотровский (Санкт-Петербург, Россия),
Э. В. Ртвеладзе (Ташкент, Узбекистан), А. В. Симоненко (Киев, Украина),
Ю. С. Худяков (Новосибирск, Россия)

Editorial Board

Sergej I. Bogdanov, Boris V. Erokhin (St. Petersburg, Russia), Yuly S. Khudjakov
(Novosibirsk, Russia), Boris A. Litvinsky (Moscow, Russia), Vadim M. Masson,
Aleksandr E. Musin, Valery P. Nikonorov, Yury Yu. Piotrovsky (St. Petersburg,
Russia), Edvard V. Rtveladze (Tashkent, Uzbekistan), Aleksandr V. Simonenko
(Kiev, Ukraine), Yury A. Vinogradov (St. Petersburg, Russia)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
PROCEEDINGS. VOL. XXVII

V. A. Zavyalov

Kushanshahr under the Sasanians

(on the results of excavations of the Zartepa site)

St. Petersburg State University
Faculty of Philology and Arts
2008

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ТРУДЫ. Т. XXVII

В. А. Завьялов

Кушаншахр при Сасанидах

(по материалам раскопок городища Зартепа)

Факультет филологии и искусств
Санкт-Петербургского государственного университета
2008

Ответственный редактор:
академик Туркменистана и Национальной академии наук Кыргызстана
В. М. Массон

Рецензенты:
академик Академии наук Таджикистана *Б. А. Литвинский*,
канд. истор. наук *В. П. Никоноров*

Завьялов В. А.

3-13 Кушаншахр при Сасанидах (по материалам раскопок городища Зартепа). — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — 296 с.: ил.

ISBN 978-5-8465-0799-9

В публикации материалов из раскопок городища Зартепа, расположенного в Южном Узбекистане, рассматриваются факторы, влиявшие на развитие культуры Бактрии-Тохаристана на протяжении короткого временного промежутка со второй половины III до конца IV века нашей эры. В это время происходит ряд политических событий, перекроивших границы Сасанидской и Кушанской империй. Экспансия расширявших свои владения Сасанидов на Восток привела к образованию нового объединения — Кушаншахра, обладавшего правами автономии, на территории которой товарно-денежные отношения производились с помощью кушано-сасанидских монетных эмиссий. В культуре Кушаншахра прослеживается постепенная адаптация сасанидских культурных импульсов при сохранении некоторых черт, восходящих к кушанским культурным стереотипам. Образование Кушаншахра являет собой один из примеров сосуществования разных народов и религиозно-этических течений в рамках автономии.

ББК 63.4(2)

Zavyalov V. A.

Kushanshahr under the Sasanians (on the results of excavations of the Zartepa site). — St. Petersburg: St. Petersburg State University Faculty of Philology and Arts, 2008. — 296 p.: ill.

ISBN 978-5-8465-0799-9

Materials obtained during archaeological excavations at the Zartepa site, located in Southern Uzbekistan, are concerned with factors which had an effect on the development of the culture of Bactria-Tokharistan over a short period of time from the second half of the 3rd century AD to the end of the 4th century AD. A series of political events took place in this time which redrew the borders of the Sasanian and Kushan Empires. The Sasanians' territorial expansion to the East led to the formation of a new Kushanshahr union, which had rights to self-government of a territory within which commodity and money relations were conducted using Kushan-Sasanian coin issues. It can be noted that the culture of Kushanshahr gradually adapted Sasanian cultural influences, while at the same time retaining some characteristics which go back to traditional Kushan stereotypes. The formation of Kushanshahr provides an example of the co-existence of various peoples and religious-ethical trends within a framework of self-government.

*Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 06-01-16135д)*

© В. А. Завьялов, 2008
© Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008
© С. В. Лебединский, оформление, 2008

Предисловие

Публикация новых археологических материалов, относящихся к малоизученному историческому периоду, всегда представляет интерес для специалистов. Довольно часто по объективным причинам введение в научный оборот результатов исследований задерживается на пару десятилетий, а археологическая методика, способы, приемы и технологические усовершенствования фиксации продолжают развиваться, внося новые, ранее не применявшиеся подходы, принципы и методы в процесс исследований. В предлагаемом вниманию коллег и заинтересованных читателей издании собраны и систематизированы материалы, полученные при раскопках верхних строительных горизонтов городища Зартеп, расположенного в Сурхандарьинской котловине Южного Узбекистана, на расстоянии одного дневного перехода от древнего Термеза, известного в письменных источниках под названием Тармита. Исследованные остатки архитектуры финальной стадии обживания основной территории древнего города относятся к кушано-сасанидскому периоду в истории Бактрии-Тохаристана, когда эта территория некогда могущественной Кушанской империи переходит под протекторат Сасанидов, стремившихся расширить свои владения за счет ослабевших соседей. Историческая канва этих событий нашла очень слабое отражение в письменных свидетельствах, однако выявленные при раскопках кушано-сасанидских культурных напластований археологические источники во многом подтверждают и дополняют ход культурно-исторического развития этого региона.

Работа подготовлена к печати в стенах Отдела Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН (до реорганизации — ЛОИА АН СССР), ценные критические и конструктивные замечания сотрудников которого способствовали ее завершению. Интерес к результатам раскопок Бактрийской экспедиции ЛОИА АН СССР постоянно проявляли сотрудники Отдела Востока Государственного Эрмитажа, возглавлявшегося В. Г. Лукоиним. При содействии и консультациях сотрудников этого отдела Е. В. Зеймал, Т. И. Зеймаль и А. Б. Никитина осуществлена идентификация монет и реставрация некоторых других артефактов, обнаруженных при раскопках городища Зартеп. Надписи на керамике были прочитаны проф. В. А. Лившицем и отчасти Н. Симс-Вильямсом. Колоссальное влияние на ряд выводов, высказанных в этой публикации, оказали тщательно отшлифованные труды Б. А. Литвинского, поражающие безграничностью эрудиции и вниманием ко всем проявлениям культуры.

В. А. Завьялов. Кушаншахр при Сасанидах

В заключение хотелось бы выразить глубочайшую признательность всем заинтересованным и способствовавшим выходу в свет этой публикации лицам, особенно моему учителю В. М. Массону, сфера широчайших научных интересов которого всегда органично охватывала достижения цивилизаций Древнего Востока и их взаимовлияние.

Введение

Осмысление культурно-исторических процессов на юге Средней Азии после падения Греко-Бактрии и вплоть до образования Кушаншахра во многих отношениях связано с изучением культурного наследия Кушанского государства. Его колоссальная территория с многочисленными памятниками и продолжительный период существования обусловили неослабевающий интерес ученых многих стран к кушанской проблематике. Клубок проблем чрезвычайно запутан. С одной стороны, он успешно развязывается усилиями археологов, антропологов, востоковедов, лингвистов и нумизматов, а с другой — интенсивно увеличивается с возникновением новых проблем. В немалой степени этому способствуют недостаточно ясные, скудные и отрывочные свидетельства письменных источников, не позволяющие с полной уверенностью восстановить причинно-следственные связи в цепи событий, приведших к появлению, расцвету и постепенному исчезновению кушанской державы с исторической арены. Наиболее рельефно ограниченный характер письменных источников, касающихся кушан, проявляется при сравнении роли и удельного веса аналогичных материалов в решении культурно-исторических проблем Древней Греции, Римской империи и ханьского Китая. Это в полной мере можно отнести и к информативности различных источников, упоминающих новое политическое объединение в Бактрии-Тохаристане, сформировавшееся после утраты кушанами реальной власти и именуемое в официальных сасанидских надписях как Кушаншахр¹.

Исторический фон, на котором происходило развитие культуры в Средней Азии и Иране в III–IV вв., изложен в ряде обобщающих работ (История таджикского народа, 1998. С. 424–432; Луконин, 1987. С. 207–234; History of ..., 1994. С. 473–481), базирующихся на анализе письменных источников и данных эпиграфики. Захват власти сасанидской династией на территории бывшей Парфянской империи при Арташире I (226–241 гг.) и последующая политика Сасанидов, направленная на объединение страны и возврат или захват территорий, отделившихся при парфянах, и других земель, описываются в более поздних источ-

¹ Это название, обычно переводимое как «царство Кушан» или «кушанское владение», предполагает, что территория, упоминаемая в греко-римских источниках I–II вв. как Бактрия, могла так именоваться уже ранними Сасанидами. Вопрос о том, как называли свои владения сами кушаны, пока остается открытым. Высказано предположение, что данная территория уже в первые века нашей эры называлась Тохаристан (Зеймаль, 1983. С. 287), однако оно пока не нашло подтверждения в источниках.

никах, например в «Истории царей и пророков» Табари и «Истории Армении» Моисея Хоренского. Однако анализ этих источников (Луконин, 1987. С. 208–218), сообщающих некоторые сведения о противостоянии ранних Сасанидов и кушан, показал, что они лишь косвенно могут использоваться для реконструкции восточной политики Сасанидов. Трактовка раннесасанидских надписей ŠKZ и NPK², прямо упоминающих Кушаншахр (в первой) или царя кушан (во второй), зависит от точки зрения исследователя на ход исторических событий, связанных с вхождением Бактрии-Тохаристана в состав сасанидских владений. В настоящее время существуют две основные тенденции: часть исследователей склонна соотносить первые походы Сасанидов в Бактрию-Тохаристан со временем правления Арташира I и новой эрой, начинающейся в 232/233 г. (Cribb, 1999. P. 186, 187, 193; Sims-Williams, 1999. P. 245–258), тогда как другие связывают образование Кушаншахра под властью Сасанидов с правлением Шапура II (309–379 гг.) (Göbl, 1999. P. 162) или несколько более ранним временем³. В решении этой проблемы чрезвычайно важную роль играет приведение к общему знаменателю кушанского летосчисления, инициированного Канишкой I, и вышеупомянутой новой эры, зафиксированной в надписи из долины Точи в Пакистане (Dani, Göbl, Humbach, 1964. P. 125–150)⁴. Разные варианты сочетания «эры Канишки» и «бактрийской эры» проанализированы Б. И. Маршаком, пришедшим к выводу, что 101 год «эры Канишки» соответствует 233 или 225 г. «бактрийской эры» (Маршак, 2004. С. 46–49).

Сторонники образования Кушаншахра при ранних Сасанидах полагают, что это могло произойти в правление Васишки и Канишки III, в промежутке между 231 и 260 гг. нашей эры. Отчасти их точку зрения подтверждает находка монеты Варахрана I (273–276 гг.), отчеканенной на монетном дворе Балха (Nikitin, 1999. P. 259–264). Сама по себе попытка чеканки сасанидской монеты в Балхе — одном из столичных центров империи кушан — однозначно указывает на изменение политической ситуации, но находки монет этого правителя с монограммой балхского монетного двора пока очень немногочисленны. Более того, у нас нет никаких свидетельств дальнейшей постоянной чеканки и обращения на рынке Балха монет следующих сасанидских правителей Варахрана II (276–293 гг.) и Нарсе (293–302 гг.), которые следовало бы ожидать. Таким образом, на данном этапе исследований письменные источники и эпиграфические данные не дают однозначного ответа на вопрос о времени вхождения Бактрии-Тохаристана в состав сасанидских владений. В этой связи привлечение к решению поставленной проблемы археологических источников представляется весьма своевременным и важным.

В истории археологического изучения памятников кушанской эпохи на юге Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана исследователи выделяли три основных периода: 1) дореволюционный, 2) с 1926 по 1941 г., 3) послевоенный,

² Сасанидские надписи обычно обозначают аббревиатурой по имени царя и месту их нахождения: ŠKZ — надпись Шапура I на «Каабе Зороастра», NPK — надпись Нарсе в Пайкули.

³ Обширная литература, в которой отражены эти точки зрения, приведена в сборнике статей (Coins, Art, and Chronology, 1999).

⁴ Бактрийские надписи, связанные с этой эрой, существовали с III по IX в. н. э. (Симс-Вильямс, 1997. P. 3–10; Sims-Williams, 1999. P. 245–258).

начинающийся с 1945 г. и продолжающийся до конца 70-х — середины 80-х гг. (Пидаев, 1978. С. 6–15). Для территории левобережной, или Южной, Бактрии (в пределах Афганистана) в свое время была предложена периодизация, также насчитывающая три этапа (Юркевич, 1969. С. 104–113). Обе схемы построены с учетом периодов активной изыскательно-археологической деятельности, прерываемой разного рода политическими катаклизмами, причем границы выделяемых периодов связываются в ряде случаев с организацией работ крупных экспедиций или археологических миссий⁵. Исходя из этих принципов, последний период археологического изучения Афганистана следовало бы ограничить 1979 г. — началом очередного политического катаклизма в этой стране, а правобережной Бактрии-Тохаристана — распадом СССР в 1991 г. Однако сокращение масштабов планомерных научных раскопок памятников рассматриваемого времени не всегда означает одновременное сокращение исследований археологических источников, как имеющихся в распоряжении специалистов, так и вновь поступающих из «горячих точек» на территории бывшей Кушанской империи.

Вследствие того что основные достижения современной науки в изучении археологических источников, полученных на протяжении первых двух и отчасти третьего периодов, нашли достаточно полное отражение в печати (Литвинский, 1981. С. 14–32; 1982. С. 8–21; Массон, 1985. С. 250–272), видимо, нецелесообразно останавливаться на их подробной характеристике. Рассмотрим наиболее актуальные вопросы кушанской археологии Бактрии-Тохаристана преимущественно кушано-сасанидского периода.

Основная масса введенных в научный оборот археологических источников этого времени известна благодаря деятельности в Афганистане археологических миссий Италии, Франции и Японии. В раскопках памятников Северного Афганистана с 1969 по 1979 г. активное участие принимала Советско-Афганская экспедиция (Кругликова, 1984. С. 45–52). Территорию правобережья Амударьи изучали археологи ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН), ИА АН СССР (ныне ИА РАН), а также Академий наук Таджикской ССР, Туркменской ССР и Узбекской ССР. Особую роль в раскопках памятников кушанского и кушано-сасанидского периодов сыграли Узбекстанская искусствоведческая экспедиция Института искусствоведения (руководитель Г. А. Пугаченкова), Бактрийская археологическая комплексная экспедиция ИА АН УзССР (руководитель д-р ист. наук А. А. Аскаров), Бактрийская экспедиция ЛОИА АН СССР (руководитель д-р ист. наук В. М. Массон), Южно-Таджикская археологическая экспедиция (руководитель д-р ист. наук Б. А. Литвинский). Кроме того, значительный вклад в изучение кушанской проблематики внесли Л. И. Альбаум, Т. И. и Е. В. Зеймаль, А. М. Мандельштам, В. Н. Пилипко, Б. Я. Ставиский. Основные итоги всех этих работ нашли отражение в периодической печати, монографиях, а также материалах различных конференций и симпозиумов, представлявших собой определенные вехи в истории изучения археологических памятников Бактрии-Тохаристана (ЦАКЭ 1974; ЦАКЭ 1975; ВНС «АКСАК» 1979; БТДСВ 1983; ГСКБТС 1986).

⁵ Организация французской археологической миссии в Афганистане в 1922 г. и дальнейшее проведение планомерных исследований на ряде крупных городищ и поселений служит начальной датой для периодизации археологического изучения территории этой страны.

К настоящему времени на территории Северной Бактрии (правобережье и среднее течение Амударьи) зафиксировано около 230 городищ и поселений, обживание которых приходится на время существования Кушанской империи, а затем, частично, и Кушаншахра в составе Сасанидской империи. Археолого-топографическое исследование этих памятников позволило предложить схемы их группировки, отражающие системы расселения на территории Северной Бактрии-Тохаристана. Одна из первых схем принадлежит В. М. Массону, выделившему в Сурхандарьинской котловине (Южный Узбекистан) четыре крупных ирригационных района: Шерабадский с центром на Джандавляттепа, Шурчинский с центром на Дальверзинтепа, Джаркурганский с центром на Хаитабадтепа и Ангорский с центром на Зартепа (Массон, 1974. С. 3–12). Б. Я. Ставиский дополнил и расширил эту схему, выделив шесть ирригационных районов в Сурхандарьинской котловине, в том числе и некоторые территории по левому берегу Амударьи (Ставиский, 1977. С. 42–83). Основываясь на результатах работ В. М. Массона и Б. Я. Ставиского, Э. В. Ртвеладзе разработал еще более подробную схему географического расположения городищ и поселений, состоящую из таких территориальных подразделений, как микрооазис, оазис, ирригационный район и ирригационная область. Каждое из подразделений характеризуется определенным набором количественных и качественных признаков, составляющих иерархическую структуру (Ртвеладзе, 1988. С. 9–10; Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С. 62–65). Согласно предложенной схеме, в Северной Бактрии⁶ были выделены три ирригационные области: Верхнесурханская, Шерабадо-Зангская и Сурхан-Амударьинская.

Археолого-топографическое исследование проводилось также в Северо-Западной Бактрии, по среднему течению Амударьи на территории Туркменистана, где было выделено пять оазисов, насчитывающих в общей сложности 54 поселения. Сорок пять из них относятся к кушанскому времени, еще семь — предположительно к кушанской эпохе (Пилипко, 1985а. С. 243–249). В процессе дальнейших исследований пять ранее выделенных оазисов были объединены в два более крупных — Чарджевский и Гарабеквольский оазисы и отнесены к области Амуль (Бурханов, 1993. С. 23, 47), что, видимо, дает возможность приравнять их к ирригационным районам и, соответственно, областям, которые выделил Э. В. Ртвеладзе для Сурхандарьинской котловины.

Влияние климатических, геоморфологических и антропогенных факторов на формирование зон обитания и хозяйственных систем на территории Афгано-Таджикской депрессии в разные периоды ее существования, подробно рассмотренное на примере долин Юго-Западного Таджикистана (А. Керзум, П. Керзум, 2004. С. 80–120), позволило охарактеризовать палеоэкологический фон исторических событий региона.

Около 25% северобактрийских поселений подверглись стратиграфическому изучению, что в совокупности с картографированием и раскопками широкими площадями послужило основой для выводов о генезисе и динамике развития

⁶ В территорию Северо-Западной Бактрии Э. В. Ртвеладзе включает только районы, расположенные по течению Шерабаддарьи, Сурхандарьи и канала Занг; т. е. административную территорию Узбекистана.

городов и поселений этого региона от эпохи Ахеменидов и вплоть до раннего Средневековья (Массон, 1976. С. 9–10. Рис. 5; Пилипко, 1985б. С. 23–72; Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С. 65–75). Начиная с 1953 г. (Дьяконов, 1953. С. 272–293) огромное внимание уделялось периодизации, основанной преимущественно на археологических источниках. Выделение этапов Кобадиян I–V, несмотря на ряд последующих уточнений (Заднепровский, Массон, 1955. С. 84; Зеймаль Т., 1969. С. 7; Мандельштам, 1966. С. 146–148), стимулировало дальнейшие разработки в этом направлении. На основе материалов эталонных памятников и собственно археологической терминологии предприняты попытки освобождения археологической периодизации от оков исторических понятий. Для территории Бактрии-Тохаристана были выделены ай-ханумский, халчаянский, дальверзинский и зартепинский археологические комплексы, характеризующиеся специфическим набором артефактов (Массон, 1985. С. 255). Однако многие исследователи предпочитают использовать «отягощенную» исторической интерпретацией периодизацию. Например, керамические комплексы городища Дальверзинтепа именуются как греко-бактрийский, юэчжийский, великокушанский и позднекушанский или кушано-сасанидский (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1978. С. 144–160). Аналогичная периодизация была применена при систематизации археологических источников, происходящих из поселений Северо-Западной Бактрии (Пилипко, 1985б. С. 76–100). Эта тенденция склонна к возрастанию, насколько можно судить по более дробной периодизации Е. В. Зеймаля (Зеймаль, 1983а. С. 39–42), выделившего не менее семи периодов-этапов Северного Тохаристана кушанской эпохи, основываясь на данных стратиграфии, а также на базе нумизматических и эпиграфических материалов. В дальнейшем данная периодизация была уточнена и дополнена: во-первых, ранее предложенная схема из семи этапов кушанской эпохи была разделена на собственно кушанскую эпоху, состоящую из пяти этапов, и посткушанский период, включающий два этапа сасанидской оккупации и перерыв между ними, падающий на последнее десятилетие IV в. — 30–40 гг. V в. н. э.; во-вторых, посткушанский период (вторая половина IV–V в.) в Тохаристане и Гандхаре было предложено именовать «кидаритским» (Зеймаль, 1985. С. 27–30, 34, 35). Эта периодизация вызвала возражения, в особенности касающиеся посткушанского времени, для которого были выделены три этапа: 1) посткушанский, определяемый как период политической нестабильности, помещаемый в относительно узкие хронологические рамки: середина — третья четверть III в.; 2) кушано-сасанидский, или период подчинения сасанидским кушаншахам, датируемый последней четвертью III — концом IV в.; 3) тохаристанский, или время образования и существования самостоятельных владений (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С. 59–62, 127–130).

На современном этапе исследований начинают проявляться некоторые археологические свидетельства, позволяющие с большей уверенностью говорить о взаимоотношениях Парфянской и Сасанидской империй со своим восточным соседом — империей кушан. Анализ письменных источников в совокупности с находками парфянских монет в Бактрии-Тохаристане позволял и ранее предполагать сложные политические отношения и временные аннексии парфянами восточных территорий вдоль Амударьи, вплоть до нынешнего Термеза, но только широкомасштабные археологические исследования на Кампыртепа предста-

вили серьезные тому доказательства (Ртвеладзе, 2000. С. 86–89; 2001. С. 7–11). Считая Кампыртепа крайним восточным форпостом парфян во второй половине I в. до н. э. — первой половине I в. н. э., Э. В. Ртвеладзе указывает, что в дальнейшем при Сотере Мегасе (Вима Такто) контроль над этой важной переправой через Амударью вновь устанавливают кушаны. Такая точка зрения сочетается со свидетельствами китайских письменных источников и современными хронологическими разработками, предлагаемыми Дж. Криббом (Cribb, 1999. P. 177–205). С другой стороны, раскопки Кампыртепа позволяют уточнить ранее предлагавшиеся периодизации и добавить почти столетний период парфянской аннексии части территории Бактрии-Тохаристана, располагающейся вдоль Амударьи от Термеза до Чарджоу.

Очевидно, что периодизации с использованием исторических понятий заведомо содержат в себе элементы культурно-исторического процесса, зависящие от степени информативности источников и от точки зрения интерпретирующего их исследователя. В этом отношении любая из вышеупомянутых периодизаций уязвима для критики. С другой стороны, вполне правомерно поставить вопрос: какова же степень независимости археологической периодизации от исторических событий и понятий в условиях неустойчивости абсолютной и относительной хронологии и от известных конкретных свидетельств письменных источников? Взаимоотношение археологических периодизаций и письменных источников таково, что чем больше появляется достоверных письменных известий о событиях, происходивших на той или иной территории в определенный отрезок времени, тем более дробной становится и соответствующая археологическая периодизация. Полное абстрагирование от свершившихся исторических фактов, точно зафиксированных источниками, практически невозможно. Более того, именно такие факты служат опорными точками предлагаемых периодизаций. Однако, как показывают разработки европейских хронологических схем эпохи Латена и раннеримского времени (Щукин, 1994. С. 36–47. Рис. 13–15, 23), археологические периодизации не в состоянии фиксировать этапы протяженностью менее 20–30 лет, причем археологические даты имеют тенденцию запаздывать по отношению к историческим. Возвращаясь к периодизации кушанского и посткушанского времени, следует отметить, что создание универсальной периодизации, способной удовлетворить всех исследователей, — задача вряд ли осуществимая. Тем не менее, нельзя избежать использования определенных временных подразделений в качестве необходимого инструмента изучения и систематизации материала. Как будет показано ниже, основная масса полученных в процессе раскопок городища Зартепа археологических находок относится к кушано-сасанидскому периоду. Его хронологические рамки следует ограничивать началом и концом чеканки кушано-сасанидских монет, обеспечивавших товарно-денежные отношения в Бактрии-Тохаристане и свидетельствующих об особом экономическом статусе Кушаншахра, что, видимо, предполагает также и особый автономный политический его статус в составе Сасанидской империи (Завьялов, 1990. С. 173–178). Ответ на вопрос, каков был этот статус и, соответственно, взаимоотношения между центральной властью в Иране и Кушаншахром, пытался найти В. Г. Луконин, опираясь на сообщения письменных источников, данные

эпиграфики, а также на корпус данных нумизматики и рельефов (Луконин, 1987. С. 106–176, 207–236).

От установления времени появления и прекращения чеканки кушано-сасанидских монет во многом зависит абсолютная хронология кушано-сасанидского периода, колеблющаяся в своих крайних точках от момента образования сасанидской государственности в 226 г. вплоть до 459 г. н. э. Продолжительность чеканки кушано-сасанидских монет, согласно взглядам разных исследователей, также существенно варьирует. Так, Р. Гёбль относит начало чеканки примерно к 350 г., а конец — к 390 г., что ограничивает и продолжительность самого кушано-сасанидского периода приблизительно сорока-пятьюдесятью годами (Göbl, 1984). Примерно такой же отрезок времени, но в пределах второй половины III — начала IV в., отводит для выпуска и обращения кушано-сасанидских монетных эмиссий Г. А. Кошеленко, относя образование Кушаншахра к правлению сасанидского царя Шапура I и указывая на то, что исследования, в которых чеканка кушано-сасанидских монет датируется IV в., «утратили ценность» (Кошеленко, 2000. С. 345). Большой временной промежуток (примерно восемьдесят-сто лет) отводят этому периоду другие исследователи, значительно расходясь во взглядах на хронологические рамки чеканки кушано-сасанидских монет. В. Г. Луконин и Е. В. Зеймаль помещают кушано-сасанидские эмиссии в пределах 368–459 гг. (Луконин, 1969а. С. 20–44; 1969б. С. 124–150; Зеймаль, 1983б. С. 257–261), тогда как М. Л. Картер относит их к 275–365 гг. (Carter, 1985. P. 215–281. Pl. 47–52).

По заключению В. Н. Пилипко, выпуск кушано-сасанидских монет «в первой половине IV в. следует считать вероятным, во второй — бесспорным» (Пилипко, 1985б. С. 16–22). Близкой точки зрения придерживается А. Б. Никитин, также относящий существование Кушаншахра к IV в., а начало выпуска кушано-сасанидских монет — к правлению Хормизда II (303–309 гг.) или началу царствования Шапура II (309–379 гг.) (Nikitin, 1999. P. 259–263). Исследователи, настаивающие на том, что чеканка кушано-сасанидских монет началась уже при Арташире I (Brunner, 1979. P. 145–164; Cribb, 1985. P. 308–321; 1990. P. 151–193) или Шапуре I (Bivar, 1979. P. 317–332), соответственно удлиняют кушано-сасанидский период до 100–130 лет.

Столь значительные разногласия в оценке длительности чеканки кушано-сасанидских монет явно затрудняют датировку и других видов археологических источников, относящихся к этому периоду. С другой стороны, нумизматические исследования, привлекающие в основном письменные свидетельства и изображения на сасанидских блюдах и рельефах, все же не в полной мере учитывают данные археологических источников. Примером, иллюстрирующим последнее обстоятельство, могут служить результаты исследований в Кобадiane на поселении Актепа II (Седов, 1987. С. 11–22), а также на городище Зартепа (Завьялов, 1979а. С. 141–154; Массон, 1985. С. 258–259). В частности, наличие кушано-сасанидских монет и появление сасанидских инноваций в керамике (Zavyalov, 1994. P. 69–73), обнаруженной на полах помещений жилого квартала Зартепа, явно предполагают его обживание в течение большего времени, чем 40–50 лет, отводимых этому периоду одним из вышеупомянутых вариантов абсолютной хронологии, основанным на нумизматических материалах.

Особую важность для кушано-сасанидского периода имеют исследования Южно-Таджикской экспедицией памятников Кобаданского оазиса. В результате их раскопок были выделены и охарактеризованы археологические комплексы Бактрии-Тохаристана этого времени (Седов, 1987а; 1987б. С. 149–156). Исследования полностью или частично синхронных памятников и слоев проводились в Вахшской долине (Зеймаль Т., 1969), в оазисе Шах (Литвинский, Седов, 1983), в Сурхандарьинской котловине на городище Дальверзинтепа (Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978), сельских поселениях Аккурган (Пидаев, 1978), Шортена (Пугаченкова, 1988. С. 21–45), буддийском монастыре Каратепе (Ставиский, 1990. С. 6–13; 1996. С. 9–36), в усадьбе и замке близ городища Бабатепе (Немцева, 1989. С. 132–162), а также на памятниках среднего течения Амударьи (Пилипко, 1985б).

В левобережном Тохаристане кушано-сасанидские слои изучены Советско-Афганской экспедицией в Дильберджине (Кругликова, 1974; 1986; 2001. С. 312–413; Кругликова, Пугаченкова, 1977), Жигатепе (Пугаченкова, 1979. С. 63–94), Емшитепе (Кругликова, 1973. С. 104–113). Несомненный интерес представляют и результаты исследований Балха (Gardin, 1957), Беграма (Ghirshman, 1946; Kuwayama, 1974. P. 57–78; 1991. P. 79–120), Чакалактепа (Mizuno, 1970), Дурмантепа (Mizuno, 1968), Кохна Масджид (Bernard, 1964. P. 212–223; Fussman, Guillaume, 1990. P. 88–90; Veuve, 1974).

Весьма важными для выделения сасанидских инноваций, появившихся в кушанской культуре, являются материалы, происходящие с территории Сасанидского Ирана, и прежде всего из Мерва, где в последнее время проводятся интенсивные исследования средне- и позднесасанидских культурных напластований в рамках Мервского проекта (Herrmann, Masson, Kurbansakhatov, et al., 1993. P. 39–62. Pl. XI–XV; 1994. P. 53–75; 1995. P. 31–60. Pl. I–III; Herrmann, Kurbansakhatov, Simpson, 1996. P. 1–22. Pl. I–VI). Эти работы позволили пересмотреть результаты предшествующих исследований, проводившихся ЮТАКЭ. Последнее касается публикации нумизматической коллекции ЮТАКЭ, основная часть которой состоит из находок в Мерве (Логинов, Никитин, 1986. С. 243–249; Loginov, Nikitin, 1993а. P. 247–264. Fig. 6–10; 1993б. P. 271–296. Fig. 11–26; Hobbs, 1995. P. 97–102). Несомненно, что данное исследование повлияло, в частности, на пересмотр датировки сооружения буддийской сангхарамы на территории древнего Мерва (Пугаченкова, Усманова, 1994. С. 142–171) и причин, вызвавших появление здесь буддийской общины именно в IV в. н. э. (Ставиский, 1992. С. 73–76; 1996. С. 29–30).

Как будет показано ниже, определенные параллели наблюдаются и с материалами, полученными в результате исследований Итальянской археологической миссией в Северной Месопотамии городища Кохе, отождествляемого с Вех Ардаширом (Venco Ricciardi, 1970–1971. P. 427–482. Fig. 87–96; Venco Ricciardi, Negro Ponzi, 1985. P. 100–110).

В процессе изучения культуры Бактрии-Тохаристана в кушано-сасанидский период, предпринятого в свое время А. В. Седовым (Седов, 1987а. С. 78–114), было сделано несколько выводов, на которых необходимо заострить внимание. Во-первых, автор отметил, что кризис IV–V вв., восходящий к концепции «кризиса рабовладельческой формации», не нашел подтверждения в исследованных

материалах. Во-вторых, для объяснения некоторого культурного упадка, зафиксированного на таких крупных городищах, как Дальверзинтепа и Дильберджин, было предложено учитывать «провинциальный» фактор: после завоевания Сасанидами Бактрия-Тохаристан становится северо-восточной окраиной обширной Сасанидской империи. В-третьих, было указано на высокую степень унифицированности материальной культуры Бактрии-Тохаристана, которая «кажется даже большей, чем в предшествующее, кушанское время», что существенно отличает ее от синхронных культур близлежащих регионов. В-четвертых, автор подчеркнул значение сасанидских инноваций, воздействовавших на формирование художественной культуры, сасанидо-кушанского монетного чекана и керамического комплекса Бактрии-Тохаристана (Седов, 1987а. С. 114–116)⁷.

Таким образом, назрела необходимость не только определения политического статуса кушано-сасанидского владения, но и установления степени влияния его культуры на сопредельные территории и, наоборот, на развитие культуры самого этого владения. Определенные шаги в этом направлении предпринимались и ранее, в частности, было замечено кушано-сасанидское влияние на живопись Пенджикента V–VI вв. (Маршак, 1983. С. 53–55; Маршак, Распопова, 1991. С. 162, 168–169), а также на формирование чеканки медных монет в Бухарском Согде по образцу кушано-сасанидских во второй половине IV — начале V в. Находки собственно кушано-сасанидских монет в Бухарском Согде позволили А. И. Наймарку предположить, что на протяжении какого-то промежутка времени Бухарский Согд мог быть кушано-сасанидским доминионом (Наймарк, 1995. С. 36–37). Если это верно, то встает вопрос о северной границе кушано-сасанидских владений, что, однако, требует дополнительных обоснований.

Источниковедческую базу исследования большинства перечисленных выше проблем составляют новые материалы, происходящие из раскопок городища Зартепа. Актуальность и научная новизна работы подчеркиваются введением в научный оборот этих обширных материалов, позволяющих характеризовать многие аспекты городской культуры Бактрии-Тохаристана кушано-сасанидского времени. Особый интерес для формирования и изменения культуры этого периода представляют сасанидские инновации, появившиеся после завоевания бывших кушанских территорий. Важность этих материалов для дальнейшего изучения историко-культурных процессов в Средней Азии, учитывая недостаточную изученность памятников этого времени, трудно переоценить.

⁷ А. В. Седов при интерпретации кушано-сасанидских комплексов Бактрии-Тохаристана придерживался хронологической схемы, предложенной В. Г. Луконым.

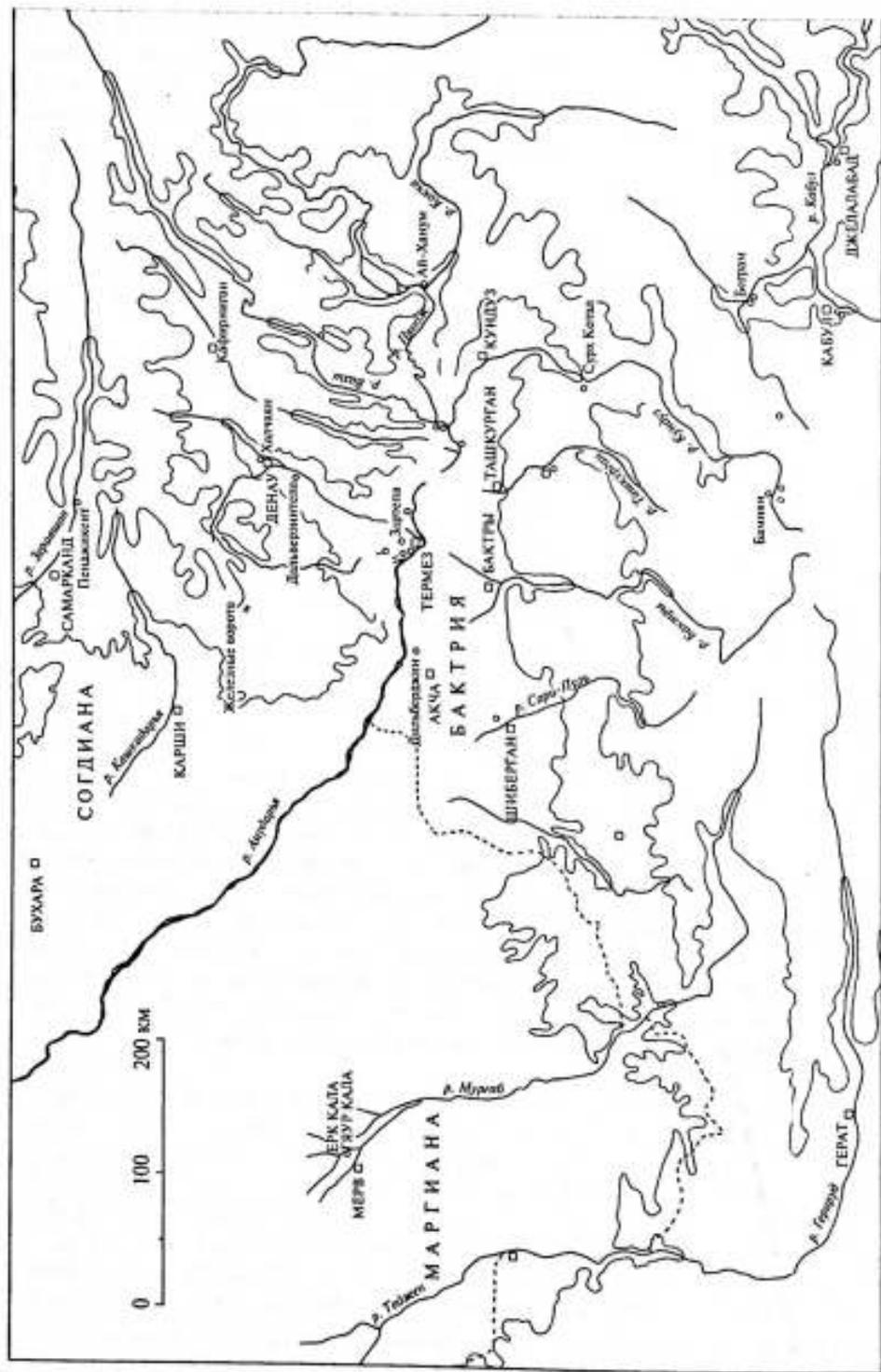

Рис. 1. Карта памятников кушано-сасанидского времени

Глава I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩА ЗАРТЕПА И ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКА

Городище Зартепа площадью 16,9 га расположено в Сурхандарьинской области Узбекистана, в 26 км к северо-западу от г. Термеза и в 4 км к югу от районного центра Ангор (рис. 1). Оно квадратное в плане (400 × 400 м), ориентировано сторонами почти по сторонам света с отклонением к западу на 29°. В рельефе городища наблюдаются отдельные всхолмления, представляющие собой остатки древних строений и кварталов. В северо-восточном углу городища обособленно расположена также квадратная в плане (120 × 120 м) цитадель, отделенная от города оборонительной стеной (рис. 2). Ее оборонительные стены значительно выше стен, окружающих городище. Не исключено, что ворота располагались в середине северо-северо-западного фаса оборонительной стены цитадели. В северо-восточном углу цитадели возвышается отдельное сооружение типа замка, построенное на гребне оборонительной стены и относящееся к финальному периоду обживания этой части древнего города. В юго-восточном углу городища находится квадратное сооружение (60 × 60 м), расположением и формой напоминающее цитадель и, возможно, по изначальному плану выполнявшее функцию мини-цитадели или углового форта для усиления охраны городских ворот. Сходство цитадели и мини-цитадели еще более подчеркивается почти одинаковым расположением близ них въездов на территорию города. Двое ворот, находящихся, соответственно, у юго-восточного угла цитадели и северо-восточного угла мини-цитадели, обеспечивали доступ в город с востоко-северо-востока. Другие двое ворот, располагающиеся у северо-западного угла цитадели и юго-западного угла мини-цитадели, позволяли въехать в город с северо-северо-запада и юго-юго-востока. Остатки еще одного въезда с западо-юго-западной стороны наблюдаются в 100 м к северо-северо-западу от юго-западного угла городища. Таким образом, исходя из рельефа городища, можно предполагать существование не менее пяти въездов в город. Рельеф около въездов значительно ниже застроенных участков города, что предполагает наличие улиц. Пониженный рельеф наблюдается также на значительном протяжении участка вдоль юго-юго-восточной оборонительной стены городища. Лишь в одном месте этого участка, равноудаленном от углов городища, наблюдается повышение

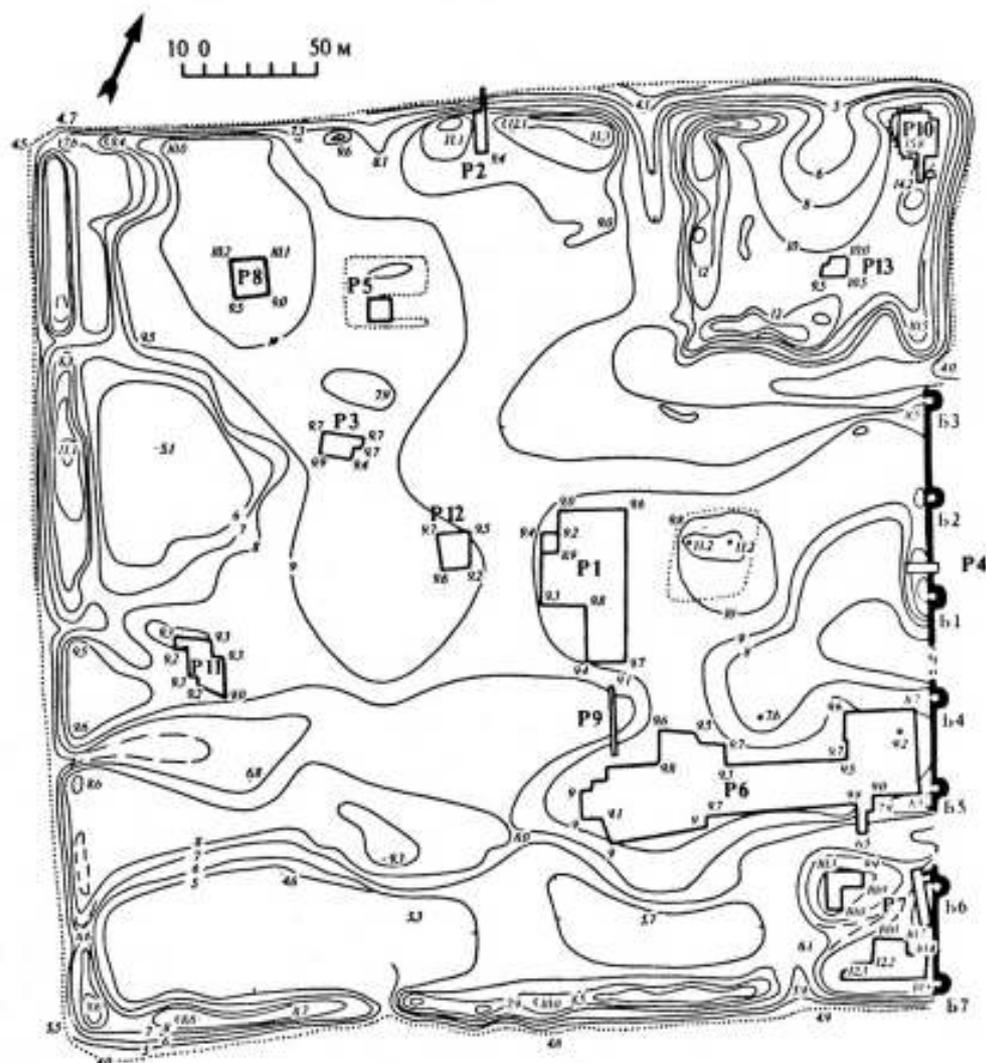

Рис. 2. План городища Зартепа

рельефа, возможно, указывающее на наличие там остатков какого-то сооружения. Другой, меньший по площади и также незастроенный участок находится близ западо-юго-западной оборонительной стены городища. Условные высотные отметки на обоих участках, колеблющиеся в пределах 4,8–5,3 м, близки отметкам у наружных подошв оборонительных стен городища. Вполне вероятно, что город был дополнительно укреплен рвом, русло которого ныне используется для сбросового канала, идущего вдоль оборонительных стен с трех сторон, за исключением востоко-северо-восточного фаса городища.

Первое археологическое обследование городища Зартепа провел Л. И. Альбаум в 1950–1952 гг. В процессе изучения был снят глазомерный план городища

и дано его описание. В востоко-северо-восточной четверти городища, на наиболее высоком, выделяющемся в микрорельефе холме (условная отметка 11,2 м), заложен стратиграфический шурф, детальные результаты раскопок которого не опубликованы. На поверхности городища собрано свыше 300 медных монет, несколько антропоморфных и зооморфных статуэток, а также фрагменты орнаментированной керамики. Эти материалы в совокупности с результатами изучения других памятников, расположенных в Ангорском районе, позволили наметить хронологический диапазон обживания оазиса. Судьбы древних городов и поселений оазиса были связаны с конкретными политическими событиями того времени, засвидетельствованными в письменных источниках (Альбаум, 1955. С. 115–137; 1960. С. 14–41).

Осенью 1972 г., после двадцатилетнего перерыва, раскопки городища Зартепа были возобновлены Бактрийской экспедицией ЛОИА АН СССР. Основным объектом изучения в том полевом сезоне стало здание дворцового характера, открытое на площади 600 кв. м (раскоп 1). Оно расположено почти в центре городища с небольшим смещением к востоко-северо-востоку. Стены его ориентированы соответственно оборонительным стенам города. Раскопанная часть дворца состояла из двух залов (четырёхколонного и двенадцатиколонного, с базами колонн) и вспомогательных помещений, находившихся к северо-северо-западу от них. В залах зафиксировано два уровня полов. На верхнем полу отмечены следы перепланировки и пожара, уничтожившего здание. Предложенная предварительная датировка дворца — «кушанское время» — нуждается в корректировке (Щетенко, 1974. С. 42–48), если учитывать, что дворец явно относится к финальному периоду обживания центральной части города.

В том же полевом сезоне было начато изучение фортификации. С этой целью на северо-северо-западном фасе оборонительной стены городища была заложена траншея (раскоп 2), прорезавшая часть стены от ее гребня до подножия (Сабилов, Пилипко, 1974. С. 49–53). Как выяснилось в ходе работ, верх оборонительной стены был нарушен при постройке здания с алтарем, располагавшегося частью на стене, частью внутри города. Исследование здания, оказавшегося буддийским святилищем, было продолжено В. Н. Пилипко в 1973 г. Раскопанная часть постройки позволила исследователю сделать вывод о том, что в период функционирования святилища городские стены на этом участке города находились в запущенном состоянии и что сооружение святилища приходится на последний период обживания города. В помещениях святилища зафиксировано пять уровней полов. Обнаруженный на них и в заполнении между ними керамический материал датируется III–IV вв. н. э. Помимо керамического материала, эта дата подкрепляется бронзовой монетой, относящейся к позднекушанскому чекану и найденной в кирпичной кладке оборонительной стены, которая использовалась в качестве фундамента святилища (Пилипко, 1976. С. 59–68).

В 1973 г. также проводились раскопки жилого комплекса на раскопе 3, заложенном в северо-западной четверти городища. На площади 320 кв. м были открыты остатки шести взаимосвязанных проходами помещений и часть примыкавшего к ним с юго-востока двора. Сохранность стен построек не превышала 30 см в высоту. Внутри помещений зафиксировано два уровня полов. Так же,

как и буддийское святилище, это жилище датировано III–IV вв., а его сооружение и функционирование отнесено к финальному периоду существования северо-западной части древнего города (Завьялов, Осипов, 1973. С. 53–58).

В полевых сезонах 1973–1974 гг. проводилось дальнейшее изучение фортификации города. На раскопе 4, заложенном на востоко-северо-восточном фасе оборонительной стены, был осуществлен разрез самой стены и прилегающих к ней со стороны городища культурных напластований, а также исследованы башни, внутрибашенные помещения и бойницы (башни 1–3). В результате было высказано предположение о четырех периодах функционирования стены, характеризующихся перестройками. Первый из них, самый ранний, ориентировочно датирован I в. до н. э., а последний отнесен к IV в. н. э. Полученные в разрезе стратиграфические данные были сопоставлены с данными шурфа, заложенного в северо-западном углу четырехколонного зала дворцового комплекса на раскопе 1 (Сабиров, 1976. С. 46–51).

Раскопки шурфа (6 × 4 м), предпринятые с целью получения дополнительных сведений о стратиграфии городища, проводились в 1974 г. Глубина шурфа 6,5 м, из них 5,5 м представлены культурным слоем, учитывая ямы, выкопанные в материковом грунте. По строительным остаткам, зафиксированным в разрезе, было выделено 8–10 строительных горизонтов (Массон, 1976. С. 4–6).

В том же полевом сезоне проводились работы на раскопе 5, расположенном к северо-западу от дворца и к северу от раскопа 3 (рис. 2). Результаты этих работ остались неопубликованными⁸.

Начиная с 1975 г. в течение одиннадцати полевых сезонов в юго-юго-восточной четверти городища исследовался жилой квартал на раскопе 6 (рис. 2). Вследствие неудовлетворительной сохранности архитектуры верхнего, финального строительного горизонта квартала, изучение его застройки проводилось одновременно по двум горизонтам: верхнему (I) и нижнему (II). Суммарная характеристика результатов работ 1975–1976 гг. нашла отражение в печати (Завьялов, 1979а. С. 141–154; 1979в. С. 16–19). Кроме того, в научный оборот введена часть полученного в процессе дальнейших работ материала, объединенного либо функционально, например антропоморфная терракота (Завьялов, 1981. С. 65–69), бронзовая посуда (Завьялов, Галибин, 1990. С. 95–101), костяные булавки (Завьялов, 1993. С. 31–41) и сосуды на зооморфных подставках (Абдуллаев, Завьялов, 1985а. С. 202–211), либо тематически — буддийские мотивы в культуре горожан (Абдуллаев, Завьялов, 1985б. С. 111–121). В дополнение к уже опубликованным данным ниже будут проанализированы и другие материалы этих исследований.

Параллельно с раскопками жилого квартала (раскоп 6) в полевом сезоне 1978 г. был осуществлен разрез культурных напластований улицы на раскопе 9, заложенном во впадине между двумя холмами (рис. 2, 3). Помимо данных о культурных напластованиях одной из городских улиц, в процессе раскопок были получены дополнительные сведения о стратиграфии обоих холмов, ограничивавших улицу с северо-северо-запада («дворцовый» холм) и юго-юго-востока

⁸ Раскопки на этом объекте проводились С. Б. Гультовым, бывшим в то время студентом кафедры археологии ЛГУ.

(холм «жилого квартала»). Неопубликованные результаты этих исследований будут рассмотрены ниже.

В период с 1976 по 1978 г. включительно в раскопках городища Зартепа принимал участие отдельный отряд ИА АН СССР и МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством Г. А. Кошеленко, изучавший дворец на раскопе 1. Раскопкам подверглись постройки, расположенные к северо-северо-востоку и востоко-северо-востоку от двенадцатиколонного зала дворца, и часть его юго-юго-восточного айвана. Результаты этих работ пока не опубликованы.

В 1977 г. в северо-северо-западной четверти городища отряд Ш. Р. Пидаева начал раскопки нового объекта — «хозяйственно-жилого комплекса» на раскопе 8, где открыто двадцать помещений, причем семь из них полностью. Постройка отнесена к финальному периоду обживания этой части древнего города. Внутри помещений зафиксировано один-два уровня полов. Кроме того, в северо-западной части того же холма было расчищено несколько плохо сохранившихся топок гончарных печей, что позволило предположить наличие здесь керамического производства, возможно, квартала ремесленников (Пидаев, 1988. С. 34–44).

В том же полевом сезоне Ш. Р. Пидаев проводил раскопки строений верхнего строительного горизонта углового форта или мини-цитадели (раскоп 7). На этом раскопе были исследованы остатки двенадцати помещений, сгруппированных вокруг двора, располагавшегося в центре холма. По предварительной оценке здание, возможно, представляло собой «военный форпост». В помещении 1 была обнаружена живопись с изображением птицы, держащей в когтях женское божество (Пидаев, 1990. С. 50–60; Реутова, 1986. С. 193–197).

В 1979–1981 гг. в ИА АН УзССР была организована Сурхандарьинская археологическая комплексная экспедиция (САКЭ), в составе которой отряд Т. Д. Аннаева исследовал замок, возведенный на гребне оборонительной стены цитадели городища, в ее северо-северо-восточном углу (раскоп 10). В процессе изучения замка было зафиксировано два строительных периода. В первом (раннем) периоде замок имел второй этаж и насчитывал два этажа обживания, представленные двумя уровнями полов. Во втором периоде также было отмечено два уровня полов. В целом на площади 26 × 27 м было исследовано 13 помещений (Абдуллаев, Аннаев, 1990. С. 12–25). В поле деятельности отряда Т. Д. Аннаева попала и округа городища Зартепа. Так, в 1978–1979 гг. было раскопано сельское поселение Куёвкурган, расположенное в 300 м к востоку от востоко-северо-восточного угла Зартепа (Аннаев, 1984. С. 188–200), а в 1978 г. загородная буддийская ступа, находившаяся в 300 м к северо-востоку от востоко-северо-восточного фаса оборонительной стены Зартепа и в 200 м к северо-северо-западу от Куёвкургона (Пидаев, 1986. С. 77–78).

В 1981–1982 гг. группой К. Абдуллаева изучалась застройка, по-видимому, еще одного жилого квартала, расположенного в юго-юго-западной четверти городища Зартепа (раскоп 11). Раскопано свыше десяти помещений и часть внутреннего двора, относящиеся к финальному периоду обживания этой части древнего города (рис. 2). Результаты этих исследований пока не опубликованы.

В полевом сезоне 1985 г. одновременно с исследованиями жилого квартала на раскопе 6 проводились раскопки на новом объекте — раскопе 12, располо-

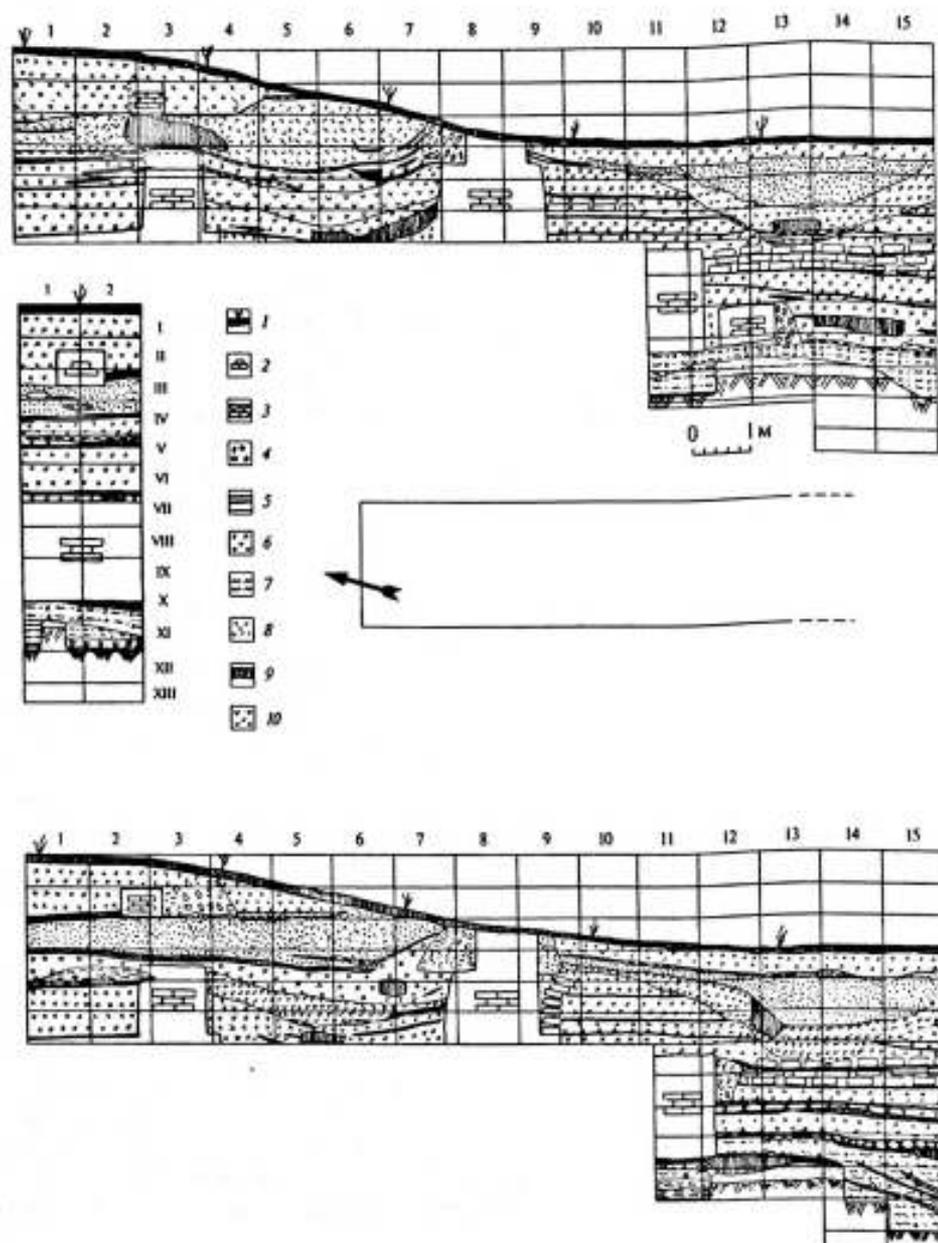
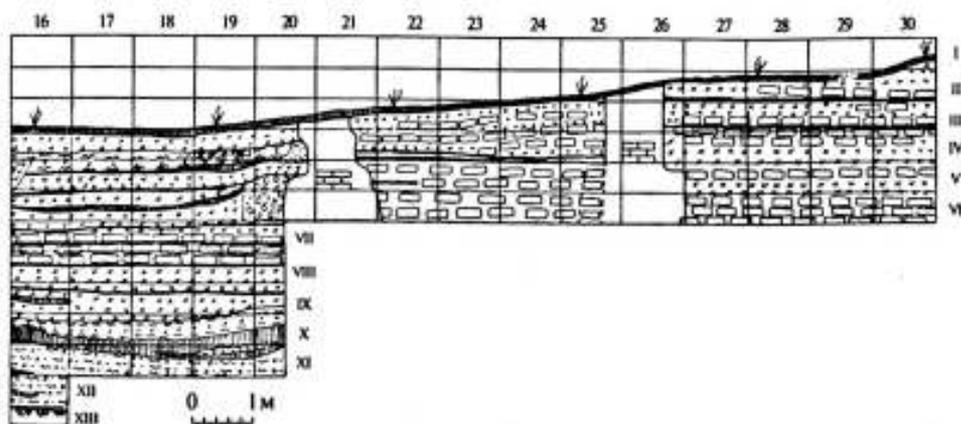
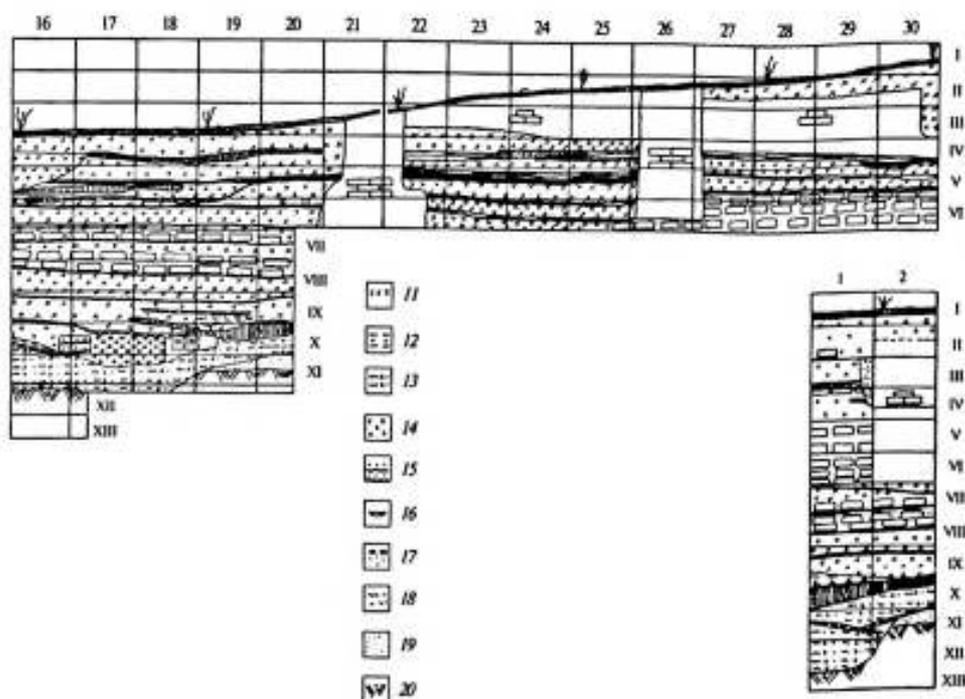

Рис. 3. Зартепа. Разрезы стенок траншей на Р-9:

1 — верхний слой; 2 — стены, ориентированные по линии ССЗ–ЮЮВ; 3 — стены, ориентированные по линии ВСВ–ЗЮЗ; 4 — развал стены; 5 — уровни полов и утопанные уровни улицы; 6 — забутовка из сырцової массы с кусками сырцовых кирпичей; 7 — зола; 8 — рыхлый мусорный слой с включениями керамики, костей животных, кусков сырцовых кирпичей; 9 — гумусные прослойки зеленого цвета; 10 — плотный мусорный слой с включениями

керамики, костей животных и фрагментов сырцовых кирпичей; 11 — прослойки глины коричневого цвета; 12 — забутовка из битого сырцового кирпича с большим количеством золы; 13 — слой материковой глины зелено-серого цвета с большим количеством золы, включениями керамики и костей животных; 14 — слой обожженной глины; 15 — очаг; 16 — очажное пятно; 17 — керамическая вымостка в рыхлом мусорном слое; 18 — заполнение ямы из материковой глины с золой; 19 — песок; 20 — материковая почва

женном в 40 м к западо-юго-западу от четырехколонного зала дворца и в 60 м к востоку-юго-востоку от раскопа 3. На площади 190 кв. м исследованы остатки шести помещений, подробное описание которых будет дано ниже, в главе II. На данном объекте также были зафиксированы перестройки, позволяющие говорить о двух периодах обживания постройки на последнем этапе существования города.

Следует упомянуть еще один объект (раскоп 13), заложенный в юго-юго-восточной части цитадели городища в 1986 г. Цель произведенной зачистки верхнего слоя на глубину 20 см — получить материалы для определения финального периода обживания территории собственно цитадели, чтобы сопоставить их с данными, полученными при изучении замка и городища. После 1986 г. исследования на городище Зартепа были прекращены.

Итак, выше был показан процесс исследования городища и его окрестностей, а также перечислены археологи и экспедиции, принимавшие участие в раскопках. Далее будут подведены некоторые итоги изучения древнего города на основе опубликованных к настоящему времени данных.

Уже в первой публикации материалов Зартепа Л. И. Альбаум на основании монетных находок и сопоставления найденной керамики с керамикой близлежащих (Термез) и более удаленных территорий Согда, Хорезма и Кобадияна выделил два основных периода наиболее интенсивной жизни города. Первый период автор датировал III–I вв. до н. э., опираясь на даты, предложенные для классификации согдийской керамики (Тереножкин, 1950. С. 52–69), и монетные находки. Начало второго (кушанского) периода было отнесено к I в. н. э., а конец — к IV в. К середине IV в. Л. И. Альбаум относит начало кризиса рабовладельческой формации, отразившегося на «экономической жизни ангорской группы городов». В этой работе также впервые дана суммарная характеристика зартепинской керамики, разделенной на раннекушанскую (I–II вв. н. э.) и позднекушанскую (III–IV вв.). Кроме того, в данной публикации были описаны антропоморфные и зооморфные статуэтки, а также налепы на керамике (Альбаум, 1955. С. 118–129).

Сведения о городище Зартепа, сопровождавшиеся публикацией новых теракотов и более подробным описанием монетных находок, были дополнены в другой работе, касающейся результатов изучения памятников Ангорского оазиса, однако выдвинутые автором положения остались неизменными (Альбаум, 1960. С. 14–41). Подводя итоги исследований ангорской группы памятников, Л. И. Альбаум связал судьбы некоторых из них с историческими событиями, известными из сообщений армянских, римско-византийских и китайских письменных источников. Строительство городов на месте современных городищ Зартепа и Хайрабадтепа было отнесено к «первым векам до н. э.». Дальнейшее обживание этих городов происходило под властью кушан до середины III в. н. э., после чего они были оккупированы Сасанидами вплоть до первой четверти IV в. Позднее, до 617 г. этот район находился в руках хионитов и эфталитов. Разрушение некоторых населенных пунктов Ангорского оазиса соотносится автором с тюркским завоеванием 567 г., а окончательное запустение в период раннего Средневековья связывается с походом сасанидских войск, возглавляемых Смбагом Багратуни, в 617 г., вследствие чего была разрушена Зангская

оросительная система, обеспечивавшая жизнь оазиса (Альбаум, 1960. С. 205, 215–216).

Итоги второго этапа исследований на городище Зартепа, полученные в результате деятельности Бактрийской экспедиции ЛОИА АН СССР, наиболее полно обобщены в серии работ В. М. Массона. Часть выводов Л. И. Альбаума подверглась корректировке, а некоторые из них были дополнительно аргументированы новыми данными. Следует отметить, что основание города, отнесенное ранее к III–II вв. до н. э., было несколько «омоложено» и соотносено с активизацией строительной деятельности в юэчжийский период. В качестве фундамента «омоложения» до I в. до н. э. использовались результаты стратиграфических наблюдений в шурфе на раскопе 1 и в разрезе оборонительной стены на раскопе 4, в ходе которых был получен комплекс керамики времени основания древнего города, а также использована методика подсчета по строительным горизонтам, при условии, что каждый из них существовал около 50 лет (Массон, 1976. С. 9; 1977. С. 139–144). Сравнение керамики нижних слоев Зартепа с греко-бактрийской керамикой из Ай-Ханум и Старого Термеза показало, что среди зартепинской керамики присутствует такая типичная раннекушанская форма, как бокалы, которой нет в предшествующем комплексе. В то же время наблюдаются черты преемственности в других формах, орнаменте и технологии (Массон, 1976. С. 10–11).

С несколько иных позиций подходит к проблеме генезиса кушанских поселений Северной Бактрии Э. В. Ртвеладзе, опираясь при этом на выводы Е. А. Давидович о трех этапах в истории юэчжей (Давидович, 1976. С. 59–62). Он предполагает, что переход кочевников к оседлому образу жизни мог происходить на втором этапе, начинающемся не ранее 25 г. н. э. Однако и начало третьего этапа вследствие нестабильной политической ситуации (борьба за власть и завоевание новых территорий) вряд ли способствовало созидательной градостроительной деятельности, и, следовательно, наиболее вероятно, что необходимые для градостроительства условия могли возникнуть скорее в правление Кадфиза II (Ртвеладзе, 1978. С. 112–114). Таким образом, логика рассуждений приводит автора к выводу, что интенсивный рост количества поселений приходится на правление Кадфиза II и что при кушанах в Сурхандарьинском регионе, за исключением Зартепа, не возникает ни одного вновь построенного большого города. При этом не отвергается возможность существования небольшого поселения греко-бактрийского времени в пределах городских стен Зартепа или в его окрестностях (Ртвеладзе, 1978. С. 114. Примеч. 28).

Проведенные в 1973 г. Бактрийской экспедицией исследования стратиграфии ряда памятников кушанской эпохи Шерабадского оазиса, таких, как Аккурган, Иккизактепа, Куштепа, Чопон-Ата, Ходжа-Кия (Некрасова, 1976. С. 76–83), а также Мирзакултепа (Пидаев, 1976. С. 68–76) и Старого Термеза (Козловский, Некрасова, 1976. С. 30–39), позволили В. М. Массону построить относительную стратиграфическую «колонку» и сопоставить ее с ранее предложенными «колонками» Кобадияна, Халчаяна и Явана. В результате этих построений автор пришел к выводу о том, что Зартепа и некоторые другие памятники Ангорского и Шерабадского оазисов возникают в юэчжийский период, характеризующийся широкой градостроительной деятельностью при

поддержке центральной власти (Массон, 1976. С. 9–11. Рис. 5). Кроме того, определенное влияние на выводы В. М. Массона оказали случайные находки медных монет, в частности монеты Агафокла, в совокупности с известными сведениями письменных источников о крушении Греко-Бактрии и последующих событиях на этой территории уже в границах Кушанской империи (Массон, 1977. С. 141).

Слои времени правления династии Великих Кушан при раскопках городища исследовались в очень ограниченных масштабах только в стратиграфических разрезах и в ходе изучения оборонительных сооружений (Сабиров, 1978. С. 254–259). Это обстоятельство ограничивает характеристику культурных компонентов и их историческую интерпретацию для данного периода обживания древнего города. Значительно лучше изучены культурные напластования финального периода городища, что по результатам раскопок 1972–1976 гг. позволило выдвинуть тезис о периоде политической стабилизации, возможно, связанном с ослаблением влияния Сасанидов и усилением местных правителей в последней трети IV в. (Массон, 1977. С. 143). В дальнейшем, анализируя проблему периодизации и хронологии кушанской эпохи, В. М. Массон вновь указывает на культурный всплеск в конце IV — начале V в., связанный с отпадением Тохаристана от Сасанидов, когда внутри города возводится дворец, ремонтируется фортификация и обживаются жилые кварталы (Массон, 1981а. С. 37–38; 1981б. С. 36–43).

Большое внимание уделено характеристике и интерпретации зартепинского археологического комплекса позднекушанского времени в процессе обобщения материалов Северной Бактрии для одного из томов «Археологии СССР». На фоне более ранних комплексов, представленных артефактами Халчаяна, Дальверзина и других памятников, хронологические рамки зартепинского комплекса определяются с опорой на каратепинские материалы в пределах IV в. с оговоркой, что какие-то его проявления частично могут связываться с частью III в. (Массон, 1985. С. 257).

Как отмечалось выше, результаты раскопок жилого квартала на раскопе 6 в 1975–1976 гг. уже получили отражение в печати, при этом естественно были затронуты вопросы хронологической атрибуции полученных данных. Предложенный диапазон времени обживания двух верхних горизонтов квартала, основанный на датировке каратепинских погребений с монетами кушаншаха Варахрана I, содержавших идентичные формы керамических сосудов, охватывал вторую половину IV в. Однако значительная мощность культурных напластований, явно выраженные перестройки и количество уровней полов побудили сдвинуть крайние точки отсчета на 20–30 лет, что в абсолютных датах соответствует 320–430 гг. (Завьялов, 1979а. С. 152–153).

Достаточно узкие при относительно широком диапазоне аналогий хронологические рамки предложены для «хозяйственно-жилого комплекса» на раскопе 8 (конец IV в.). При этом автор сетует на невозможность уточнений этих датировок вследствие неустоявшейся кушанской хронологии (Пидаев, 1986. С. 43). Следует, однако, отметить, что микрохронология и микростратиграфия комплексов IV–V вв. еще не разработаны до такой степени, чтобы «улавливать» временной промежуток около четверти века.

Необходимо признать, что единой хронологической оценки «стратиграфического горизонта» до сих пор не существует, и привлечение этих данных для определения времени возникновения поселений вряд ли имеет существенные перспективы. Так, например, продолжительность накопления отложений для IV–VIII стратиграфических горизонтов Чопли Деле определяется промежутком в 25 ± 5 лет (на каждый), исходя из монетных находок (Пилипко, 1985. С. 80). Этот вывод также проецируется на расположенные ниже стратиграфические горизонты, правда, только для данного конкретного памятника.

Что касается хронологических границ комплексов, которые могли бы уточнить время возникновения населенных пунктов, то они не настолько четко выявлены. И дело здесь даже не в том, что сами принципы ограничения определены неотчетливо. Если отталкиваться от исторической периодизации, то рамки греко-бактрийского комплекса, видимо, следовало бы ограничивать временем существования Греко-Бактрии. В археологическом контексте начало этого комплекса выражается в появлении греческих инноваций в архитектуре, керамике, монетном чекане, металлических изделиях и др., то есть начальные фазы исторической периодизации и формирования археологического комплекса в данном случае совпадают. При этом пока только монеты, в совокупности со сведениями письменных источников, позволяют различать селевкидские и греко-бактрийские комплексы, тогда как остальные, менее зависящие от политической ситуации и более консервативные по своей природе артефакты такой информации часто не содержат. В этом отношении показательна разработанная Э. В. Ртвеладзе для Северной Бактрии периодизация, основанная на государственно-династическом признаке, насчитывающая пять периодов и четыре соответствующих им комплекса, первый из которых «селевкидский и греко-бактрийский» (Ртвеладзе, 1988. С. 26–27).

Более того, становясь традиционными для данной территории, греческие инновации, насколько можно судить по греко-бактрийскому керамическому комплексу (Седов, 1984. С. 171–180), в значительной мере переживают период существования греко-бактрийского государства. В этой связи встает вопрос: стоит ли ставить знак равенства между периодом политической гегемонии греков и греко-бактрийским комплексом, что, как кажется, может в равной степени относиться к Кушаншахру и кушано-сасанидским комплексам? Кроме того, возникает и другой вопрос: что же все-таки считать критерием для ограничения обоих комплексов в тех случаях, когда многие их компоненты выходят за пределы конечных дат?

Если учесть, что воспроизведение всех составляющих и греко-бактрийских, и кушано-сасанидских комплексов связано с самим существованием Греко-Бактрии и Кушаншахра, то падение обоих политических образований должно было нарушить действие факторов, способствовавших такому воспроизведению. В первую очередь это проявляется в монетном чекане: на территории бывшей Греко-Бактрии появляются «варварские подражания», исчезает и кушано-сасанидский чекан. В таком случае, видимо, ставить знак равенства между историческими периодами и археологическими комплексами вполне возможно, и тогда одним из основных критериев для ограничения археологических комплексов будет служить появление инноваций. Следовательно, после 145 г. до н. э. и

после IV в. н. э. мы имеем дело уже не с греко-бактрийскими и кушано-сасанидскими комплексами, а лишь с элементами их традиций. Сохранение самой традиции, например в архитектуре и керамическом производстве, возможно лишь с сохранением носителей традиции, то есть населения.

Сравнение вышеизложенных точек зрения показывает, что вопросы о времени основания и этапах существования города, ныне известного как Зартеп, почти так же далеки от окончательного решения, как и в начале исследования городища, и требуют дополнительных аргументов и изысканий. Тем не менее, есть все основания вслед за В. М. Массоном считать, что город строился по заранее продуманному плану как центр ангорского ирригационного района (Массон, 1977. С. 141).

Глава II

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА ЗАРТЕПА

в 1975–1986 гг.

Прежде чем перейти к описанию раскопанных архитектурных комплексов Зартепа, необходимо остановиться на тех связанных с ними понятиях и определениях, относительно которых в отечественной археологической литературе существуют значительные разногласия. В первую очередь это касается таких определений, как «строительный горизонт», «строительный период», «стратиграфический горизонт». Они, как правило, используются для пространственно-временной характеристики изучаемых объектов при планиграфических и стратиграфических исследованиях. Для последнего из них предпочтительнее использовать понятие «стратиграфический горизонт», выделяемое на основе следующих признаков: наличие стен построек, наличие уровней полов, а если те и другие отсутствуют, то по различным слоям, прослойкам и другим следам деятельности человека (ямы, землянки и т. п.). Характеризуя направление исследования, данное определение не полностью отражает различия в культурных напластованиях памятников, чем, видимо, и объясняется использование в качестве синонимов таких дефиниций, как «жилой горизонт», «слой» и «строительный горизонт».

В процессе планиграфических исследований памятников широкими площадями археологи чаще употребляют понятия «строительный период» и «строительный горизонт». Определение «строительного периода» конкретизируется Д. А. Авдусиным следующим образом: «Строительные периоды — это этапы жизни одного архитектурного памятника в пределах культурного слоя» (Авдусин, 1972. С. 41–42). Характерной чертой «строительного периода» в данном определении являются наблюдаемые в ходе раскопок изменения во времени только на одном объекте, например жилище, оборонительной стене и т. д. Понятие «строительный горизонт» шире во времени и пространстве, так как включает в себя не только все сосуществующие архитектурные объекты, но и отмеченные внутри них строительные периоды. При анализе застройки квартала на раскопе 6 будет использоваться термин «строительный горизонт», охватывающий несколько одновременных объектов (в данном случае домовладений). Применение упомянутых дефиниций необходимо при систематизации археологических артефактов, сравниваемых в одинаковых архитектурных комплексах, и обуслов-

лено традицией частичного сноса обветшавших построек и возведения на их остатках новых строений, в результате чего происходит рост культурных напластований внутри городов и поселений. К очень близким выводам при определении этих понятий пришел Е. А. Смагулов (Смагулов, 1983. С. 191–198).

Кроме того, необходимо установить соотношение между «стратиграфическими горизонтами» и «строительными горизонтами». Поскольку специфика строительства предусматривает снос верхней части построек, а сами разрезы изучают лишь часть объекта или совокупности объектов, возможно отождествление «стратиграфического горизонта» со «строительным горизонтом» в тех случаях, когда в разрезе фиксируются остатки перекрывающих друг друга стен. Практическое использование этих понятий можно показать на примере стратиграфического раскопа 9, результаты исследований которого характеризуют основные этапы застройки и обживания данной части территории города.

Раскоп 9 представлял собой ступенчатую стратиграфическую траншею длиной 30 м и шириной 2 м, прорезавшую культурные напластования улицы «Магистральной» и, частично, архитектурные остатки «дворцового» холма (раскоп 1), а также холма «жилого квартала» (раскоп 6), расположенных по обе стороны от улицы (рис. 2, 3). Из-за большой мощности культурных напластований и сложности перемещения вверх грунта на глубине 3 м от точки отсчета исследуемая площадь была сокращена до размера 9,30 × 2 м. Это привело к тому, что в торцовых частях траншеи образовались две ступени (на 10,20 и 19,50 метрах от точки отсчета), а раскопки в глубину продолжались только в средней ее части. Фиксация находок проводилась через каждый метр по длине траншеи и по ее ярусам (0,50 м). Остатки архитектуры и культурные напластования фиксировались с помощью зачистки и проработки всех четырех стенок траншеи и, кроме того, горизонтальной зачистки ее дна по окончании раскопок очередного яруса. Отсчет ярусов начинается от верхнего края северо-северо-западного разреза траншеи. Далее глубинные отметки указываются от начала I яруса. Северо-северо-западная стенка траншеи является также начальной точкой отсчета и репером при разметке разреза по всей его длине. В ходе работ, помимо исследований культурных напластований улицы «Магистральной», получена дополнительная информация о стратиграфии обоих холмов. Учитывая последовательность проведения работ и то, что в пределах раскопа находятся три функционально различных комплекса, целесообразно дать описание каждого из них по отдельности.

Стратиграфия «дворцового» холма. Нивелировочные отметки близ западного угла траншеи и южного угла шурфа 1974 г., заложенного в четырехколонном зале дворцового здания, показали, что начало I яруса в стратиграфическом раскопе всего лишь на 0,20 м ниже угла шурфа. Исходя из того, что при раскопках комплекса дворцового характера зафиксировано два строительных периода и что первый из прослеженных в траншее стратиграфических горизонтов начинается в самой верхней части II яруса, можно с достаточной уверенностью считать этот стратиграфический горизонт (начало II — начало III яруса) вторым в общей стратиграфической колонке «дворцового» холма. Данный стратиграфический горизонт выделяется по остаткам стены (ширина 0,70 м, высота

0,50 м), зафиксированной на длинных сторонах траншеи на грани второго и третьего метров от репера и ориентированной по линии ССВ–ЮЮЗ. Еще одна стена шириной 0,80 м, высотой 0,56 м зафиксирована на северо-северо-западном разрезе траншеи. Она шла перпендикулярно первой стене, образуя два угла, видимо, двух соседних помещений (рис. 3).

III стратиграфический горизонт связан с перестройкой стены, расположенной на восьмом–девятом метрах от репера. Стена, верхняя часть которой достигала ширины 1,10 м, возведена на расположенной под ней и относящейся уже к IV горизонту стене шириной 1,70 м, использованной в качестве фундамента или основания. В пользу выделения стратиграфического горизонта свидетельствует также мусорный слой мощностью до 0,75 м (III — середина IV яруса) с включениями золы, обломков сырцового кирпича, фрагментов керамики и костей животных, подстилающий стены II горизонта и лежащий на верхней части стен IV горизонта.

IV стратиграфический горизонт выделяется по остаткам двух параллельных стен и охватывает нижнюю половину IV, V и VI ярусы. К внешней грани фасадной стены, зафиксированной на восьмом–девятом метрах разреза, на обеих длинных сторонах траншеи примыкали вымостки улицы «Магистральной». На расстоянии 4 м к северо-северо-западу от фасадной стены обнаружена вторая стена толщиной 1,10 м, находившаяся на третьем метре от репера. Обе стены относятся к одному, по-видимому, монументальному, строению. Это подтверждается наличием двух уровней неоднократно промазанных саманной штукатуркой полов (расстояние между ними 0,75 м), зафиксированных к северо-северо-западу от стены, расположенной в пределах третьего метра разреза, что свидетельствует о продолжении здания в этом направлении и наличии здесь помещения. Пространство между стенами представляет собой остатки другого помещения, относящегося к этому же сооружению. В его заполнении отмечено три различающихся по плотности и включениям слоя с прослойками, вероятно, соответствующих трем полам. Они выражены не столь отчетливо, как в соседнем помещении, и понижаются к центру комнаты. Нижние полы в обоих помещениях находятся примерно на одном уровне, на глубине около 3 м, перекрывая ступенчатое основание разделяющей их стены.

Следующий, V стратиграфический горизонт начинается в начале VII яруса (глубина 3,10 м) и связан со стеной, обнаруженной на одиннадцатом — начале двенадцатого метра на обеих длинных сторонах траншеи. На этом участке раскапываемая площадь была сокращена. Культурные напластования исследованы до материковой почвы только в пределах одиннадцатого–двадцатого метра. Вышеупомянутая стена, имевшая высоту 1,70 м, обращена фасадом на улицу «Магистральную». Снаружи к ней также примыкают уровни мостовой, что напоминает ситуацию с фасадной стеной IV стратиграфического горизонта. Можно предполагать, что в V стратиграфическом горизонте к северо-северо-западу от этой стены располагается еще один строительный комплекс, находящийся под стенами горизонта. Интересно, что сохранившийся верх стены находится на глубине, где фиксируются предполагаемые основания стен IV стратиграфического горизонта.

VI стратиграфический горизонт выделен по остаткам двух стен, обнаруженных только на западо-юго-западном разрезе траншеи. Верх первой стены высо-

той 0,70 и шириной 0,90 м зафиксирован на двенадцатом–тринадцатом метрах от точки отсчета, на глубине 4 м в ярусе. Она почти примыкает к стене V стратиграфического горизонта. Пространство между стенами шириной не более 0,40 м забутовано битым сырцом, не отличающимся по плотности, цвету и составу от забутовки, находящейся поверх стены VI горизонта. Соотношение между стенами V и VI стратиграфических горизонтов, стоящих к тому же на одном нижележащем слое, остается не совсем ясным. Остатки второй стены VI горизонта, сохранившейся на 0,40 м в высоту и имеющей ширину 0,85 м, обнаружены на восемнадцатом–девятнадцатом метрах от точки отсчета, в X ярусе. Ее основание стоит на мощном слое глины с обильными включениями золы и зеленоватого гумуса, в результате чего весь этот слой приобрел зелено-серый цвет. Тот же самый слой лежит в основании вышеописанных стен, зафиксированных на одиннадцатом–тринадцатом метрах разреза.

Значительная толщина данного слоя (X, XI, XII ярусы) связана с заполнением двухступенчатой ямы, хорошо прослеживаемой на востоко-северо-восточном разрезе. Первая ее ступень начинается на расстоянии 13,30 м от репера и заглублена в материк на 0,60 м (X — начало XI яруса), вторая ступень начинается на расстоянии 14,10 м от точки отсчета и углублена еще на 0,40 м (XII ярус). Таким образом, общая глубина ямы составляет 1 м. Дно ее неровное и повышается на 0,50 м от востоко-северо-восточного разреза к западо-юго-западному. Очертания ямы на западо-юго-западном разрезе уже не имеют четких контуров. Мощный слой зелено-серого цвета фиксируется не только в заполнении двухступенчатой ямы, но и лежит по обеим сторонам ее краев на слое песка, достигающем толщины 0,25 м и представляющем собой уровень древней дневной поверхности (граница между X и XI ярусами). Под слоем песка обнаружена материковая глина светло-коричневого цвета.

Уровень дневной поверхности прорезан еще двумя ямами, частично попавшими в пределы раскопа. Их контуры особенно отчетливо видны на северо-северо-западном разрезе траншеи. Ямы располагаются на расстоянии 0,50 м друг от друга (рис. 3 слева, внизу). Заполнение их близко, но не идентично по составу. На дне первой ямы (глубина 0,50 м от уровня древней дневной поверхности) лежал слой золы толщиной 0,10 м, хорошо прослеживавшийся на северо-северо-западном и западо-юго-западном разрезах. Над ней зафиксирован слой материковой глины, перемешанной с золой, толщиной 0,40 м. Вторая яма заглублена в материк на 0,40 м и заполнена двумя аналогичными по составу слоями материковой глины с золой толщиной по 0,20 м. Обе ямы перекрыты сверху тем самым слоем зелено-серого цвета, который составляет и заполнение двухступенчатой ямы, что указывает на их более раннее сооружение.

Исходя из того, что стена VI горизонта возведена на слое, составляющем заполнение двухступенчатой ямы, можно полагать, что она относится к VII стратиграфическому горизонту. Следовательно, две ямы, расположенные под слоем, составляющим заполнение двухступенчатой ямы, можно отнести к VIII, самому раннему горизонту (рис. 3 слева).

Стратиграфия холма «жилого квартала». В результате раскопок холма «жилого квартала» зафиксировано два строительных горизонта, соответствующих двум стратиграфическим горизонтам. Нивелировочные отметки юго-юго-

восточного разреза траншеи показали, что его верх, расположенный на склоне холма, находится на 0,75 м ниже основания северо-северо-западной стены помещения 41 на раскопе 6 (рис. 3, 4). Верх первой (27–30 м) и второй (22–25 м) продольных стен каких-то частично попавших в пределы раскопа помещений находится еще на 0,45–0,90 м ниже, что позволяет отнести все отложения между верхом продольных стен и основанием северо-северо-западной стены помещения 41 к III стратиграфическому горизонту, толщина которого достигает 1,20–1,25 м.

Нижележащий, IV стратиграфический горизонт выделяется на основе двух отмеченных в разрезе продольных стен приблизительно на двадцать вторым–двадцать пятым и двадцать седьмым–тридцатым метрах западо-юго-западного разреза. Этот стратиграфический горизонт охватывает отчасти II, полностью III, часть IV яруса и, судя по максимальной сохранности стен на двадцать седьмым–тридцатым метрах разреза, достигает мощности 1,05 м. Скорее всего, здесь в границы разреза попали стены двух помещений, о чем свидетельствуют также уровни полов.

V стратиграфический горизонт прослеживается в востоко-северо-восточном и западо-юго-западном разрезах по надстройкам обеих поперечных стен (расстояние 19,50–21 и 24,50–26 м от точки отсчета), отмеченным в начале V яруса, и охватывает V и VI ярусы.

Вследствие того, что ниже VI яруса границы траншеи были сужены до 9,3 м (расстояние 10,20–19,50 м от репера), остатки архитектуры в пределах раскопа (VII–IX ярусы) не обнаружены. По-видимому, в данном случае стены построек «отступают» вглубь холма. Исходя из того, что на один стратиграфический горизонт в этой части городища приходится 1–1,20 м культурного слоя, вероятно, VI стратиграфический горизонт можно выделить только предположительно. Дополнительным аргументом для его выделения могут служить стратиграфические наблюдения на цитадели Дальверзинтепа, где зафиксирована аналогичная ситуация при той же самой строительной традиции (Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978. С. 15. Рис. 5). Следовательно, VI стратиграфический горизонт располагается в пределах начала VII, в VIII и, быть может, в начале IX яруса.

К VII стратиграфическому горизонту можно отнести остатки стены, зафиксированной на расстоянии 18–19 м от репера в западо-юго-западном разрезе в X ярусе, и очажную яму на шестнадцатом–семнадцатом метрах в этом же ярусе. В таком случае к VIII стратиграфическому горизонту относится двухступенчатая яма, расположенная ниже, в XI ярусе.

Строительные остатки VII стратиграфического горизонта лежали на серо-зеленом слое, состоявшем из глины, перемешанной с золой и зеленоватым гумусом, подстилавшим, в свою очередь, стены стратиграфического горизонта «дворцового холма». Ниже этого слоя на холме жилого квартала в конце X яруса отмечена древняя дневная поверхность.

Сопоставление стратиграфии обоих холмов показывает, что количество выделенных внутри них строительных горизонтов не совпадает и что наиболее достоверная их синхронизация возможна по слою, на котором стоят остатки стен, возведенных из сырцовых кирпичей (X ярус). Шесть стратиграфических горизонтов «дворцового холма», содержавших остатки архитектуры, включая

горизонт дворца как первый из них, составляют шесть строительных горизонтов. Сложнее решить вопрос, относить ли VII и VIII стратиграфические горизонты, представленные разновременными ямами, соответственно к VII и VIII строительным горизонтам?

Если следовать интерпретации В. М. Массона, который полагал, что аналогичная яма, зафиксированная в нижнем слое шурфа 1974 г. (Массон, 1975. С. 4–5), является жилищем-землянкой первых строителей города, то такое сопоставление было бы правомочным. Однако следует учитывать, что ни одна из ям на раскопе 9 не обнаруживает каких-либо признаков обживания. Скорее можно предполагать, что выбранный из них грунт пошел на изготовление сырцовых кирпичей, а сами ямы вскоре были засыпаны. С другой стороны, слой толщиной от 0,30 до 1,30 м, лежащий в двухступенчатой яме под первыми стенами, возведенными на данном участке города, явно связан с деятельностью его первых строителей, которые должны были жить где-то по соседству, чтобы иметь возможность заполнить ямы культурными отложениями. Это обстоятельство гипотетически предполагает существование VII строительного горизонта, видимо, представленного постройками на соседних участках города. Что касается VIII стратиграфического горизонта, выделенного выше, то он, несмотря на то, что явно предшествует двухступенчатой яме, вряд ли сформировался значительно раньше, учитывая возможную интенсивность засыпки ям. В любом случае данные, полученные при исследованиях на раскопе 9 и в шурфе 1974 г. (Массон, 1976. С. 4–5. Рис 5), почти совпадают.

Несколько иначе обстоит дело с соотношением стратиграфических и строительных горизонтов на холме «жилого квартала». Здесь, учитывая III и VI стратиграфические горизонты с не попавшими в пределы разреза строениями, выделяется семь строительных горизонтов, и, кроме того, VIII, в силу соображений, изложенных выше. Результаты стратиграфических исследований обоих холмов в равной степени позволяют утверждать, что сооружению первых строений на этом участке предшествовал длительный промежуток времени, когда территория будущей улицы, видимо, использовалась для добычи грунта, применявшегося для строительных целей.

Стратиграфия уличных напластований. В культурных напластованиях улицы «Магистральной» собственно уличные слои начинаются не ранее начала IX яруса, в котором отчетливо прослеживается первый уровень мостовой. Ниже его зафиксированы (только на западо-юго-западном разрезе) остатки двух стен на расстоянии двенадцатого–тринадцатого и восемнадцатого–девятнадцатого метров от точки отсчета, дистанция между ними около 5 м. В 1,2 м к северо-северо-западу от стены, прослеженной на восемнадцатом–девятнадцатом метрах, обнаружена очажная яма диаметром 0,50 м и глубиной 0,30 м. Пространство между очагом и стеной заполнено сильно прокаленной глиной. Это обстоятельство, возможно, свидетельствует о том, что на данном участке существовало помещение. Однако это не подтверждается наличием четко выраженных полов. Тем не менее, остатки стен и очага не оставляют сомнений в том, что и в VII стратиграфическом горизонте улицы здесь не было. Итак, первый уровень мостовой, перекрывая забутованное битым сырцом пространство между стенами, начинался на границе VIII и IX ярусов и, постепенно понижаясь в сторону

холма «жилого квартала», прослеживался на глубине 4,10–4,20 м в начале IX яруса (рис. 3). Следующий, второй уровень мостовой лежит на однородной забутовке битого сырца в середине VIII яруса. На ней зафиксирована двухрядная вымостка из квадратных сырцовых кирпичей различного формата, лежавших по всей ширине улицы. Непосредственно над верхним рядом кирпичей прослежен третий уровень мостовой (VII ярус), на котором также уложена вымостка из одного ряда кирпичей. Располагавшийся выше четвертый уровень мостовой покоится на забутовке битого сырца, перекрывавшей кирпичную вымостку. Он начинается в VI ярусе и, понижаясь до начала VII яруса, прослеживается близ стен «жилого холма». Пятый уровень мостовой, выровненный с помощью забутовки битым сырцом, зафиксирован, в основном, в начале VI яруса и слегка повышается в V ярус над частью кладки, отвалившейся от фасадной стены холма «жилого квартала». Шестой уровень мостовой, большей частью располагаясь в V ярусе, также повышается в сторону холма «жилого квартала» до границы IV–V ярусов. Последний, седьмой уровень мостовой отчетливо зафиксирован только близ стены «дворцового» холма в западо-юго-западном разрезе. О его существовании около холма «жилого квартала», возможно, свидетельствует прослойка зеленоватого гумуса, отмеченная в IV ярусе.

Четвертый–седьмой уровни мостовых прорезаны огромной ямой, не имевшей правильных контуров. Она начиналась на глубине 1,70–1,90 м и, постепенно сужаясь, опускалась до отметок 3,10–3,40 м. Ширина ее в IV ярусе — 6,70 м, в VII — только 0,80–1,50 м. В заполнении ямы, помимо зольных и гумусных прослоек, зафиксировано два мощных мусорных слоя, различающихся по плотности. Сверху лежит рыхлый мусорный слой с включениями керамики, костей животных, обломков сырцовых кирпичей и остатков органики (сено, колючка?). Ниже отмечен более плотный слой почти с теми же включениями, но без органики. Характер заполнения ямы, наряду с застройкой уличного пространства к северо-северо-востоку от нее, где в настоящее время наблюдается «перемычка» между обоими холмами, позволяет предполагать, что появление ямы, скорее всего, связано с добычей грунта для строительных или хозяйственных целей. Судя по двум мощным мусорным слоям, содержащим обильный керамический материал, яма после выборки грунта использовалась в качестве места свалки. Не исключено, что после того, как яма была заполнена, над ней положили вымостку из фрагментов керамики, которые видны в разрезе, однако полной уверенности в этом нет.

Исследования культурных напластований улицы дают основания утверждать, что на уровне III строительного горизонта «дворцового» холма и IV горизонта холма «жилого квартала» ширина ее достигла максимальных размеров — 12 м (седьмой уровень мостовой). Ниже, на уровне IV и VI строительных горизонтов обоих холмов (четвертый–шестой уровни мостовых), ширина улицы колеблется в пределах 11,20–11,60 м. Какой была ширина улицы в период существования первого–третьего уровней мостовых можно только предполагать. Если судить по попавшей в границы разреза части, то не менее 8,20 м, но, скорее всего, несколько больше, учитывая строительную традицию возведения стен на одном и том же месте, иногда со смещением, которое, видимо, здесь и следует предполагать.

Обращает на себя внимание и то, что в период существования первого—третьего уровней мостовых заполнения между ними однородно либо состоит из вымосток сырцового кирпича, что указывает на заботу городской администрации о состоянии улицы. Выше, на четвертом—седьмом уровнях мостовых в заполнении между ними появляются зольные и гумусные прослойки, хотя и не очень значительные по толщине. Культурные напластования улицы «Магистральной» дают веские основания для синхронизации построек на обоих холмах.

Раскоп 6 заложен с целью изучения внутригородской жилой застройки финального периода существования города. Для раскопок выбран выделяющийся в микрорельефе холм, расположенный в юго-юго-восточной четверти городища (рис. 2). Холм неправильных очертаний имеет вытянутую в плане форму и ориентирован длинной осью по линии ВСВ—ЗЮЗ. Длина его 190 м, ширина на разных участках колеблется от 60 до 80 м. Восточно-северо-восточная оконечность холма вплотную примыкает к восточно-северо-восточному фасу оборонительной стены. Как показали раскопки этого участка, между оборонительной стеной и постройками квартала располагался переулочек. Юго-юго-восточный край холма, постепенно понижаясь на три, местами на четыре метра, выходит на участок городища шириной 40–50 м, расположенный вдоль юго-юго-восточного фаса оборонительной стены. Часть этого участка, видимо, служила улицей, идущей от городских ворот, располагавшихся близ мини-ци-тадели. Западно-юго-западная оконечность холма, по всей вероятности, выходила на улицу, идущую от центральной (?) площади на юго-юго-восток. Северо-северо-западный край холма тоже ограничен улицей, что получило подтверждение вышеописанными исследованиями на раскопе 9. Однако в период обживания жилого квартала в I, II и, возможно, III строительных горизонтах улица «Магистральная», судя по уже упоминавшейся «перемычке» и огромной яме, использовалась лишь частично. Таким образом, микрорельеф городища предполагает ограничение холма «жилого квартала» со всех сторон улицами и переулком.

На обширной площади холма (3700 кв. м) в основном раскопаны два верхних строительных горизонта (I и II, считая сверху). На некоторых участках квартала раскопками затронуты остатки III и IV строительных горизонтов. Постройки верхнего (I) строительного горизонта возведены на забутованных остатках нижнего (II). При этом строители старались, как правило, использовать стены II строительного горизонта в качестве фундаментов, надстраивая их, но в ряде случаев, следуя иному замыслу планировки жилища, возводили новые стены во внутренних пространствах старых помещений и дворов. Если сопоставить условные высотные отметки в пределах раскопа, то разница около 0,50 м между репером 16 в помещении 59 (9,70 м) и высотной отметкой поверхности на улице «Внутриквартальной» к северо-северо-западу от помещения 1 (10,20 м) будет красноречиво свидетельствовать о степени сохранности верхнего строительного горизонта, высота стен которого в лучшем случае достигает 0,50–0,60 м. На оплывших краях холма (отметка 9 м) стены II горизонта почти не сохранились. Следовательно, общие тенденции и закономерности застройки квартала можно наметить лишь по остаткам построек нижнего (II) строительного периода (рис. 4).

Рис. 4. Зартепа. Р-6. План жилого квартала во II строительном горизонте

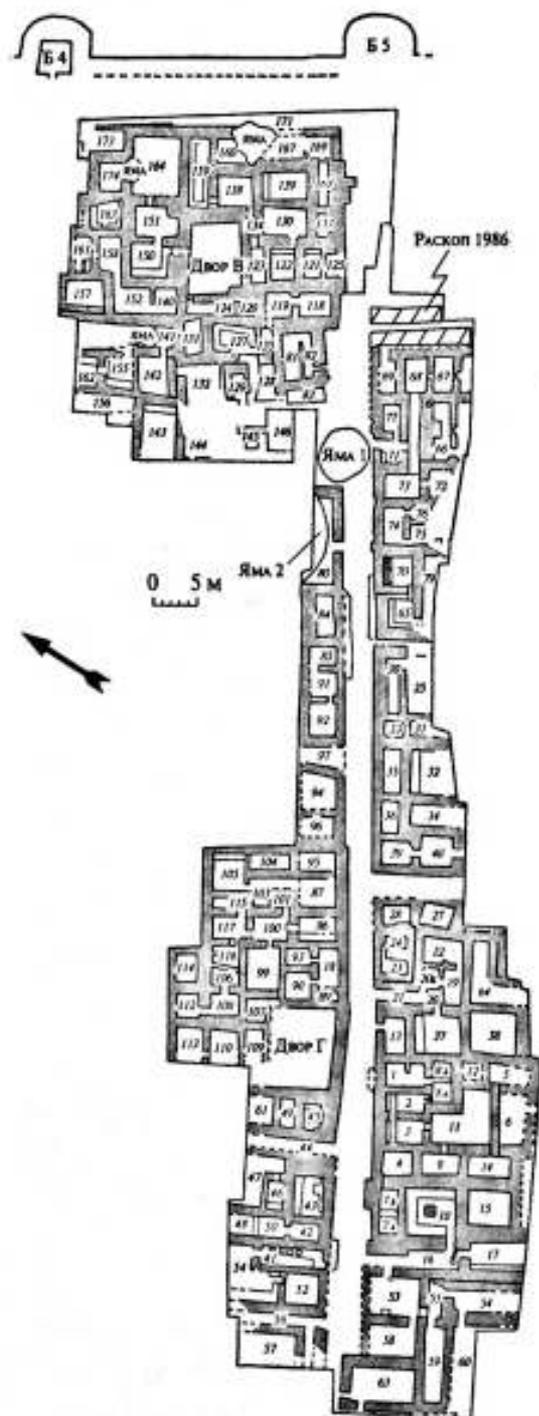

Рис. 5. Заргена. Р-6. План жилого квартала в I строительном горизонте

Методика раскопок предусматривала исследование культурных напластований в помещениях с помощью разрезов, фиксацию находок на полах и в заполнении между ними, разборку стен I горизонта и расчистку кладок стен из сырцовых кирпичей. Перечисленные методические приемы дали возможность для некоторых обобщений, касающихся функционального анализа помещений и соотношения построек I и II строительных горизонтов (рис. 4, 5).

С 1975 по 1986 г. в пределах квартала на II уровне строительного горизонта полностью или частично было исследовано 124 помещения и четыре внутренних двора («А» — «Г»), расположенных по обеим сторонам улицы «Внутриквартальной», которая разделила квартал по длинной оси на две неравные части. Ширина улицы колеблется на разных участках от 2,60 до 4,60 м. Длина ее по линии ССВ–ЗЮЗ составляет не менее 130 м. В процессе раскопок 1986 г. выяснено, что улица поворачивает под прямым углом в юго-юго-восточном направлении сразу же за помещениями 67–69 и выходит, по-видимому, на другую улицу, расположенную между мини-цитаделью (раскоп 7) и холмом «жилого квартала» (рис. 2, 4). В пользу данного предположения свидетельствуют и раскопки помещения 170 (III строительный горизонт), расположенного к юго-юго-востоку от помещений 121/122, 133, 168. Само по себе наличие помещения 170, находящегося в створе улицы «Внутриквартальной», указывает на то, что последняя поворачивает на 90°. Следовательно, общая длина улицы составляла не менее 145–148 м.

Квартал по обе стороны улицы застроен примыкавшими друг к другу домовладениями. Выделение отдельных жилищ затруднено их плохой сохранностью, а также недостаточной изученностью жилой застройки кварталов в городах Бактрии-Тохаристана. Эти факторы обусловили предположительность выводов. Тем не менее, наличие как минимум четырех двориков, окруженных связанными системой проходов помещениями, позволяет выделить по крайней мере четыре домовладения, обозначенные литерами («А», «Б», «В», «Г»). Еще два домовладения — «Д» и «Е» — выделены предположительно по косвенным данным.

К домовладению «А» (рис. 4–6) относятся 22 полностью или частично сохранившихся помещения и двор, расположенные к юго-юго-востоку от улицы, на юго-юго-западном краю квартала (пом. 1–5, 7–10, 12, 14–17, 53–55, 58–60, 62, 63 и 11/6 или двор «А»). Система проходов связывала группу примыкавших ко двору помещений 1–5, 7–9, 14–15. В помещении 7 находился выход на улицу. Другая — западо-юго-западная группа комнат состояла из помещений 10, 16–17, 53–55, 58–60, сообщавшихся с улицей отдельным входом через коридорообразное помещение 16. Обособленное положение занимают помещение 63, имевшее выход на улицу, и построенное внутри него помещение 62. Они связаны проходом между собой и с каким-то несохранившимся на краю холма помещением.

С востоко-северо-востока домовладение «А» ограничено глухой стеной, располагавшейся между помещениями 1, 8, 12, 5 и помещениями 13, 37, 38 (рис. 6). Проход, ведущий в юго-юго-восточном направлении из двора «А», и наличие остатков стен к юго-юго-востоку от помещений 14, 15, 17 позволяют предположить, что на краю холма располагались несохранившиеся помещения этого домовладения. Не исключено, что и к юго-юго-западу от помещений 59, 60, 63 также располагался ряд комнат.

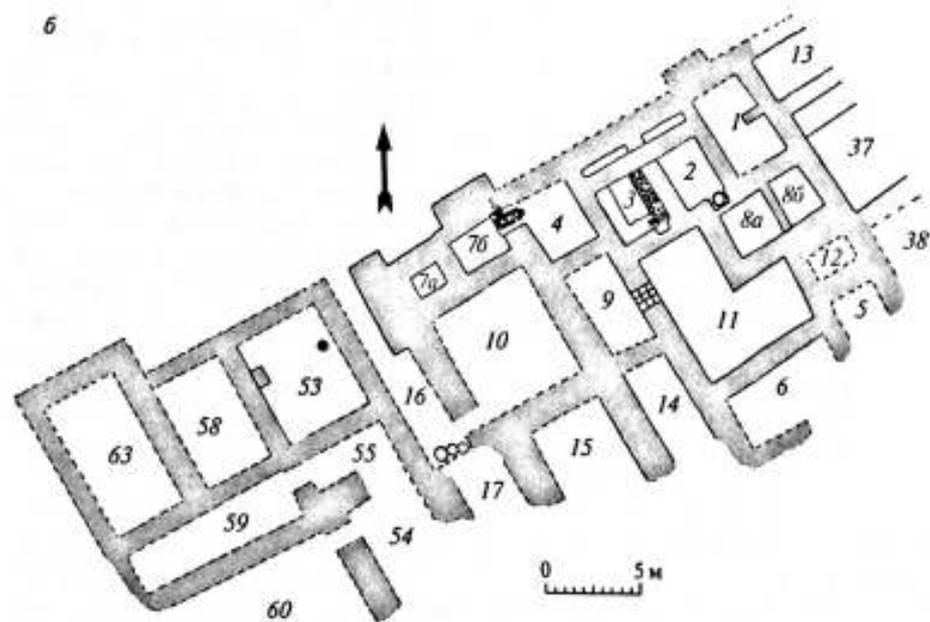
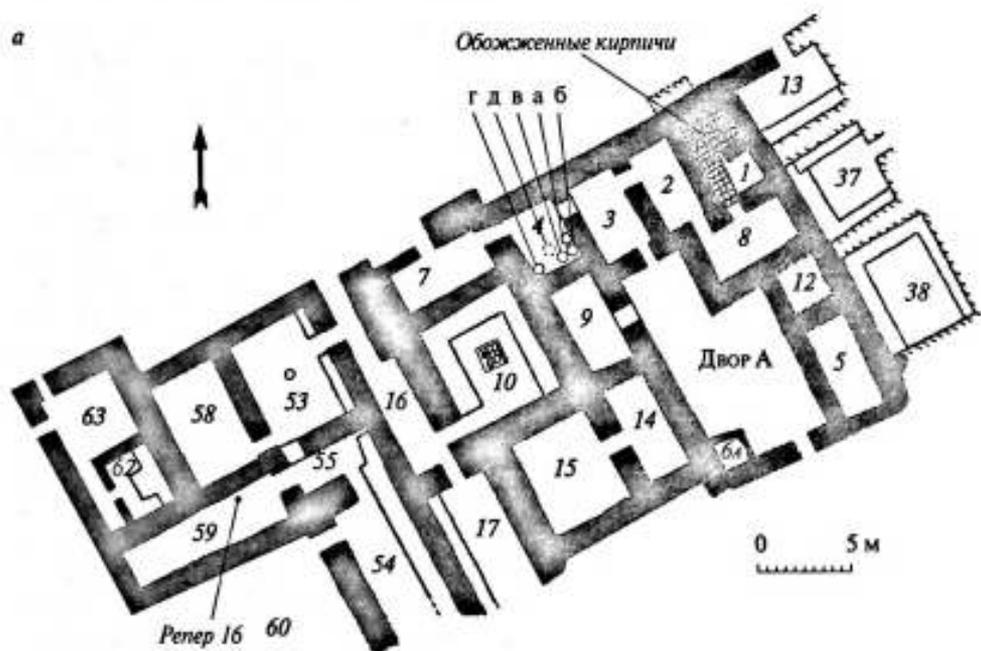

Рис. 6. Зартепа. Р-6. План домовладения «А»: а — II горизонт; б — I горизонт

Рис. 7. Зартепа. Р-6, домовладение «А», пом. 1. Вымостка 3-го пола. Вид с СЗ

Таблица I

Распределение помещений в домовладении «А» по горизонтам¹

Горизонты и полы	Помещения									
	1–5, 9–12, 14–15	6	7а,б	7	8а,б	8	11	17, 53	54–55, 58–60, 62, 63	Двор «А»
I/1	+	+	+		+		+	?	?	6, 11
I/2	+	+		+		+	+	+	?	6, 11
II/1	+			+		+		+	+	+

При описании помещений домовладения «А» рассматриваются лишь те из них, в которых выявлены кардинальные перестройки, указывающие на соотношение I и II строительных горизонтов, а также те, функциональное назначение которых предоставляет информацию для характеристики домохозяйства в целом.

Помещение 1 (4,75 × 3 м) расположено в северном углу домовладения. Оно разделено на два открытых отсека стеной, построенной вперевязку с востоково-северо-восточной стеной помещения и выступающей внутрь его на 1,25 м (рис. 6, 7). В помещении зафиксировано три уровня полов, нижний из них на глубине 0,95–1 м. Пол вымощен обожженным кирпичом, покрывавшим все

¹ Здесь и далее римскими цифрами обозначены строительные горизонты, а арабскими — уровни полов. Вопросительный знак поставлен там, где предполагается наличие несохранившихся полов.

пространство северо-северо-западного отсека и почти половину юго-юго-восточного отсека до прохода в соседнее помещение 8. В проходе лежали еще два кирпича. Кирпичи стандартного размера ($28 \times 28 \times 4,50$ см) были уложены на алебастровый раствор. В западном углу помещения поверх вымостки лежали два прямоугольных обожженных кирпича размерами $56 \times 28 \times 4,50$ см. Наличие вымостки на алебастровом растворе позволяет предполагать, что на уровне третьего пола помещение, возможно, использовалось в качестве бани. На уровне второго (отметка 0,60 м) и первого (отметка 0,25–0,30 м) невымощенных полов помещение, очевидно, уже не используется как баня, однако оно по-прежнему разделено на отсеки.

К юго-юго-востоку от помещения 1 расположено прямоугольное помещение 8 ($5 \times 2,50$ м), в котором также зафиксировано три уровня полов, соответствовавших полам помещения 1. Если предположение о функции помещения 1 верно, то на уровне самого нижнего пола помещение 8 могло использоваться в качестве предбанника. На протяжении всех трех этапов обживания помещения 8 и 1 были связаны проходом шириной 0,80 м. Чуть выше уровня первого пола во внутреннем пространстве помещения 8 возведена из сырцового кирпича размером $34 \times 34 \times 10$ –11 см узкая стена, разделившая его на две небольшие комнаты 8а и 8б, частично встроенная в проход (рис. 4–6).

К северо-западу от помещения 8 и к юго-юго-западу от помещения 1 располагалось помещение 2 ($4,50 \times 2,75$ м), связанное проходом шириной 0,90 м с помещением 8 по уровню третьего пола. На уровне второго пола (отметка 0,60 м) проход переделан в нишу, оштукатуренную в шесть приемов саманной штукатуркой, достигающей толщины 3–4 см. Внутри ниши установлен хум (рис. 6б), использование которого могло продолжаться и на уровне первого пола. По уровню третьего пола помещение 2 сообщалось еще одним проходом также шириной 0,90 м с расположенным к западо-юго-западу помещением 3 (рис. 6а).

В помещении 3 ($4,50 \times 2,80$ м) наблюдалась сходная ситуация, проявляющаяся в том, что в проходе, ведущем во двор, на уровне второго пола устроена оштукатуренная ниша. Кроме того, вдоль трех стен помещения возведена П-образная суфа шириной 0,75 и высотой 0,20 м, ее вертикальные стенки оштукатурены. Поверхность суфы вдоль востоко-северо-восточной и отчасти юго-юго-восточной стен помещения, по-видимому при забутовке под уровень первого пола, выложена фрагментами хумов, часть которых поставлена вертикально близ западо-юго-западной стены, как бы облицовывая ее (рис. 4–6, 8).

На уровне второго пола помещений 2 и 3 в проход между ними встраивается стена (рис. 4–6), толщина которой соответствует ширине прохода. Востоко-северо-восточный торец стены примыкает к стене помещения 2, тогда как ее западо-юго-западный торец встроен в проход между помещениями 3 и 4 на уровне порога и перекрывающего его второго пола (глубина 0,55–0,60 м).

К западо-юго-западу от помещения 3 расположено помещение 4 ($3,50 \times 3$ м). На уровне третьего пола (отметка 0,90–0,95 м) вдоль его юго-юго-восточной стены в два ряда установлены пять хумов «А» — «Д», от которых сохранились примерно на $1/3$ – $1/4$ высоты только придонные части, слегка заглубленные под уровень пола (рис. 6а). Следует отметить, что хумы при подсыпке для второго

Рис. 8. Зартепа. Р-6, домовладение «А», пом. 3. Фрагменты стенок сосудов на суфе. Вид с ССЗ

уровня пола, видимо, были намеренно оббиты и оставлены в качестве забутовочного материала под этим полом. Наличие хумов указывает на хозяйственную функцию помещения, возможно, использовавшегося как хранилище на первом этапе обживания.

Помещение 4 связано проходом шириной 0,85 м с расположенным к северо-западу от него помещением 7 (5 × 2,50 м). На уровне второго пола этот проход преобразуется в хозяйственный отсек (рис. 4–6). В 10 см от северо-северо-западной щеки прохода установлено прямоугольное в плане (1,20 × 0,54 м) сооружение (рис. 9 а, б). Его стенки сложены из поставленных на ребро обожженных кирпичей (30–28 × 30–28 × 6–5 см). Дно отсека выложено двумя рядами таких же кирпичей. Внутри он промазан гипсовым раствором. У наружной грани северо-северо-западной стенки отсека, около его дна, обнаружен кубур диаметром 14 см. Кубур углублен в стену, отделяющую проход от улицы, на 0,56 см. У стенки отсека кубур покоится на обожженном кирпиче, на краях которого стояли поставленные на ребро половинки такого же кирпича, чтобы защитить стенки кубура. По-видимому, кубур и хозяйственный отсек первоначально составляли одно сооружение, предназначенное для отвода какого-то содержимого на улицу, но поскольку внутри отсека не обнаружено отверстия для кубура, можно предположить, что впоследствии отсек был реконструирован или изначальная идея не была реализована. Не исключено, что сооружение использовалось в качестве зернохранилища.

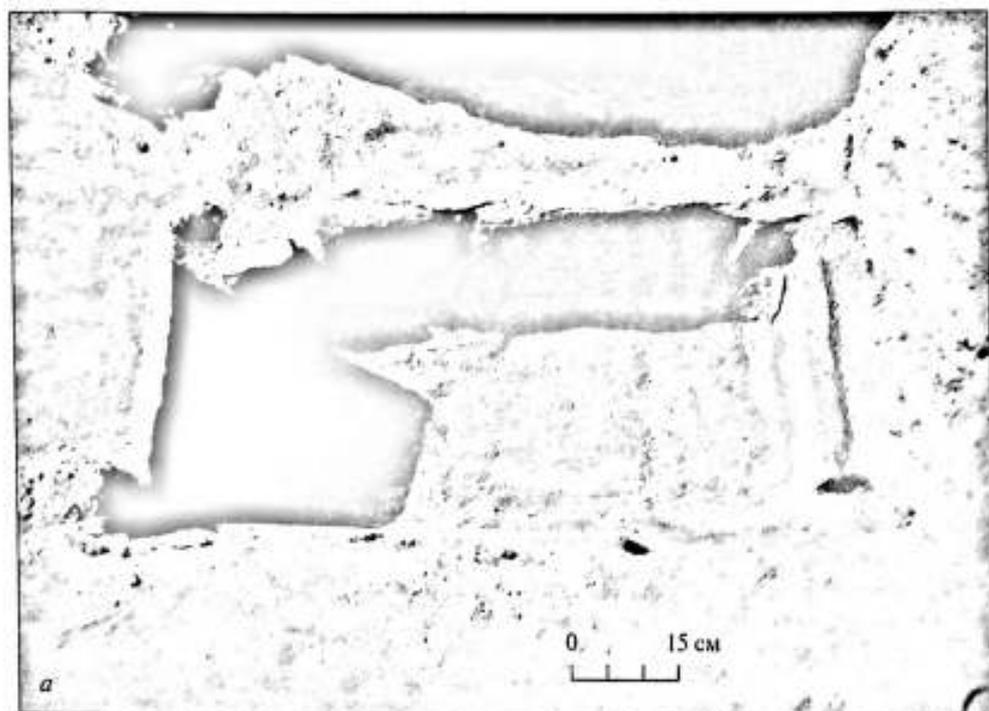

Рис. 9. Зартена. Р-6, домовладение «А». Хозяйственный отсек в проходе из пом. 3 в пом. 4:
а — вид с ВЮВ; б — вид с СЗ

Внутреннее пространство помещения 7 на уровне второго пола полностью забутовано регулярной кладкой сырцового кирпича ($34 \times 34 \times 10\text{--}11$ см). На уровне первого пола (отметка 0,20 м), лежащего на кирпичной забутовке, помещение разделено на два небольших плохо сохранившихся помещения 7а и 7б. Разделяющая их стена одним концом встроена в проход шириной 1 м, ведущий на улицу (рис. 4–6).

Двор «А» общей площадью 66 кв. м существовал только во II строительном горизонте. В I горизонте он был разделен на два помещения 11 и 6 (рис. 4–6). Стена, разделявшая помещения, была встроена одним торцом в проход, соединявший двор с помещением 5, а другим — в проход, ведущий в помещение 14. Ширина стены и проходов — 0,80–0,85 м, их сохранившаяся высота — 0,45–0,50 м. Под стеной находилось типично дворовое заполнение, характеризующееся обилием зольных, мусорных и гумусных прослоек зеленоватого оттенка. В южном углу двора на нижнем уровне возведено небольшое вспомогательное помещение 6а ($1,25 \times 1,25$ м). Его стены шириной 0,40–0,45 м из кирпичей ($35 \times 35 \times 10\text{--}11$ см) сохранились в высоту на 0,30 м. Пол, верх, внутренние и наружные грани стен, пристроенных к основным стенам двора, тщательно обмазаны саманной штукатуркой в три слоя. В востоко-северо-восточной стене помещения 6а постройки устроена ниша глубиной не более 15 см и шириной 0,75 м (рис. 6а). Функциональное назначение этого сооружения осталось неясным.

Вдоль востоко-северо-восточной стены двора располагались две суфы: одна шириной 0,50 м пристроена к помещению 12, другая шириной 0,35 м — к помещению 5. В юго-юго-восточной стене двора обнаружен проход шириной 1 м, ведущий к несохранившейся фасадной части жилища.

Незначительные перестройки были отмечены в помещениях 15 и 53 (рис. 4–6). В помещении 15 ($5,25 \times 4,30\text{--}4,50$ м) близ его северо-северо-западной стены зафиксировано три уровня полов, соответствующих полам вышеописанных помещений. Ближе к юго-юго-восточной стене помещения первый и, частично, второй уровни полов не сохранились. Третий пол залегал на отметке 0,95–0,98 м. На уровне второго пола (отметка 0,60 м) перестройке подверглась востоко-северо-восточная стена помещения, отделявшая его от соседнего помещения 14. Первоначально толщина стены составляла 1,20 м, а после ремонта — 1,75 м, при этом кирпичами был заложен и проход, соединявший оба помещения. Под третьим уровнем пола обнаружена кладка сырцового кирпича, лежавшая по всей площади помещения на «чистом», без примесей культурного слоя песке. Представляет также интерес находка на уровне первого пола почти в центре помещения коринфизированной капители из белого известняка (рис. 10), повернутой своей верхней гранью к полу (Массон, 1976. Рис. 3).

В прямоугольном помещении 53 ($6,75 \times 4$ м), расположенном к западо-юго-западу от помещения 16, выявлены следующие признаки существования его в I строительном горизонте: 1) оштукатуренный выступ, пристроенный к западо-юго-западной стене и возведенный на уровне первого пола (отметка 0,55–0,60 м); 2) почти в проходе, ведущем в помещение 16, обнаружен хум, использовавшийся, видимо, обитателями в период существования верхнего несохранившегося уровня пола. Остальные помещения западо-юго-западной группы обживались

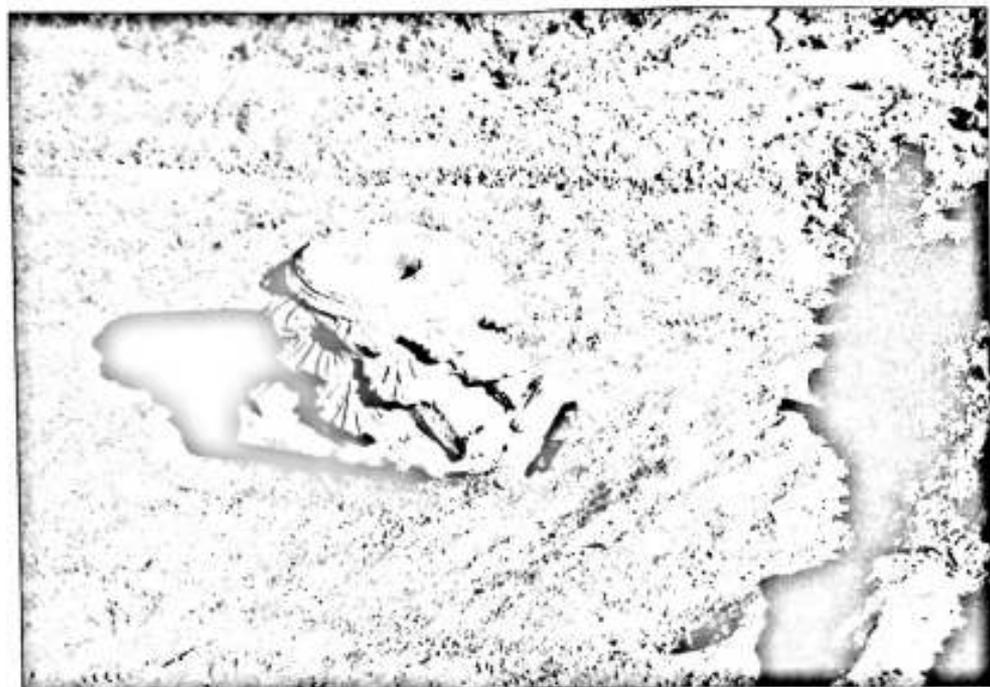

Рис. 10. Зартела. Р-6, домовладение «А», пом. 15. Капитель на 1-м полу. Вид с СЗ

без перестроек, во всяком случае, на двух уровнях полов, зафиксированных внутри них.

Как показано выше, в верхнем строительном горизонте домовладение «А» было перестроено, на что указывает в первую очередь изменение функций двора, а также некоторых помещений и закладка большинства проходов, часть которых превращена в ниши. Перепланировка осуществлена в основном на уровне вторых полов помещений (отметка 0,50–0,60 м), за исключением помещений 7 и 8, во внутреннем пространстве которых возведены поперечные стены на уровне первого пола или чуть выше него.

Следует отметить, что домовладение существовало во II строительном горизонте какой-то промежуток времени на уровне вторых полов, о чем свидетельствуют саманные промазки полов и проходов, прежде чем последние были заложены. Это обстоятельство указывает на сложный процесс формирования культурных напластований внутри помещений. В данном случае лишь материал, найденный в промазках вторых полов, может достоверно относиться ко II строительному горизонту, тогда как находки на верхней промазке этого пола могут связываться с интенсивной строительной деятельностью при перепланировке домовладения. В ходе перестройки могли быть разобраны пороги и пристройки, что также затрудняет трактовку планировочной схемы. Стратиграфические наблюдения на всей площади здания, касающиеся его перепланировки на втором уровне полов, видимо, могут служить дополнительным аргументом в пользу отнесения всех вышеперечисленных помещений к данному домовла-

дению, во всяком случае, во II строительном горизонте. В некоторых помещениях трудно установить, с помощью чего поднимался уровень пола. Судя по характеру зафиксированного в них заполнения, можно полагать, что забутовка носила целенаправленный характер и производилась специально принесенным грунтом. Из этого вытекает несколько выводов, на которых придется заострить внимание ниже.

В заключение необходимо отметить, что западо-юго-западная группа помещений (16–17, 53–55, 58–60 и, возможно, 62, 63), за исключением помещения 15, по тщательности отделки стен, деталям интерьера и площади большинства из них отличается от помещений, сгруппированных вокруг двора. Это позволяет предполагать, что данное домовладение делилось на парадно-жилую и подсобно-хозяйственную части. Косвенно на это может указывать соседство западо-юго-западной группы помещений с помещением 10 (рис. 11), интерпретированным ранее (Завьялов, 1979а. С. 143) как домашнее или квартальное святилище.

Домовладение «Б» (рис. 4, 5, 12) расположено в востоко-северо-восточной части квартала и состояло из двора «Б» и четырнадцати полностью или частично сохранившихся помещений, связанных проходами в следующие группы: 65, 70, 79; 72–73; 74–76; 71, 77; 67–69. Кроме того, на краю холма намечены остатки еще не менее чем трех помещений, одно из которых находилось к юго-юго-востоку от помещения 67, второе — к юго-юго-востоку от помещения 72 и третье — к юго-юго-востоку от помещений 75–76. Двор расположен в востоко-северо-восточной части жилища и отделен от Г-образного поворота улицы «Внутриквартальной» одним рядом помещений. Юго-юго-восточная стена двора, находившаяся на краю холма, не сохранилась, вследствие чего трудно судить о его площади (исследованная часть составляет 56 кв. м). В I строительном

Рис. 11. Зартепя. Р-6, домовладение «А». Пом. 4, 7, 10 в процессе раскопок. Вид с С

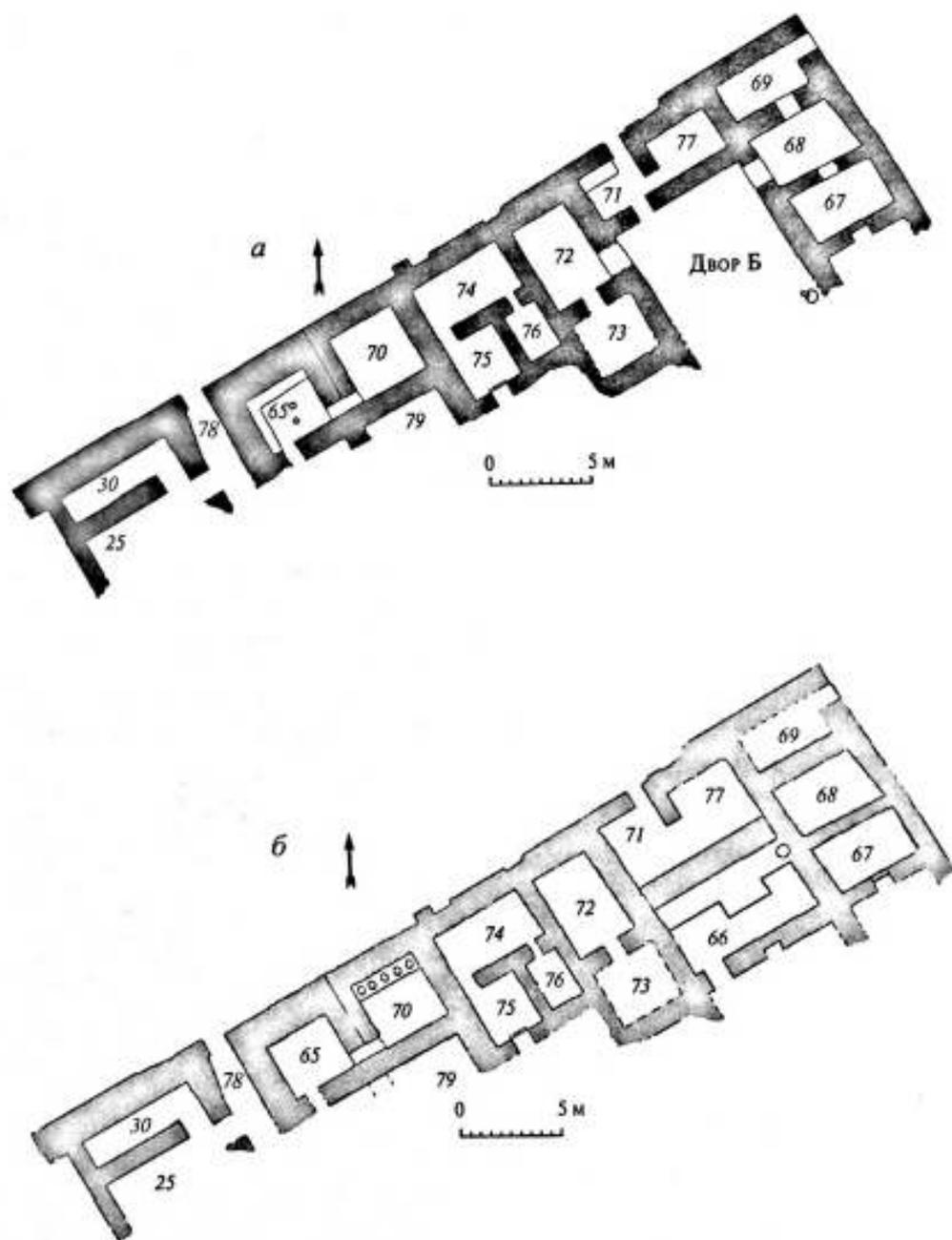

Рис. 12. Зартепа. Р-6. План домовладения «Б»:
а — II горизонт, б — I горизонт

горизонте двор утрачивает свое значение, в его внутреннем пространстве возводится помещение 66, что напоминает перестройку двора «А». Следует отметить, что оба торца северо-северо-западной стены помещения 66 встроены в проходы, ведущие в помещения 68 и 73, расположенные, соответственно, к востоку-северо-востоку и западо-юго-западу от двора «Б».

Таблица II

Распределение помещений в домовладении «Б» по горизонтам

Горизонты и полы	Помещения					
	65, 67–73, 75–78	66	79	25–30	74	Двор «Б»
I/1	+	+	?	+	+	66
I/2	+	+	?	+	+	66
II/1	+		+	+	+	+
II/2					+	

В помещении 66 (7,50 × 3,40 м) (рис. 5, 126) зафиксировано два пола: отметка нижнего 0,40 м; верхнего — 0,05–0,10 м. На уровне второго пола вдоль северо-северо-западной стены помещения возведена T-образная суфа, использовавшаяся также и в период обживания верхнего пола. Горизонтальная и вертикальная грани суфы оштукатурены саманной штукатуркой, поверх которой нанесена белая ганчевая обмазка (для уровня второго пола отмечено 12 промазок). Этой чертой интерьера помещение 66 напоминает помещение 62 в домовладении «А». На какие-то особые функции помещений с T-образными суфами, возможно, указывают небольшой алтарь из белого известняка, обнаруженный в западном углу помещения, и керамическая курильница, найденная близ суфы на уровне того же второго пола в северном углу комнаты. В этом же углу помещения был установлен хум, сохранившийся на половину своей высоты. Хум прорезал поверхность суфы и был чуть заглублен в востоко-северо-восточную стену. В южном углу помещения на уровне первого пола была устроена оштукатуренная ниша, углубленная в юго-юго-восточную стену на 0,50 м. Длина ниши (0,85 м) совпадает с шириной прохода, связывавшего помещение 66 по уровню второго пола с несохранившейся комнатой, расположенной к юго-юго-востоку от помещения 66. В пользу существования этой комнаты, помимо прохода, свидетельствуют два уровня пола, сохранившиеся на склоне холма лишь на очень ограниченном участке.

Под нижним из этих полов, в юго-восточной части двора «Б» обнаружен хум без дна с прочерченной на стенке свастикой. На венчике хума лежал фрагмент кубура (рис. 13а, б, в). Заполнение хума и пространства под ним, состоявшее из зеленоватого гумуса, указывает на то, что хум и кубур были конструктивной частью сооружения типа ташнау, предназначенного для отвода грязной воды (Анарбаев, 1981. С. 95–109).

Следы перестроек в верхнем строительном горизонте, кроме двора, были прослежены также в помещении 70 (3,40 × 3,20 м), где вдоль его северо-северо-

a

б

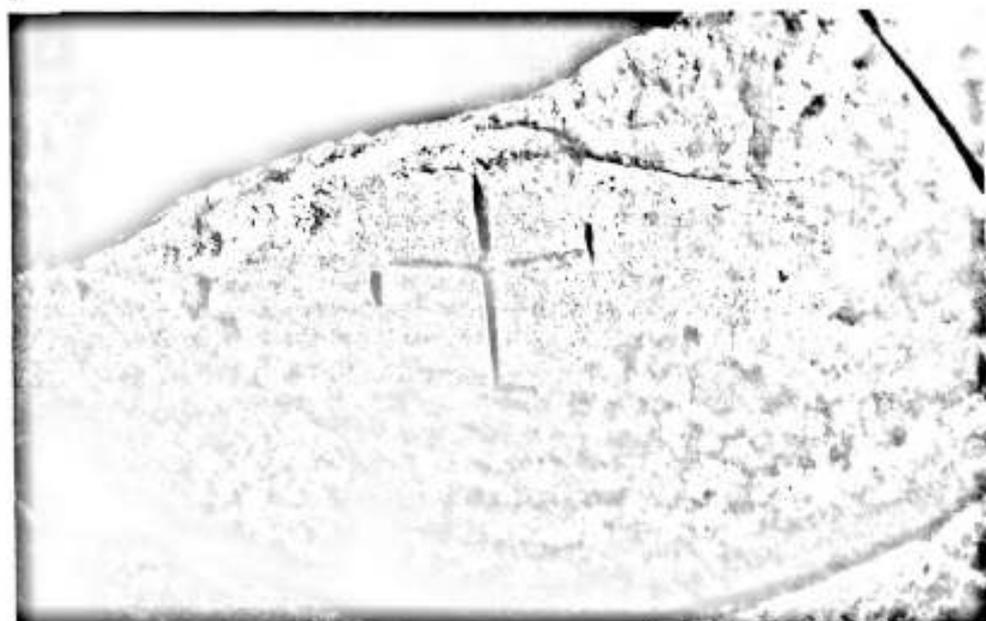

Рис. 13. Зартепа. Р-6, домовладение «Б». Хум с кубуром во дворе «Б»:
a — вид с юга; *б* — свастика на плечике хума (деталь)

западной стены на уровне первого пола возводится суфа, в которой были замурованы пять хумов, сохранившихся на 1/3 своей высоты (рис. 5, 126). К востоко-северо-восточной стене этого помещения в тот же период обживания пристроен еще один ряд кирпичей (35 × 35 × 11 см), тогда как остальная часть стены сложена из кирпича (34 × 34 × 11 см).

На уровне первого пола помещения 71 (2,60 × 2,30 м) вдоль его северо-северо-западной стены возведена суфа шириной 0,75 м, а во внутреннем пространстве соседнего помещения 77 построена стенка-перегородка шириной 0,40 м, высота которой не превышала 10 см. Доказательством изменения планировочного решения домовладения «Б» в строительном горизонте служит намеренная закладка проходов из помещений 67, 71, 73 в помещения 68, 73, 72, а также из помещения 75 в какую-то почти не сохранившуюся комнату, расположенную к юго-юго-востоку от него. В последнем случае после закладки прохода сырцовым кирпичом, вдоль дверного проема на уровне третьего пола были поставлены на ребро три обожженных кирпича размерами 30 × 30 × 5 см. Других заметных следов перестроек в границах жилища не обнаружено.

Лишь в помещении 74 (4,70 × 2,35 м) зафиксировано четыре уровня полов, тогда как в большинстве остальных, обживавшихся в обоих строительных горизонтах, наблюдалось обычно три уровня полов. Перепланировка жилища осуществлена по уровню первого пола (в помещении 74 на втором полу), что в совокупности с перестройками во дворе «Б» напоминает картину, наблюдающуюся в домовладении «А».

Планировочная схема домовладения «Б» во II строительном горизонте расположением двора с примыкающими к нему помещениями подсобно-хозяйственного назначения также напоминает схему домовладения «А». Помещения 67–69, 71–73, 77 связаны с двором «Б» системой проходов. Группа помещений 67–69, кроме двора, связана с улицей «Внутриквартальной» через помещение 69 (4,20 × 2,20 м), в востоко-северо-восточной стене которого в процессе раскопок 1986 г. был обнаружен проход, заложенный сырцовым кирпичом. Вход в дом с улицы был также открыт в помещении 71. Сложнее установить, каким образом соединялись между собой и другими помещениями домовладения группы помещений 65, 70, 79 и 74–76. Судя по направленности проходов на юго-юго-восток, можно предполагать, что в вышеупомянутые помещения проходили через несохранившиеся комнаты на краю холма. Сохранность архитектуры не позволяет утверждать, что домовладение «Б» подразделялось на подсобно-хозяйственную и парадно-жилую части, как домовладение «А». Лишь некоторые признаки могут свидетельствовать в пользу такого подразделения. Обращает на себя внимание то, что двор «Б» с примыкающими к нему помещениями расположен в востоко-северо-восточной половине домовладения, а в западо-юго-западной группе помещений наблюдалась лучшая степень отделки стен и наличие такой детали интерьера, как Г-образная суфа (пом. 65). Сравнение с домовладением «А» допускает включение в границы домовладения «Б» помещений 25, 30, 78, при условии, что западо-юго-западная группа помещений домовладения «А» была связана с улицей отдельным входом. Если это так, то западо-юго-западная граница домовладения «Б» должна проходить,

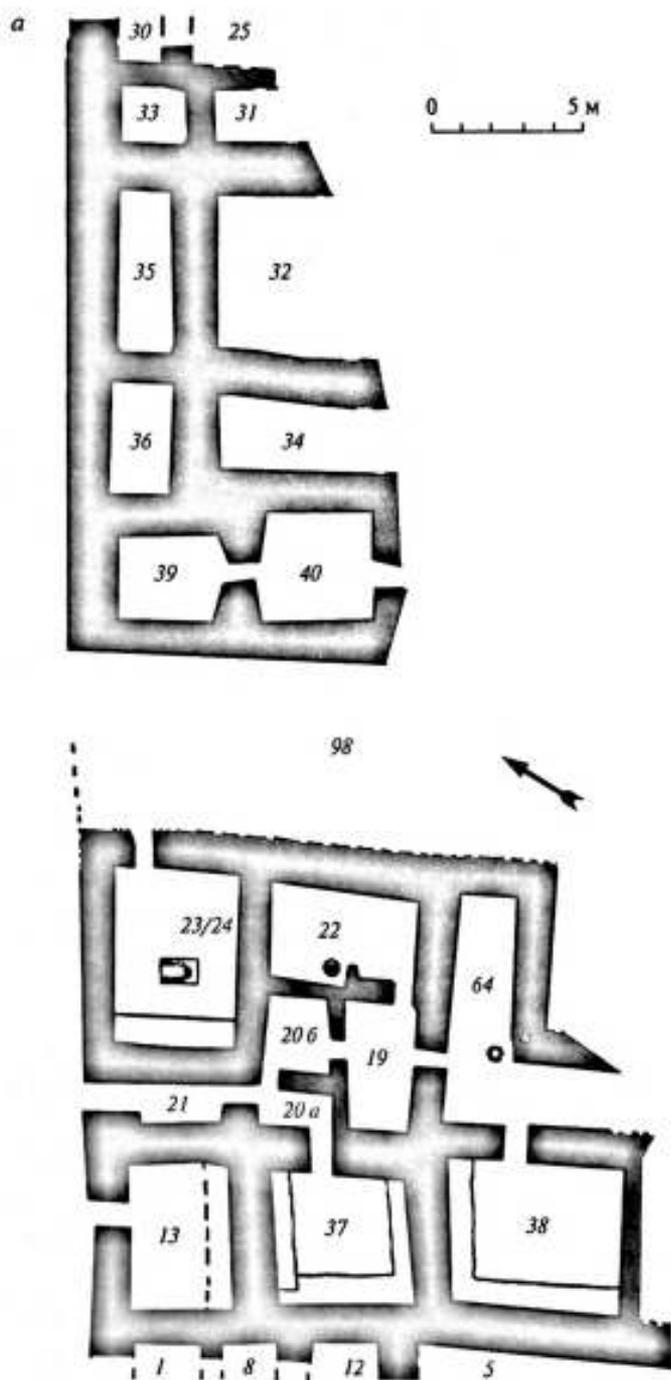
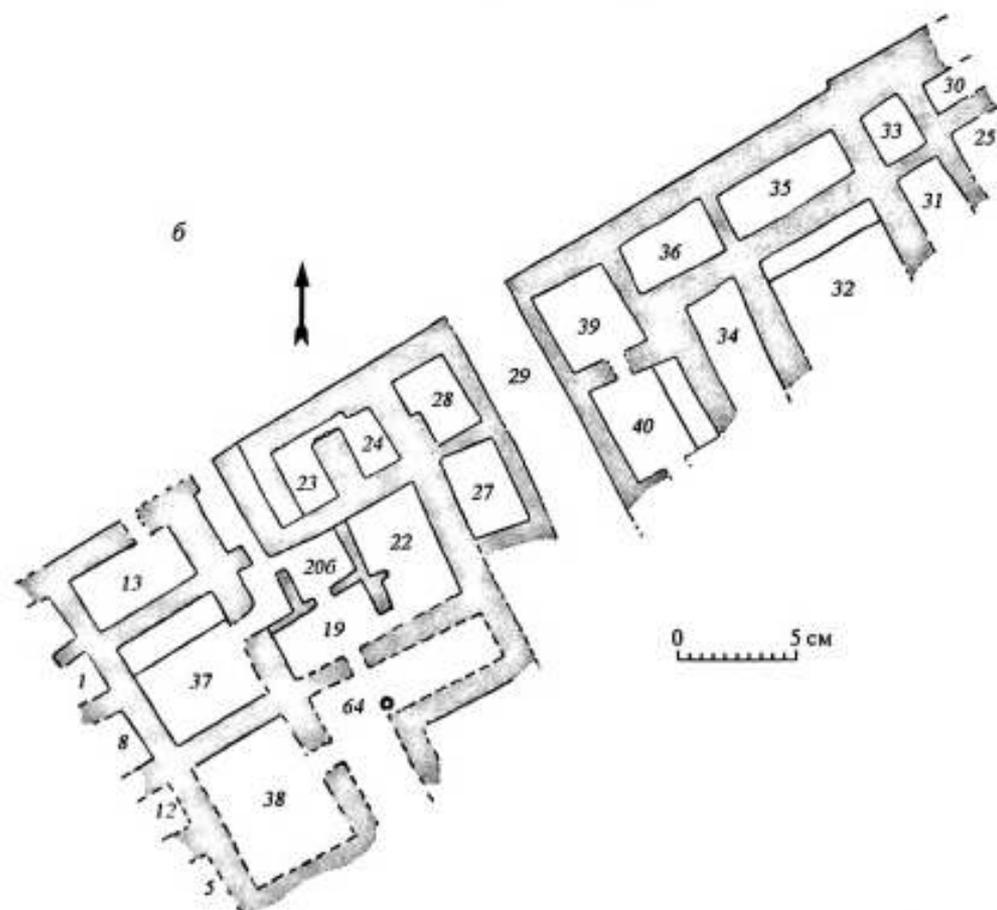

Рис. 14. Зартепа. Р-6. План домовладения «Д»: а — II горизонт; б — I горизонт

скорее всего, по стене верхнего строительного горизонта, отделяющей помещения 32, 35 от помещений 31, 33 и уходящей под их полы.

Между домовладениями «А» и «Б» расположено домовладение «Д», раскопки которого по II строительному горизонту не завершены (рис. 4, 5, 14а, б; Завьялов, 1979а. С. 141–143. Рис. 1). Была исследована только западо-юго-западная часть домовладения, состоявшая из функционировавших одновременно и связанных системой проходов помещений 13, 23/24, 21, 20а, 20б, 37, 19, 22, 64, 38, 98. Попасть внутрь дома со стороны улицы можно через небольшой коридорчик площадью 4,80 кв. м — помещение 21, имевшее выход на улицу с одной стороны и проход в помещение 20а — с другой. Помещение 20а, в свою очередь, связано проходом с помещением 37, внутри которого зафиксировано четыре уровня полов с суфами на каждом из них. На первом сверху полу суфа располагалась вдоль северо-северо-западной стены помещения, на втором — вдоль западо-юго-западной, на третьем — вдоль опять же северо-северо-западной и на четвертом — вдоль юго-юго-восточной. Здесь впервые был зафиксирован строительный прием, когда стена II горизонта использовалась в качестве суфы I горизонта. Это обстоятельство подтверждается следующими наблюдениями:

внутри помещения 13 (5 × 3,40 м), расположенного к северо-северо-западу от помещения 37, на уровне первого пола возводится стена из зеленоватого кирпича. Она сократила полезную площадь помещения 13, но увеличила площадь помещения 37 (4,75 × 3,75 м). Кроме того, горизонтальную поверхность прежней, разделявшей обе комнаты стены оштукатуривают и превращают эту стену в суфу помещения 37. Косвенно об этом свидетельствует и суфа третьего пола, пристроенная к стене-суфе. На всех уровнях полов стены и суфы помещения тщательно оштукатурены саманной штукатуркой, поверх которой нанесена тонкая белая гипсовая обмазка. Первоначальная площадь помещения — 19,10 кв. м — в процессе перестройки на первом уровне пола была увеличена до 24,70 кв. м, при этом, судя по тщательности отделки и интерьеру, функции помещения не изменились. Не исключено, что помещения 20а, 20б, 19 и 22 составляли одно большое помещение площадью 38,70 кв. м. На это указывают разделяющие их тонкие стены (от 0,40 до 0,70 м), пристроенные к основным. Однако данному предположению противоречит то, что стены-перегородки используются уже на уровне нижнего пола. Возведение таких перегородок, возможно, связано с конструктивной необходимостью поддержки перекрытия.

Вышеописанная группа помещений, в свою очередь, соединялась проходом с Г-образным помещением 64, через которое можно было попасть в помещение 38 (5,90 × 5 м) площадью 25,50 кв. м. В интерьере помещения 38 на уровне второго пола возводится Г-образная суфа. Во II строительном горизонте обживались и помещения 13, 23/24, 98. Они не соединены проходами друг с другом, а также изолированы от остальных вышеперечисленных помещений, но по месту в планировочной схеме их можно отнести к данному домовладению. Среди этих комнат обособленное положение занимает помещение 13, имевшее единственный выход шириной 0,75 м на улицу «Внутриквартальную». Как упоминалось выше, в I горизонте на уровне первого пола это помещение было перестроено, причем на суфе, возведенной на уровне второго пола и перекрытой уровнем первого пола, находится кладка стены, отделяющей его от помещения 37. Размеры помещения 13 в I строительном горизонте — 4,80 × 1,70 м, а во втором ширина его достигает 2,50 м. На уровне третьего пола проход из помещения 13 на улицу «Внутриквартальную» был облицован тремя обожженными, поставленными на ребро кирпичами (30 × 30 × 4,50–5 см), точно так же, как в помещении 75 домовладения «Б». Обособленное расположение помещения 13 и выход из него на улицу «Внутриквартальную» предполагают использование его в качестве лавки при домовладении «Д», что подтверждают и четыре бронзовые монеты, найденные на уровне второго пола (Распопова, 1990. С. 16).

Таблица III

Распределение помещений в домовладении «Д» по горизонтам

Горизонты и полы	Помещения											
	13	20а, 20б, 21	19	22	23/24	23, 24, 28, 29	27	37	38	31–36, 39–40	64	98
I/I	+	+	?	?	?	+	+	+	?	+	?	

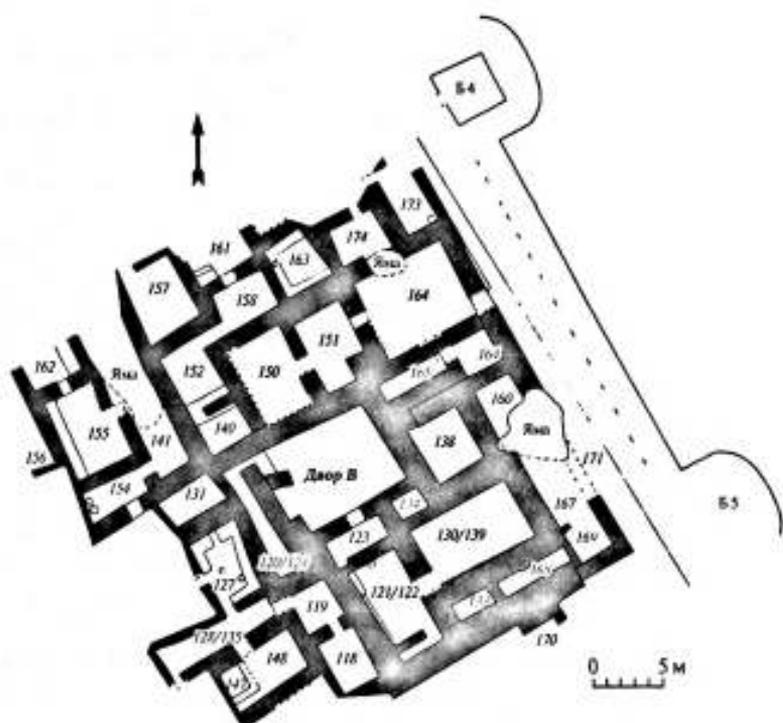
Горизонты и полы	Помещения											
	13	20а, 20б, 21	19	22	23/24	23, 24, 28, 29	27	37	38	31–36, 39–40	64	98
I/2	+	+	+	+	+		+	+	+	+	?	
I/3										+	?	
II/1	+	+	+	+	+			+	+		+	+
II/2			+	+	+			+	+		+	+
II/3					+						+	+

Соотношение построек I и II строительных горизонтов весьма наглядно демонстрируется перепланировкой помещения 23/24. Во II строительном горизонте оно достигало размеров 5,75 × 3,80 м. В его востоко-северо-восточной стене, почти в северном углу, обнаружен проход шириной 0,80 м, ведущий в помещение 98, расположенное к востоко-северо-востоку (рис. 14а). Внутри помещения зафиксировано три уровня полов. На самом верхнем из них вдоль западо-юго-западной стены возводится суфа и, кроме того, очаг на платформе из сырцовых кирпичей (35 × 35 × 11 см). Прямоугольная платформа (1,20 × 0,70 м) слегка заглублена под уровень пола. Она имеет П-образный бортик из целых обожженных кирпичей (28 × 28 × 5 см) и их фрагментов.

В I горизонте внутри помещения 23/24 возводятся стены помещений 23 (3,20 × 2 м) и 24 (2,80 × 2,20 м), сохранившиеся в высоту на 28 см. Они соединены друг с другом проходом шириной 0,50 м. Западо-юго-западная стена помещения 23 возведена на поверхности суфы помещения 23/24 по всей ее ширине (0,90 м). Стена, разделяющая помещения, расположена над вышеупомянутым очагом, оставленным для укрепления ее фундамента. Под северо-северо-западный торец стены с такой же целью были положены три обожженных кирпича, явно вынутые из П-образного бортика очага, где они отсутствуют. Северо-северо-западная стена обоих помещений почти совпадает со стеной II горизонта, лишь в помещении 24 к ее внутренней грани пристроен еще один ряд кирпичей, покрытых штукатуркой. Востоко-северо-восточная стена помещения 24 чуть смещена к северу относительно соответствующей стены II горизонта (рис. 14б).

К востоко-северо-востоку от помещений 23 и 24 располагалось помещение 28 (3,80 × 2 м) I горизонта, стены которого сохранились в высоту на 0,30 м. К юго-юго-востоку от него находилось помещение 27 (4 × 2,80 м), внутри которого отмечено два уровня полов. Под этими помещениями располагалось помещение 98, по-видимому Г-образное. Раскопана только юго-юго-восточная часть этой комнаты (8,80 × 4,40 м), частично расположенная под помещением 27, тогда как северо-северо-западная часть комнаты 98, уходившая под помещение 28, не исследована. Внутри помещения 98 выявлено три уровня полов, на самом нижнем из них близ востоко-северо-восточной стены обнаружена придонная часть хума. На дне его находится толстый слой гипса, в котором можно

а

б

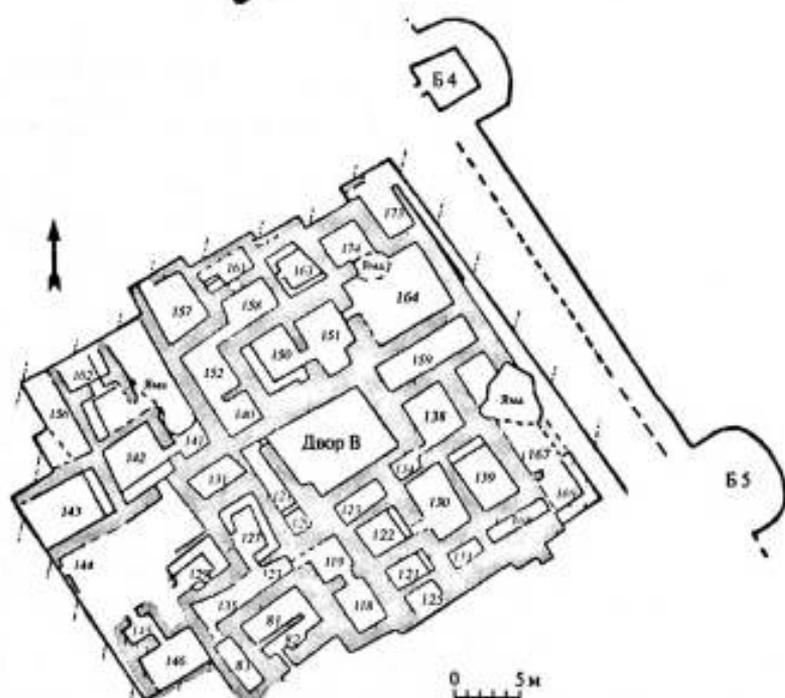

Рис. 15. Зартепа. Р-6. План домовладения «В»: а — II горизонт, б — I горизонт

различить донце сосуда. При расчистке выяснилось, что гипс покрывал целую миску, перевернутую вверх дном. Аналогичный прием повышения водоустойчивости неоднократно зафиксирован в хумах, найденных в разных жилищах. Следует также отметить, что в северном углу помещения обнаружен проход шириной 1,25 м, ведущий в северо-северо-западном направлении в какое-то помещение, расположенное под остатками помещения 29 (ширина 2,80 м) I строительного горизонта. Стены помещения 98 тщательно оштукатурены саманной и гипсовой штукатуркой, достигающей толщины 8 см.

Судя по площади, деталям интерьера и тщательности отделки стен, можно предполагать, что западо-юго-западная группа помещений домовладения «Д» представляет собой парадно-жилую его половину. Помещения 31–36, 39, 40 раскопаны на глубину до 0,50 м и составляют востоко-северо-восточную часть домовладения «Д». Три уровня полов этих помещений относятся к I строительному горизонту. В ходе дальнейших исследований не исключено обнаружение двора «Д» с прилегающими к нему подсобно-хозяйственными постройками под любыми из помещений 31–36, 39, 40. Дополнительными аргументами в пользу выделения домовладения «Д» могут служить одинаковые уровни полов в западо-юго-западной группе помещений, а также единовременные перестройки.

На противоположной стороне улицы в северо-восточной части квартала открыто *домовладение «В»*, границы которого не совсем ясны из-за незавершенности раскопок (рис. 4–5, 15). В процессе исследований 1986 г. была выявлена востоко-северо-восточная граница дома, и выяснилось, что он не примыкал к оборонительной стене, как предполагалось ранее. Ширина оборонительной стены, по крайней мере во время обживания двух верхних строительных горизонтов квартала, не превышала 2 м. Пространство между ней и востоко-северо-восточной стеной домохозяйства «В» шириной более 6 м, судя по характеру заполнения, представляло собой переулок, что подтверждается проходом, ведущим из него в помещение 164 и, по-видимому, в помещения 170 и 173. Наличие здесь переулочка представляется вполне закономерным, если вспомнить о том, что улица «Магистральная» в это время застраивалась в центральной части, а улица «Внутриквартальная» не обеспечивала связи домовладения «В» с другими участками древнего города, расположенными к северо-северо-западу от здания.

Таблица IV

Распределение помещений домовладения «В» в I горизонте

Горизонты и полы	Помещения									
	81–83, 128, 129, 132, 135, 143–146, 159	123, 125, 134	118–124, 130, 150, 151	127, 158	131	141, 155, 138	142	162	157	Двор «В»
I/1	+	+	+	?	+	+	+	?	+	+
I/2	+		+	+	+	+	+	+	+	+
I/3						+	+	+		+

a

б

Рис. 16. Заргела. Восточно-юго-восточная оконечность Р-6:
a — край холма к ВЮВ от жилища «Б», вид с ЮВ; *б* — разрез на краю холма через пом. 170, вид с В

Юго-юго-восточная граница домовладения «В» могла проходить по юго-юго-восточной стене помещения 170 или еще дальше к юго-юго-востоку, однако выяснить это не удалось из-за сильного разрушения напластований на этом краю холма (рис. 16а, б; 17).

С 1982 по 1986 г. в пределах домовладения по II строительному горизонту исследованы помещения 118, 119, 120/124, 121/122, 123/134, 127, 128/135, 130/139, 131, 133, 136–138, 140–141, 147, 148, 150–152, 154–158, 160–170 и двор «В», сначала обозначенный как помещение 126. Только в I строительном горизонте обживались помещения 81–83, 121, 122, 125, 128, 129, 132, 142–146, 159 и, кроме того, все вышеперечисленные помещения, разделенные дробью (рис. 4–5, 15). В помещениях 130/139, 133, 138, 167–170 открыто два–три уровня полов, относящихся к III строительному горизонту (табл. V).

Во II строительном горизонте были связаны системой проходов следующие группы помещений: двор «В», 120/124, 123/134, 150, 151, 164, 174; 140, 152, 158, 161; 141, 154, 155, 162, 118, 119, 128/135, 127, 148; 121/122, 130, 133, 168, 169, 167, 160; 166 и 165. Двор «В» площадью 54 кв. м используется, в отличие от дворов «А» и «Б», без перепланировки на протяжении обоих строительных горизонтов. Тем не менее, в I строительном горизонте планировка данного домовладения претерпевает значительные изменения. Так, помещение 120/124 (рис. 18), возможно, представлявшее собой хранилище, перегораживается тонкой стенкой, отделившей четыре хума, установленные в юго-юго-восточной части на уровне второго пола (рис. 4, 5, 15). Перегораживающие стены построены на уровне первого пола помещения 121/122, на уровне второго пола помещения 128/135, на уровне четвертого пола помещения 130/139 и, кроме того, в помещении 148, над которым построены два помещения 81 и 82 (рис. 15). В противоположной манере осуществлялась перестройка, когда над двумя нижележащими помещениями возводилось одно большое. Особенно наглядно этот строительный прием зафиксирован в помещении 159, возведенном над помещениями 164, 165 и 166 (рис. 15, 19).

При постройке помещения 159 его северо-северо-западная стена сооружена на забутовке соседнего помещения 164, а северо-северо-западные стены нижележащих помещений 165 и 166 используются в качестве одной из сторон его П-образной суфы. Юго-юго-восточные стены нижележащих помещений 165, 166 служат, соответственно, другой стороной суфы. Весьма близкая картина наблюдалась в помещении 132, перекрывавшем помещения 136 и 137, и в помещении 142, возведенном над помещением 154 и частично 155 (рис. 15).

Не столь кардинальные изменения фиксируются во многих других помещениях домовладения «В», причем использовавшиеся в ходе перестройки приемы, как правило, повторяют уже известные нам по раскопкам жилищ «А», «Б», «Д». Это касается превращения проходов в ниши, что зафиксировано в проходах из помещения 118 в помещение 119, а также в помещении 127. Стена, разделявшая помещения 128 и 135 в I горизонте, была встроена юго-юго-восточным торцом в проход, ведущий в помещение 148. В проход был встроена северо-северо-западный торец суфы помещения 157, что сузило его ширину до 0,60 м. Некоторые из проходов закладываются сплошной кладкой сырцовых кирпичей, например из помещения 125 в 133, из 134 в 138, из 138 в 159, из 132 в 142, из 131 в 120/124, из

Таблица V

Распределение помещений домовладения «В» по горизонтам

Горизонт и пол	Помещения											Двор «В»	
	128/135, 120/124, 131, 157	136, 137	118, 119, 130, 140, 150, 151, 156, 162, 164	127, 158, 174	121/122	141, 155	138	133, 167 168 169	152	130/139	123/134, 154, 161, 163, 165, 166, 173		148
I/1	+	132	+		121, 122	+	+	+	+	130, 139			+
I/2	+	132	+	+	121, 122	+	+	+	+	130, 139			+
I/3						+	+		+				+
II/1	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
II/2			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
II/3						+	+	+	+	+	+	+	+
III/1										+			

Зартепа-86
Раскоп 6

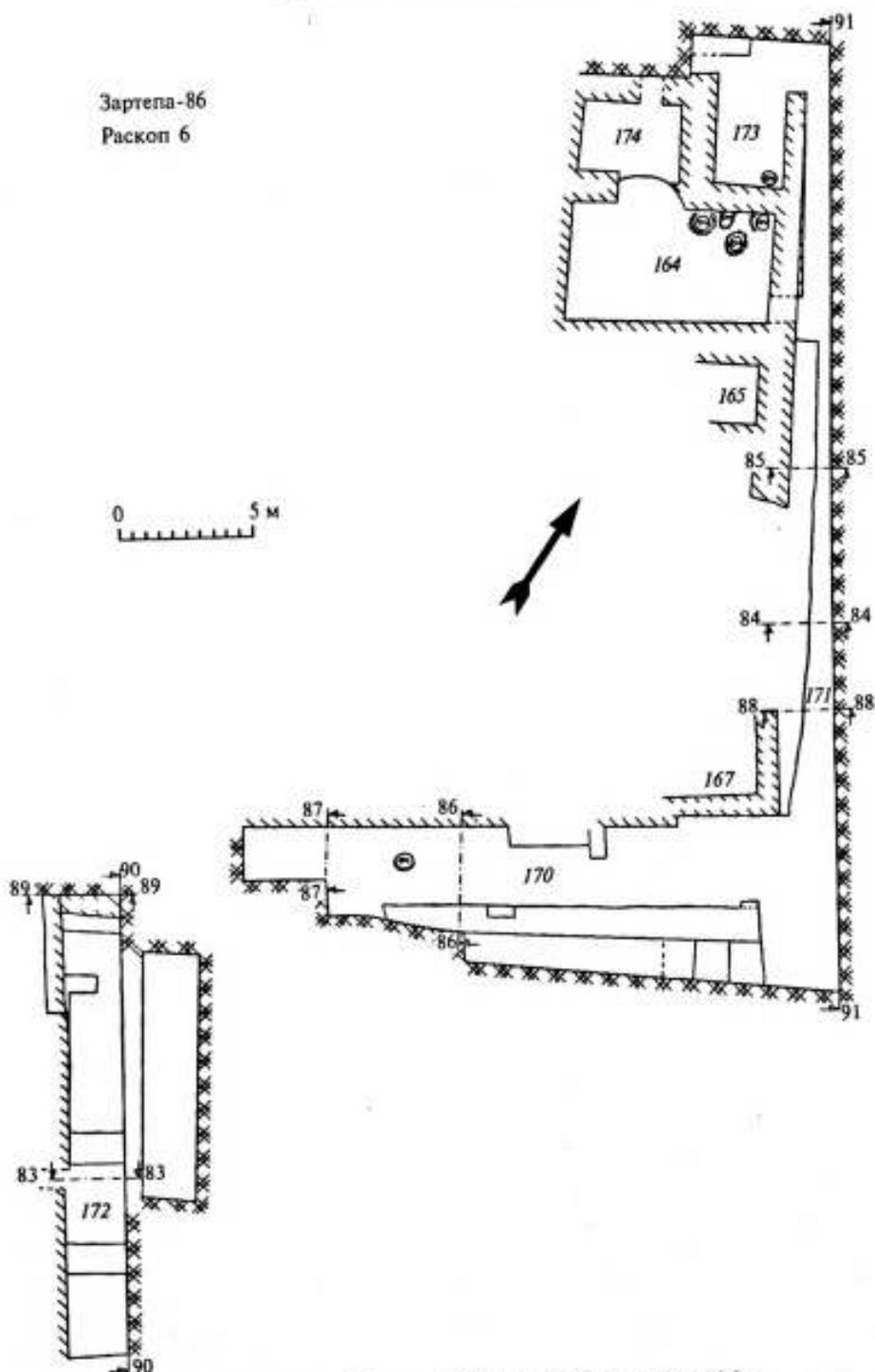

Рис. 17. Зартепа. Участок Р-6, исследованный в 1986 г.

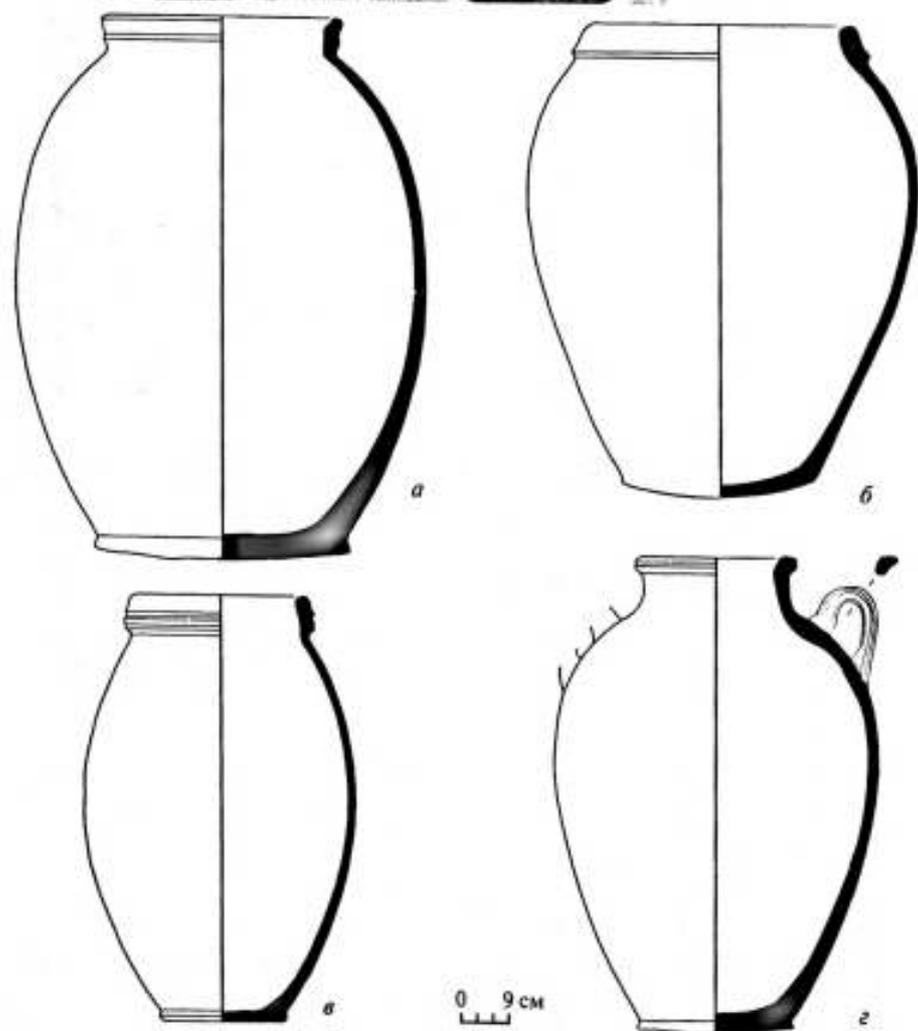

Рис. 18. Зартепа. Р-6, домовладение «В». Юго-юго-восточная часть пом. 120/124

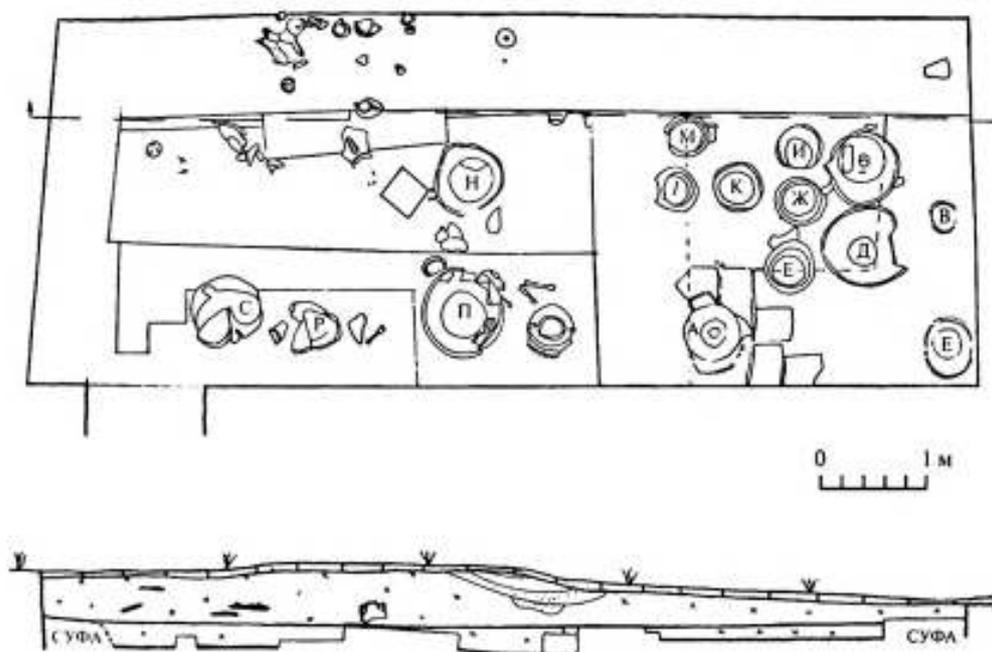

Рис. 19. Зартепа. Р-6, домовладение «В». План и разрез пом. 159

двора «В» в помещение 150. Перепланировка отдельных частей домовладения осуществлена по разным уровням полов, что говорит о ее разновременности. Видимо, перестройка столь большого домовладения не могла проводиться одновременно и осуществлялась частями. Судить о планировочном решении застройки данного домовладения на этом этапе исследования можно только предположительно. Вполне возможно, что примыкавшие к дворику помещения 120/124, 123/134, 150, 151 и 164 в строительном горизонте II использовались в подсобно-хозяйственных целях. Об этом свидетельствуют хумы, установленные в помещении 120/124, но основным критерием все же остается их место в планировочной структуре (Распопова, 1978. С. 48). Поскольку дворик сохраняет свою функцию и в I строительном горизонте, есть основания предполагать, что помещения, окружавшие его в этот период, также были подсобно-хозяйственными. Аргументом в пользу такого предположения может служить помещение-хранилище 159, возможно, соединявшееся с двориком через помещения 134 и 138.

Выделение парадно-жилой части домовладения «В» при сравнении с жилищами, расположенными по другой стороне улицы, представляет значительные трудности. Такие признаки, как детали интерьера и тщательность отделки, наблюдаемые в помещениях 155, 157, 161, 163, свидетельствуют об их жилом назначении. Если это верно, то не исключена возможность расположения парадно-жилой части к северо-западу от двора и прилегающих к нему помещений подсобно-хозяйственного назначения. Однако этому противоречит помещение 127, обладающее теми же признаками, но расположенное к юго-юго-западу от двора. Интерес-

но, что и в I строительном горизонте здесь продолжают существовать помещения жилого назначения (помещение 129 и, возможно, 146). Аналогичная картина отмечена в северо-западной части домовладения (помещение 142). Следовательно, наличие в нем парадно-жилой и подсобно-хозяйственной частей не исключено, но окончательное решение этого вопроса зависит от дальнейших исследований.

Выше отмечалось, что несколько помещений, находящихся в пределах домовладения, были раскопаны по уровням полов III строительного горизонта. Глубина залегания самых нижних полов достигала 2–2,20 м. Ниже этой отметки, насколько можно судить по раскопкам помещения 133, по всей вероятности, начинается IV строительный горизонт. Несмотря на ограниченные масштабы, при исследованиях построек III горизонта сделан ряд наблюдений, касающихся соотношения построек II и III горизонтов, и, кроме того, получен комплекс находок более раннего времени.

Наибольший интерес представляет перепланировка помещения 130/139, где на уровне первого пола возводится стена, разделившая его на два отдельных помещения, обживавшихся в горизонтах II и I. После разборки этой стены,

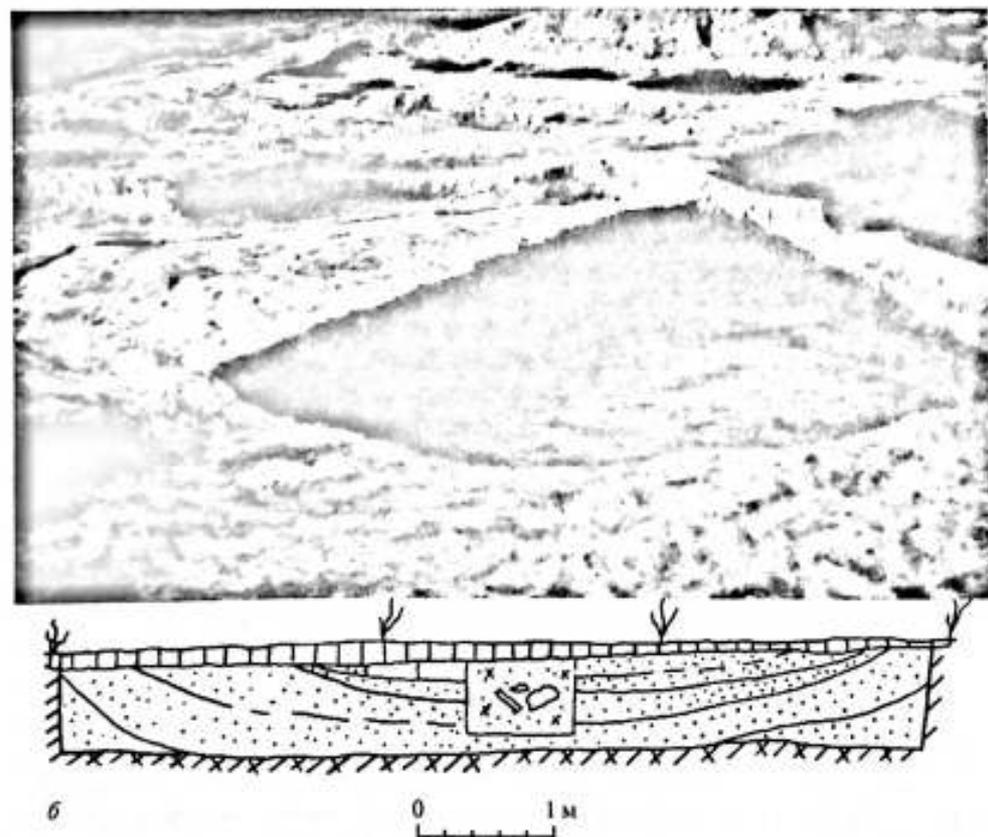

Рис. 20. Зартеп. Р-6. Улица «Внутриквартальная». Яма № 1 с песчаным заполнением: а — вид на оконтуренную яму с ЮЮЗ; б — разрез

лежавшей торцами на выступах стен III горизонта, выяснилось, что на выступах, под торцами, находилось по два обожженных кирпича, возможно, служивших основаниями балок, использовавшихся для поддержки перекрытия. Весьма показательны надстройки юго-юго-восточной стены помещения 130/139, проводившиеся в процессе перепланировок в разных горизонтах. В III горизонте ширина стены достигала 1,75 м, во II — только 1,10 м, в I — тоже 1,10 м, причем в I и II горизонтах стены надстраиваются со смещением.

В пределах домовладения «В» раскопаны две ямы-свалки, частично нарушившие полы и стены построек. Одна из них прорезала востоко-северо-восточную и, возможно, юго-юго-восточную стены помещения 160. Яма не имела четких контуров и достигала максимальной глубины 1,60 м. Ее заполнение состояло из мусорно-зольных прослоек, перемежающихся слоями гумуса зеленоватого оттенка. Верхний кроющий слой ямы содержал песок со следами натеков. Вторая яма-свалка находилась в границах помещения 141 (рис. 15), при этом была прорезана (или разобрана) часть стены, делившей помещение 141 на два отдельных в I горизонте. Мощност чередовавшихся мусорных и зольных прослоек в яме достигала 0,90 м. В юго-юго-восточной части помещения яма прорезала три уровня полов. В данном случае интерес вызывает то, что свалка не выходит за пределы боковых стен помещения. Это говорит о том, что оно использовалось под свалку тогда, когда стены верхнего периода еще не были нарушены.

В отличие от вышеописанных ям, заполненных культурными отложениями, в востоко-северо-восточной части квартала обнаружено несколько ям, заполнение которых состояло из песка со следами натеков. Три такие ямы (№ 3–5) зафиксированы к востоко-северо-востоку от помещений 167, 169, 170. Две из них небольшие, тогда как третья в длину не менее 4 м. Еще две огромные ямы (№ 1 и № 2) с аналогичным заполнением открыты к северо-северо-западу от домовладения «Б». Первая из них прорезала культурные напластования улицы «Внутриквартальной» и часть расположенных к северо-северо-западу от нее построек квартала. Яма № 1 диаметром 6,50–6,70 м имела округлую форму (рис. 20а, б). Яма № 2, видимо, более крупных размеров, зафиксирована в помещении 80. Исследования обеих ям не закончены и остановлены на линии разрезов. Их появление в пределах квартала, с одной стороны, свидетельствует об оставлении его жителями, а с другой стороны, указывает на то, что грунт из ям пошел на изготовление кирпичей и раствора для возведения стен, а возможно, и на повышение уровней полов более поздних строений, расположенных в других частях городища. При этом ямы, насколько можно судить по самым ранним из них на раскопе 9, были впоследствии намеренно засыпаны в соответствии с планами дальнейшей застройки территории города. Что касается более поздних ям, заполненных песком, то они ясно указывают на отсутствие каких-либо планов будущей застройки этого участка города. Еще более подчеркивают это обстоятельство ямы, выкопанные во внутреннем пространстве улицы «Внутриквартальной» и в переулке между домовладением «В» и оборонительной стеной. Они полностью нарушили систему сообщения в этой части древнего города.

В ходе работ 1976, 1977, 1980 и 1981 гг. исследованы остатки помещений двух верхних строительных горизонтов, относящиеся к домовладению «Г» (табл. VI), расположенному к северо-северо-западу от улицы, но в северо-западной части

Таблица VI

Распределение помещений домовладения «Г» по строительным горизонтам

Горизонты и полы	Помещения													Двор «Г»	
	18	42, 50, 107, 109	41, 43, 45, 46, 47, 49, 51, 52, 57, 61, 99, 87, 95, 104	101, 102, 106,	108	89	90	93, 100	86	48/50, 107/109	112, 114	103, 116, 117	110, 113		115
I/1	?	+	+	+	?	+	?	+	+	+	?				+
I/2	+			+	+	+	?	+	+		?		+		+
I/3	+					+	?				+				+
II/1	+		+		+	+	+	+	+	+	+	+		?	
II/2	+		+		+	+	+	+	+	+		+		+	
II/3					+				+			+		+	

квартала (рис. 4, 5, 21). Полностью границы этого дома не выявлены. Можно предполагать, что востоко-северо-восточная его граница проходила по стене, разделяющей помещения 95 и 96, а также по востоко-северо-восточным стенам помещений 104 и 105, проходы в которых в ВСВ направлении не зафиксированы. В центральной части домовладения располагался двор «Г» площадью около 80 кв. м, раскопанный по всей площади только по I горизонту на глубину до 0,50 м. В строительном горизонте II в восточном углу двора зафиксированы верхние грани стен помещения 88, которое осталось неисследованным.

В горизонте II системой проходов связаны следующие группы помещений: 18, 89, 90, 93; 86, 87, 95, 99, 100, 103, 104 (?), 105, 107/109, 108, 112, 114–117; 45, 49, 61; 46, 47, 42, 43, 48/50, 51, 52. Входы с улицы зафиксированы в двух коридорообразных помещениях 44 и 56. Некоторые из исследованных в пределах домовладения помещений обживались на уровне одного или двух полов только в I строительном горизонте. К ним относятся помещения 48, 50, 101, 102, 106, 107, 109, 110, 113. Перепланировка построек проводилась с учетом предшествовавшей планировочной схемы, при этом использовались строительные приемы, зафиксированные и в других домовладениях квартала. Так, ниже длинного помещения 50 строительного горизонта I зафиксированы два помещения 48 и 50 в горизонте II. Внутри помещения 87, в его западном углу, возведено помещение 101, строительство которого приводит к образованию коридорообразного помещения 102 к востоко-северо-востоку от него. Помещения 101 и 102 обживались на уровне двух верхних полов, ниже которых прослежена вымостка из сырцовых кирпичей (35 × 35 × 10 см), служившая фундаментом для помещения 101. Вымостка лежала выше уровня третьего пола помещения 87, на ней стояли востоко-северо-восточная и юго-юго-восточная стены помещения 101. Северо-северо-западная стена помещения 101, отделяющая его от помещения 103, ниже уровня второго пола сужается на половину кирпича (16–17 см) (рис. 21).

В близкой манере было перепланировано помещение 116, в западо-юго-западной части которого на культурных напластованиях, составлявших заполнение над третьим полом, была возведена востоко-северо-восточная стена помещения 106 I строительного горизонта. Помещение 106 существует в верхнем горизонте на уровне двух полов и сообщается проходом шириной 0,95 м с помещением 108, расположенным к западо-юго-западу от него. Внутри помещения 108 отмечено четыре уровня полов. Верхний пол относится к I горизонту и соответствует второму полу помещения 106. На уровне первого пола помещение 108 подверглось перестройке, в результате которой была увеличена на один кирпич толщина стены, отделяющей его от помещения 106, и надстроена западо-юго-западная стена, отделяющая помещение 108 от помещения 110. В процессе надстройки направление этой стены слегка меняется, отклоняясь к западу. Представляет интерес тот факт, что соединявший помещения 106 и 108 проход, по-видимому, использовался и в строительном горизонте II, связывая помещения 116 и 108. В пользу этого свидетельствуют две суфы-ступеньки, соответствовавшие разным уровням полов помещения 116. Аналогичная суфа-ступенька была возведена на уровне третьего пола помещения 108 с другой стороны прохода, позволяя подниматься и спускаться внутрь помещения на втором и третьем уровнях полов. Не совсем ясно, как можно было подняться к проходу с уровня четвертого пола. Возможно, что

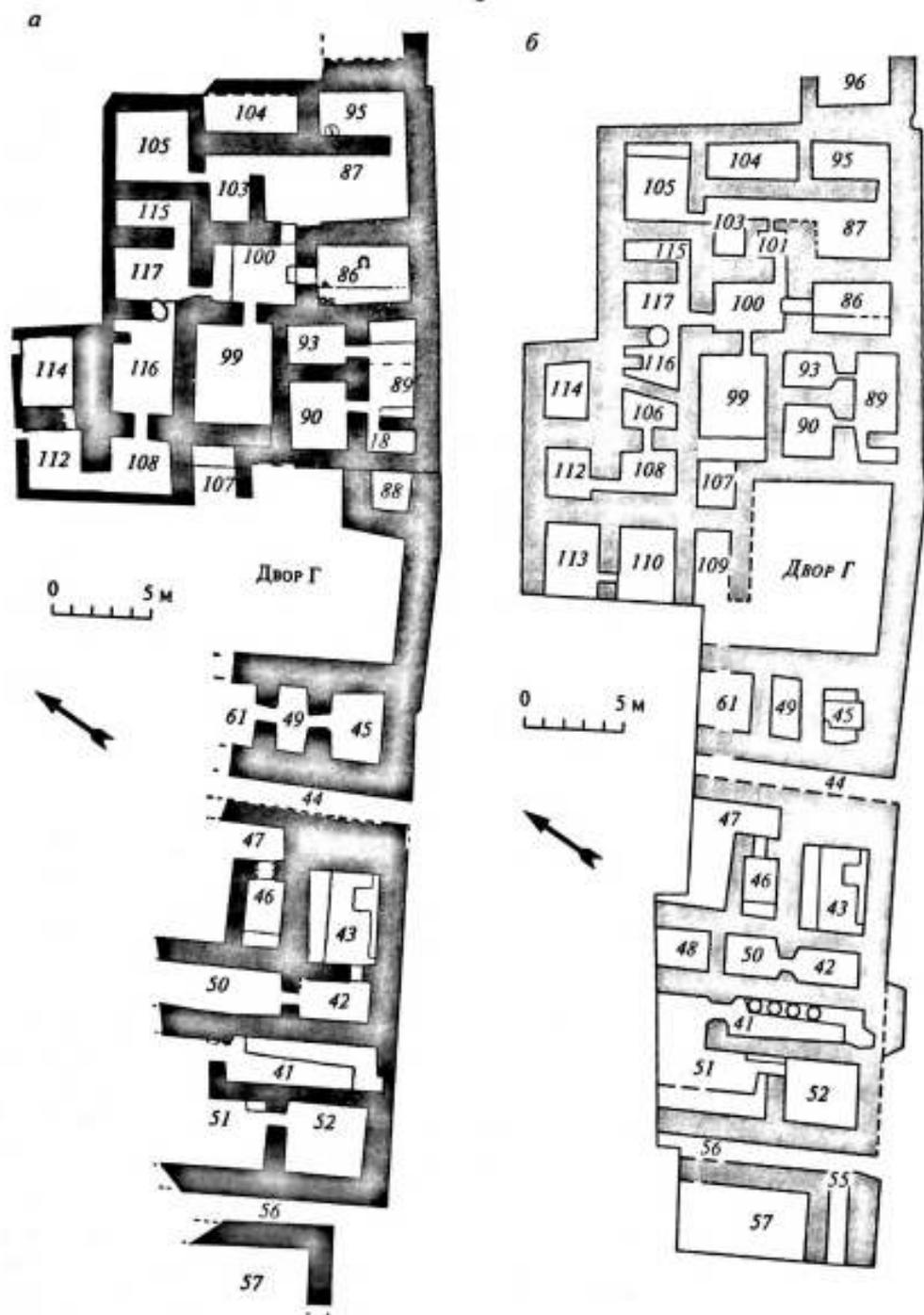

Рис. 21. Зартепа. Р-6. План домовладения «Г»:
 а — II горизонт; б — I горизонт

на этом уровне пола находилась ведущая к порогу ступенька, впоследствии разобранная и превращенная в суфу-ступеньку. Такой порог и ступенька к нему существовали в проходе из помещения 100 в помещение 86 также на протяжении обоих строительных горизонтов. Однако со стороны помещения 86, где выявлено четыре уровня полов, ступенька к порогу отсутствует, несмотря на то, что перепад высот между порогом и четвертым (нижним) полом не менее 0,50 м (рис. 21). Аналогичная ситуация наблюдалась в домовладении «В», в проходе между помещениями 151 и 164, а в проходе из помещения 138 в помещение 159 отмечено использование суфы в качестве ступеньки к порогу.

В процессе раскопок помещения 89 были получены дополнительные данные о перекрытии комнат. На уровне третьего пола в середине юго-юго-восточной и северо-северо-западной стен помещения были сделаны два пазы. В них сохранился тлен от деревянных столбов, стоявших на фундаментах из обожженных кирпичей. Паз в юго-юго-восточной стене соответствовал в нижней своей части размерам двух лежавших друг на друге обожженных кирпичей (34 × 34 × 4,50 см). Паз сужался кверху до 0,30 м. Второй, меньший паз (0,24 × 0,20 м) не содержал кирпичей, но их фрагменты лежали поблизости на уровне пола. Перестройка некоторых помещений домовладения «Г» производилась по принципу возведения новых стен, делящих старые помещения на две комнаты. Этот принцип неоднократно зафиксирован при раскопках домохозяйства «В». Так, помещение 107/109 в I строительном горизонте на уровне первого пола перегородивается стеной, возведение которой приводит к образованию двух помещений. Применяется и обратный прием, когда над двумя помещениями 48 и 50 устраивается одно длинное. Менее значительные изменения отмечались и во многих других помещениях домовладения.

Следует отметить, что планировка дома «Г» характеризуется существенными отличиями. Прежде всего, обращает на себя внимание расположение двора «Г» рядом с улицей, чего нельзя сказать об остальных домовладениях, в которых дворы отделены от улицы и переулков не менее чем одним рядом помещений. Кроме того, еще меньше оснований утверждать, что при доме «Г» двор образовывал подсобно-хозяйственный блок с расположенными по соседству с ним помещениями. Можно допустить, что помещения 45, 49, 61 и 107/109 использовались в подсобно-хозяйственных целях, но, за исключением их расположения в планировочной структуре, подтвердить это предположение практически нечем. В I строительном горизонте в качестве хранилищ служили помещения 41 и 114. В первом из них обнаружены четыре хума, впущенные в толщу Г-образной суфы, возведенной вдоль востоко-северо-восточной и юго-юго-восточной стен помещения. Во втором помещении найдено пять придонных частей хумов, вкопанных без определенной системы в первый пол комнаты.

В домовладении «Г» по площади (36,50 кв. м), деталям интерьера и качеству отделки стен выделяется помещение 99. Помещение не претерпело заметных перестроек на трех уровнях полов, верхний из которых относится к I горизонту. На третьем уровне пола вдоль западо-юго-западной и северо-северо-западной стен помещения возведена Г-образная суфа, использовавшаяся и в период функционирования второго пола. Перечисленные признаки сближают данное помещение с помещением 10 домовладения «А», интерпретируемым как домашнее

Рис. 22. Зартена. Р-6, домовладение «Г», пом. 43. Вид с ЗСЗ

святилище. Однако суфа в помещении 99 имеет иную форму, кроме того, там отсутствует очаг. Последнее обстоятельство можно связать с поднятием уровня второго пола, когда под ним была устроена вымостка из сырцовых кирпичей. При условии, что очаг располагался на уровне третьего пола, он мог быть разобран в процессе вымостки. Аналогичная ситуация зафиксирована в помещении 23/24 (домовладение «Д»), хотя в случае с помещением 99 настаивать на подобном выводе без более весомых аргументов не приходится.

Особого внимания заслуживает также интерьер помещения 43, в котором на уровне третьего пола к северо-северо-западной и юго-юго-восточной стенам пристроены две противоположащие суфы, одна из них, имеющая Т-образную форму, аналогична суфам помещений 62 и 66 (рис. 4, 21а, 22).

Таким образом, выделение парадно-жилой и подсобно-хозяйственной частей в домовладении «Г» вряд ли достаточно обосновано имеющимися материалами. Следует отметить, что само по себе наличие подсобно-хозяйственных или парадно-жилых помещений, как было показано выше, не вызывает сомнений, но расположение их в границах домовладения существенно отличается от других зданий.

Между домовладениями «В» и «Г» вдоль улицы «Внутриквартальной» раскопано еще восемь помещений: 80, 84, 85, 91, 92, 94, 96, 97. Принимая во внимание, что предполагаемая востоко-северо-восточная граница домовладения «Г» могла проходить по стене, разделяющей помещения 95 и 96, видимо, можно отнести данные помещения к жилищу «Е». Косвенно в пользу такого предположения свидетельствуют два входа со стороны улицы, один из которых вел в помещение 97, другой — в помещение 80. Следует признать, что помещение 80, видимо, имело внушительные размеры, учитывая его протяженность вдоль улицы почти на 10 м. Оно могло использоваться в качестве двора, но подтвердить данное предположение раскопками не удалось вследствие нарушения границ помещения огромной ямой № 2 с песчаным заполнением (рис. 4, 5).

В таком случае по обеим сторонам улицы предположительно выделяется по три многоквартирных дома, относящихся к строительному горизонту II. Их количество в I строительном горизонте нельзя установить из-за плохой сохранности архитектуры верхнего горизонта и кардинального изменения функций дворов «А», «Б» и, возможно, «Д». Использование дворов «В», «Г» в обоих горизонтах, наоборот, предполагает обживание домовладений «В» и «Г» в I строительном горизонте, хотя и с менее значительными перестройками.

Заканчивая описание жилого квартала на раскопе 6, следует подчеркнуть ряд наиболее важных наблюдений, сделанных в процессе исследования. Как было показано выше, изученный объект представлял собой городской квартал, образованный блоками пристроенных друг к другу многоквартирных домовладений, разделенных, скорее всего, глухими стенами. Несмотря на неполноту информации, можно говорить о том, что занимаемая отдельными домовладениями площадь и, соответственно, количество составлявших их помещений неодинаковы. Дома «А», «Б», «Д», расположенные к юго-юго-востоку от улицы, заведомо меньше вследствие того, что улица делит квартал на две неравные части. Самое большое жилище «А» насчитывает 22 в разной степени сохранившихся помещения, расположенных на площади около 860 кв. м. Протяженность домовладения вдоль улицы составляет не менее 42 м.

Жилище «Б», при условии, что его западо-юго-западная граница проходит по стене, разделяющей помещения 65 и 78, протянулось вдоль улицы почти на 45 м. Его сохранившаяся часть насчитывает не менее 17 помещений, что составляет около 550 кв. м. О количестве помещений (полностью или частично раскопано 18), составлявших третье домовладение «Д», судить до окончания исследований не представляется возможным. Можно лишь предположить, что оно занимало площадь около 600 кв. м, а его протяженность вдоль улицы составляла не менее 40 м.

Домовладения «В», «Г», «Е», построенные по другую сторону улицы, судя по наиболее исследованным зданиям «В» и «Г», существенно превышали по количеству помещений и занимаемой площади домовладения «А», «Б», «Д». Так, в жилище «В» в строительном горизонте II исследовано 36 помещений, занимавших площадь не менее 1400 кв. м. Что касается дома «Г», то здесь, на исследованной по II строительному горизонту площади (около 1000 кв. м) зафиксировано к настоящему моменту 31 помещение. Если верно высказанное ранее предположение о помещении 80 как возможном дворе домовладения «Е», то граница между жилищами «В» и «Е» могла проходить на расстоянии одного, максимум двух рядов помещений к востоку-северо-востоку от него. В таком случае площадь домовладения «В», исходя из высотных отметок и конфигурации его не исследованной части, может быть увеличена не более чем на 500–600 кв. м и в общей сложности достигнет 2000 кв. м. Учитывая наличие проходов из помещений 112 и 114 домовладения «Г» в ССЗ направлении и рельеф этой части холма, можно предполагать, что общая площадь домовладения «Г» также значительно превышала исследованную. Более того, возможное расположение домовладения «Г» на «перемычке» между «дворцовым» холмом и холмом «жилого квартала» ставит вопрос о соотношении построек на обоих холмах. Как было установлено в процессе исследований на раскопе 9, количество строительных горизонтов на них не совпадает: на холме «жилого квартала» выделено на один горизонт больше. В связи с этим представляют интерес раскопки перед айваном дворца, выявившие наличие построек, возведенных над сгоревшими остатками айвана. Сопоставление этих данных позволяет предполагать, что дворец и жилой квартал сосуществовали лишь в строительном горизонте II.

Стратиграфические наблюдения на исследованной площади квартала не выявили никаких признаков, свидетельствующих о каком-либо перерыве или запустении между постройками I и II горизонтов. Все строительные приемы и материалы, использовавшиеся при перестройках, указывают на полную преемственность строительной традиции. В постройках II горизонта в квартале, по всей вероятности синхронных существованию и гибели дворца, пока не обнаружено и следов пожара.

Что касается соотношения периодов существования дворца и жилого квартала, то здесь уместно вспомнить о коринфизированной капители, найденной в I строительном горизонте в помещении 15 (домовладение «А»), возможно, вторично использовавшейся жителями квартала после гибели дворца (рис. 10). Следует также отметить, что при максимальных условных высотных отметках 10–10,20, зафиксированных до раскопок в уличном пространстве к северо-северо-западу от помещения 1 и близ двора «В», в некоторых помещениях для

обоих строительных горизонтов зафиксировано и максимальное количество полов — 5 (например в помещениях 89, 141). Верхний из них лежал непосредственно под слоем самой верхней части культурных отложений, удаляемой в процессе зачистки. В большинстве помещений зафиксировано 3–4 уровня полов, но и условные отметки на данных участках, как правило, составляют 9,80–9,90 м. Вместе с тем на участках с отметками 9,50–9,60 м чаще обнаруживалось по два уровня полов (ближе к краям холма и над помещениями домовладения «Е»). Если учитывать выявленные в некоторых из этих помещений следы перестроек или впущенные с верхних полов хумы, то следует предполагать, что эти комнаты также существовали в I горизонте. Доказательства функционирования помещений далеко не всегда удавалось обнаружить при столь незначительной сохранности строений. Таким образом, можно констатировать, что перестройка большинства помещений квартала осуществлялась на отметках 8,90–9 м в строительном горизонте II, а в горизонте I на отметках 9,50–9,60 м. Необходимо учитывать, что это лишь тенденция, наблюдавшаяся в большинстве, но не во всех помещениях. Примером, иллюстрирующим такое исключение, может служить помещение 165 (домовладение «В»). Оно расположено под остатками помещения 159 (I строительный горизонт), что дает основания относить его к горизонту II, несмотря на то, что два уровня полов, зафиксированные внутри него, по условным отметкам скорее соответствуют горизонту III. Если бы при последующих перестройках была разобрана ступенька, ведущая к порогу в помещении 166, то археологическими методами было бы невозможно решить вопрос, к какому горизонту относится нижний пол помещения 165.

К III строительному горизонту, исследованному в ограниченных масштабах в пределах домовладения «В», относятся пятый–седьмой уровни полов в помещениях 130/139, 133, 138, 168–170 (табл. V). На уровне восьмого пола помещения 133, возможно, начинается IV строительный горизонт. Следовательно, в пределах квартала на протяжении строительных горизонтов I–III насчитывается не менее восьми этапов обживания. Как отмечалось выше, в III строительном горизонте планировочная структура квартала, видимо, кардинально меняется, и улица «Внутриквартальная» утрачивает свои функции. Раскопки 1986 г. позволили предположить, что в III строительном горизонте планировка квартала существенно отличалась от планировки, засвидетельство-

Рис. 23. Зартепа. Р-6, домовладение «В». Наружная грань пом. 67–69 и построек II–IV горизонтов под ними

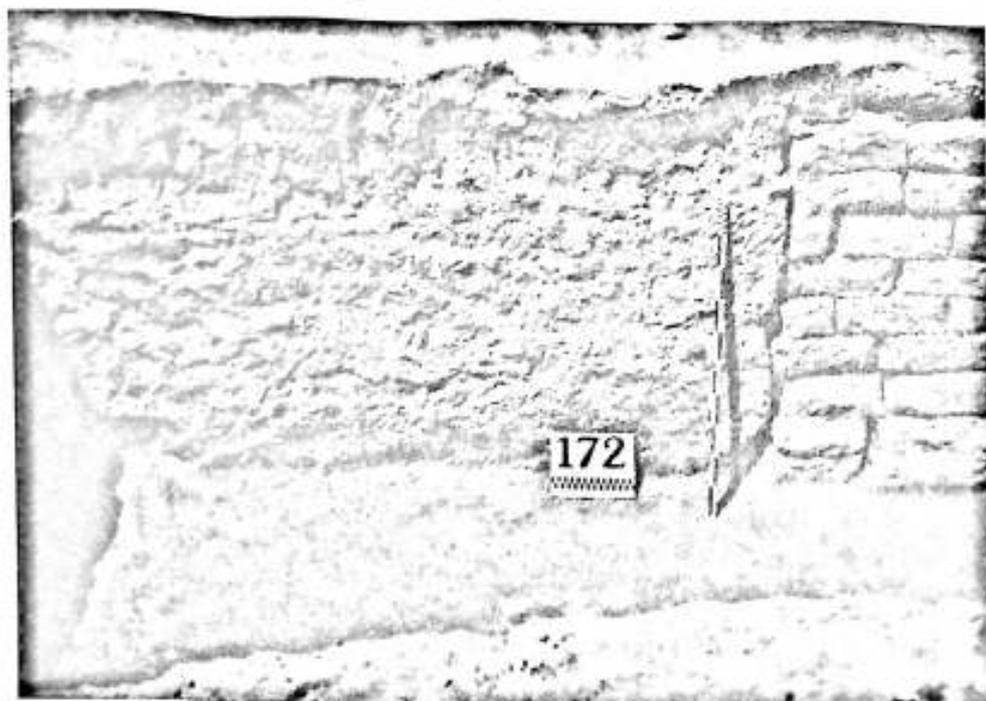

Рис. 24. Зартепа. Р-6, пом. 172. Вид с ЮВ

ванной в результате исследований двух верхних горизонтов. Наиболее показательны в этом отношении остатки помещений горизонтов III и IV, расположенные к востоко-северо-востоку от помещений 67–69 домовладения «Б», в частности помещение 172 (рис. 23, 24). Помещение находилось под культурными напластованиями улицы «Внутриквартальной» и, судя по заложенному сырцовым кирпичом проходу, в III и IV горизонтах было связано с помещениями, расположенными под остатками строений домовладения «Б».

Закладка проходов некоторых помещений на уровне верхних полов и сохранившиеся части разрушенных стен высотой 10–15 см, зафиксированные и в помещениях (например в помещении 8), и во внутреннем пространстве улицы, явно указывают на какие-то несохранившиеся постройки, полностью уничтоженные дефляцией. Таковы в общих чертах основные итоги исследований жилого квартала на раскопе 6.

Раскоп 12 находится почти в центре городища, в 40 м к юго-западу от четырехколонного зала дворца и в 60 м к востоку от раскопа 3 (рис. 2). Рельеф этой части городища имел условные отметки в основном 9,70, но над помещением 1 наблюдалось незначительное повышение до отметки 10 м. В процессе раскопок на площади около 200 кв. м исследованы остатки шести помещений, относящихся к двум строительным горизонтам (рис. 25–27). Помещения 1, 4, 6 раскопаны по уровням полов I горизонта, тогда как помещения 2, 5 и отчасти 3 — до уровня полов II горизонта. Следует отметить, что на уровне первого пола все три последних помещения функционировали и в I горизонте. Вследствие неза-

вершенности исследований судить о планировочной схеме этого домовладения вряд ли возможно. Обратимся к характеристике строительных приемов, выявленных при раскопках упомянутых комнат. Прежде всего, следует подчеркнуть, что проходы, ведущие в разных направлениях, указывают на возможность существования и здесь многокомнатного домовладения, возможно, даже составлявшего часть еще одного городского квартала. Востоко-северо-восточная граница домовладения (или квартала?), скорее всего, могла проходить по улице, разделявшей его и дворец, что не противоречит микрорельефу городища. Микрорельеф и расположение неподалеку друг от друга не исключают и того, что постройки на раскопках 3 и 12 (рис. 2) могли составлять один квартал, но этот вопрос пока остается открытым.

В I строительном горизонте, в пределах раскопанной части домовладения, по тщательности отделки саманно-ганчевыми штукатурками и площади (36 кв. м) выделяется помещение 1, соединенное проходами с помещениями 3 и 4. Косметический ремонт, судя по количеству прослоек саманной штукатурки, проводился в помещении не менее 14 раз. Перечисленные признаки позволяют относить помещение к парадно-жилым. Функции остальных помещений, обжитых

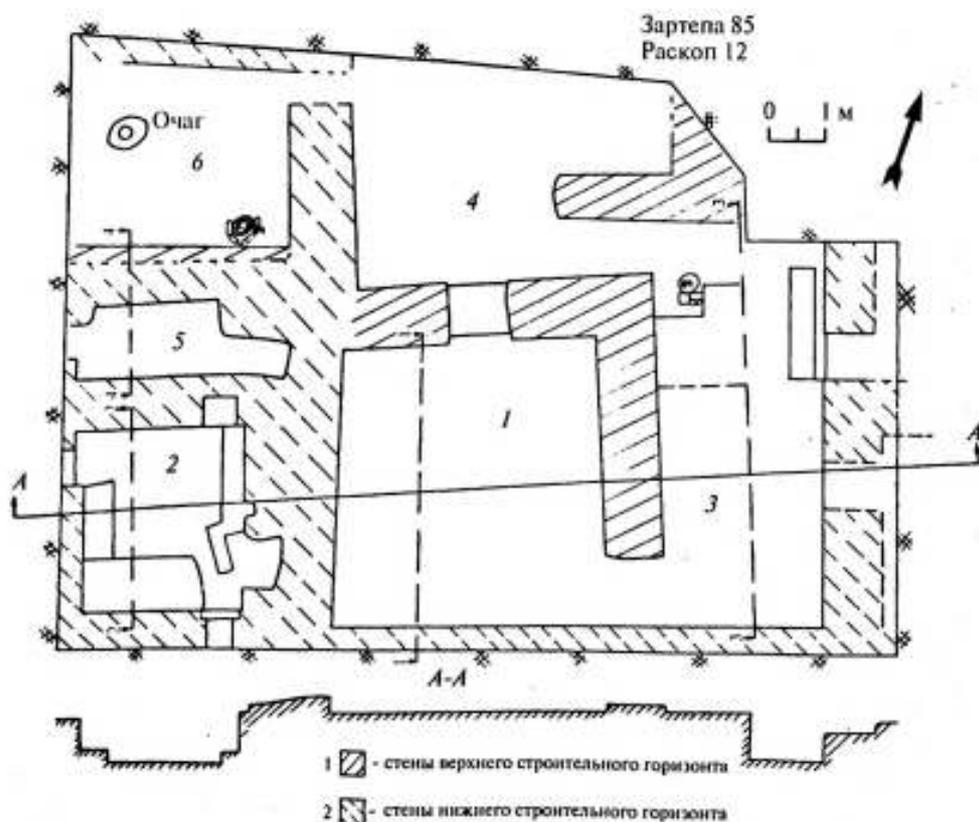

Рис. 25. Зартепа. План и профиль Р-12 по линии А-А

в I горизонте, остаются не вполне ясными. Можно лишь отметить, что на уровне первого пола помещения 2, в его востоко-северо-восточной стене сделана оштукатуренная ниша, возможно, предназначенная для опорного столба перекрытия, а в северо-северо-западной стене помещения появляется проход с узким порогом, ведущий в помещение 5.

Помещение 5 в I горизонте на уровне первого пола было расширено. Его северо-северо-западная стена надстроена со смещением таким образом, что часть стены II горизонта была использована в качестве суфы (рис. 26: 4-4). Напомню, что сходная ситуация уже встречалась при раскопках жилого квартала (домовладение «В», помещения 165, 166, и домовладение «Д», помещения 37).

Наиболее полное представление о сохранности построек в строительном горизонте II дают раскопки помещения 2, максимальная высота стен которого достигает 1,10 м. На уровне второго пола в интерьере помещения появляются три суфы (рис. 25, 27), одна из которых, имеющая Г-образную форму, возведена вдоль западо-юго-западной и юго-юго-восточной стен, причем ширина ее составляет соответственно 0,65 и 1,10 м. Вторая суфа шириной 0,50 м пристроена к востоко-северо-восточной стене помещения. Стены и суфы оштукатурены

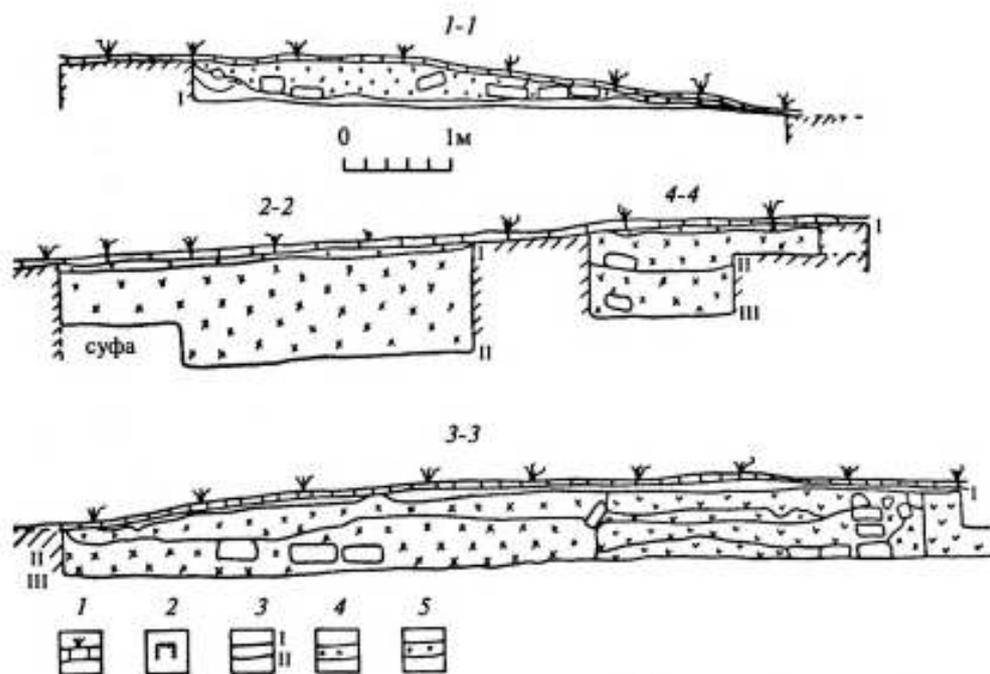

Рис. 26. Зартепа. Разрезы помещений на Р-12: 1-1 — пом. 1; 2-2 — пом. 2;

3-3 — пом. 3; 4-4 — пом. 5.

1 — верхний кроющий слой, «пушонка»; 2 — стены построек; 3 — уровни полов; 4 — плотная забутовка из битого сырцового кирпича, фрагментов керамики, костей животных; 5 — мягкое заполнение из строительного мусора, битого сырцового кирпича, фрагментов керамики, костей животных

Рис. 27. Зартепа. Р-12. Вид с 3

саманно-гипсовыми штукатурками не менее 10 раз. К суфе, идущей вдоль востоко-северо-восточной стены, примыкает выстроенная в один кирпич также оштукатуренная стена, отделяющая нишу в востоко-северо-восточной стене от остальной части помещения. Уровню второго пола соответствовали два прохода, расположенные близ западного и восточного углов помещения. В проходе близ восточного угла было обнаружено оштукатуренное, заглубленное на 0,20 м в пол гнездо с остатками истлевшего дерева, по-видимому, служившего нижней частью дверной коробки.

В процессе раскопок в помещениях 3 и 6 открыты два очага, аналогичные очагам, обнаруженным в некоторых помещениях жилого квартала на раскопе 6². Таким образом, все перечисленные строительные приемы, детали интерьера, способы отделки стен и суф, очаги и, как будет показано ниже, находки, относящиеся к двум верхним строительным горизонтам, весьма близки на трех раскопах (Р-3, Р-6, Р-12), исследования которых дали некоторое представление о застройке нуклеарной части городища в финальный период его обживания.

Максимальные условные отметки на этих трех раскопах колеблются в пределах 9,90–10,20 м, что, при условии одинакового количества строительных горизонтов и ровного рельефа первоначально освоенной территории древнего города (в пользу данного предположения говорят результаты исследований на раскопе 9 и в шурфе 1974 г.), также может косвенно указывать на их относительную одновременность. В стратиграфии «дворцового» холма зафиксировано

² Конструктивные особенности очагов и их типология будут рассмотрены ниже в главе III на более широком фоне памятников изучаемого периода.

Рис. 28. Зартепа. Р-13. Вид с ССЗ

на один строительный горизонт меньше, чем на холме «ожилого квартала», что хорошо согласуется с максимальной условной отметкой на территории дворца до раскопок — 9,70 м. Обнаруженные на раскопе 6 ямы с песчаным заполнением, явно связанные с дальнейшей строительной деятельностью, в совокупности с участками, имевшими условные отметки 11,20 м к востоко-северо-востоку от дворца и 12–12,50 м на мини-цитадели (объект 7), указывают на то, что застройка в пределах города продолжалась после оставления квартала, хотя и в ограниченных масштабах (рис. 2).

Раскоп 13 площадью 120 кв. м заложен в 1986 г. внутри цитадели с целью определения времени финального периода ее застройки (рис. 2, 28). На раскопе проведена зачистка верхнего слоя на глубину 10–25 см. На его площади обнаружено скопление фрагментов керамики, перекрывавших, по-видимому, остатки архитектуры или находившихся внутри двора. Отсутствие остатков построек не позволяет уверенно относить все керамические фрагменты к финальному периоду застройки цитадели. В процессе работ было расширено только это скопление, давшее сравнительный керамический материал, который будет рассмотрен ниже.

Несмотря на плохую сохранность архитектуры, обусловленную как природными факторами, так и традицией сноса верхних частей построек с последующим возведением на их сnivelированных остатках новых строений, результаты раскопок на городище Зартепа все-таки позволяют судить о многих чертах городской застройки в финальный период существования древнего города.

Глава III

АРХИТЕКТУРА И АРТЕФАКТЫ

Основное внимание в этой главе уделено изучению различных артефактов, характеризующих городскую культуру финального периода существования Зартепа. В их числе исследуются архитектура, строительные приемы и материалы; антропоморфная и зооморфная терракота; гипсовая скульптура; изделия из рога, кости и раковин; металлические изделия; надписи на керамике и монеты. Систематизация артефактов обусловлена как материалом, из которого они изготовлены, так и их функциональной принадлежностью. Для сравнения будут привлечены более ранние и более поздние находки, полученные при раскопках Зартепа (раскоп 9) и других кушанских, кушано-сасанидских и раннесредневековых памятников Бактрии-Тохаристана и сопредельных территорий.

Прежде чем перейти к изложению конкретных данных, характеризующих застройку Зартепа, необходимо остановиться на методических принципах, применяемых разными исследователями при изучении сырцово-глиняной архитектуры. Наиболее полно весь комплекс проблем, касающихся методики изучения и интерпретации раскопанных объектов, проявился в ходе широкомасштабных раскопок в Пенджикенте (Распопова, 1990. С. 3–20). Опыт, приобретенный при многолетнем изучении пенджикентской застройки, чрезвычайно важен и полезен. Поэтому при анализе архитектуры Зартепа будут использованы применяемые в исследованиях Пенджикента понятия и определения, разумеется, в случае их полного совпадения. Следует отметить, что подавляющее большинство сравнительно хорошо сохранившихся домовладений Пенджикента было перестроено без тотального сноса верхних частей построек с последующим возведением на их забутованных остатках новых строений. Исключение представляет лишь один дом, построенный с соблюдением иной строительной традиции в пригороде Пенджикента (Маршак, Распопова, 2001. С. 66). Упомянутое существенное отличие в строительных традициях Пенджикента и Зартепа будет учтено при дальнейшем анализе.

§ 1. Характеристика строительных приемов, материалов и застройки

Как выяснилось в процессе изучения культурных напластований улицы «Магистральной» (раскоп 9, IX–X ярусы), стены первых построек города были возведены из квадратного сырцового кирпича размерами 36 × 36, 38 × 38,

40 × 40 см при толщине 11 см. Для изготовления кирпичей использована «материковая» глина коричневого оттенка, в которую добавлен саман. Иногда в кладке одной, видимо, надстроенной при перестройке стены встречается кирпич разного размера: например, стена, расположенная на одиннадцатом–двенадцатом метрах разреза, в нижней части (X, IX ярусы) сложена из кирпичей 38 × 38 × 11, 40 × 40 × 11 см, тогда как верх ее (середина VIII–VII ярус) построен из кирпича форматом 35 × 35 × 10 см (рис. 3). Крупноформатный кирпич размерами 38 × 38 × 11, 40 × 40 × 11 см отмечен также в двухрядной уличной вымостке над вторым уровнем мостовой в VIII ярусе, выше которого он уже не встречается. В VII ярусе зафиксированы кирпичи форматом 36–37 × 36–37 × 11 см. Начиная с VI яруса, в большинстве случаев применяется кирпич, размеры которого колеблются в диапазоне 30–35 × 30–35 × 10–12 см, но наиболее часто используется формат 33–34 × 33–34 × 10–12 см. В целом наблюдается тенденция уменьшения размеров кирпича от ранних к более поздним сооружениям.

В VI ярусе разреза на раскопе 9 впервые отмечен кирпич зеленоватого оттенка, получивший широкое распространение в городских постройках финального периода. Появление и применение в строительстве такого кирпича связано, по-видимому, с каким-то новым источником глины в окрестностях города. Слой природной глины зеленоватого оттенка зафиксирован при раскопках оборонительных сооружений Зартепа на раскопе 2, в XIII ярусе (Сабилов, Пилипко, 1974. Рис. на вклейке, усл. обозн. 9). Материк голубовато-серой глины зафиксирован в одном из шурфов на Жигатепе, что свидетельствует о близости грунтовых вод и влияет, по заключению автора, на выбор места для поселения (Пугаченкова, 1979а. С. 65). Появление кирпича зеленоватого оттенка известно примерно для этого же времени в буддийских постройках Мерва (Усманова, 1977. С. 17; Филанович, 1974. С. 91). В нескольких постройках Зартепа были встречены кирпичи зеленоватого цвета с включениями культурного слоя, которые, скорее всего, изготовлены из серо-зеленоватых гумусных отложений, характерных для улиц и дворов.

В процессе разборки стен, суф и кирпичной забутовки верхнего строительного горизонта в помещениях квартала на раскопе 6 были обнаружены кирпичи с маркировкой на нижней плоскости (рис. 29). Некоторые из знаков повторяются, несмотря на то, что найдены в разных домовладениях. Маркировка кирпичей часто применялась при строительстве сырцовых сооружений в Средней Азии. Этот факт уже привлек внимание ряда исследователей. Наиболее распространена точка зрения, согласно которой маркировка кирпичей производилась мастерами-изготовителями или артелями с целью учета продукции, производимой в качестве трудовой повинности (Гертман, 1991. С. 277–286).

Пахса в сооружениях Зартепа использовалась сравнительно редко. Одна пахсовая стена зафиксирована в числе других, построенных из кирпича, в шурфе 1974 г. Кроме того, из пахсы возведено основание городской оборонительной стены на 2,5 м высоты, тогда как выше стена сложена из кирпича (Сабилов, 1978. С. 254).

Строения городища Зартепа построены в весьма древней традиции частичного сноса обветшавших домов и возведения на их забутованных остатках новых построек, что уже было показано на примере раскопок в разных частях городи-

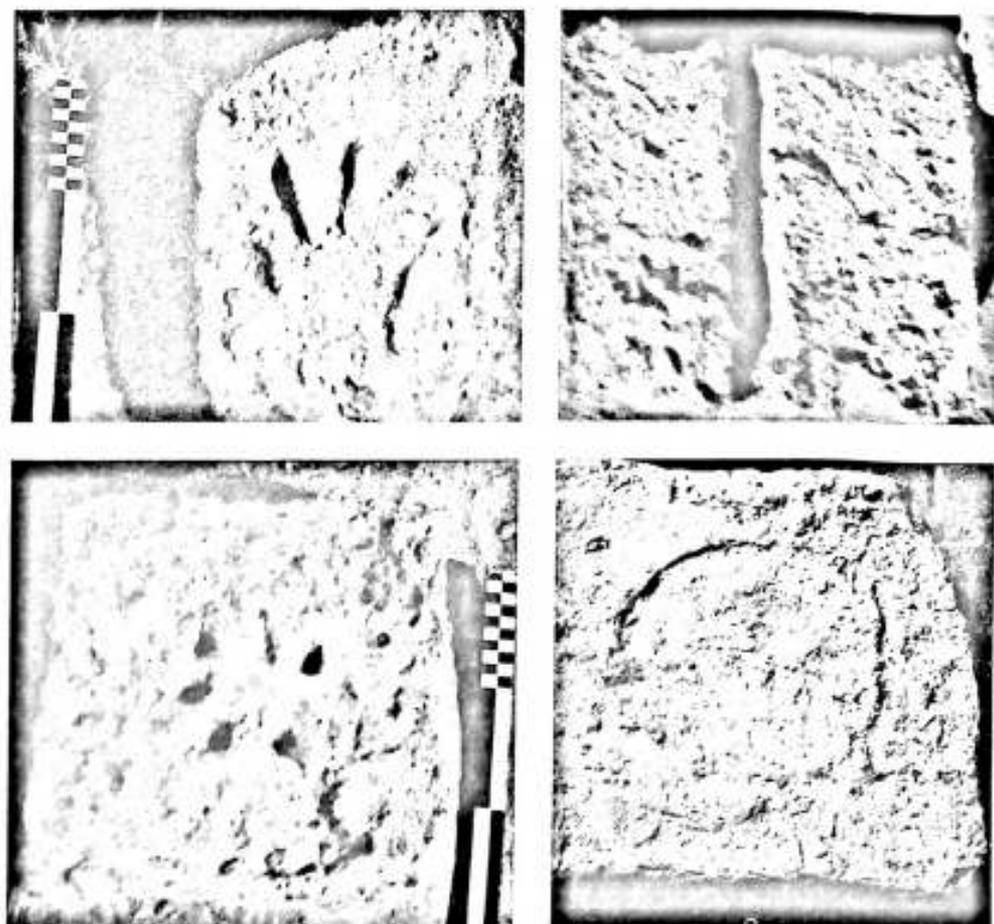

Рис. 29. Зартепа. Метки на кирпичах из построек на Р-6

ша. Здесь нет необходимости иллюстрировать эту широко распространенную практику, наблюдаемую на большинстве городищ и поселений Средней Азии. Следует лишь заострить внимание на механизме формирования культурного слоя в помещениях, дворах и на улицах. Интересные данные для понимания этого процесса дают ямы, обнаруженные в ходе работ на раскопах 6 и 9. Как отмечалось выше, «материковый» грунт из нижних ям, видимо, пошел на изготовление кирпичей для первых построек города, а сами ямы были заполнены культурным слоем. Довольно глубокая и большая яма (раскоп 9), прорезавшая напластования улицы «Магистральной», была засыпана культурным слоем. Прежде чем использовать яму в качестве свалки, из нее выбрали грунт, представлявший собой культурный слой раннего времени. В данном случае правомерно поставить вопрос: для чего мог использоваться этот грунт?

Во-первых, он мог служить для изготовления сырцовых кирпичей. Подобная практика существовала в Средней Азии, по крайней мере, с эпохи бронзы. Часть зартепинских кирпичей также сформована из культурного слоя.

Во-вторых, при строительстве кушанских и парфянских сооружений часто применялся прием горизонтальной заливки глиняным раствором швов между кирпичами (Пугаченкова, 1976б. С. 127). Для изготовления раствора вполне мог применяться культурный слой, что подтвердилось в 1986 г. в процессе расчистки кладки востоко-северо-восточной стены помещений 67–69 домовладения «Б». Эту стену постепенно надстраивали и использовали на протяжении не менее четырех строительных горизонтов. Ее кладка в горизонтах II и III очень небрежна: ширина швов между некоторыми кирпичами достигала 8–10 см. Заполнение швов свидетельствует о том, что культурный слой с характерными включениями фрагментов керамики, угольков и костей животных применялся в качестве связующего раствора (рис. 23).

В-третьих, этот грунт мог использоваться в качестве заполнения помещений при очередном повышении уровней их полов. Как отмечалось в главе II, уровни полов помещений, исследованных на разных объектах городища, неоднократно повышались, в большинстве случаев на 20–40 см (иногда до 80 см), что, по всей вероятности, было вызвано опережающими темпами роста культурного слоя во дворах и на улицах. Учитывая постоянную практику поднятия уровней полов, можно приблизительно подсчитать количество грунта, необходимое для повышения уровней полов на 30 см в помещениях домовладения «В», предполагаемая площадь которого около 2000 кв. м. Из этой площади необходимо вычесть площади стен, суф, помещений, где подъем уровня пола осуществлялся сплошной выкладкой сырцового кирпича, а также двора, где накопление культурного слоя происходило скорее в результате хозяйственной деятельности. Сюда же следует присовокупить пространственные объемы, занимаемые оставленными сосудами, очагами, зернотерками и др. Все это составляет 1/5–1/4 части площади домовладения «В». Следовательно, остальные 3/4 его площади составляют около 1500 кв. м, на которые потребовалось бы не менее 500 кубометров грунта. При всей приближенности такого подсчета итоговая цифра все же довольно значительна.

О масштабах выборки грунта, предназначенного, видимо, для вышеописанных целей, можно судить по результатам исследований на раскопе 5 городища Гяур Кала в Старом Мерве. При зачистке огромной площади около 2000 кв. м здесь были выявлены остатки застройки жилого квартала и огромные по размерам ямы, заполненные песком. Одна из этих ям, частично попавшая в пределы раскопа, имела длину не менее 32 м по линии С–Ю и ширину около 15 м по линии В–З (Hertman, Kurbansakhatov, Simpson, 1996. P. 5. Fig. 3). Интересно отметить, что по соседству с этим выделяющимся в микрорельефе холмом расположены более высокие холмы, относящиеся к раннеисламскому периоду. Не исключено, что грунт из ям использовался на строительные нужды при возведении построек на этих холмах.

Приведенная выше аргументация дает достаточно веские основания, чтобы предполагать «циркуляцию» культурного слоя внутри памятников, сооруженных в такой строительной традиции. При этом «циркуляция» культурного слоя идет в обоих направлениях: в процессе выемки грунта из ям ранние материалы попадают в поздние постройки, тогда как заполнение ям состоит из поздних материалов. Именно данным обстоятельством обусловлена весьма сложная картина с переотложенностью материалов, наблюдаемая как на Зартепа, так и на

Рис. 30. Зартепа. Р-6, домовладение «Г», пом. 94. Обожженные кирпичи на полу. Вид с СЗ

других памятниках. Особенно наглядно действие этого механизма демонстрирует стратиграфическое распределение монет. В этих условиях самое пристальное внимание должно уделяться выделению тех находок, которые можно безоговорочно относить ко времени существования того или иного домовладения, помещения или уровня пола (Завьялов, 1989. С. 15–16).

Второй прием, с помощью которого поднимались уровни полов помещений Зартепа, а отчасти и улицы «Магистральной», — закладка пространства между полами сырцовым кирпичом, что неоднократно фиксировалось на различных исследованных объектах. Однако такая практика применялась сравнительно редко (около 10% от числа раскопанных помещений в жилом квартале на Р-6), при этом не наблюдается какой-либо закономерности между функциями помещений и закладкой.

В ограниченных масштабах в строительстве использовался и обожженный кирпич, как правило, квадратной формы. Лишь в двух случаях отмечен прямоугольный кирпич. В жилище «А» обожженным кирпичом вымощен третий уровень пола помещения I (предполагаемая баня) и проход на уровне первого пола, ведущий из помещения 9 в помещение II. Кроме того, обожженный кирпич использовался в качестве подсобного материала при сооружении очагов, зернохранилищ, а также служил наподобие баз колонн для опорных стоек, поддерживавших перекрытие. Вполне вероятно, что с этой целью обожженные кирпичи были положены на вторые полы помещений 94 и 106, располагаясь группами по четыре кирпича на приблизительно равном расстоянии от стен

(рис. 5, 30)¹. Обожженные кирпичи также использовались для опор балочного перекрытия в тех случаях, когда заглубленные в стены деревянные стойки устанавливались на них, как в помещении 89 домовладения «Г». К этому следует добавить, что при раскопках Зартепа и его окрестностей, за исключением замка на цитадели и усадьбы Куёвкурбан (Аннаев, 1988. Рис. 6, 20), пока не найдено трапециевидного сырцового кирпича, характерного для сооружений со сводчатым перекрытием.

Дополнительные данные о характере перекрытий дают площади раскопанных помещений, относящихся к разным домовладениям. Максимальная длина пролетов едва ли значительно превышала 6 метров, о чем свидетельствуют приближающиеся к квадратным по форме помещения 10 и 99 (домовладения «А» и «Г» соответственно).

Отделка стен помещений производилась саманной штукатуркой, которой в большинстве случаев одновременно промазывали и пол. В тех случаях, когда на этих полах возводили суфы, их также штукатурили, причем как по горизонтальным, так и по вертикальным поверхностям. Поверх саманной штукатурки иногда наносили белую ганчевую или зеленоватого оттенка обмазку, что более характерно для помещений жилого и парадного назначения, однако строгой закономерности при этом не наблюдается, хотя тенденция проявляется отчетливо.

В интерьере помещений довольно широкое распространение получают суфы. В большинстве случаев они возведены из сырцового кирпича на высоту не более 0,5 м вдоль одной, двух, трех и четырех стен помещений. В некоторых случаях в качестве суф намеренно использовали сnivelированные остатки стен предыдущего строительного горизонта, что было зафиксировано, например, в помещениях 150 и 159 домовладения «В» жилого квартала в I строительном горизонте. Следует отметить, что при раскопках квартала отмечены противоположные ситуации, когда суфы надстраивали и использовали в качестве фундаментов новых стен. При этом иногда происходит удвоение толщины стен помещения (например помещений 23/24, 65).

В процессе исследований неоднократно отмечены случаи использования суф и их частей как порогов или ступеней к ним (помещения 108, 116, 140, 152, 155). На разные функции суфообразных сооружений указывают вкопанные в них хумы, обнаруженные в помещениях 41, 70, 86, 159 жилого квартала. Эти возвышения предназначались, видимо, не только для прочного крепления сосудов, но и для более легкого доступа к содержимому хумов и извлечению его из них.

Если ограничиваться пределами «античной эпохи», то в развитии этого элемента интерьера, по наблюдениям исследователей, прослеживается общая тенденция, сводящаяся к следующему: на территории Парфии (Дура-Европос) суфы распространяются начиная со II в. н. э. (Кошеленко, 1966. С. 125), а в Хорезме суфы, особенно П-образной формы, становятся важной деталью интерьера

¹ В помещении 94 *in situ* обнаружены только два кирпича, находившиеся близ юго-юго-восточной стены, однако их расположение предполагает, что еще два кирпича могли располагаться у северо-северо-западной стены помещения.

сельского жилища в конце античного периода (Неразик, 1976. С. 65). На территории Бактрии-Тохаристана в кушанскую эпоху, судя по раскопкам таких ранних памятников, как Мирзакултепа (Пидаев, 1978. Рис. 3), Хатын-Рабат (Пугаченкова, 1973. Рис. 15), Дальверзинтепа (Пугаченкова, Ртвеладзе и др. 1978. Рис. 41), «малого дома» в пригородной зоне Дильберджина (Пугаченкова, 1976б. Рис. 92), суфы встречаются редко и возводятся, как правило, вдоль одной из стен (*I*-образные). Суфы вдоль двух (*Г*-образные) и трех (*П*-образные) стен появляются, видимо, во II в. н. э., как показывают раскопки Кампыртепа. К этому же времени, возможно, относится и появление *T*-образных суф с прямоугольным выступом (Русанов, 2000. С. 19–32. Рис. 2, 4, 7). При раскопках квартала на Зартепа *I*-, *Г*-, *П*- и *T*-образные суфы (помещения 43, 62, 66) фиксируются сравнительно часто, и они, что подчеркивает процесс развития, разнообразны по форме.

На территории Кашкадарьинского Согда в Ёркургане в помещениях квартала ремесленников, относящегося к III–VI вв. н. э., также обнаружены *I*-, *Г*- и *П*-образные суфы (Сулейманов, 2000. С. 128. Рис. 65). В эпоху раннего Средневековья суфы получают еще более широкое распространение в Тохаристане (Соловьев, 1997. Рис. 21–23, 26–30, 35, 36) и на сопредельных территориях Самаркандского Согда (Расопова, 1990. Рис. 7, 9, 10, 13, 15–20, 28, 31, 33, 34, 36, 39, 45, 46, 49) и Хорезма (Неразик, 1986. С. 37–38).

Следует отметить сравнительную малочисленность очагов в многокомнатных домовладениях жилого квартала. Так, в жилище «А» обнаружено всего лишь два конструктивно разных, по-видимому, одновременных очага в домашнем святилище и в помещении 53. В домовладении «Б» открыто три очага, но два из них, обнаруженные в помещении 65, относятся к разным промазкам одного уровня пола. Больше очагов открыто в домовладении «В», однако и здесь одновременно функционировало не более двух (на нижних полах II строительного горизонта в помещениях 163 и 173), тогда как остальные обнаружены на разных уровнях более поздних полов (помещения 138, 150, 170. Рис. 31–32). Единственное исключение представляют три одновременных очага, открытых на уровне третьего пола помещения 164 (рис. 33), и синхронный им очаг в помещении 173 (уровень первого пола II строительного горизонта). В этом случае в домовладении «В» одновременно использовались четыре очага, расположенных в двух разных помещениях. Из трех очагов, зафиксированных в пределах домовладения «Г» (помещения 103, 116), также синхронны лишь два, относящиеся к строительному горизонту II (рис. 4). Приведенные выше данные получили подтверждение и на других раскопках — 3 и 12 (рис. 31–32), хотя изучены в меньшей степени и хуже сохранились (Завьялов, Осипов, 1976. С. 52–53. Рис. 1).

Очевидно, что такое количество очагов недостаточно для отопления раскопанных домовладений. Для кушанской жилой архитектуры это обстоятельство уже отмечено Г. А. Пугаченковой, предположившей, что обогрев помещений, скорее всего, осуществлялся с помощью переносных сандалов (Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978. С. 193). Следует подчеркнуть, что длительное использование сандалов почему-то не привело к выработке их стандартных форм наподобие жаровен или мы не можем распознать таковые.

Несмотря на относительную малочисленность, зартепинские очаги можно подразделить на два типа: I — очаги-подиумы, II — очаги с округлой ямкой в

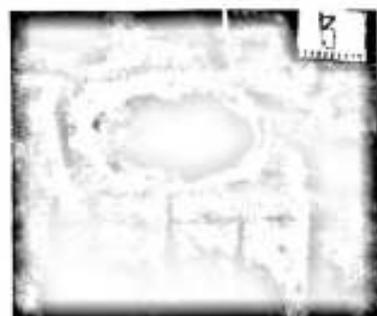

Рис. 31 (вверху). Зартепа. Очаги в помещениях:
а — пом. 163 (P-6); *б* — пом. 3 (P-12); *в* — пом. 173 (P-6);
г — пом. 6 (P-12).

Рис. 32 (справа вверху). Зартепа. Очаги в помеще-
 ниях на P-6:

а — пом. 150; *б* — пом. 86; *в* — пом. 138; *г* — пом. 10.

Рис. 33 (справа внизу). Зартепа. P-6, домовладе-
 ние «В». Очаги в пом. 164. Вид с ЮВ

центре. Очаги типа I преимущественно устроены в парадных помещениях и святилищах, располагаясь либо в центре постройки (помещение 10 домовладения «А» и 23/24 домовладения «Д»), либо на одной из центральных осей (двенадцатиколонный зал зартепинского дворца). При несомненном типологическом сходстве очагов этого типа (наличие подиумов, расположение вблизи от центра помещений и тяготении к комнатам и залам парадного и культового назначения) все они обладают индивидуальными признаками. Так, например, очаг в помещении 10 домовладения «А» имеет с одной из своих торцовых сторон бортик из поставленных на ребро обожженных кирпичей, тогда как очаг в помещении 23/24 имел П-образный бортик. Два очага-подиума в двенадцатиколонном зале дворца, в отличие от вышеупомянутых, по форме приближаются к квадра-

ту (Щетенко, 1974. Рис. 1). Еще более оригинальна форма очага-подиума, обнаруженного в помещении 14 домашнего святилища, исследованного на поселении Актепа II в Кобадiane. В плане он представлял собой прямоугольник с примыкающим к одной из его сторон полукругом (Седов, 1987. С. 15. Рис. 4). При дальнейшем накоплении материала можно будет выяснить варианты данного типа.

Простейшим вариантом очагов типа II являются очаги в виде округлой в плане ямки, выкопанной в полу на глубину до 40 см и имеющей в разрезе цилиндрическую или U-образную форму. Очаги этого варианта обнаружены во всех трех строительных горизонтах (помещения 53, 65, 150, 170 на раскопе 6 и помещение 4 на раскопе 3). Более усложненным вариантом этого типа являются очаги, стенки или края которых укреплены придонной частью хума или его венчиком (рис. 31, 32в). Такие очаги встречены в помещениях 116, 138, 173 и во дворе «Б». Еще более сложную конструкцию представляют девять очагов, три из которых открыты в помещениях 3 и 6 на раскопе 12, а шесть других в помещениях 103 (один очаг), 163 (один очаг) и 164 (четыре очага) на раскопе 6 в домовладениях «В» и «Г». У этих очагов дополнительно появляется обкладка-футляр из целых сырцовых кирпичей или их частей. Кирпичи иногда поставлены на ребро, а между ними и стенкой хума находится зола, как, например, в очагах помещений 3 и 6 на раскопе 12 (рис. 31б, г). Форма футляров различна и зависит от места расположения очага в помещении. Например, очаг возле северного угла помещения 103 домовладения «Г» по форме близок к квадрату. Возведенные близ стен очаги (помещения 163 и 164) имеют полуовальный футляр (рис. 31а, 33). Однако обнаруженные в помещении 164 очаги, не примыкающие к стене, окружены круглым или близким к овалу кирпичным футляром.

Оригинален очаг, устроенный на третьем уровне пола помещения 86 в домовладении «Г». У него отсутствует сырцовая платформа. Вместо нее в основании лежит обожженный кирпич, окруженный П-образным бортиком из частей обожженных кирпичей и сегментовидного фрагмента крышки хума (рис. 32б). Не исключено также, что в качестве очажной платформы служило прямоугольное сырцовое сооружение, напоминающее суфу и примыкающее к юго-юго-восточной стене помещения 129 (домовладение «В»), в пользу чего свидетельствует сильная прокаленность как самой стены, так и верхней поверхности сооружения (рис. 15б).

Очаги типа I, как правило, устроены в помещениях с суфами, в то время как очаги типа II преимущественно в помещениях без суф, хотя и здесь не обошлось без исключений: в двух случаях очаги простейшего варианта типа II (помещение 4 на раскопе 3 и помещение 65 домовладения «Б» на раскопе 6) находились в помещениях с П- и Г-образными суфами; кроме того, очаги с обкладкой-футляром обнаружены в помещении 164 домовладения «В» на уровне четвертого пола вместе с I-образной нештукатуренной суфой и в помещении 163 с П-образной суфой. Тем не менее, отмеченная тенденция подтверждена раскопками в Кобадiane (Седов, 1987. С. 17, 51. Рис. 4), а также в Дильберджине (Кругликова, 1974. С. 86. Рис. 58). Это обстоятельство наводит на мысль, что два выделенных типа очагов функционально различны и что очаги типа II, по-видимому,

предназначались для бытовых нужд населения, связанных, в первую очередь, с приготовлением пищи. При этом отсутствие очагов во дворах (единственное исключение — очаг типа II во дворе «Б») предполагает наличие в домовладениях кухонных помещений. Наиболее показательно расположение очагов типа II в домовладении «В», где в строительном горизонте II кухней, видимо, являлось соседствующее с переулком помещение 164, в котором обнаружено четыре очага. В I строительном горизонте (верхний уровень полов домовладения «В») в качестве кухни, по-видимому, использовалось помещение 150 с двумя одновременными очагами, а в более раннее время — помещение 138 (третий уровень пола I строительного горизонта). Представляет интерес и то, что все вышеперечисленные помещения располагались по соседству либо с открытым двором, либо с переулком. Весьма схожая ситуация наблюдалась при раскопках поселения Актепа II в Кобадияне, где на раскопе 1 во втором периоде зафиксировано помещение 3 с очагом типа II (обкладка-футляр полуовальной формы), располагавшееся по соседству с двором 1 (Седов, 1987. С. 17. Рис. 4). Такое расположение помещений с очагами вблизи открытых пространств, по-видимому, связано с необходимостью вывода наружу продуктов горения.

В заключение обратимся к вопросу о генезисе очагов. Появление очагов типа II (вариант с обкладкой-футляром), судя по результатам работ Советско-Афганской экспедиции (Кругликова, 1974. С. 85–97. Рис. 58; Вайнберг, Кругликова, 1976. С. 178; Кругликова, 1973. С. 111), можно отнести, по крайней мере, к великокушанскому времени. В свою очередь, очаги типа I, по-видимому, восходят к алтарям, открытым в храмовых комплексах Дильберджина (Кругликова, 1986. С. 54–56, 60, 67, 69, 83. Рис. 47, 50, 64, 80) и Сурх-Котала (Schlumberger, Verre, Fussman, 1983. Pl. IX–XI). Однако настаивать на данном предположении, учитывая иной социальный статус дильберджинского и сурхкотальского храмов, а также отсутствие прямых свидетельств в жилой архитектуре ранне- и великокушанского времени, видимо, преждевременно.

К элементам интерьера принадлежат, кроме того, и ниши, большинство из которых относится к I строительному горизонту, вследствие того, что их делали на месте бывших проходов II строительного горизонта. При этом в нишах нередко устанавливается хум (помещение 2 домовладения «А») или устраивается зерновой отсек, как это было отмечено в помещении 4 того же домовладения. Ниши, образовавшиеся при закладке проходов, обнаружены также в домовладениях «В» (помещения 119, 127) и «Б» (юго-восточная стена помещения 67). Переделка проходов в ниши наблюдалась в Дильберджине (Кругликова, 1974. С. 86), что свидетельствует о широком использовании такого строительного приема. Только в одном случае (помещение 162 домовладения «В») вблизи прохода была обнаружена полностью сохранившаяся сводчатая ниша со следами копти от светильника (?).

Обнаруженные в процессе раскопок проходы, связывавшие помещения, достигают максимальной ширины 1,25–1,40 м (помещения 98 домовладения «Д» и 78 домовладения «Б»). Минимальная ширина прохода — 0,60 м зафиксирована в помещении 62 домовладения «А». В большинстве комнат ширина проходов составляла 0,80–1 м, реже — 0,60–0,80 и более 1 м (ср. рис. 4, 5). Остатки дверных коробок были обнаружены лишь дважды: в проходе из помеще-

ния 125 в помещение 133 I строительного горизонта домовладения «В» и в юго-юго-восточном проходе из помещения 2 II строительного горизонта на раскопе 12. В обоих случаях деревянные брусья порога, вставленные в специально приготовленные для них пазы в полу перед дверным проемом, сохранились в виде древесного тлена. Редкие находки остатков дверных коробок вряд ли свидетельствуют о столь же редком наличии дверей, учитывая рациональную возможность их дальнейшего повторного использования (этот вывод косвенно подтверждается и не менее редкими остатками стоек, поддерживавших перекрытие).

Описанные строительные приемы и материалы, применявшиеся при сооружении различных объектов древнего города в кушано-сасанидский период, демонстрируют устойчивую преемственность по отношению к ранней архитектуре, известной по раскопкам как на Зартепа, так и на других бактрийских памятниках (Пилипко, 1985б. С. 92, 93, 97; Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978. С. 91–199; Кругликова, 1986). Примечательно, что использование этих строительных приемов и материалов продолжается на памятниках, возникновение которых приходится именно на кушано-сасанидский период (Седов, 1987а. С. 49–54).

По совокупности признаков постройки, зафиксированные на раскопах 3, 6, 12, можно отнести к разряду рядовых, о чем свидетельствует отсутствие в них живописи, скульптуры и архитектурного декора. В разделенных глухими стенами домовладениях «А», «Б» и «Д» жилого квартала Зартепа по ряду признаков можно выделить парадно-жилые и подсобно-хозяйственные части. При этом парадно-жилые части располагаются в западо-юго-западных половинах домовладений, а подсобно-хозяйственные части, сгруппированные вокруг дворов, — в противоположных востоко-северо-восточных половинах (рис. 4). Принадлежность святилища (помещение 10) к домовладению «А» подтверждается его расположением близ парадно-жилой части строения и наличием проходов, обеспечивавших легкий доступ в святилище из этой части домовладения через коридорообразное помещение 16, в котором зафиксированы промазки полов. От подсобно-хозяйственной части домовладения святилище отделено более толстыми стенами, не имевшими проходов, однако доступ в него мог осуществляться через расположенное по соседству помещение 7 и улицу «Внутриквартальную». Не исключено, что существовал и еще один путь к святилищу через помещение 17 с юго-юго-востока, где, видимо, располагались фасады с навесами, возможно, всех трех домовладений.

В домовладении «Б» роль святилища отводилась, по-видимому, помещению 65 с суфами и очагами, также, предположительно, входившему в парадно-жилую часть домовладения. Если это так, то оно значительно меньше святилища в домовладении «А», хотя стены его толще, и более скромно оформлено. Интересно отметить, что в домовладении «Б» не обнаружено и бани, открытой в домовладении «А» (помещение 1) и имеющей параллель лишь в богатом доме (помещение 14 объекта ДТ-5) Дальверзинтепа (Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978. С. 36. Рис. 15, 20).

Домовладения «В», «Г» и «Е», расположенные по другую сторону улицы, были, вероятно, крупнее и имели иную планировку, однако незавершенность раскопок и плохая сохранность построек не позволяют детально очертить ар-

хитектурную композицию. Можно отметить единственную характерную для них черту — наличие внутренних дворов (домовладения «В», «Г» и, вероятно, «Е»). Возможно, что между домовладениями «Г» и «Е» существовала глухая стена, которая их разграничивала. Два коридорообразных помещения 44 и 56, напоминающих переулки (домовладение «Г»), скорее всего, представляли собой именно коридоры, обеспечивавшие вход с улицы «Внутриквартальной», о чем свидетельствуют обнаруженные в них полы. Группы связанных между собой помещений могли составлять какие-то отдельные жилища в пределах домовладений «В», «Г», однако их выделение, не обеспеченное достаточными доказательствами, будет носить спекулятивный характер, что заставляет воздержаться от таких предположений.

Застройку Зартепа следует рассматривать на социальном фоне жилых построек, относящихся к предшествующему периоду, с тем чтобы выявить генезис архитектурно-композиционной схемы. К сожалению, на этом пути встает целый ряд затруднений и неясностей, обусловленных недостаточной степенью изученности и сохранности архитектуры как на Зартепа, так и на других памятниках Бактрии-Тохаристана. Тем не менее, учитывая появившиеся в печати разработки по этой проблеме (Пугаченкова, 1973. С. 121–130; 1976а. С. 38–42; 1976б. С. 125–137, 151–157; Литвинский, Седов, 1983. С. 117–137; Массон, 1985. С. 261–263) можно предпринять некоторые шаги в данном направлении.

Рядовая жилая архитектура кушанского периода представлена к настоящему времени тремя относительно хорошо сохранившимися домами, которые позволяют судить об их архитектурно-планировочной схеме: дом «владельца мастерской» в Хатын-Рабате (Пугаченкова, 1973. С. 97. Рис. 15), дом «рядового горожанина» на Дальверзинтепа (Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978. С. 65–74. Рис. 41) и так называемый малый дом на Дильберджине (Кругликова, Пугаченкова, 1977. С. 91–103; Пугаченкова, 1976б. С. 154–155. Рис. 92). Судя по описанию, первые два дома представляли собой отдельно стоящие постройки, тогда как третий располагался в пределах квартала в пригородной зоне Дильберджина, однако связь его с другими домовладениями осталась неясной. Характеризуя эти объекты, Г. А. Пугаченкова отмечала: «Общий композиционно-планировочный принцип сводится к функционально-четкому выделению в бактрийских домах парадно-гостевой группы, жилищно-бытовой и системы связующих или, наоборот, разделяющих их коридоров, частично выполнявших хозяйственно-складские функции, иногда в доме выделяется домашняя молельня, планировочно смежная с центральной группой» (Пугаченкова, 1976а. С. 40). Это заключение вытекало из проведенного анализа жилой архитектуры, без учета социальной значимости отдельных домов, хотя последняя и не осталась без внимания при описании самих построек. В результате оказалось, что рядовая архитектура «может быть проиллюстрирована на примерах» (Пугаченкова, 1976а. С. 38) и не находит своего места в предложенной типологии, в то время как богатые дома на Дальверзинтепа ДТ-5 и ДТ-6 «совершенно определенно относятся к группе Б (зал или группа зал–вестибюль–айван в обводе коридора и разнообразных помещений)» (Пугаченкова, 1976б. С. 155). Не ставя перед собой задачи создать типологию построек, относимых к рядовой жилой архитектуре

(проявленная Г. А. Пугаченковой осторожность вполне обоснованна), все же обратим внимание на некоторые сходства и различия, свойственные зартепинской застройке кушано-сасанидского времени и «рядовым» домам кушанского периода.

Согласно наблюдениям исследователей, все три дома имеют подпрямоугольную планировку наружных стен и два открытых двора (передний, или парадный, и задний, или хозяйственный). Количество помещений внутри этих построек колеблется от 9 до 16, а их общая площадь по периметру ограждающих стен варьирует от 378 кв. м (дом в Хатын-Рабате) до 572 кв. м (дом ДТ-2 на Дальверзинтепа). В домах Хатын-Рабата и Дильберджина обнаружены кухни, расположенные близ дворов, а также парадно-гостевые помещения, но помещения, которые можно было бы отнести к домашним святилищам или молельням, архитектурно не выделены. В доме на Дальверзинтепа, по заключению Г. А. Пугаченковой, наоборот, имеется помещение-молельня, использовавшееся и как гостиная (михманхана), но, кажется, нет кухни (Пугаченкова, Ртвеладзе и др. 1978. С. 69–70).

К великокушанскому периоду относятся остатки застройки верхнего строительного горизонта на цитадели и шахристане Кампыртепа (Курбанов, 2000. С. 39–74; Шейко, 2000. С. 75–96). На цитадели раскопано более 120 помещений, составлявших 28 домовладений, классифицированных по количеству помещений на одно-, двух-, четырех-, восьми- девяти- и одиннадцатикомнатные. В северной части цитадели зафиксирована глухая стена, что позволило автору условно назвать разделенные стеной северо-западную и северо-восточную части застройки цитадели блоками-кварталами. Сплошная застройка цитадели разделена улицей, идущей с востока на запад. Связь между блоками застройки, помимо этой улицы, осуществлялась посредством четырех длинных коленчатых коридоров-улиц. Из общего числа домовладений семь отнесены к культовым комплексам или святилищам, в которых выделяются молитвенные залы (Курбанов, 2000. С. 39–43).

В шахристане Кампыртепа исследована застройка, в которой также выделены отдельные жилые блоки, разделенные так называемыми улицами-коридорами и глухими стенами (Русанов, 2000. С. 31. Рис. 2–6). Как предполагают исследователи, улицы-коридоры шириной 1,1–2,5 м имели перекрытия, так как каких-либо натеков или следов потоков воды на них не обнаружено. Д. В. Русанов отмечает, что в ряде случаев «происходит массовая перепланировка крупных жилых домов с целью образования пусть небольших, но нескольких самостоятельных жилых ячеек», а для расположенных в глубине сплошной застройки жилищ предполагает наличие маленьких внутренних двориков, предназначенных для проветривания помещений (Русанов, 2000. С. 20).

Жилая застройка, вероятно, кушано-сасанидского периода исследована также на цитадели Дильберджина (Кругликова, 2001. С. 312–412). Эта застройка по многим параметрам обнаруживает очень большое сходство с домовладениями жилого квартала на Зартепа. Существенное различие проявляется лишь в том, что при застройке Дильберджина строителями учитывалась конфигурация его цитадели, что также характерно и для Кампыртепа, где цитадель, правда, имеет другую форму. На Зартепа жилая застройка представляла собой именно квартал, строившийся с учетом расположения окружающих его улиц и в соот-

ветствии с ориентировкой города. Еще одно отличие характеризуется тем, что в Дильберджине в числе многих обнаруженных в помещениях суф пока нет *T*-образных с прямоугольным выступом. Среди раскопанных помещений на цитадели Дильберджина не выделены также возможные домашние святилища. Жилые блоки здесь разделены узкими улочками шириной 1,3–2,3 м. Предполагается, что на восточном участке раскопа СШ организующим центром жилого массива был квадратный двор размером 7,4 × 7,3 м (Кругликова, 2001. С. 324).

Застройка, по-видимому, близкая дильберджинской, была зафиксирована в кроющем верхнем слое поселения Жигатепа в процессе работ Советско-Афганской экспедиции. Однако привлечение этой архитектуры в качестве аналогии вряд ли возможно, вследствие того что схематический план западного блока строений был сделан лишь по гребням стен (Пугаченкова, 1979. С. 78–79. Рис. 16). Некоторые данные для характеристики архитектуры и найденных артефактов дают результаты раскопок городища Емшитеп в Северном Афганистане (Кругликова, 1973. С. 104–113). В частности, на раскопе IV обнаружены открытые дворы, напоминающие размерами дворы на городище Зартепа.

Застройка сельских поселений Бактрии-Тохаристана изучена в очень ограниченных масштабах по раскопкам в Аккургане (Шерабадский район Сурхандарьинской области) и в Актепа II в Кобадияне (Пидаев, 1978; Седов, 1987). Характеризуя композиционную схему жилых зданий Актепа II, А. В. Седов пришел к выводу, что их организующим центром был, вероятно, «небольшой внутренний дворик» (Седов, 1987. С. 51). Дворик² имел *G*-образную форму длиной 4,2 м и шириной 3,5 м в северной части. Он похож на двор в домовладении «А» (Зартепа). Не совсем ясным осталось соотношение актепинского святилища и расположенной к западу от него части домовладения с двором. Святилище как будто отделено от домовладения улочкой шириной 1 м, но относящееся к святилищу помещение 10А находится на участке «крупного жилого комплекса» западнее улочки. Во втором периоде на забутованных остатках помещения 10А возводится относящееся к жилому комплексу помещение 10, непосредственно примыкающее к западной стене святилища (Седов, 1987. С. 12–19. Рис. 2, 4–5).

В застройке Аккургана выделено пять «хозяйственно-жилых комплексов», три из них — центральный, северный и восточный — разделены широкой (не менее 10 м) *G*-образной улицей. В пределах раскопа обнаружены три двора. Двор в центральном комплексе был, видимо, открытым, внутренним. Второй двор располагается между северным и восточным комплексами. При этом проходы из него ведут в оба комплекса (Пидаев, 1978. С. 50–62. Рис. 16). Такое расположение двора необычно. Если северный и восточный комплексы действительно были разными домовладениями, то двор представлял собой либо междомное пространство, либо принадлежал двум хозяевам одновременно. Третий двор, возможно, также располагается между домами в южной части поселения Аккурган.

Что касается зартепинской застройки кушано-сасанидского времени, то в сравнительно крупных домовладениях жилого квартала были открытые внутренние дворы, окруженные по периметру с четырех (домовладения «В» и, воз-

² Дворик на рисунке обозначен как помещение 1.

можно, «А») или трех сторон (домовладения «Г» и, по-видимому, «Б») системой жилых или чаще подсобно-хозяйственных помещений (рис. 4, 5). В домовладении «А» двор был организующим центром только его подсобно-хозяйственной части. В двух случаях (определенно в домовладении «Г» и предположительно в домовладении «Е») дворы примыкали к улице «Внутриквартальной», будучи отделены от нее только своими юго-юго-восточными стенами. Хозяйственная функция дворов выявлена на Зартепа не столь отчетливо, чтобы утверждать, что они служили для приготовления пищи. Скорее дворы играли роль связующего звена между всеми выходящими в них помещениями. Лишь в домовладении «В» жилого квартала Зартепа и в «малом доме» Дильберджина дворы могли использоваться для приготовления пищи, о чем свидетельствуют обнаруженные в них очаги. Таким образом, открытые дворы в квартале Зартепа по месту расположения в планировке домовладений существенно отличаются от дворов в «рядовых» домах предшествующего периода в Хатын-Рабате, Дальверзинтепа и Дильберджине. В то же время следует отметить, что в зартепинских домовладениях наблюдаются признаки выделенной Г. А. Пугаченковой для богатых домов и храмов композиции «с центральным элементом и его периметральным или П-образным обводом» (Пугаченкова, 1973. С. 122–125), применимой в данном случае к подсобно-хозяйственной части домовладения «В», двор которого в строгательном горизонте II окружен длинными коридорообразными помещениями, правда, лишь с двух сторон (рис. 4).

С той же самой композицией А. В. Седов связывает святилище, исследованное на поселении Актепа II, указав на широкое применение ее для разнофункциональных построек (Седов, 1987. С. 50–51). Это обстоятельство подводит нас к вопросу о роли и месте домашних святилищ в жилой архитектуре кушано-сасанидского и предшествующего кушанского периодов. Актуальность этой проблематики еще более возрастает, если учесть опубликованные к настоящему времени разработки по домашним храмам и молельням эпохи раннего Средневековья, исследованным на территории Согда, Чача и Хорезма (Воронина, 1960. С. 42–55; Распопова, 1981. С. 132–133; Гуревич, 1981. С. 45–47; Богомолов, Буряков, 1987. С. 76–88; Ахунбабаев, 1987. С. 10–21; Филянович, 1987. С. 148–166; Исамиддинов, 1988. С. 32–36; Неразик, 1966. С. 85–91). Большинство исследователей в поисках генетических корней этого столь распространенного в раннем Средневековье явления естественно обращаются к материалам предшествующей эпохи. Так, М. И. Филянович, отметив отсутствие истоков элементов, характерных для святилищ огня на территории Чача, подчеркивает, что они, как и истоки согдийских капелл, обнаруживаются в «античной Бактрии» (Филянович, 1987. С. 153). В наиболее концентрированной форме признаки, присущие святилищам огня, проявляются именно в кушано-сасанидский период на территории Кушаншахра. Последнее подтверждается раскопками святилищ в жилом квартале на Зартепа (помещение 10 домовладения «А») и на раскопе I поселения Актепа II в Кобадiane (Седов, 1987. Рис. 2, 4). Эти святилища хотя и различаются между собой, но имеют два основных признака — очаги-подиумы в центре и П-образные суфы, столь популярные позднее. Более того, данные признаки в слегка видоизмененной форме представлены в двенадцатиколонном зале зартепинского дворца, где два одновременных очага-подиума располагались на центральной оси зала, вдоль

трех стен которого шла П-образная суфа, прерывавшаяся на месте первоначального прохода, заложенного во втором строительном периоде при сооружении Т-образной суфы с прямоугольным выступом (Щетенко, 1974. С. 46–47. Рис. 1). Вариации этих признаков характерны также для Красного зала дворца Варахши (Шишкин, 1963. С. 53–59. Рис. 16). Продолжение данной традиции в Тохаристане зафиксировано при раскопках нескольких памятников в Таджикистане (Соловьев, 1997. С. 76–98) и в Узбекистане — Балалыктепа (Альбаум, 1960. С. 85–102. Рис. 43), усадьба Бабатепа (Немцева, 1989. С. 143–146). Однако в святилище усадьбы Бабатепа очаг-подиум находится не в центре помещения и относится к типу так называемых каминных или пристенных очагов, генезис которых на территории Средней Азии, по заключению ряда исследователей (Литвинский, Соловьев, 1985. С. 84–88; Немцева, 1989. С. 144), имеет глубокие корни. Не исключено, что от так называемого трона или алтаря с крыльями, впервые обнаруженного в третьем строительном периоде храма Дильберджина (Кругликова, 1986. С. 54–57. Рис. 36, 46–50), могут происходить Т-образные суфы с прямоугольным выступом, найденные в двенадцатиколонном зале дворца и в помещениях 43, 62, 66 жилого квартала Зартепа. Их появление пока не фиксируется ранее правления Канишки I. Этому не противоречат и близкие по форме сооружения с прямоугольными выступами и очагами каминного типа в Кампыртепа.

Для более полного изучения застройки кушано-сасанидского времени, учитывая обстоятельства возникновения Кушаншахра, необходимо обратиться к материалам памятников Сасанидского Ирана, которые в течение многих лет раскапывались Итальянской археологической миссией. Речь идет об исследовании городища Кохе, расположенного близ Селевкии-на-Тигре и Ктесифона. Оно отождествляется с Вех-Ардаширом (Gullini, 1966. P. 8–38. Pl. I; Simpson, 2000. P. 57–66). По результатам раскопок в течение двух первых сезонов было выдвинуто предположение, что основная часть территории древнего города интенсивно обживалась начиная со второй четверти III — вплоть до конца V в. (Gullini, 1966. P. 38; Cavallero, 1966. P. 80–84). Дальнейшие раскопки отчасти подтвердили это предположение (Venco Ricciardi, 1970–1971. P. 47), отчасти внесли некоторые коррективы: выяснилось, что отдельные городские участки были обжиты и позднее (Venco Ricciardi, 1973–1974. P. 15). Постройки внутри города возведены в той же самой строительной традиции сноса обветшавших стен и возведения на их остатках, использованных в качестве фундамента, новых. При этом было выделено одиннадцать слоев, отложившихся в процессе существования и перестроек древнего города. Нижний (XI) представлен могилами предшествующего парфянского времени (Cavallero, 1966. P. 80–84). Очевидно, что основная часть выделенных исследователями слоев представляла собой уровни обживания или полы, поднимавшиеся, как и на Зартепа, путем подсыпки. Судя по разрезам (Cavallero, 1966. Pl. X; Cavallero, 1967. P. 48–51. Pl. VI), кардинальные перестройки, соответствующие принятым в отечественной археологической литературе строительным горизонтам, производились не менее трех-четырёх раз (в тех частях городища Кохе, где зафиксированы слои второй четверти III — конца V в.).

Выявленная раскопками архитектурно-планировочная система застройки городища Кохе обнаруживает большое сходство с застройкой зартепинского жилого квартала, проявляющееся не только в системе организации домовладе-

ний, но и в целом ряде отдельных архитектурных элементов и строительных приемов. Это сходство проявляется, прежде всего, в наличии многокомнатных домовладений, близких зартепинским и по размерам, располагающихся по обеим сторонам разделявшей их улочки. Ширина улицы на разных ее участках колеблется от двух до шести метров, вследствие того что отдельные части некоторых домовладений выступают часто неровными стенами внутрь уличного пространства. Следует отметить, что в процессе раскопок исследователи затруднялись вычленять отдельные домовладения (блоки). Это было обусловлено сложностью обнаружения проходов, связывающих помещения, а также степенью сохранности и изученности аналогичных объектов как в пределах городища, так и на других синхронных памятниках. В качестве примера можно привести раскопанный в 1970 г. блок S (южный), границы которого отчетливо очерчиваются только с трех сторон — улица 127 и два переулка 45 и 48. С южной стороны блок ограничен в юго-западной части переулком-тупиком 132, а в юго-восточной части продолжается южнее (Venco Ricciardi, 1970–1971. P. 45). Более того, в изучавшемся тогда же блоке N (северный) даже и такой определенности не наблюдается. Южная его граница определяется по улице 127, западная — по улице 129, а северная — по переулку-тупику 123. Восточной границей, по крайней мере в северо-восточном углу блока, могла служить глухая стена Д, укрепленная снаружи контрфорсом (Venco Ricciardi, 1970–1971. P. 41. Pl. IV) и разделяющая с одной стороны помещения 68, 147, а с другой — помещение 130. В юго-восточном углу северный блок предположительно ограничивается стеной С, разделяющей помещения 110, 113, 114, 117 и помещения 119, 120, 149. По заключению автора, блок N ограничен с востока глухими стенами, о чем свидетельствует также дренажная система, предохраняющая эти стены от разрушения (Venco Ricciardi, 1970–1971. P. 42). Таким образом, выделение в квартале отдельных блоков (домовладений?) на городище Кохе следует двум основным критериям: ограничению переулками и ограничению глухими стенами.

Сходство застройки на городищах Зартепа и Кохе прослеживается в планировке и близких размерах внутренних открытых дворов и помещений. Об этом же свидетельствует и применение таких сходных строительных приемов, как разделение перегородкой больших помещений на два и, наоборот, увеличение площади помещений за счет удаления перегородок, использование суф в качестве порогов-ступеней, стен в качестве суф и суф как стен. Столь близкие параллели в архитектурно-планировочных схемах между жилой застройкой Бактрии-Тохаристана и Сасанидского Ирана можно, видимо, связать с культурными влияниями³ после сасанидских завоеваний на Востоке, приведших к образованию Кушаншахра. Вместе с тем на городище Кохе наблюдается ряд отличий, проявляющихся в интерьере помещений, примером чему может служить сравнительно небольшое количество суф, отсутствие очагов и кухонь, наличие дренажных систем и, возможно, отсутствие домашних святилищ.

Заканчивая характеристику застройки Зартепа, следует отметить наиболее важные наблюдения, выявленные при ее сравнении с застройкой других син-

³ Такие влияния в строительной технике и архитектуре могли проникать в Бактрию-Тохаристан вместе с подвижными артелями профессиональных строителей (Распопова, 1990. С. 192–193).

хронных, а также более ранних и более поздних памятников. Зартепинская застройка обнаруживает преемственность в строительных приемах и материалах и отличие в архитектурно-планировочных схемах в сравнении с архитектурой предшествующего периода (Хатын-Рабат, Дальверзинтепа, Дильберджин, Кампыртепа). В первую очередь обращает на себя внимание значительное (в 3–4 раза) увеличение площади домовладений, составляющих жилой квартал Зартепа, а также иное расположение дворов. Во-вторых, в застройке жилого квартала Зартепа маловероятно наличие переулков и улочек между домовладениями, разделенными глухими стенами.

Сравнение с застройкой близких по времени памятников Дильберджин, Емшиттепа и Кохе в Бактрии-Тохаристане и Иране показывает, что внутренним дворам придавалось большое значение при планировке многокомнатных домовладений. Однако в домовладениях, исследовавшихся на этих памятниках, пока не выделены домашние святилища, подобные зартепинским, и, видимо, функционально значимые помещения с суфами *T*-образной формы, имеющими прямоугольный выступ.

Застройка Зартепа обнаруживает сходство с архитектурой сельского поселения Актепа II (наличие домашнего святилища и двора). Впрочем, размеры святилища и двора в Актепа II все же меньше зартепинских. Расположение многокомнатных домовладений в Аккургане свидетельствует о том, что при их возведении учитывали конфигурацию холма. Аналогичным образом застроены цитадели Кампыртепа и Дильберджина.

Наличие *T*-образных суф с прямоугольным выступом в имеющихся, вероятно, особое назначение помещениях (жилой квартал и дворец Зартепа) в дальнейшем становится характерной чертой архитектуры Северного Тохаристана и Согда.

§ 2. Антропоморфная терракота

Найденные на Зартепа статуэтки по способу изготовления можно разделить на три группы: лепные, оттиснутые в матрицах и сделанные в смешанной технике⁴. В первой группе, насчитывающей семь фрагментов, имеются изображения трех всадников (рис. 34: б–г; см. вкл. 1, рис. 2–3; фрагмент фигурки сидящей женщины с ребенком на руках (рис. 35а; см. вкл. 1, рис. 4); фрагмент, видимо, мужского торса (рис. 35б; см. вкл. 2, рис. 1); фрагмент мужского торса с головой (рис. 35в; см. вкл. 2, рис. 2), а также фрагмент головы боддисатвы (рис. 36а, б) (Абдуллаев, Завьялов, 1985б. С. 118. Рис. 9).

Наиболее многочисленна вторая группа, к которой относятся 16 фигурок, полностью или частично сохранившихся, и матрица⁵. Среди них четыре фигурки (рис. 37а–г) отнесены к буддийскому кругу изображений (Абдуллаев, Завьялов, 1985б. С. 111–121. Рис. 2–4, 8; Zavyalov, 1994. Fig. 7)⁶. Сидящие

⁴ Подробное описание некоторых терракотовых статуэток приведено в статьях (Абдуллаев, Завьялов, 1985б. С. 111–121; Завьялов, 1981. С. 65–69).

⁵ Изображение в матрице было оттиснуто в лабораторных условиях.

⁶ Впервые фигурка стоящего Будды, интерпретированная ранее как женское изображение (Завьялов, 1979), была правильно идентифицирована Н. А. Лазаревской.

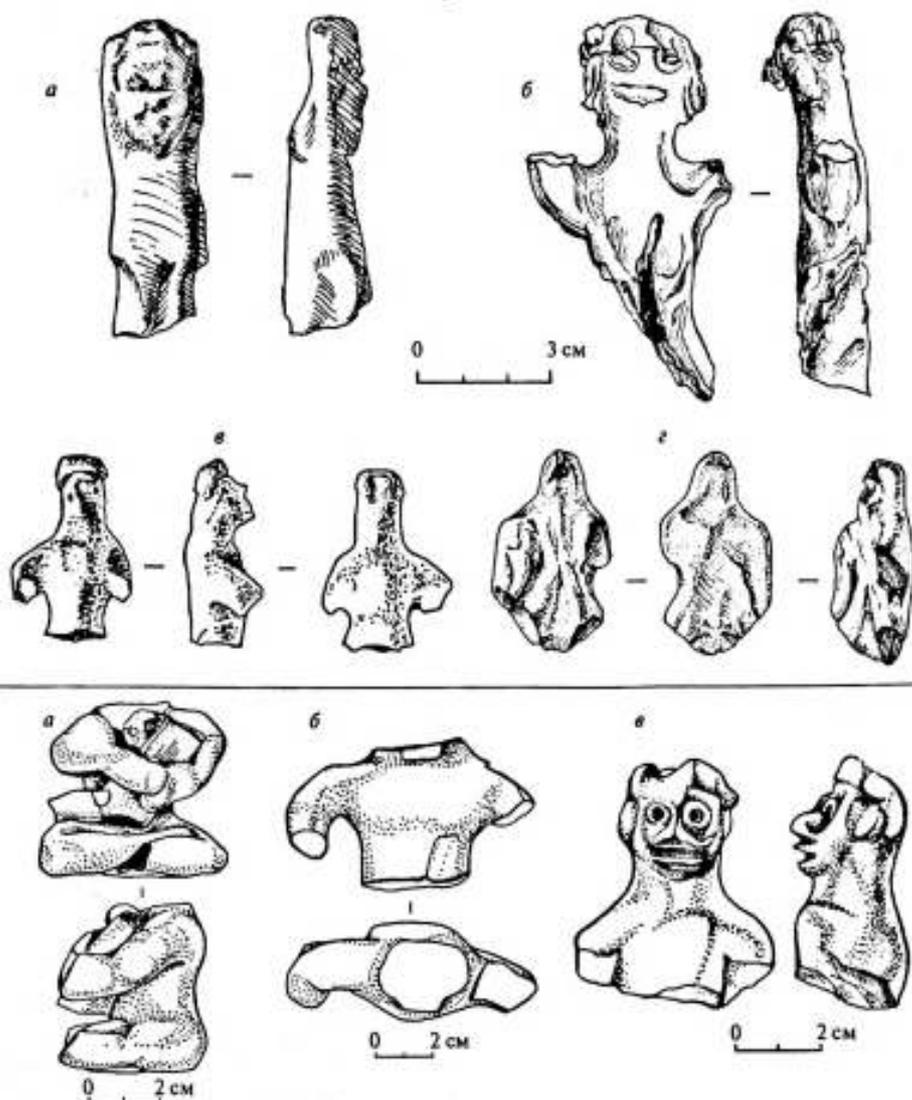

Рис. 34. Зартепа. Терракотовые фигурки всадников:

а — Р-6, пом. 11; б — Р-9, IV ярус; в — Р-6, пом. 158; г — Р-6, пом. 141

Рис. 35. Зартепа. Р-6. Лепные статуэтки:

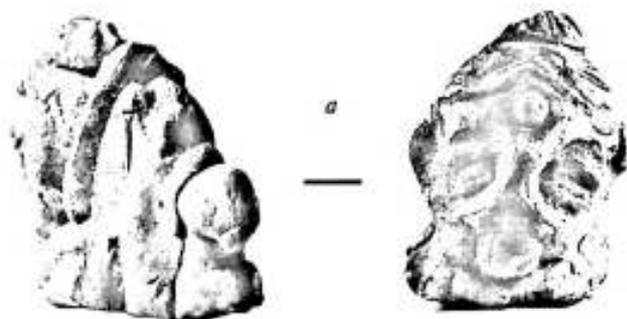
а — фрагмент фигурки сидящей женщины с ребенком на руках из пом. 172; б — фрагмент мужской статуэтки (торс) из ямы в пом. 160; в — фрагмент мужского торса с головой из подъемного материала

Рис. 36. Зартепа. Р-6, домовладение «В», пом. 125. Голова боддисатвы (?) из заполнения над 1-м полом:

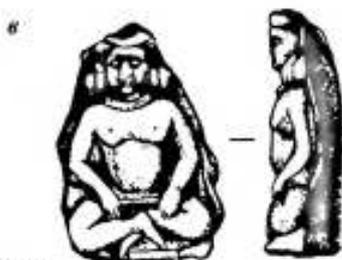
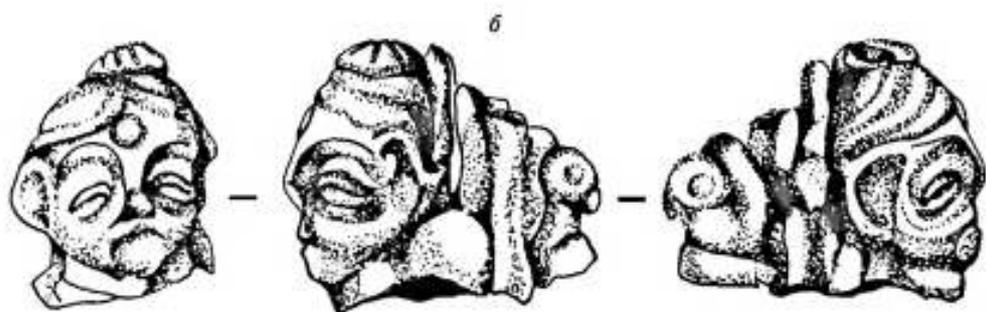
а — фото; б — прорисовка

Рис. 37. Зартепа. Статуэтки буддийского круга:

а-б — «стоящего учителя», в — боддисатвы, г — «сидящего учителя»; а — из Р-6; б — из Р-5; в — из подъемного материала; г — из Р-9

0 — 2 см

0 — 2 см

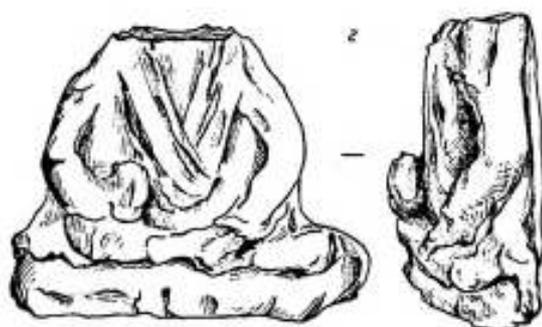
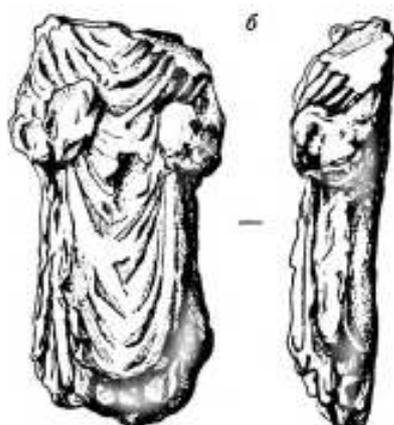

Рис. 38. Зартепа. Р-6.

a — женское (?) божество с сосудом и змеей; *б* — матрица и оттиск терракоты из пом. 38 в домо-
владении «Д»

божества представлены двумя фигурками, на одной из которых богиня изображена с предметом в правой руке, напоминающим сосуд, возможно, ритон или рог (рис. 38б; см. вкл. 2, рис. 3, 4), а на фрагменте другой — с предметом, вероятно, сосудом в левой руке и ползущей змеей (рис. 38а; см. вкл. 3, рис. 1). На двух терракотовых плитках оттиснуты изображения юноши-музыканта (рис. 39а; см. вкл. 3, рис. 2) и музыкальной процессии (рис. 39б; см. вкл. 3, рис. 3). Три женские фигурки представлены стоящими изображениями. Одна из них сохранилась почти целиком (см. вкл. 3, рис. 4), у второй отсутствует голова (рис. 40а; см. вкл. 4, рис. 1), а у третьей — нижняя половина туловища и кисти рук, опущенных вдоль тела (рис. 40б; см. вкл. 4, рис. 2). Возможно, к женским стоящим изображениям относится еще один фрагмент фигурки, в нижней части которой хорошо заметны складки длинного подола одежды (рис. 40в; см. вкл. 4, рис. 3).

Плохо сохранившееся женское изображение, расположенное под аркой, сначала было оттиснуто в матрице, а затем прикреплено к стенке, вероятно, крупной терракотовой плитке (рис. 41; см. вкл. 4, рис. 4). Арка вылеплена вручную

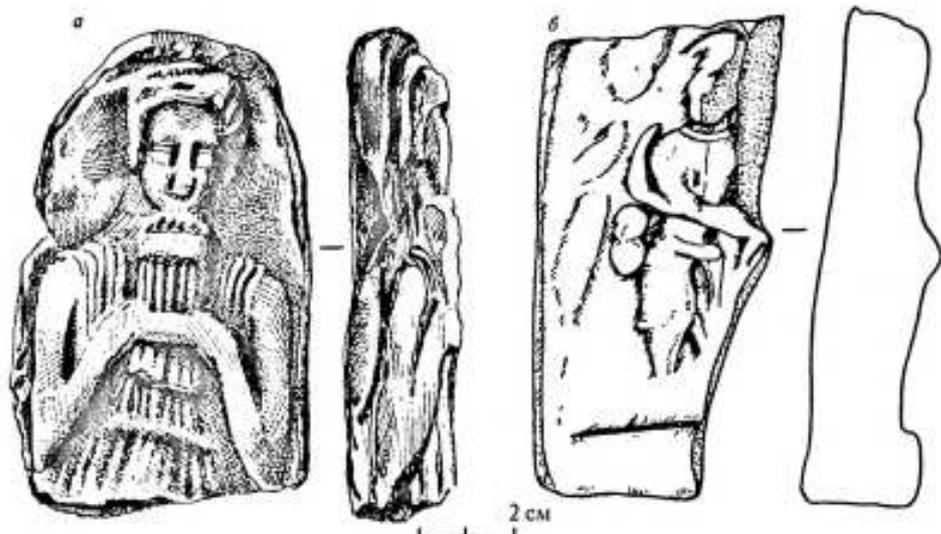

Рис. 39. Зартепа. Р-6, домовладение «В». Яма в пом. 141:

a — фигурка юноши, играющего на флейте Пана; *б* — фрагмент терракотовой плитки с изображением музыкальной процессии

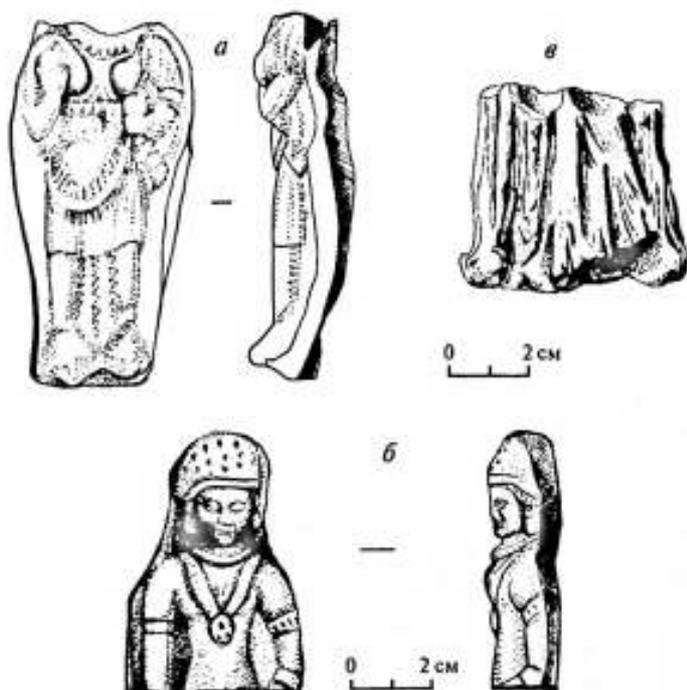

Рис. 40. Зартепа. Р-6. Фрагменты женских статуэток: *a* — из 3-го слоя улицы; *б* — из пом. 56; *в* — из подъемного материала

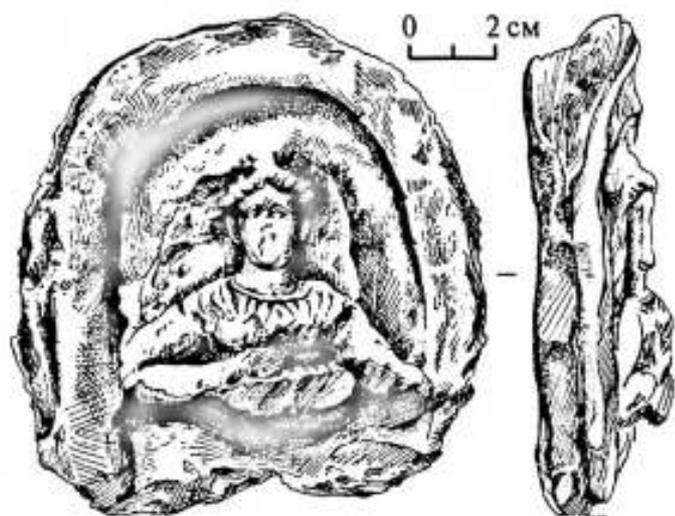

Рис. 41. Зартеп. Р-6, домовладение «В», пом. 150, заполнение над 1-м полом. Женское изображение под аркой на терракотовой плитке

Рис. 42. Зартеп. Р-6, домовладение «Е», пом. 97, заполнение над 1-м полом. Терракотовая головка статуэтки молодой женщины (?)

из жгутика глины и также прикреплена к плитке. Не исключено, что слева от этой арки располагалась еще одна. В правой руке одетая в хитон женщина, возможно, держит чашу, насколько можно судить по почти такому же изображению, найденному в слое I в. до н. э. — I в. н. э. на цитадели Кампыртепа (Абдуллаев, 2002. С. 32–34. Рис. 7)⁷. Головка еще одной маленькой женской (?) фигурки (рис. 42) со следами прически или головного убора была найдена в заполнении над первым полом помещения 97 на раскопе 6.

К мужским изображениям отнесена фигурка в кафтане (рис. 43а; см. вкл. 5, рис. 2) с сосудом в правой руке. Голова и нижняя часть статуэтки утрачены. Под левой рукой, согнутой в локте, находится изображение ромба. Изображения двух фигур оттиснуты на терракотовой плитке, верхняя и нижняя части которой не сохранились (рис. 43б; см. вкл. 5, рис. 1).

К третьей группе терракот, изготовленных в смешанной технике, отнесена только одна фигурка всадника (рис. 34а, см. вкл. 1, рис. 1),

⁷ При публикации этих терракот К. Абдуллаев допустил неточность: зартепинская фигурка была обнаружена в заполнении над первым полом помещения 150 в домовладении «В», а не помещения I в домовладении «А».

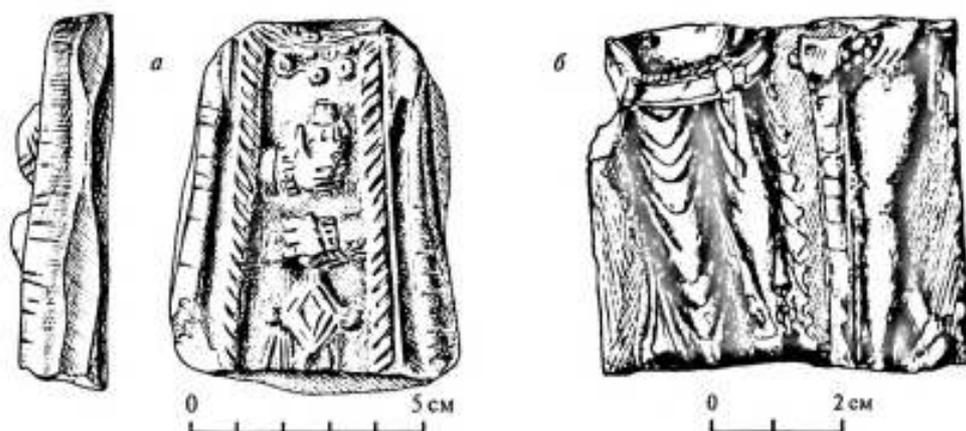

Рис. 43. Зартепа. Р-6. Терракотовые фигурки:

a — мужская фигурка в кафтане из подъемного материала; *b* — из домовладения «Д», пом. 23/24, уровень 3-го пола.

лицо которого изображено с помощью матрицы, а столбовидное туловище без рук вылеплено вручную.

Еще одну группу терракотовой пластики составляют налепы на стенках и под ручками сосудов Зартепа. Три из них изготовлены с помощью матриц, а один — вручную. Налеп с изображением бородатого мужчины (Геракла?) найден в помещении 156 (рис. 44а; см. вкл. 5, рис. 3), а другой налеп — голова принца (?) в короне и с диадемой на лбу — в помещении 150 (см. ниже рис. 104: 2; см. вкл. 5, рис. 4). В домовладении «А» обнаружен налеп, представляющий головку женского персонажа (рис. 44б). Налеп под ручкой кувшина из помещения 4 домовладения «А» выполнен вручную и изображает бородатого мужчину с «коронацией» на голове (см. ниже рис. 104: 1; см. вкл. 6, рис. 1).

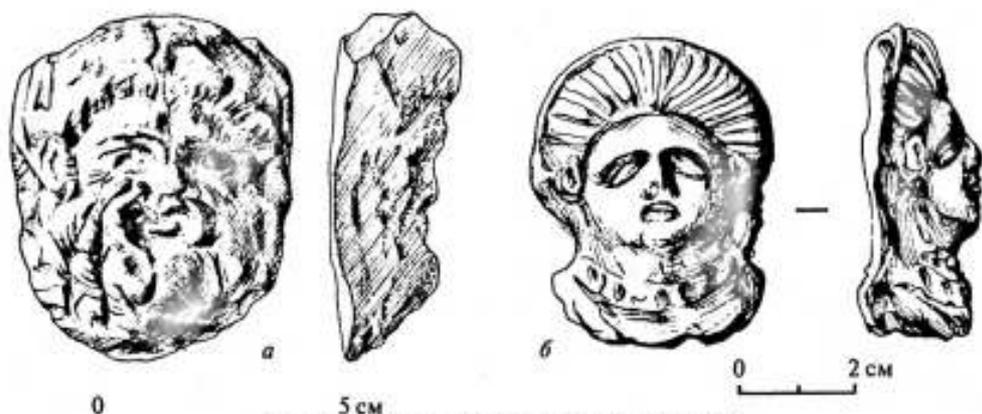

Рис. 44. Зартепа. Р-6. Налепы на керамике:

a — из домовладения «В», пом. 156, заполнение над 2-м полом; *b* — из домовладения «А», пом. 11, заполнение над 1-м полом.

Изучение коропластики Средней Азии позволило выделить различные школы, центры и стили, характерные для античного и раннесредневекового периодов (Двуреченская, 2005. С. 141–308; Мешкерис, 2004). Тиражирование определенных образов статуэток, обусловленное идеологическими представлениями населения этого региона, априори предполагает нахождение аналогичных изделий, что подтверждают и зартепинские статуэтки. В частности, терракотовая плитка с изображением юного музыканта, играющего на флейте Пана, идентична фигурке, относимой к II–I вв. до н. э. или I–II вв. н. э., обнаруженной на Кампыртепа (Ильясов, 2000. С. 103). На этом же памятнике найдена фигурка сидящей богини, держащей левой рукой ребенка, а в правой птицу (Савчук, 1989. С. 78). По-видимому, этот мотив был распространен в Бактрии-Тохаристане, насколько можно судить по стеклянному медальону из Балалыктепа (Альбаум, 1960. С. 76–78. Рис. 53), и в раннем Средневековье. В Хорезме на городище Кой-Крылган Кала обнаружены два изображения кормящих матерей с ребенком на руках (Кой-Крылган-Кала... 1967. С. 188. Табл. XXIX, 48–49). Кроме того, аналогичные статуэтки отмечены в числе терракот III–IV вв., найденных на городище Ёркурган в Согде (Сулейманов, 2000. С. 195–196. Рис. 160).

Поднятая на поверхности городища Зартепа фигурка боддисатвы идентична тоже случайно найденной статуэтке близ Джаркурмана (вкл. 6, рис. 2; Завьялов, Пидаев, 2001. С. 58–63). Обе они были изготовлены в одной матрице. Также в одной матрице изготовлены упомянутый выше налеп в виде головы бородатого мужчины (Геракла) из помещения 156 и налеп, подобранный на поверхности Зартепа (Альбаум, 1960. С. 21. Рис. 8).

Некоторые статуэтки Зартепа находят прямые аналогии на памятниках правобережной Бактрии-Тохаристана. В частности, изображение стоящей женщины (рис. 40а; см. вкл. 4, рис. 1), держащей в левой руке сосуд (?), а в правой, возможно, плод, идентично изображению, обнаруженному на поселении Аккурман (Пидаев, 1978. С. 78. Рис. 24: 2). Другое изображение (рис. 40б; см. вкл. 4, рис. 2), по-видимому, яшмини, также находит прямые параллели в коропластике Бактрии-Тохаристана (Ильясов, 2000. С. 103; Мкртычев, 2002. С. 181–183).

Семь статуэток, обнаруженных Бактрийской экспедицией при раскопках Зартепа, несомненно, принадлежат к кругу изображений, связанных с буддизмом или индийскими культами. Вторая по численности категория статуэток — всадники. Таких фигурок найдено четыре, причем две из них достаточно традиционны, а у двух других можно отметить появление оригинального головного убора в виде ленты (диадема?) (рис. 34б, в; см. вкл. 1, рис. 2, 3).

Коллекция терракотовых статуэток из Зартепа демонстрирует преемственность как в образах, так и в технологии изготовления по отношению к терракотам Кампыртепа и других памятников Сурхандарьинского региона (Мкртычев, 2002; Пугаченкова, 1979; Ставиский, 1996) кушанского периода и близлежащих территорий Согда (Сулейманов, 2000. С. 191–197), Хорезма (Рапопорт, Неразик, Левина, 2000. С. 38–43) и Маргианы (Пугаченкова, 1962. С. 117–173).

§ 3. Зооморфная терракота

По способу изготовления зооморфную терракоту Зартепа можно разделить на две группы: изделия, изготовленные с помощью матрицы, и изделия, изготовленные от руки. Подавляющее большинство найденных фигурок относится ко второй группе. Первую группу составляют налепы на керамике, представленные мордами львов (рис. 45, см. вкл. 6, рис. 3, 4). Они достаточно многочисленны и украшали только один тип чаш. Большое их количество было найдено также в подъемном материале городища Зартепа (Альбаум, 1960. Рис. 5). Необычно большой налеп на стенке крупного кувшина (?) обнаружен в помещении 99 на раскопе 6. Он изображает льва с раскрытой пастью и высунутым языком. Сохранившееся правое ухо, изготовленное вручную, было прикреплено к маске льва дополнительно. Прямых аналогий ему пока не обнаружено (см. илл. на обложке). В матрице было оттиснуто изображение морды льва, располагавшееся, видимо под ручкой кувшина (см. вкл. 7, рис. 1).

Большинство фигурок, вылепленных вручную, составляют статуэтки коней (рис. 46–49). Их сохранность во многих случаях позволяет лишь отнести фрагменты к этой видовой категории животных. На спине только одной из них за-

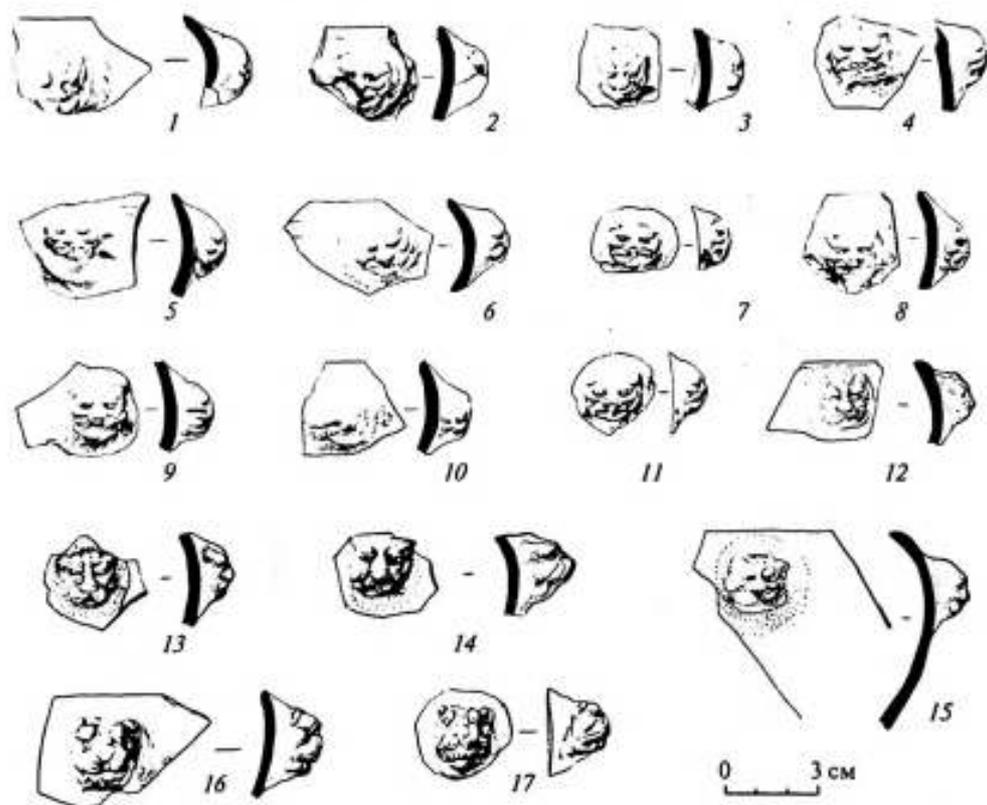

Рис. 45. Зартепа. Р-6. Налепы в виде морды льва на чашах

фиксировано изображение седла и части сбруи (см. вкл. 7, рис. 2). По отношению к шести фигуркам коней можно с уверенностью говорить, что на их спинах восседали всадники (рис. 46), о чем свидетельствуют сохранившиеся фрагменты ног или рук всадников или следы их бывшего присутствия. На четырех статуэтках (рис. 47), представленных различными частями туловища и головой, не обнаружено каких-либо признаков присутствия седоков или чашечек (рис. 50). На лобной части голов трех фигурок коней видны выступы, вероятно, изображавшие султан. Их гривы иногда выделены прочерченными линиями (рис. 48).

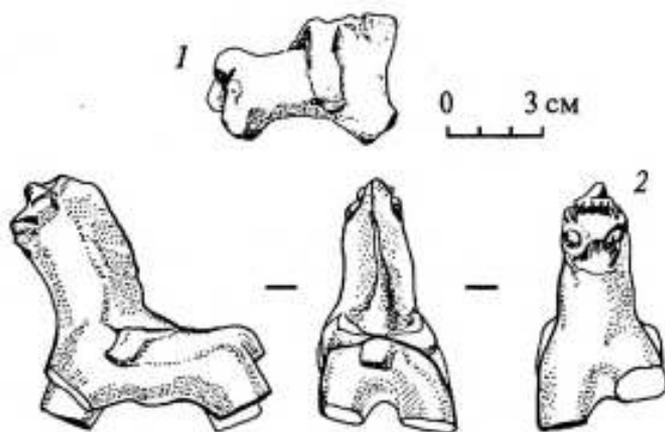

Рис. 46. Зартепа. Р-6. Фигурки коней с остатками наездников

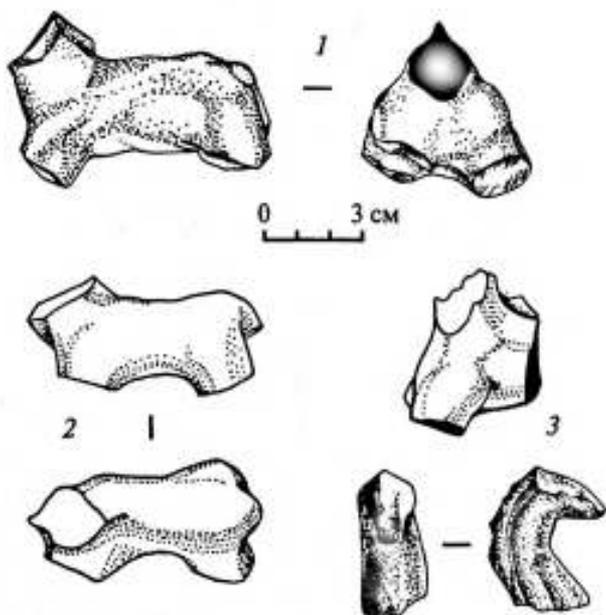

Рис. 47. Зартепа. Р-6. Фрагменты фигурок коней без следов присутствия всадников

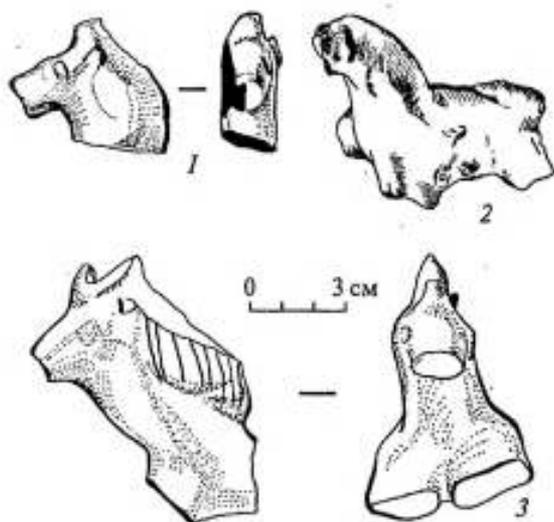

Рис. 48. Зартепа, Р-6. Фрагменты фигурок коней с султанами на лобной части

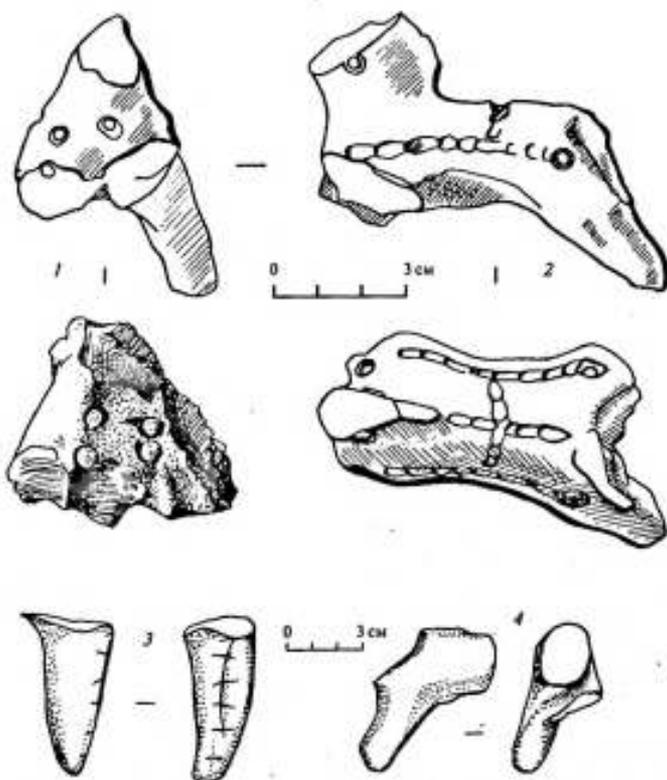

Рис. 49. Зартепа, Р-6. Фрагменты фигурок коней с изображенными деталями сбруи

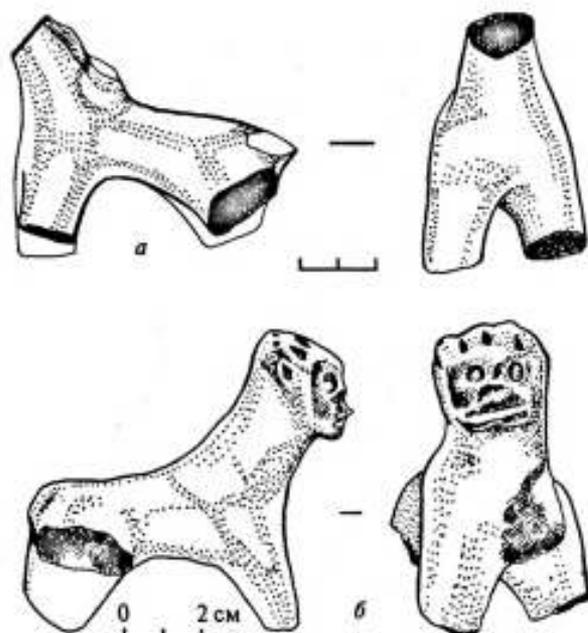

Рис. 50. Зартепа. Р-6. Фрагменты фигурок:

а — зебувидный бык из домовладения «В»; б — «кошачий хищник» из подъемного материала на территории раскопа

На груди и туловище двух фрагментов статуэток (рис. 49: 1, 2) полый трубочкой и остроконечным предметом нанесены вдавления в виде окружностей и перекрывающих друг друга овалов, вероятно, передающих сбрую коней. От двух фигурок сохранились только ноги (у одной из них и часть тулова), причем на ноге одной из фигурок прочерчена продольная линия, которую пересекают под прямым углом короткие горизонтальные линии (рис. 49: 3, 4). Эти два фрагмента отнесены к фигуркам коней условно, так как трудно провести четкую грань между вылепленными вручную глиняными ногами коней и ногами животных других видов.

Два фрагмента фигурок по наличию выступа на загривке, предположительно, можно отнести к изображениям зебувидного быка (рис. 50а; см. вкл. 7, рис. 3). Косвенно в пользу такого отождествления свидетельствуют округлые изломы шей, наблюдаемые на обеих фигурках. К крупным парнокопытным относится еще одно изображение с расходящимися в стороны, слегка изогнутыми рогами и выделенным подгрудком, подчеркнутым косыми тонкими линиями (см. вкл. 7, рис. 4). Судя по скошенному излому в нижней части изображения, оно было к чему-то прикреплено. Коричневатый ангоб покрывает лишь верхнюю часть головки.

Три фигурки отнесены к «кошачьим хищникам». Две из них были налепами на сосудах (см. вкл. 8, рис. 1, 2), причем одна головка прикреплена к верхней части венчика сероглиняной чаши. У третьей фигурки присутствуют туловище

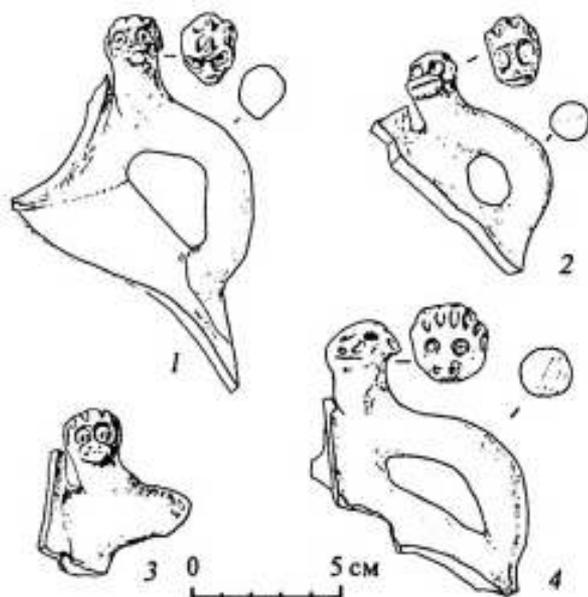

Рис. 51. Зартепа. Р-6. Ручки сосудов, украшенные головками обезьян

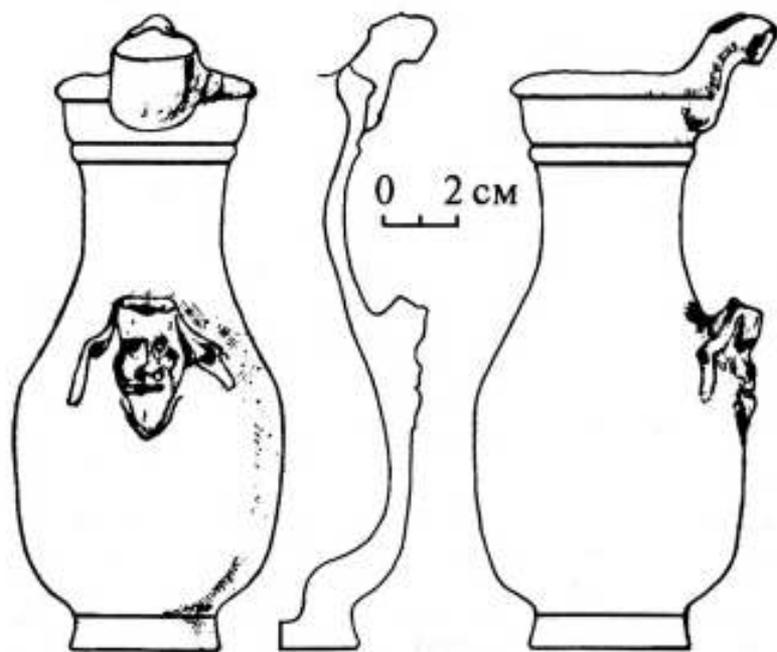

Рис. 52. Зартепа. Р-6. Налеп в виде мордочки обезьяны под ручкой кувшинчика с 3-го пола пом. 157, домовладение «В»

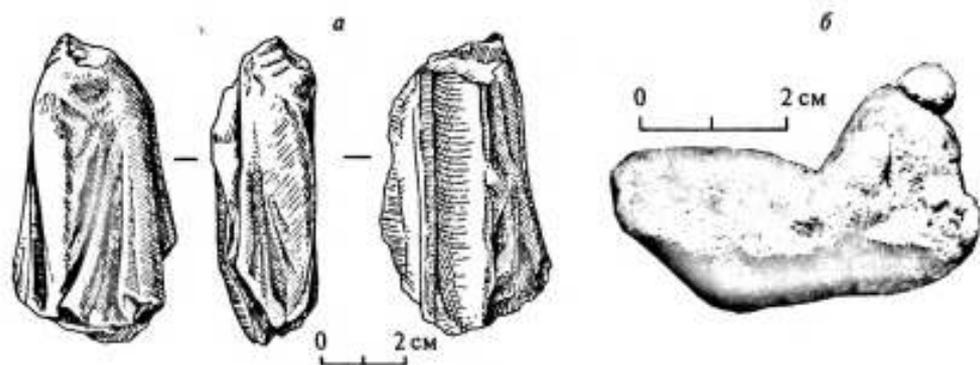

Рис. 53. Зартеп. Р-6, домовладение «В»:

а — нижняя часть женской гипсовой скульптуры из пом. 142, над 3-м полом; *б* — фрагмент скульптуры: рука, сжимающая плод граната, из пом. 127

и ноги (рис. 50б; см. вкл. 8, рис. 3). Еще один налеп на ручке кувшина представляет собой изображение животного не совсем ясной видовой принадлежности с высунутым языком (см. вкл. 8, рис. 4).

Верхние части ручек нескольких кувшинов небольших размеров украшены мордочками обезьян (рис. 51: 1–4; см. вкл. 9, рис. 1–4; вкл. 10, рис. 1). Еще одно изображение обезьянки расположено под ручкой кувшинчика (рис. 52; см. вкл. 10, рис. 2). Ручки кувшинчиков украшали и изображения ежей или кабанчиков⁸ (см. вкл. 10, рис. 3, 4), и животных неопределенного вида (см. вкл. 11, рис. 1–4; вкл. 12, рис. 1).

§ 4. Фрагменты скульптуры

В процессе раскопок жилого квартала на раскопе 6 обнаружены три фрагмента гипсовой скульптуры: головка Будды (см. вкл. 12, рис. 2), нижняя половина женской фигуры в складчатой одежде и правая рука с кистью, в которой находится округлый предмет, возможно плод (рис. 53а, б; см. вкл. 12, рис. 3, 4). Тыльные части головки Будды и женской фигурки показывают, что они использовались в качестве пристенной скульптуры. Все фрагменты скульптур свидетельствуют о том, что фигурки были небольшого размера. Этот факт указывает на возможное присутствие скульптурных изображений в каких-то помещениях жилого квартала Зартеп, однако других доказательств тому не обнаружено. Следует напомнить, что глиняная голова Будды и завитки прически над ушной были найдены на раскопе 2 в святилище, возведенном на оборонительной стене городища (см. вкл. 13, рис. 1, 2). Стиль всех изображений напоминает произведения гандхарского искусства.

⁸ Точки зрения исследователей на видовую принадлежность изображенных животных расходятся.

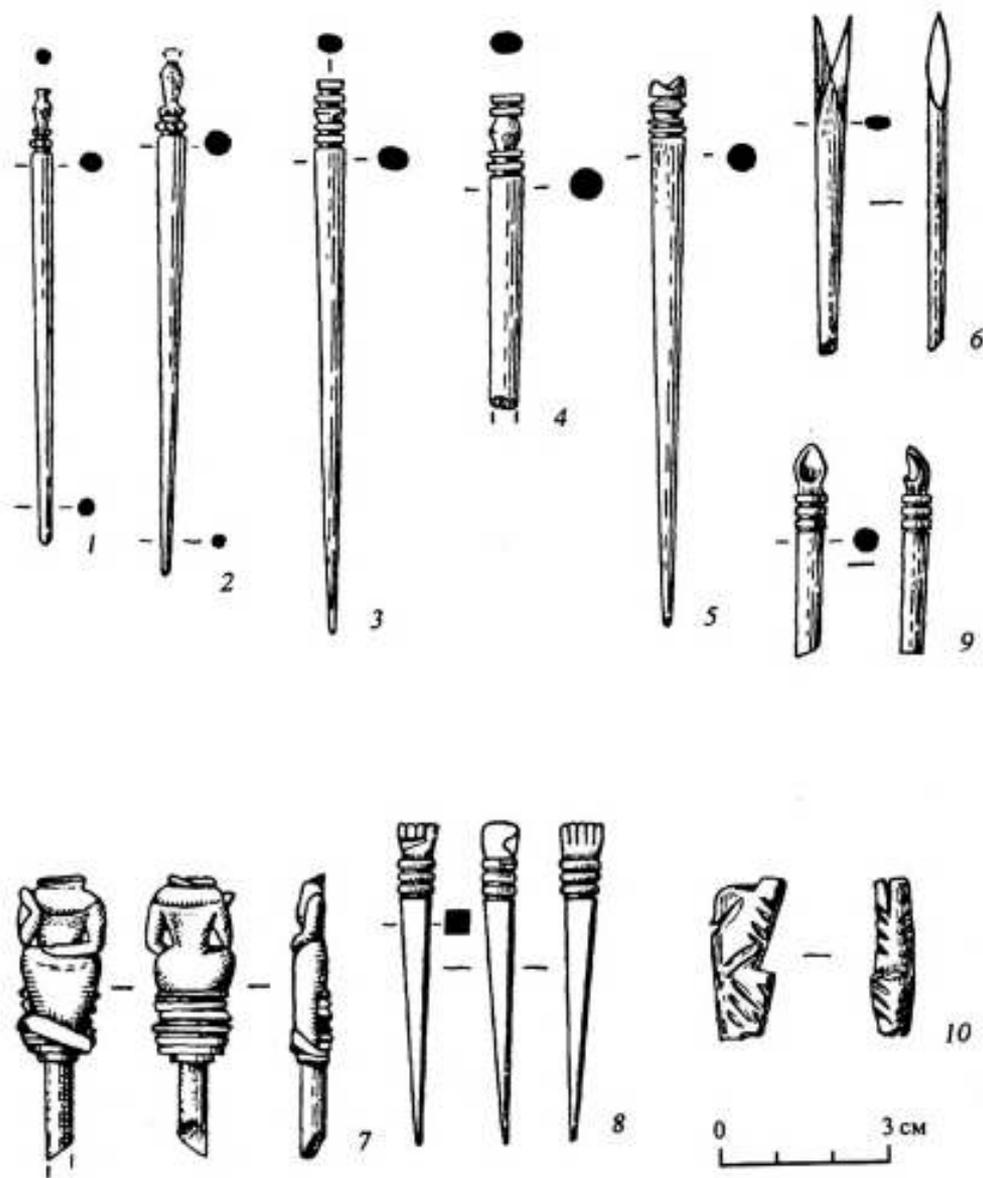

Рис. 54. Зарпена, Р-6. Костяные булавки с фигурными наконечниками

§ 5. Изделия из кости

Довольно распространенной категорией находок на городищах и поселениях Средней Азии античного времени являются изделия из кости и рога, функциональное назначение которых определяется исследователями весьма различно. Эти предметы зафиксированы в Парфии, Маргиане, Хорезме, Согде, Чаче, но, пожалуй, наиболее часто они встречаются на территории Бактрии-Тохаристана. Так, на городище Зартепа в слоях, относимых к позднекушанскому и кушано-сасанидскому периодам, к 1985 г. включительно найдено 110 подобных изделий, причем на 52 из них полностью или частично сохранились наверхия (рис. 54–56; см. илл. на обложке). Двенадцать предметов со сломанными в древности наверхиями, судя по следам заломленности на месте излома, использовались вторично в той же самой функции. Остальные 46 изделий представлены фрагментами различной сохранности, 26 из них с острыми концами, 20 — средние части без острых концов и наверхий. Столь многочисленная коллекция послужила отправной точкой формальной типологии этой категории находок. Эта работа представляется важной, поскольку подобное исследование не проводилось. По характеру изображений на наверхиях можно выделить четыре группы: антропоморфную, зооморфную, геометрическую и растительную, в свою очередь, подразделяющиеся на типы и варианты (рис. 56).

В антропоморфную группу включены булавки с наверхиями, изображающими различные божества, а также с наверхиями в виде человеческой руки. Всего в этой группе пока насчитывается шесть типов.

Тип 1 — с наверхием в виде сидящей богини (рис. 54: 7). Богиня в длинном платье сидит на троне без спинки. Ее левая рука согнута в локте под прямым углом, кисть на поясе. Кисть правой, сильно согнутой в локте руки поднята к правому плечу и, видимо, держит плохо различимый предмет. Голова отломана. Контур нижней части фигурки весьма напоминает контур сидящей Ардохшо на монетах Канишки III. Единственный экземпляр этого типа найден на уровне второго пола помещения 159 в жилом квартале на раскопе 6 городища Зартепа.

Тип 2 представляет собой наверхие «костяного стиля» из Новой Нисы с фигуркой стоящего божества (Массон, Пугаченкова, 1959. С. 172, 179. Рис. 34; Ремпель, 1953. С. 185–186. Рис. 20).

Тип 3 — с наверхием в виде мужского бюста, обрамленного полураспустившимся бутонот лотоса, найден на городище Топрак Кала в Хорезме. находка датируется концом II — началом IV в. н. э., так как прическа изображенного аналогична прическам, отмеченным в других памятниках искусства (Трудновская, 1981. С. 117. Рис. 57).

Тип 4 имеет наверхие в виде кисти руки с растопыренными пальцами и подразделяется на варианты «А» и «Б». Вариант «А» характеризуется одним нарезным кольцом, расположенным на запястье и, возможно, имитирующим браслет. Предметы типа 4А обнаружены во II погребальном горизонте в склепе 8 науса Дальверзинтепа (Пугаченкова, Ртвеладзе и др. 1978. С. 108–112. Рис. 78–79). Аналогичные наверхия встречены при раскопках поселения Актепа II в Южном Таджикистане и датируются серединой IV–V в. (Седов, 1987. С. 170).

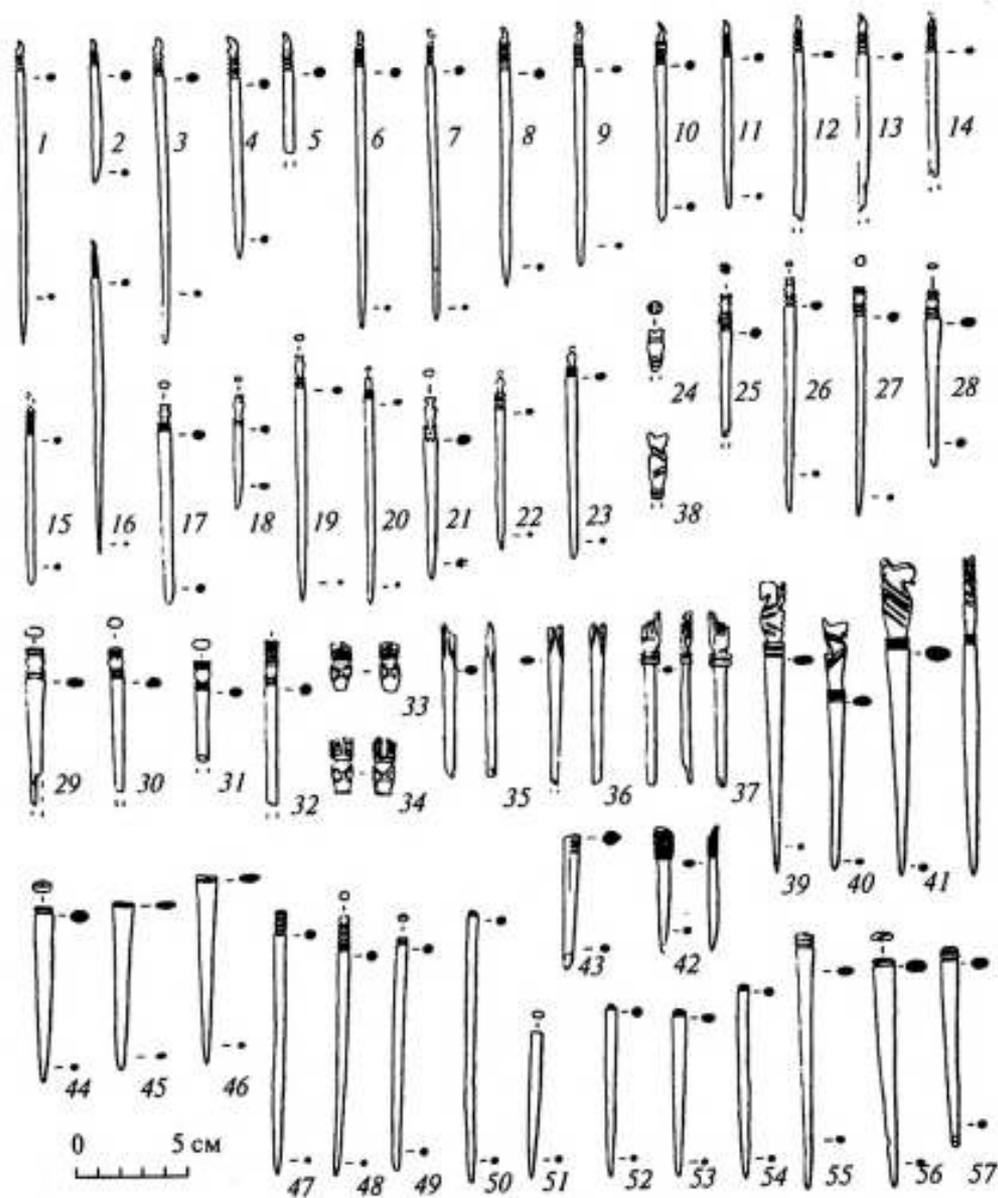

Рис. 55. Зартепа. Р-6. Костяные булавки с фигурными наконечниками

Группа Тип Всего разнов.	Антрапоморфная								Зооморфная			Геометрические								Всего разнов.
	1	2	3	4	5	6	1	2	3	1	2	3	4	5	6	7	8			
А																				
Б																				
В																				
Г																				
Д																				

Рис. 56. Распределение булавок по типам

Табл. VII: 1–3). Вариант «Б» этого типа наверший, найденный в Варахше, отличается от варианта «А» тем, что на запястье булавки три нарезных кольца (Шишкин, 1963. С. 119–120. Рис. 58). Четырехпалость кисти в данном случае, скорее всего, объясняется недостаточной профессиональностью мастера, не сумевшего правильно разметить заготовку, и вряд ли может учитываться в качестве отдельного признака (рис. 56).

Тип 5 также представляет собой кисть руки, указательный и большой пальцы которой сомкнуты вместе и вытянуты, тогда как три остальных пальца прижаты к ладони. Вариант «А», обнаруженный на полу помещения 24 объекта ДТ-6 Дальверзинтепа (Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978. С. 59. Рис. 36: 8), имеет навершие в виде кисти левой руки с одним нарезным кольцом на запястье. Большой палец отделен от указательного пальца неглубокой поперечной канавкой. По технике и стилю исполнения ему очень близок вариант «Б», найденный на городище Зартепа, на уровне второго пола помещения 70 на раскопе 6, но здесь навершие изображено в виде правой руки, на запястье которой два нарезных прямоугольника (рис. 55: 37). Кистью правой руки также увенчано навершие варианта «В», обнаруженного в доме № 1 Аяз Кала в Хорезме (Толстов, 1964. С. 111. Табл. 27. Рис. 1). В отличие от первых двух вариантов на запястье нарезано четыре кольца. К варианту «Г» этого типа относится навершие «костяного стиля» из Халчаяна (Пугаченкова, 1966. С. 96. Рис. 62). Оно отличается от описанных выше следующими признаками: судя по рисунку, указательный палец отделен от большого пальца продольной линией; ниже кисти на запястье — «манжет», украшенный сетчато-ромбическим орнаментом. Видимо, к вариантам типа 5 принадлежат также шпильки, обнаруженные в комплексе Сеталак I в Бухарском оазисе (Сулейманов, 1983. С. 107. Рис. 39).

Тип 6 — с навершием в виде кисти руки, сжатой в кулак. Вариант «А» представлен шпилькой из цитадели Гюр Кала в Старом Мерве, навершие которой изображено в виде кулака правой руки, ниже которого три нарезных кольца (Жуковский, 1894. С. 96. Рис. 36). Почти идентичное навершие обнаружено на булавке в слое Беграм II, отличающейся от варианта «А» только одним признаком — крестиком на верхней части запястья, прорезающим нарезные кольца, что позволяет видеть в нем вариант «Б» (Ghirshman, 1946. Pl. XXXVII, BG-104). Представляет интерес тот факт, что изделия этого типа также изготавливались из бронзы, как это засвидетельствовано находкой заколки в камере I науса III у Ялангуштепа (Ртвеладзе, 1983. С. 133. Рис. 9: 24) и бронзовой кованой булавки, полностью аналогичной варианту «А» на Зартепа (рис. 54: 8). Более того, аналогичные навершия бронзовых булавок, видимо, традиционны для данной территории и уходят корнями в культуру Сапалли, где они встречаются в погребениях близ черепов и под ними (Аскарлов, 1977. С. 77. Табл. XL: 5–6; XLI: 2–4).

Следующая зооморфная группа наверший в материалах Средней Азии немногочисленна и подразделена на три типа.

Тип I с навершием в виде головы коня представлен находками только в Южном Узбекистане на городище Зартепа (5 экз.; рис. 55: 38–41, 56; см. илл. на обложке) и на сельском поселении Аккурган (1 экз.) (Пидаев, 1978. С. 80. Рис. 27: 7). По набору признаков идентичны два навершия — аккурганское и навершие, найденное на третьем полу помещения 68 на раскопе 6 (рис. 55: 38),

отнесенные к варианту «А». Они характеризуются выемкой, обозначающей холку коня. Грива передана поперечными горизонтальными пропилами. По четыре наклонных пропила располагаются парами под углом друг к другу по обеим сторонам шеи. Рот обозначен поперечной выемкой. Под головой коня нарезаны два овала. Вариант «Б» отличается от них тем, что на теменной части головы появляется вертикальная выемка, разделяющая уши (рис. 55: 40). В следующем варианте «В» на шее коня, помимо четырех пропиленных линий, дополнительно появляются короткие косые пропилы, обозначающие гриву, тогда как поперечные пропилы на верхней части гривы и холки отсутствуют (рис. 56). В варианте «Г» сохранены признаки варианта «А», но рот не обозначен вовсе, а ухо выделено вертикальным пропилом на боковых сторонах изображения (рис. 55: 39). Вариант «Д» сохраняет ряд признаков предшествующих вариантов, но у него не выделена холка, а грива в верхней части шеи выделена косыми, сходящимися в «елочку» короткими линиями. На боковых сторонах шеи грива изображена пятью параллельными косыми линиями (рис. 55: 41).

Тип 2 с навершием в виде птицы найден на Яванском городище в слоях IV–V вв. (Шедевры... 1983. С. 34. № 122–123). Варианты этого типа наверший обнаружены при раскопках Кампыртепа (Шейко, 2000. Рис. 6; Сверчков, 2001. Рис. 11: 13) и Таксилы (Marshall, 1951. Vol. III. Pl. 206: 14, 16, 17).

Тип 3 представлен двумя навершиями роговых булавок, увенчанных головкой змеи, одна из которых (вариант «А») обнаружена в здании III квартала «А» городища Топрак Кала (Трудновская, 1981. С. 121. Рис. 59: 39). Вторая — вариант «Б» — на городище Шаштепа в Ташкенте (Филанович, 1986. С. 49–50. Рис. 3).

Третья, наиболее многочисленная, группа включает изделия с навершиями геометрического характера. В этой группе выделено восемь типов.

Тип 1 с ложковидным навершием на Зартепа оказался преобладающим и насчитывает 17 экземпляров. По количеству нарезных колец, расположенных ниже ложечки, выделяются четыре варианта: «А» — 3 кольца (рис. 55: 1–2); «Б» — 4 кольца (рис. 55: 3–5); «В» — 5 колец (рис. 55: 6–14); «Г» — 6 колец (рис. 55: 15, 16). Самый распространенный на Зартепа вариант «В» обнаружен также на Хайрабадтепа (Жуков, 1961. С. 185–186. Рис. 5). Костяная «игла» с навершием варианта «А» найдена в процессе раскопок Дильберджина (Кругликова, 1974. С. 92. Рис. 64), и еще одна булавка обнаружена на Чакалактепа (Chaqa-laq Tepa, 1970. Fig. 60. Pl. 56: 3). Латунная булавка этого типа лежала справа от черепа в женском погребении в ограде X Бабашовского могильника (Мандельштам, 1975. С. 73. Табл. XXXIV: 3). Аналогичная ей булавка из серебра обнаружена в погребении 141 могильника Тупхона (Литвинский, Седов, 1984. С. 58). Уховертки и зубчистки из бронзы, серебра и железа с ложковидным навершием представлены и в других могильниках Северного Таджикистана (Литвинский, 1978. С. 136–138. Табл. 36: 5, 6, 9, 10). За пределами Средней Азии известно подобное изделие из стекла, происходящее, возможно, из Сирии (Glass from... 1957: № 300). Костяная булавка варианта «Г» обнаружена в числе инвентаря погребальной ямы № 1 поселения Актепа II в Кобадзиане (Седов, 1987. С. 170. Табл. VII: 3).

Тип 2 с кувшинообразным навершием представлен на Зартепа девятью экземплярами и подразделяется на три варианта. В варианте «А» ниже «кувшин-

чика» два нарезных кольца (рис. 55: 17–18). В варианте «Б» нарезные кольца дополнительно украшены косыми пропилами-насечками (рис. 55: 19–22). У варианта «В», при сохранении признаков первых двух вариантов, ниже «кувшинчика» расположены три нарезных кольца (рис. 55: 23). В материалах из Аккургана обнаружены булавки, полностью идентичные вариантам «А» и «Б» (Пидаев, 1978. С. 78. Рис. 27).

Тип 3, найденный на Зартепа (8 экз.), характеризуется четырьмя нарезными кольцами, расположенными по два сверху и снизу от шарообразной или биконической сердцевины. Верхний торцевой конец изделий плоский, как у типа 2, округлой или овальной формы (рис. 55: 26–31). Навершия типа 3 найдены также в Хайрабадтепа (Жуков, 1961. Рис. 5), в слое Беграм III (Ghirshman, 1946. P. 77. Pl. XLVII: BG 154) и на уровне третьего пола в Дурмантепа (Mizuno, 1968. Pl. 12: 15).

Тип 4 имеет такую же сердцевину, как тип 3, но верхний торцевой конец изделий разделен на четыре подтреугольных пирамидальных выступа (рис. 56). В варианте «А» ниже биконической сердцевины расположены два нарезных кольца. У варианта «Б» нарезаны четыре кольца (рис. 55: 25), как на булавке, найденной при раскопках Чакалактепа (Chaqalaq Tere, 1970. P. 24. Fig. 60. Pl. 56: 3). В варианте «В» нарезаны три кольца, одно из которых расположено между сердцевинной и верхним торцевым концом навершия, а два — ниже его сердцевины. Булавка типа 4В обнаружена, кроме Зартепа, в Дурмантепа в тех же стратиграфических условиях (Mizuno, 1968. Pl. 12: 14), как и упомянутая выше типа 3. Вариант «Г», найденный на Хайрабадтепа, отличается от описанных выше попарным расположением над и под сердцевинной четырех нарезных колец и дополнительно еще двух колец, расположенных ниже на стержне изделия (Жуков, 1961. Рис. 5).

Тип 5 представлен на Зартепа одним полностью сохранившимся навершием и двумя фрагментами. На других памятниках булавки этого типа обнаружены в крепости Капарас (Коляков, 1979. С. 50–52. Рис. 46, в), на городище Топрак Кала (Трудновская, 1981. Рис. 59: 38) и в наусе Дальверзинтепа (Пугаченкова, Ртвеладзе и др. 1978. С. 110. Рис. 97). Они подразделяются на три варианта. Вариант «А» характеризуется биконической или близкой к шару сердцевинной, ниже которой нарезаны два кольца, а выше — пять (на зартепинском навершии; рис. 55: 32) или шесть (на капарасском экземпляре) нарезных, близких к квадрату прямоугольников. Верхние три или четыре прямоугольника прорезаны на каждой стороне вертикальным клиновидным вырезом. Подробное описание навершия варианта «Б» дано С. М. Коляковым на примере целой капарасской булавки (Коляков, 1979. С. 50–52. Рис. 46). Исходя из зартепинских наверший (рис. 55: 33, 34) к упомянутому выше описанию можно добавить лишь то, что косые кресты окрашены не на широких, а на узких сторонах сердцевины. Красной краской окрашены желобки между нарезными овалами и еще на одном зартепинском экземпляре, навершие которого не сохранилось (рис. 55: 55). Окраска прорезей наверший зафиксирована на булавке из Ай-Ханум, где применены чередующиеся красная и синяя краски (Francfort, 1984. P. 15. Tabl. 5: 20, 26. Pl. VI: 20, 26). Существенно отличается от вариантов «А» и «Б» вариант «В», сердцевинной которого является четырехгранник с хорошо проработан-

ными углами и такими же крестиками на гранях. Ниже находится еще один четырехгранник, отделенный от сердцевины желобком и украшенный сетчато-ромбическим орнаментом. Выше сердцевины расположен желобок, над которым находится третий четырехгранник, разделенный на четыре треугольных пирамидальных выступа (Трудновская, 1981. Рис. 59: 38). Вариант «В», помимо описанного выше, найденного в здании III городища Топрак Кала, обнаружен среди трех «булавок» в одной из ям двора дома № 2 на Джанбаскалинском поселении в Хорезме. Обживание дома датируется II в. н. э. (Неразик, 1987. С. 161, 173, 174. Рис. 97).

Тип 6 с раздвоенным навершием на Зартепа обнаружен трижды (рис. 55: 35, 36; см. илл. на обложке). Каждый из раздвоенных концов по форме близок равнобедренному треугольнику (вид спереди и сзади). Боковые грани концов линзо- или ромбовидной формы. Аналогичное навершие украшает булавку из слоя Беграм I (Ghirshman, 1946. P. 48. Pl. XXVII: BG 450). Типологически близка перечисленным выше и уже упоминавшаяся булавка из Ай-Ханум с более сложным навершием.

Тип 7 имеет шарообразное навершие, ниже которого расположены пять нарезных колец (рис. 55: 48). Варианты аналогичных наверший с одним нарезным кольцом и без него известны в Таксиле (Marshall, 1951. Vol. III. Pl. 199: 25).

Тип 8 с навершием в виде гребня в Средней Азии пока представлен единственным экземпляром из бронзы, происходящим из раскопок Яванского городища (Литвинский, Седов, 1983. С. 55). Судя по описанию, эта булавка аналогична костяным булавкам из Таксилы и может относиться к варианту «А». Вариант «Б» представлен костяной булавкой из слоя Беграм II (Ghirshman, 1946. P. 64. Pl. XVI: 12; XXVII), стержень которой дополнительно украшен резьбой из косых линий, расположенных между двух пар горизонтальных линий. Нижняя часть гребня орнаментирована с обеих сторон горизонтальными линиями.

Группа с навершиями растительного характера к настоящему времени включает в себя всего один тип, навершие которого украшено изображением гранатового яблока. Костяная булавка с таким навершием обнаружена при раскопках дворца Топрак Кала (Топраккала... 1984. С. 229. Рис. 90: 1). Чаще находят аналогичные металлические изделия. Так, в женском погребении № 6 на Тиллятепа обнаружены две серебряные булавки, навершия которых покрыты золотой фольгой (Bactrian... 1985. P. 47. Burial 6 N 40, 3 N 67). Известна находка бронзовой булавки, кстати, вместе с костяными геометрическими типов 5А и 5Б, в крепости Капарас (Коляков, 1979. Рис. 4 а).

К перечисленным выше типам можно было бы добавить, по крайней мере, еще несколько, но не вполне удовлетворительное качество публикаций — отсутствие разрезов и видов сверху, весьма лаконичное описание изделий, носящее характер попутных замечаний, — не позволяет с достаточной уверенностью составить более полный список типов и их вариантов. Построение списка представляет возможность дополнить его в любой группе, для обозначения которых можно ввести индексы: А — антропоморфная, З — зооморфная, Г — геометрическая, Р — растительная. Тогда следующие типы и их варианты можно индексировать следующим образом А7А-..., Г9А-... и т. д.

На Зартепа обнаружено 12 изделий, навершия которых либо не сохранились, либо представлены частично (рис. 55: 42, 44, 47, 49–57), использовавшихся вторично в той же самой функции. Место излома у них заполировано, а в одном случае (рис. 55: 51) сначала отпилено, а затем зашлифовано до блеска. Вторично использовалась и часть булавок, у которых отламывался острый конец, при этом острие затачивалось вновь (рис. 55: 2, 18, 21, 43, 47). По определению палеозоолога Н. М. Ермоловой, все булавки изготовлены из длинных трубчатых костей и рогов домашних животных, а также рогов бухарского оленя. Среди зартепинских экземпляров нет изготовленных из слоновой кости. Практически на всех изделиях наблюдаются следы обработки с помощью абразива. Следы в виде продольных неглубоких черточек, как правило, идут примерно под углом 45° к стержню и навершию. На поверхности стержня и выступающих частях наверший отчетливо видна заполированность, при этом наибольший блеск чаще наблюдается от середины стержня к его острому концу. Весьма показательным, что на одной из булавок (рис. 55: 56), имеющей несколько лунок, залощенность прослеживается и на дне этих углублений, тогда как на углубленных частях наверший такие следы отсутствуют. Это обстоятельство предполагает, что нижние части стержней в процессе использования самих изделий часто соприкасались с какими-то мягкими материалами.

Некоторые возможности для отнесения фрагментов булавок с частично сохранившимися навершиями к тому или иному типу дают наблюдения по их сечению в месте перехода от стержня к навершию, а также учет длины экземпляров по типам. В целом максимальная длина изделий не превышает 15,5 см, минимальная — 5 см на булавках вторичного использования. Основная масса имеет длину 10–15 см. Материалы Зартепа свидетельствуют, что изделия типа Г1А–Г, как правило, круглые в разрезе, а булавки типа 31А–Г — овальные. Следовательно, фрагменты (рис. 55: 44–46, 55–57) не могут относиться к вариантам типа Г1. Установление столь жесткой альтернативы по отношению к другим типам преждевременно и будет возможно с дальнейшим накоплением материала.

Многие типы костяных булавок (А2, 6; 32; Г1, 4, 7, 8; Р1) находят параллели в металлических и стеклянных изделиях, что, вероятно, указывает на их одинаковое использование. Косвенно это подтверждается совместными находками тех и других на поселениях и в погребениях. Осторожное отношение исследователей к датировке этих широко распространенных изделий обусловлено в том числе отсутствием типологии. Опираясь на стратиграфические комплексы, в настоящее время можно попытаться лишь ориентировочно наметить хронологические и территориальные границы для некоторых типов, причем настолько, насколько позволяет современное состояние источников. Прежде всего следует отметить, что в период раннего Средневековья (после V в.) вместе с исчезновением традиций кушанского культурного комплекса резко сокращается и количество булавок. Тем не менее, их продолжают использовать, примером чему могут служить находки в Пенджикенте. Более того, целый ряд типов существует довольно продолжительный отрезок времени. К ним в группе А относятся типы 4–6, в группе 3 — типы 1, 2, в группе Г — типы 1, 2, 4, 6–8, в группе Р — тип 1. Здесь следует учитывать несколько обстоятельств, ослож-

няющих определение нижних и верхних границ существования этих типов. Находки рассматриваемых костяных изделий в раннесакских и сако-парфянских слоях Сиркапа (слои IV–II) как будто указывают нижнюю границу в пределах конца II в. до н. э. — I в. н. э. Но при этом в более поздних слоях Таксилы изделия этого рода не зафиксированы. Судя по находкам в Беграме I и Ай-Ханум, тип Г6 с раздвоенным навершием также появляется достаточно рано. Финальный период бытования данных типов фиксируется на Зартепа в кушано-сасанидских слоях.

Более узкие хронологические рамки можно предварительно предположить для булавок типа Г3, 5 и 31, пока не встреченных в слоях ранее II–III вв. и существовавших до середины или конца V в. Что касается остальных типов этих изделий, то, учитывая их немногочисленность и недостаточно надежные стратиграфические условия, делать какие-либо, даже предварительные, выводы о времени их распространения, видимо, преждевременно. Современный уровень наших знаний также недостаточен и в отношении локализации отдельных типов, вследствие чего предложенные ниже выводы следует считать предварительными. С некоторой долей уверенности можно говорить о булавках с навершием в виде коня (31), найденных только на Зартепа и в Аккургане, то есть в районе, тяготеющем к Старому Термезу. Булавки типа Г5 обнаружены на Зартепа, Топрак Кала, в крепости Капарас, Джанбаскалинском поселении на территории Хорезма и, возможно, в Мерве. Булавки с навершием типа Г3, как это было показано выше, — на Зартепа, Аккургане, Хайрабадтепа и в слое Беграм III. Не исключено, что типы Г3 и 31 получили распространение только в кушано-сасанидский период и только на территории Кушаншахра.

Особо следует остановиться на функции предметов этого рода, по поводу которой существует два основных взаимоисключающих друг друга предположения. Согласно первому из них, выдвинутому С. П. Толстовым (Толстов, 1964. С. 111), они использовались как предметы для письма — стили. Основная аргументация в пользу данного предположения была развернута Г. А. Пугаченковой (Пугаченкова, 1966. С. 96), предлагавшей по аналогии с древнерусскими новгородскими писалами (Медведев, 1960. С. 62–88) так же называть и рассматриваемые изделия. Как свидетельство распространения письменности в древнем Ташкенте в I–III вв. интерпретируется находка костяного стила, обнаруженного в культурном слое Шаштепа (Филанович, 1986. С. 49–50).

При раскопках в Ай-Ханум (Guillaume, Rougeulle, 1987. Pl. 16: 19) и Пенджикенте найдены металлические изделия с трапециевидными навершиями, более пригодными для разглаживания воска при обучении письму с помощью восковых дощечек и стилей (Распопова, 1999. Рис. 30: 22). Однако они отличаются от рассматриваемых здесь изделий, которые большинство исследователей склонны относить к предметам туалета в широком смысле (уховертки, зубочистки, шпильки-заколки, булавки, сурьматаши). Некоторые, правда, отстаивают их универсальность и полифункциональность (Жуков, 1961. С. 186–187).

Совокупность материала склоняет чашу весов в пользу сторонников предположения об универсальности этих изделий. Данные предположения можно подкрепить дополнительными аргументами. Непосредственно на косметическую функцию предмета указывает навершие в виде гребня (Г8). Находки изделий

типа П1, Р1 в женских погребениях близ черепа ясно указывают на их использование в качестве шпилек-заколов. Нахождение этих изделий в кочевнических погребениях и в достаточно большом количестве на сельских поселениях скорее свидетельствует об их «туалетной» функции, чем о распространении грамотности в среде кочевников и сельских жителей (Аккурган, Аяз Кала, Дурмантепа, Чакалактепа). В этом отношении не менее показательным является отсутствие находок «стилей» в буддийских монастырях, обитатели которых, судя по имеющимся данным, представляли наиболее образованную часть населения. Косвенно это подтверждается и тем, что булавки найдены на Зартепе в самых различных условиях, никак не связанных с какими-либо специализированными помещениями для обучения письму. Приведенная аргументация не оставляет и тени сомнения в широком распространении письменности в кушанское время, о чем

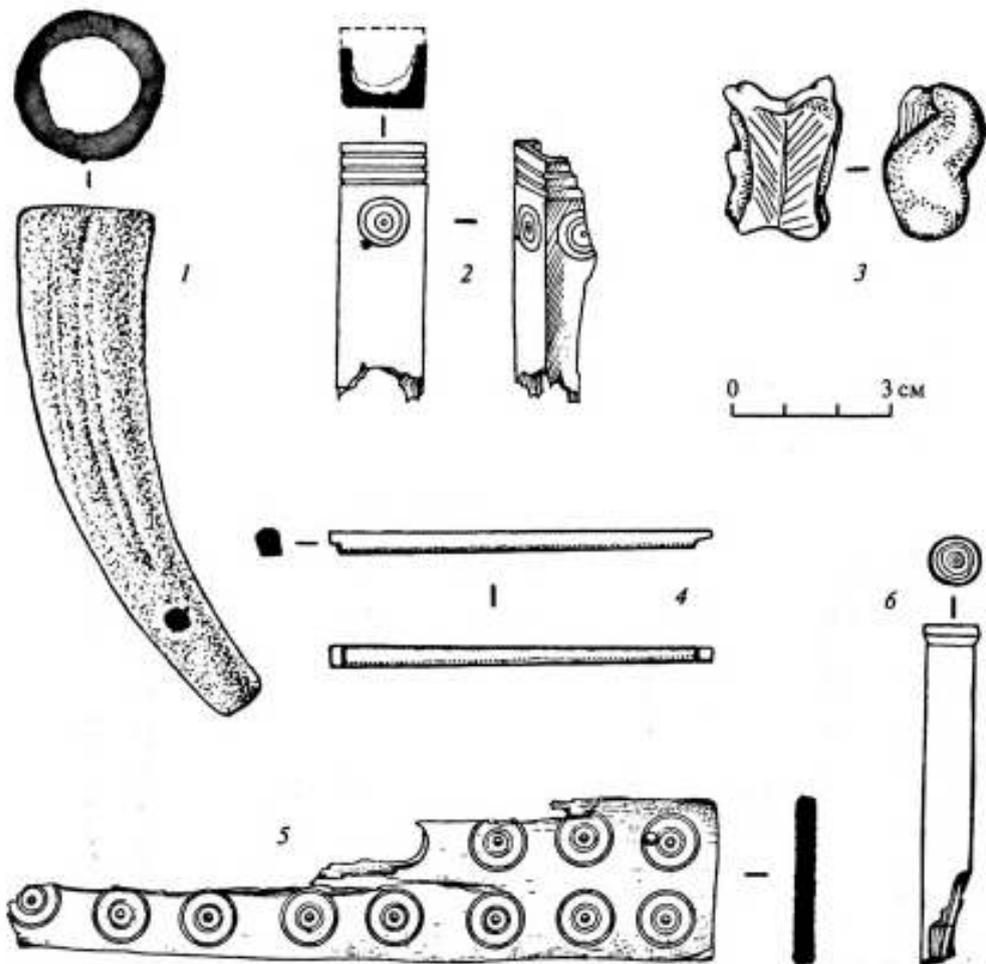

Рис. 57. Зартепа. Р-6. Изделия из кости и рога

красноречиво свидетельствуют различные надписи не менее чем четырех видов письма, обнаруженные на территории Бактрии-Тохаристана. Что касается истинной функции исследуемых предметов, то ее можно определить только как «туалетную» в широком смысле слова.

В период развитого Средневековья (XII–XIV вв.) подобные изделия с навершиями в виде петухов вновь появляются на территории Дехистана и рассматриваются как стили на основе их находок в медресе и наличия красной краски

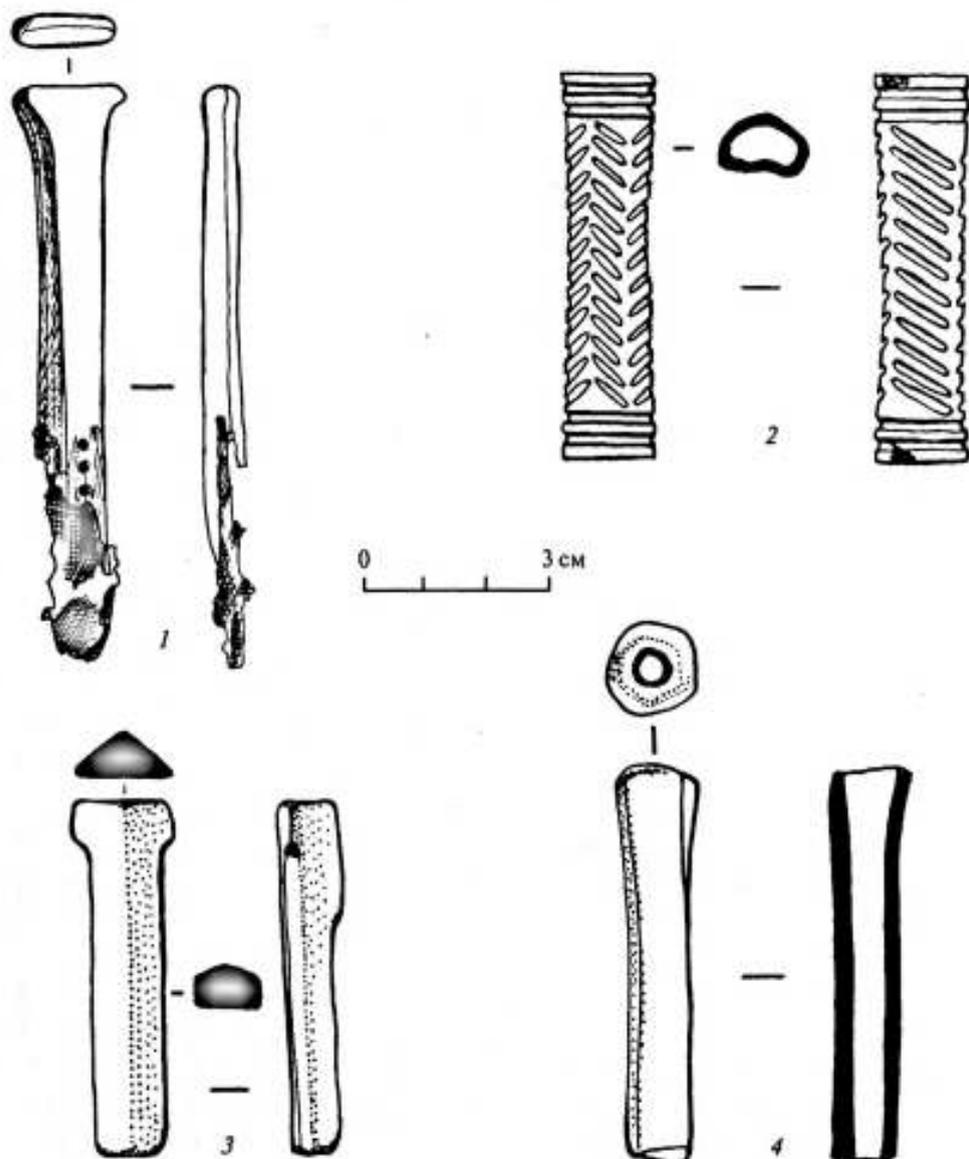

Рис. 58. Заргана. Р-6. Костяные рукояти

(Атагарриев, 1986. С. 133–135. Рис. 48: 2–5). Это предположение, помимо бесспорного факта обнаружения данных изделий в медресе, требует, однако, дополнительной аргументации.

Последнее, на чем хотелось бы заострить внимание: отчего так много находок булавок на городище Зартепа? Такого их количества не обнаружено ни на одном широко исследованном памятнике, включая такие, как Дальверзинтепа, Дильберджин и др. В данном случае, видимо, можно предполагать наличие местного производства, о чем косвенно свидетельствуют многочисленные находки остеологического материала, в том числе и заготовок (см. вкл. 13, рис. 3, 4). Однако до настоящего времени никаких следов костеобрабатывающих специализированных помещений на Зартепа пока не обнаружено.

В числе других изделий из кости и рога на Зартепа найдены роговой псалий (рис. 57: 1; см. вкл. 14, рис. 1), фрагмент игральной кости (рис. 57: 2; см. вкл. 14, рис. 2), альчики (рис. 57: 3; см. вкл. 14, рис. 3), причем один из них с процарапанным на одной из поверхностей древовидным изображением (рис. 57: 3), фрагмент боковой стенки шкатулки с циркульным орнаментом (рис. 57: 5), а также два стержня округлой (рис. 57: 6) и подквадратной в сечении формы (рис. 57: 4), функциональное назначение которых непонятно. Кроме того, следует упомянуть четыре изделия, возможно, использовавшиеся как костяные рукояти (рис. 58: 1–4). На одной из них, состоявшей из тонких скрепленных клеем пластинок, сохранились железные заклепки и часть лезвия ножа или бритвы (рис. 58: 1). Две рукояти изготовлены из трубчатых костей животных, причем наружная поверхность одной из них орнаментирована косыми насечками. На опиленных ее концах прослеживается по две параллельные прорезанные канавки (рис. 58: 2).

§ 6. Изделия из раковин

При раскопках на Зартепа найдено 13 предметов и их фрагментов, изготовленных из раковин, в числе которых четыре раковины каури, два кольца, украшенные нарезным орнаментом, пять фрагментов составных браслетов, пронизка ожерелья и фрагмент дисковидного предмета с двумя просверленными отверстиями неясного назначения (рис. 59: 1–13; вкл. 14, рис. 4; вкл. 15, рис. 1–4). Все изделия явно привезены, видимо из Индии, что подтверждает большое количество аналогичных предметов, обнаруженных при раскопках в Таксиле (Marshall, 1951. Vol. II. Pl. 201, 203, 209). Достаточно часто они встречаются и в Бактрии-Тохаристане. В частности, во втором погребальном горизонте одного из дальверзинских наусов (Пугаченкова, Ртвеладзе и др. 1978. Рис. 79: 3) обнаружено кольцо из раковины с насечками по краю, аналогичное кольцу из Зартепа. Близкие по форме, с отличающимися насечками кольца найдены в могильнике кушанского времени у Ялангтуштепа⁹ (Ртвеладзе, 1983. С. 127, 131. Рис. 4). Аналогичное кольцо найдено и в сооружении I на городище Тепаишах

⁹ По нумизматическим данным могильник относится ко II — первой половине III в. н. э.

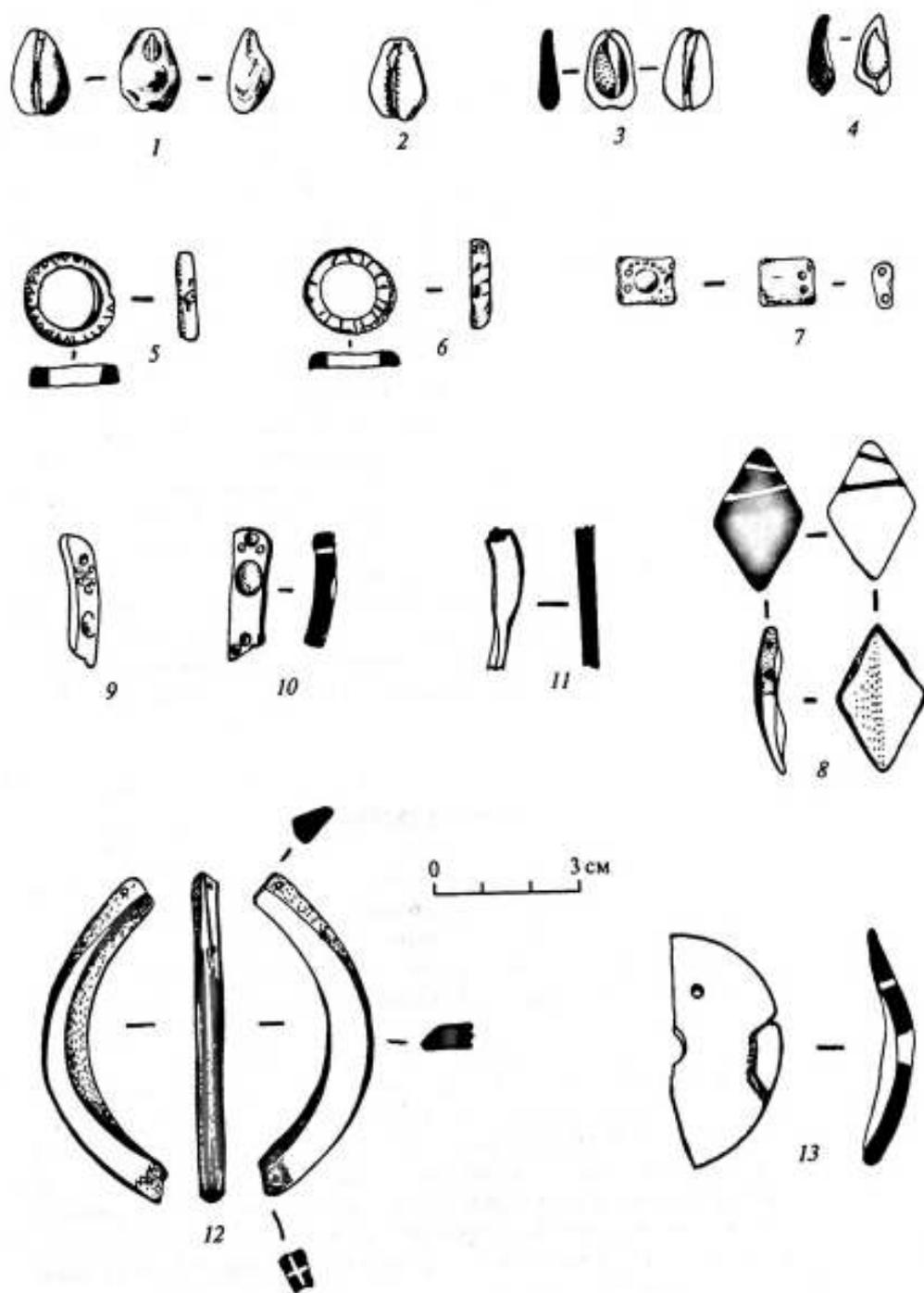

Рис. 59. Зартена. Р-6. Изделия из раковин

(Литвинский, Седов, 1983. С. 56. Табл. XXXIII: 26). В Тепаишах обнаружены, кроме того, составные части браслетов (Литвинский, Седов, 1983. С. 51–53. Табл. XXXIV: 27, 35–36). Очень близки зартепинским изделиям из раковин и предметы, найденные в буддийском культовом комплексе, относимом к III–IV вв., на городище Дальверзинтепа (Тургунов, 1989. С. 86).

§ 7. Изделия из металла

Металлические изделия, происходящие из позднекушанских и кушано-сасанидских слоев кушанских памятников, датированных исследователями в пределах III–V вв., специальному изучению не подвергались. Это обстоятельство обусловлено относительно слабой изученностью вышеуказанных слоев и, как следствие, невозможностью комплексного подхода, продемонстрированного на материалах несравненно лучше изученного Пенджикента (Распопова, 1980; 1999). Историография вопроса, подробно рассмотренная В. И. Распоповой, не только для раннего Средневековья, но и для античности Средней Азии, избавляет нас от излишних повторений (Распопова, 1980. С. 3–6). Однако следует отметить несколько статей, вышедших позднее и непосредственно касающихся изделий из бронзы и железа исследуемого периода. Первая из них посвящена изучению металлических изделий поселения Яндаклы Деппе, расположенного в области Нисы (Вдовин, 1983. С. 53–59). Вторая статья рассматривает некоторые вопросы технологии изготовления позднекушанских бронз на материалах поселения Актепа II в Северном Тохаристане (Шемаханская, Равич, Седов, 1985).

Для более раннего периода существенное значение приобретают результаты исследований металлических изделий из городища Ай-Ханум, анализ которых позволил О. Гийому выделить пласты типично греческих и местных изделий (Guillaume, 1985. P. 255–267). В другой работе, касающейся различных категорий находок в Ай-Ханум, А. П. Франкфор убедительно показал существование весьма благоприятных местных условий для металлургического и других производств. Здесь же была дана оценка той роли, которую сыграла привнесенная греческая технология на Востоке, и рассмотрены возможные механизмы ее передачи (Francfort, 1984. P. 117–123).

Материалы из Ай-Ханум расширили горизонты исследований, но конкретных данных о мастерских не удалось получить и там. Это обстоятельство в равной мере относится и к памятникам кушанского и кушано-сасанидского времени. Накопление материала по интересующей нас теме идет в основном за счет количественного и качественного увеличения различных категорий металлических предметов.

Некоторые данные о развитии ремесел и торговли в кушанское время, отраженные в индийских нарративных источниках, используются как возможные параллели и для Средней Азии (Литвинский, Седов, 1983. С. 132–135). Большое значение для выявления истоков некоторых категорий изделий имеют раскопки Таксилы, в процессе которых получен огромный материал (Marshall, 1951.

Vol. II–III). Как отмечалось выше, не меньший интерес представляет собой возможность комплексного подхода с использованием иконографических, этнографических и многочисленных археологических источников, примененного к материалам Пенджикента (Распопова, 1980; 1999). Отсутствие столь солидной археологической базы для материалов исследуемого периода в значительной мере ограничивает возможности их анализа. Поэтому в данном случае наибольшее внимание будет уделено различным категориям изделий, разделенным по функциям: бронзовая посуда, оружие, украшения и утварь. Кроме того, здесь будут учтены результаты спектрально-количественных анализов, полученные для изделий из бронзы в лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР В. А. Галибиным (Завьялов, Галибин, 1990. С. 95–101).

Таким образом, немногочисленная коллекция железных и бронзовых изделий, найденных при раскопках жилого квартала на городище Зартепа, будет рассмотрена ниже, прежде всего на фоне аналогичных изделий, обнаруженных в синхронных слоях на территории Северной Бактрии-Тохаристана. В некоторых случаях с целью выяснения истоков и территории распространения отдельных типов вещей будут привлечены более ранние материалы, в том числе и изделия, происходящие из сопредельных районов Ирана, Хорезма, Согда, а также Афганистана, Пакистана и северо-западной Индии.

Бронзовая посуда, судя по находкам на Зартепа и других синхронных памятниках изучаемого периода, получает широкое распространение. Прежде всего, обращает на себя внимание серия бронзовых черпаков-киафов. В процессе раскопок жилого квартала на раскопе 6 было обнаружено три практически целых черпака и фрагмент венчика резервуара четвертого (рис. 60: 1–4). Все они найдены в постройках первого строительного горизонта в заполнении под уровнем первого пола помещений 122 и 46 и на уровне первого пола помещений 84 и 94. Кроме того, еще один черпак обнаружен в 1974 г. в IV ярусе шурфа, заложенного в западном углу четырехколонного зала дворца на раскопе 1.

Наиболее хорошо сохранившиеся экземпляры черпаков свидетельствуют о том, что их можно отнести к одному типу, характеризующемуся полусферическим резервуаром со слегка загнутым внутрь утолщенным венчиком и отходящей от него вверх длинной ручкой, уплощенной в нижней трети и круглой в сечении в остальной своей части. Верхний конец ручки загнут в кольцо. Ручка, как правило, слегка наклонена вперед, к оси резервуара.

Размеры киафа из помещения 46: высота — 27,2 см, высота резервуара — 5,2 см, наружный диаметр резервуара — 6,6 см. Верхний конец ручки загнут, но не образует полного кольца. Размеры киафа из помещения 94: высота резервуара — 4,6 см, наружный диаметр резервуара — 7,6 см, наружный диаметр кольца — 2,9 см. Размеры киафа из помещения 84: диаметр резервуара — 7,6 см, диаметр кольца — 2,6 см. Кончик наверху не сохранился, так же как и нижняя часть резервуара. Фрагмент венчика четвертого киафа из помещения 122 позволяет приблизительно определить только диаметр резервуара в пределах 7,5–8 см.

Не менее четырех киафов этого типа обнаружено вместе с бронзовыми чашами, бутылочками, кольцами, ложками и зеркалами на поселении Актепа II в Бишкентской долине (Древности Таджикистана, 1985. С. 142–145. № 386–404). Один

из них (№ 390) у основания ручки снаружи орнаментирован гравировкой, представляющей собой усложненный вариант гравировки зартепинских черпаков. Еще один киаф найден на сельском поселении Аккурган в Шерабадском оазисе (Пиддаев, 1978. С. 79). Бронзовые киафы составляли часть погребального инвентаря в одном из погребений могильника Харкуш (Соловьев, 1997. С. 164). Территориально значительно дальше, в области Нисы, черпак обнаружен в близких по времени слоях поселения Яндаклы Депе (Вдовин, 1983. С. 56. Рис. 2, 6). Несколько киафов и их фрагментов найдено в процессе раскопок Беграма, при этом наиболее ранние в слое Беграм I, затем в слое Беграм II и, возможно, Беграм III (Ghirshman, 1946. P. 47, 76. Pl. XVI; 16; XXVII; BG 242; XXXVI: BG 153; Carl, 1959. P. 100. Fig. 231. N 158; Meunié, 1969. P. 106. Fig. 249). Беграмские киафы, следовательно, заполняют лауну между зартепинскими и актепинскими и находками киафов в Таксиле и слое Беграм I, представляющими наиболее ранние находки этой категории посуды. Интересно, что многочисленные черпаки из Таксилы, обнаруженные в слоях I в. н. э. в Сиркапе I, II, III, демонстрируют значительное разнообразие вариантов оформления ручек и резервуаров (Marshall, 1951. Vol. III. Pl. 175, 184, 187). Изображение черпака очень близкой к зартепинским киафам формы засвидетельствовано на статуе «виночерпия», хранящейся в музее Пальмиры и относящейся к 100–150 гг. н. э. (Seyring, 1937. P. 10–11. Fig. 2). Следовало ожидать, что черпаки-киафы будут найдены и на близлежащих более ранних кушанских памятниках. Эти ожидания подтвердились сравнительно недавними находками черпаков на Кампыртепа (Болелов, 2005. С. 73. Рис. 28).

Р. Гиришман и Дж. Маршалл связывают появление киафов в Азии с влиянием греко-римского мира (Ghirshman, 1946. P. 47; Marshall, 1951. Vol. II. P. 594). Действительно, в предшествующие периоды находок подобного рода на территории Азии не отмечалось, тогда как в Греции, а затем и в Риме они известны чрезвычайно широко (Robinson, 1941. P. 194–196). Если учитывать типологическую близость киафов из Сиркапа к греческим образцам, видимо, есть все основания вслед за Р. Гиришманом и Дж. Маршаллом считать их появление на территории Средней Азии результатом эллинизации Востока.

К числу бронзовой посуды относятся также две целые и одна с утраченной средней частью чаши (рис. 60: 5–7). Целые блюдцеобразные чаши с прямыми, расходящимися наружу стенками и слегка вогнутым дном обнаружены вложенными одна в другую в южном углу помещения 112 (домовладение «Г») на уровне первого пола. Размеры чаш неодинаковы: наружный диаметр венчика большей из них 13,3 см, диаметр дна — 8,4 см, высота — 3,1 см; наружный диаметр венчика меньшей чаши — 10 см, диаметр дна вследствие деформации колеблется в пределах 6,6–6,8 см, высота — 2,5 см.

В настоящее время, исходя из единственной аналогии чашам этого типа — чаш из слоя Беграм III, найденных в комплексе из бронзовых предметов, вставленных один в другой, так же как и зартепинские чаши, под полом помещения Д-2, можно выделить их в отдельный тип (Ghirshman, 1946. P. 76. Pl. XXI. 8; XLV, BG 229). Пока чаши этого типа найдены только в позднекушанских и кушано-сасанидских слоях.

Третья бронзовая чашечка, обнаруженная в помещении 116, в заполнении над вторым полом, может быть только реконструирована (рис. 60: 7). Ее стенки

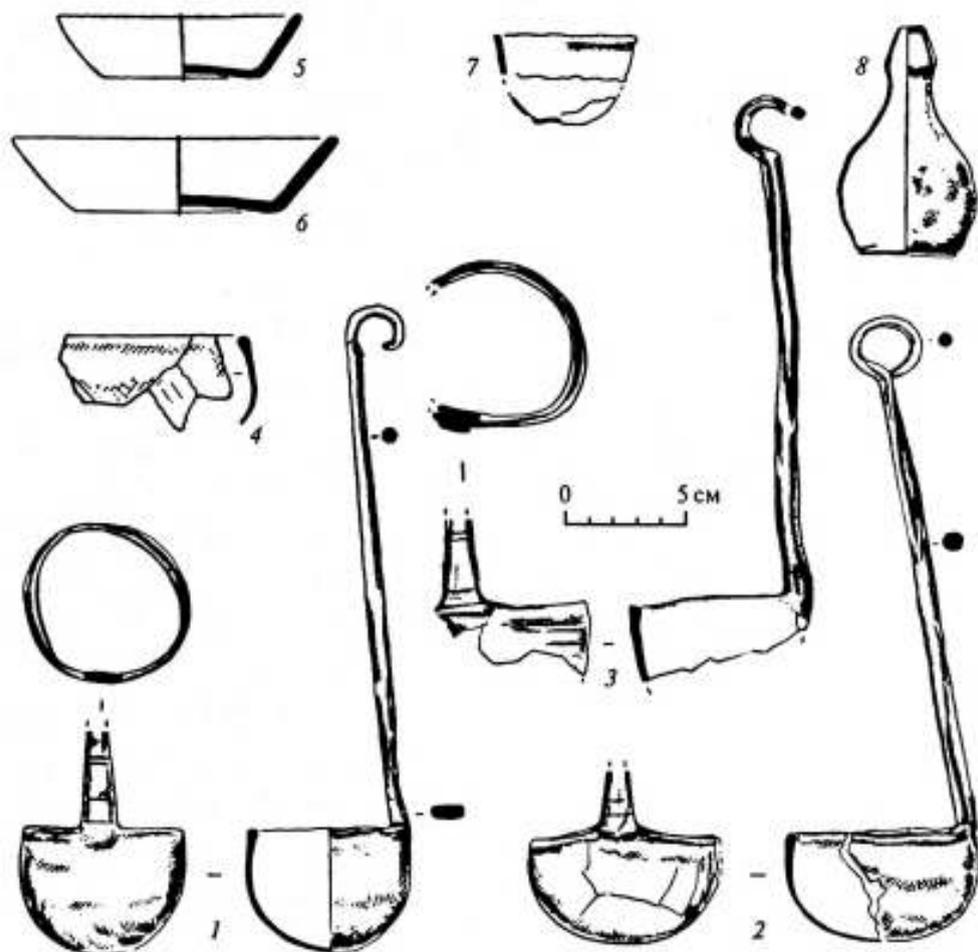

Рис. 60. Зартепа. Р-6. Бронзовая посуда:

1-4 — киафы; 5, 6 — блюдцеобразные чаши; 7 — чашечка; 8 — флакон

и фрагмент дна изобилуют вмятинками, что еще более затрудняет восстановление формы дна. Вследствие этого выделение ее в отдельный тип преждевременно. Наружный диаметр венчика чаши 5,8 см.

Последний предмет, относящийся к числу бронзовой посуды, — флакон, найденный в помещении 52 на глубине 10 см над уровнем четвертого пола (рис. 60: 8). У него яйцевидное тулово с многочисленными вмятинами. Шейка отделена от сужающегося сверху устья валикообразным расширением. Слегка выступающее дисковидное дно изготовлено отдельно и затем припаяно к нижней части стенок флакона, специально загнутых для этой цели. Высота флакона — 9,5 см, максимальный диаметр тулова — 5,5 см, диаметр дна — 4 см, наружный диаметр устья — 1 см.

Близкие по форме, но не идентичные бутылочки обнаружены среди комплексов бронзовых предметов из погребальных ям на поселении Актепа II (Древности Таджикистана, 1985. № 394, 395). Отличия проявляются, прежде всего, в профилировке устья. Но при этом на устье одной из бутылочек (№ 394) Актепа II наблюдается валик-выступ, украшенный кривой насечкой. На плечиках актепинских бутылочек выгравирован орнамент из двух параллельных концентрических желобков. Из-за малочисленности флаконов типологическое их расчленение, видимо, преждевременно, и только дополнительные находки позволят решить вопрос, относить ли их к вариантам одного типа или выделить несколько. Необходимо также отметить, что в отличие от вышеперечисленных зартепинских и актепинских изделий, изготовленных из медно-оловянных сплавов, в сплаве флакона зафиксировано большое количество цинка (30%).

Рассмотренная выше на фоне аналогий с синхронными и более ранними памятниками бронзовая посуда позволяет сделать несколько предварительных выводов. Во-первых, можно выделить отдельный тип киафов, получивших широкое распространение на территории Северного Тохаристана в III–V вв. и за его пределами, например в области Нисы и в Беграме. Во-вторых, можно выделить два типа чаш: полусферические, круглодонные — тип I и блюдцеобразные с вогнутым дном — тип II.

Вполне вероятно, что чаши типа I наряду с киафами привнесены на территорию Средней Азии из Греции, где они были распространены не менее, чем последние (Richter, 1915. P. 214, № 582, 583). Чаши типа I представлены в материалах поселения Актепа II, чаши типа II — на Зартепа и в Беграме.

Необходимо также коснуться технологий изготовления черпаков-киафов из Зартепа и Актепа II, по-видимому, полностью совпадающих. Данные количественного спектрального анализа зартепинских черпаков весьма близки результатам анализов бронзовой посуды поселения Актепа II. Отличительной особенностью зартепинских бронзовых черпаков и бронзовой посуды Актепа является высокое содержание олова (около 30%), почти не встречающееся в таком количестве в сплавах с медью в этом и других регионах в предшествующие периоды (Шемаханская, Равич, Седов, 1985. С. 62–65). Тем не менее, близкое процентное соотношение олова (18,7%) фиксируется на этой территории в некоторых металлических изделиях эпохи бронзы на поселении Сапаллитепа, где существовало собственное металлургическое производство (Аскаров, 1977. С. 124).

Высокооловянная бронза, как показали исследования вышеуказанных авторов, вследствие твердости и хрупкости, не могла обрабатываться с помощью только горячей и холоднойковки. Металлографическое изучение привело авторов к выводу, что изделия из высокооловянных бронз сначала отливались в закрытых формах, затем нагревались до температуры красного каления и только после этого дефекты литья устранялись горячейковкой. Следующей и последней операцией данной технологии была закалка с помощью воды, уменьшавшая хрупкость изделий (Шемаханская, Равич, Седов, 1985. С. 64). Необычные свойства высокооловянных бронз настолько заинтересовали исследователей, что по отношению к ним был применен метод моделирования, при этом использовалась комплексная медно-оловянная руда, известная по геологическим дан-

ным в Фанских горах на месторождении Мушистон в Таджикистане (Равич, Седов, Шемаханская, 1982. С. 23, 27). Опыты, как будто, подтвердили предположения исследователей о естественно полученных составах высокооловянных бронз. Однако нельзя исключать полностью и возможности производства их с помощью искусственного добавления олова. В любом случае технология изготовления актепинских и зартепинских киафов в совокупности с типологией и синхронностью бытования предполагают возможность их производства в одном центре. Технологический аспект исследования данной категории посуды тем более интересен, что данные спектрального количественного анализа киафов из Таксилы существенно отличаются от данных, приведенных выше. Киафы Таксилы изготовлены из сплава с преобладающим количеством меди (Marshall, 1951. Vol. II, P. 567). В этом отношении остается только сожалеть, что спектральному количественному анализу не подверглись киафы и другие категории бронзовой посуды из Беграма, Аккурмана и Яндаклы Деде: это позволило бы расширить горизонты исследования. Литье и горячаяковка с последующей закалкой применялись, по-видимому, и при изготовлении зартепинских чаш и флакона.

Предметы повседневного пользования. К ним можно отнести два железных кованых предмета. Пинцет, изготовленный из полоски железа, обнаружен в помещении 160 на уровне третьего пола. Полоска была сначала согнута пополам. Затем каждая половинка отогнута в сторону под прямым углом таким образом, что сверху остался выступ высотой 6 мм, отчасти обеспечивавший необходимую жесткость всей конструкции. Посредством еще одного загиба концов под прямым углом изделию придавалась окончательная форма (рис. 61: 2). Рабочие части-кончики пинцета слегка заострены. Длина инструмента — 7,2 см, ширина полоски — 0,8 см.

Совершенно аналогичные пинцеты обнаружены в яме № 2 помещения Н 15 на Кой-Крылган Кала в Хорезме (Трудновская, 1967. С. 160. Табл. XIX: 5), в погребении 263 могильника Тупхона (Литвинский, Соловьев, 1985. Табл. IV: 11) и в Ай-Ханум (Guillaume, Rougeulle, 1987. Pl. 16: 3; XI: 5). Другого типа железные пинцеты найдены в могильниках Западной Ферганы. Они не имеют плечиков и изготовлены из согнутой только пополам железной полоски, при этом рабочие кончики инструмента трапециевидно расширяются книзу (Литвинский, 1978. Табл. 36: 1, 2). Учитывая сравнительно небольшое количество находок подобных изделий в Средней Азии, предварительно можно выделить два типа пинцетов: I — с плечиками и выступом (Ай-Ханум, Кой-Крылган Кала, Тупхона, Зартепа) и II — без плечиков, с трапециевидной рабочей частью. Б. А. Литвинский, рассмотрев распространение и происхождение этой категории находок, пришел к выводу, что пинцеты появляются на Востоке в III тыс. до н. э. Функция этих предметов — щипчики для удаления волос — определяется на основе их совместного нахождения в комплексе с такими косметическими принадлежностями, как ухвертки и зубочистки, а также с помощью этнографических параллелей (Литвинский, 1978. С. 136–138).

Второй железный кованый предмет обнаружен на уровне первого пола помещения 136 II строительного горизонта и использовался как ножницы (рис. 61: 1). Он представляет собой U-образную ручку-пружину, концы которой

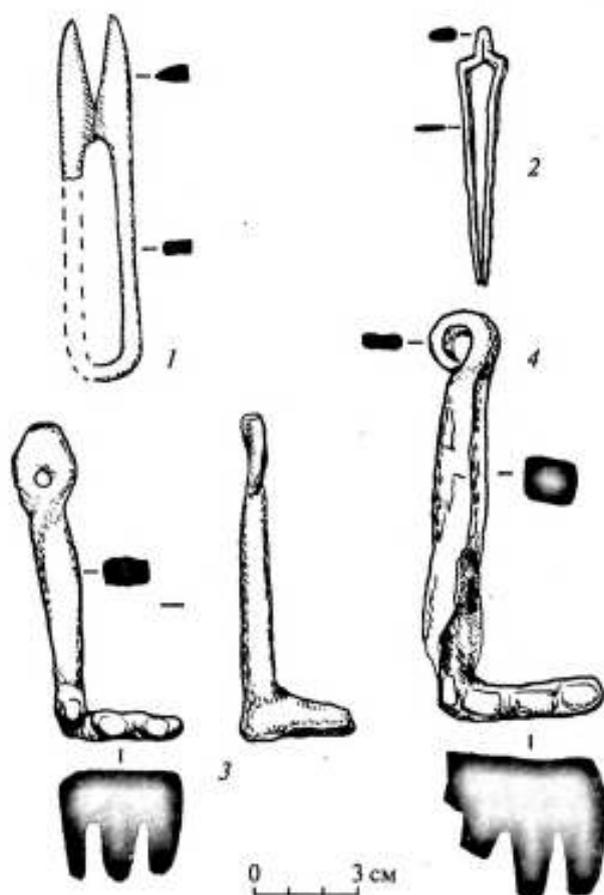

Рис. 61. Зартепа. Р-6. Железные предметы повседневного пользования:
1 — ножницы; 2 — пинцет; 3, 4 — ключи

образуют два треугольных лезвия, обращенных режущими кромками друг к другу и слегка заходящих друг за друга. Длина изделия — 10,2 см, длина лезвия — 3,5 см, ширина ручки — 0,8 см, толщина ее — 0,4 см. Размеры ножниц скорее свидетельствуют в пользу их косметической функции, нежели хозяйственной (стрижка овец). Единственные ножницы этого типа в слоях кушанских памятников найдены пока только в Беграме II. Как полагают некоторые исследователи, в том числе и Р. Гиршман (Ghirshman, 1946. P. 58. Pl. XVI: 18, B6–105), изобретение ножниц принадлежит римскому миру. И действительно, если обратиться к сводке Ф. Петри, можно видеть большое разнообразие типов данных изделий, обнаруженных как на территории собственно империи (Помпеи), так и в провинциях (Англо-Саксония, Египет и даже в Швеции). По наблюдениям Ф. Петри, первые экземпляры ножниц появляются в III в. до н. э. (Petrie, 1917. P. 48. Pl. VIII, IX: 13–16).

В этой связи приобретают интерес находки ножниц в сарматских погребениях Нижнего Поволжья, где до 1975 г. зафиксировано 23 экземпляра. Все они

относятся к одному, но иному, чем зартепинский и беграмский, типу. У них кольцевидная ручка-пружина, от которой вниз сразу же отходят подтреугольные лезвия. Повышенная встречаемость ножиц с типом фибул, надежно датированных в пределах второй половины II — первой половины III в. н. э., позволила А. С. Скрипкину сделать вывод о том, что и сами они становятся хронологическим индикатором (Скрипкин, 1984. С. 42, 52. Рис. 15. 20–23). Проникновение данной категории находок, к тому же встречаемых чаще в женских погребениях (94,4%), в сарматскую среду, с одной стороны, свидетельствует в пользу их косметической функции, с другой стороны, указывает на влияние римской культуры, что широко известно и по другим категориям вещей. Элементы римской культуры неоднократно отмечались и на территории Кушанской империи, что проявилось не только в различных импортах, но и в подражаниях, например в керамике.

Железные ключи, найденные в пределах квартала дважды, относятся к одному типу. Первый из них обнаружен в помещении 105 на уровне первого пола и представляет собой близкий в сечении к квадрату стержень, утончающийся верхний конец которого загнут в кольцо (рис. 61: 4). Нижний конец изогнут под прямым углом и образует бородку ключа с тремя зубьями. Размеры ключа: длина — 11,6 см, наибольшая длина бородки — 4,8 см, длина зуба — 1,8 см, наружный диаметр верхнего кольца — 1,8 см, внутренний его диаметр — 0,9 см.

Второй ключ (рис. 61: 3; см. вкл. 16, рис. 1) совершенно аналогичного типа обнаружен в заполнении над нижним полом помещения 139 и отличается от первого степенью сохранности верхнего кольца и размерами: длина — 9 см, наибольшая длина бородки — 3,6 см, наружный диаметр верхнего кольца — 1,8 см, внутренний его диаметр до реставрации — 0,5 см.

Обе находки зафиксированы в I строительном горизонте жилого квартала, но стратиграфические наблюдения по отношению к данной категории находок роли не играют. Гораздо важнее то, что ключи этого типа обнаружены на городище Ай-Ханум, а также на памятниках материковой и островной Греции, где они получают широкое распространение именно в эллинистический период (Robinson, 1941. P. 505–508). А. П. Франкфор отмечает наиболее важные местонахождения ключей этого типа по всему эллинистическому миру (Francfort, 1984. P. 63–64. Pl. XXV), а Робинсон, ссылаясь на Плиния Старшего, связывает их изобретение с именем Теодора с острова Самос и называет их ключами лаконийского, т. е. спартанского типа (Robinson, 1941. P. 505–508). К числу типично греческих предметов их относит и О. Гийом, указывая на то, что до эллинизации территории Средней Азии и Ирана таких находок здесь зафиксировано не было (Guillaume, 1985. P. 258). Помимо Ай-Ханум, железные и бронзовые ключи с четырьмя и пятью зубьями на бородке, представляющие вариант данного типа, найдены в Таксиле в слоях I в. н. э. (Marshall, 1951. Vol. III. P. 544. Pl. 164: N 48, 49. Pl. 17: N 354–356), в Беграме (Hakin, Carl, Meunié, 1959. Fig. 234). На территории Таджикистана железные ключи обнаружены в Пенджикенте (Распопова, 1980. С. 127–128. Рис. 85: 6; 1999. С. 36–37. Рис. 42: 9), а также на поселении Актепа II в Кобадiane (Седов, 1987. С. 66–67. Табл. VII: 13). В процессе раскопок раннесредневековой усадьбы Кафыр Кала в окрестностях Самарканда найден железный ключ с четырьмя зубьями на бородке (Шишкина, 1961. С. 214–216. Рис. 11). В Южном Узбекистане, на городище Кампыртепа,

аналогичные ключи найдены в постройках, относящихся к I–II вв. н. э. (Древности Южного Узбекистана, 1991. С. 295. Кат. № 207–210). Ключ с четырьмя зубьями на бородке обнаружен на цитадели Дильберджина в раскопе CV (Кругликова, 2001. С. 340. Рис. 23: 3).

Таким образом, по отношению к данной категории находок можно сделать ряд выводов: 1) ключи лаконикийского типа появились в Средней Азии в результате эллинизации Востока и привнесения не только греческой технологии, но и отдельных типов конкретных вещей, что уже рассматривалось в литературе и на других категориях находок (Francfort, 1984. Р. 117–123); 2) бородки ключей имеют от двух до пяти зубьев, что позволяет выделить варианты типа; 3) ключи этого типа изготавливались также из бронзы (Таксила); 4) известны находки таких ключей небольшого размера, предположительно предназначенных для шкатулок, в сарматских погребениях (Алексеева, 1982. С. 89–91. Рис. 51: 3; Гущина, 1974; 1982. С. 42; Гущина, Засецкая, 1994. С. 74. Табл. 52: 500); 5) деревянные замки, открывающиеся этим очень устойчивым типом ключей, еще до недавнего времени закрывали двери построек в кишлаках Таджикистана (Распопова, 1980. С. 127).

Следует отметить, что при раскопках Дильберджина в помещении 52 «большого дома» встречен фрагмент ручки с кольцевидным навершием бронзового ключа иного типа (Кругликова, Пугаченкова, 1977. С. 44. Рис. 15.1; 35). Это обстоятельство позволяет надеяться на находки ключей в будущем и дальнейшую возможность их типологического расчленения, которое до сих пор было ограничено недостатком источниковедческого материала.

К деревообрабатывающим инструментам относится железное кованое долото, найденное в помещении 159 домовладения «В» на уровне второго пола (рис. 62: 1; см. вкл. 16, рис. 2). Оно массивное и сравнительно тяжелое, с изогнутым по отношению к рукояти лезвием, заканчивающимся в верхней части двумя скошенными вверх по направлению рукояти плечиками, выше которых располагается также массивная, подквадратная в сечении, заостряющаяся кверху рукоять. Нижняя рабочая часть инструмента шире верхней его части.

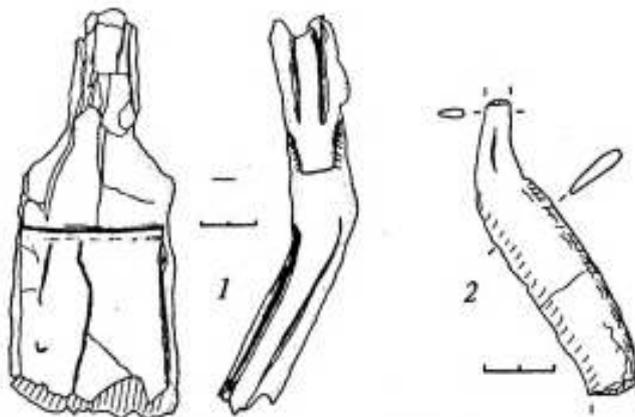

Рис. 62. Зартепа. Р-6. Орудия из железа:
1 — долото; 2 — серп

Сохранившаяся длина лезвия до перегиба — 6,5 см, длина от перегиба до начала плечиков — 2,5 см, ширина в нижней части — 6,5 см, ширина в верхней части 5,7 см, толщина — 1,7 см. Сохранившаяся длина рукояти — 5,7 см, размеры подквадратного сечения — 2,8 × 2,6 см. Два аналогичных лучше сохранившихся изделия найдены на поселении Актепа II. Рабочие приостренные их лезвия скруглены. А. В. Седов предполагает, что они могли использоваться либо как землекопные, либо как деревообрабатывающие орудия (Седов, 1987: С. 64. Табл. V: 1–2). Судя по находкам аналогичных (Francfort, 1984. Pl. XXXI: 7) и близкой формы изделий в Ай-Ханум, определяемых французскими исследователями как долота (Guillaume, Rougeulle, 1987. Pl. 15: 2–3; pl. X, 13–15), такие орудия применялись, скорее, для обработки дерева.

Украшения. В эту функциональную группу включены перстни, найденные на Зартепа в количестве пяти экземпляров: два бронзовых и три железных. Железный перстень с овальным щитком обнаружен в культурных напластованиях улицы «Внутриквартальной» на глубине второго штыка. Размеры его: наружный диаметр кольца — 2 см, внутренний — 1,5 см, толщина щитка — 0,2 см. Не исключено, что на наружной поверхности щитка была какая-то гравировка, нечитаемая вследствие сохранности (рис. 63: 3; см. вкл. 16, рис. 3). На овальном щитке другого железного перстня видно изображение стоящей фигуры, возможно, женской (рис. 63: 4; см. вкл. 16, рис. 4).

Еще одно бронзовое кольцо с овальным щитком найдено на уровне второго пола помещения 27 (рис. 63: 1). Нижняя часть его не сохранилась. Кольцо литое. Наружная поверхность щитка украшена гравировкой. Край его подчеркнут овальной линией. В центре щитка — стреловидное изображение, направленное вдоль длинной оси овала. Верхние концы стрелы значительно больше нижних. Диаметр сохранившейся части кольца — 1,9 см, ширина щитка — 1,1 см, длина его — 1,4 см. В месте перехода от щитка к кольцу наблюдаются утолщения. Почти идентичное стреловидное изображение обнаружено на щитке перстня в Пенджикенте (Распопова, 1999. Рис. 29: 1).

На уровне второго пола помещения 151 обнаружен третий перстень с гнездом для вставки (рис. 63: 3). Гнездо изготовлено отдельно и припаяно к несомкнутым, слегка расплюсненным концам шинки. Само по себе оно состоит из двух частей — диска и маленького пластинчатого колечка, napаянного на его поверхность. Диаметр шинки — 2,1 см, диаметр диска — 0,9 см, диаметр верхнего колечка-гнезда — 0,6 см.

Перстни из различных металлов с овальным щитком и изображениями на наружной поверхности получили столь широкое распространение в ранних и более поздних по отношению к исследуемому периоду памятниках, что здесь придется ограничиться лишь отдельными примерами, иллюстрирующими состояние их изученности. Так, большое количество перстней найдено в Таксиле (Marshall, 1951. Vol. III. Pl. 197, 198) и на поселениях кушано-сасанидского времени (Пидаев, 1978. Табл. XIX: 14). Значительно больше находок перстней в погребальных памятниках (Мандельштам, 1966. Табл. VI, VII; 1975. Табл. XLI; Литвинский, Седов, 1984. Табл. II). Для периода раннего Средневековья важны находки перстней в Пенджикенте (Распопова, 1980. С. 114–117. Рис. 77; 1999. С. 27–28. Рис. 29) и Северном Тохаристане (Соловьев, 1997. Рис. 13).

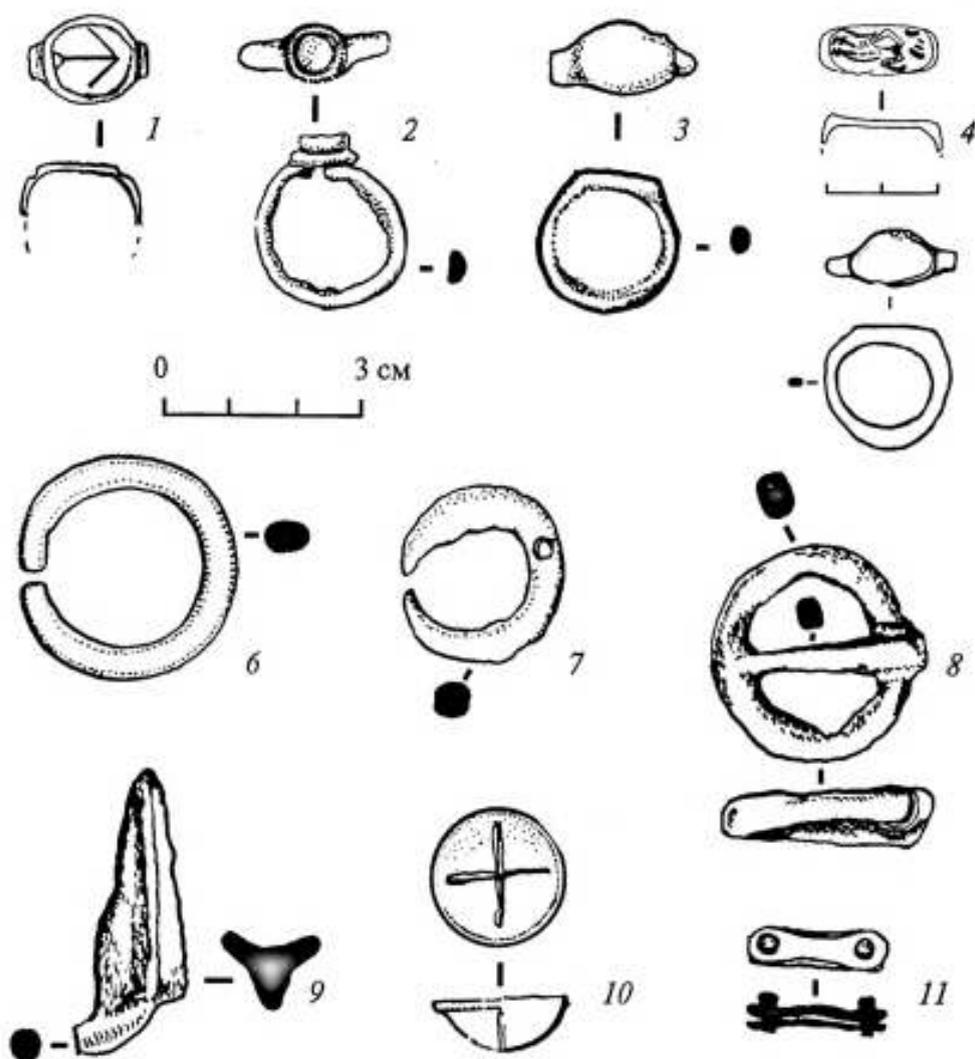

Рис. 63. Зартепа. Р-6. Металлические изделия:

1-5 — перстни; 6, 7 — кольца; 8 — пряжка; 9 — наконечник стрелы; 10 — бубенчик; 11 — обоймочка. Железо — 3-5, 8, 9. Бронза — 1-2, 6, 7, 10. Серебро — 11.

Вышеописанный перстень с гнездом на диске представляет вариант этого типа перстней, также достаточно широко распространенных, но точных копий данного варианта с диском пока не обнаружено. Обычно гнезда для вставок устроены в «теле» утолщенной верхней части перстней, видимо, отливавшихся в формах. Такие перстни представлены в кушанских могильниках (Мандельштам, 1966. Табл. VI: 14, 17; 1975. Табл. X: 1, 1; Литвинский, Седов, 1984. Табл. II: 25). Существовала и другая технология — напайка отдельно изготовленных частей. Судя по материалам Пенджикента и других памятников ранне-

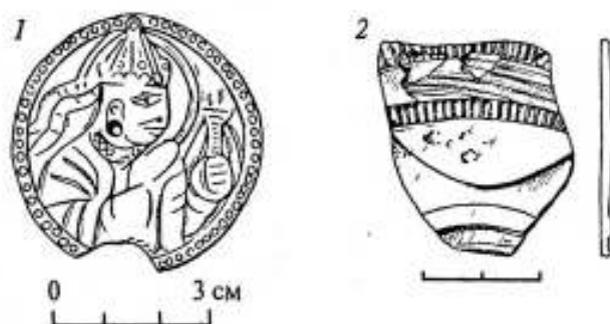

Рис. 64. Зартепа. Р-6.

1 — бронзовый медальон; 2 — фрагмент китайского зеркала

го Средневековья, широкое распространение такая техника получает именно в это время (Распопова, 1980. С. 116).

В помещении 22 домовладения «Д», на уровне третьего пола найдено бронзовое кольцо с несомкнутыми утончающимися концами (рис. 63: 6). Наружный диаметр кольца 3 см. Боковые его стороны слегка уплощены, видимо, горячей ковкой. Определение истинной функции таких колец всегда представляет большую сложность ввиду широкого диапазона их использования. Еще одно кольцо было обнаружено в помещении 115 на уровне нижнего пола (рис. 63: 7). Оно также разомкнутое, с утончающимися концами, но в отличие от кольца из помещения 22, на одной из его боковых сторон сохранилась часть шпенька. Наружный диаметр кольца — 2,4 см, внутренний — 1,2 см, сохранившаяся высота шпенька — 0,15 см. В погребении 259 могильника Тупхона обнаружено близкое по форме бронзовое кольцо с грибовидным шпеньком, интерпретируемое как пряжка (Литвинский, Седов, 1984. С. 17. Табл. II: 2). Вполне вероятно, что и данный экземпляр мог использоваться в той же функции.

Железная пряжка с подвижным язычком найдена в культурных напластованиях улицы «Внутриквартальной» на глубине 0,20 м от современной поверхности. Язычок сужается к концу. Диаметр кольца — 3,1 см, диаметр проволоки — 0,4 см, длина язычка — 2,7 см (рис. 63: 8; см. вкл. 17, рис. 1). Анализируя железные кольцевидные пряжки, А. М. Мандельштам пришел к выводу, что находок их на территории Средней Азии до II в до н. э. не отмечается, что, в свою очередь, свидетельствует об их кочевническом происхождении (Мандельштам, 1975. С. 140). Позднее они получают широкое распространение.

В число украшений входит также бронзовый медальон (рис. 64: 1; см. вкл. 17, рис. 2) с изображением кушанского царя Хувишки. Описание и некоторые вопросы его атрибуции уже получили освещение в печати (Завьялов, 1979б. С. 86–87). Однако следует еще раз вернуться к этому вопросу в связи с публикацией аналогичных изделий, появившихся в частных коллекциях в Японии и проанализированных Танаби (Tanabe, 1983. P. 87–103. Pl. I). Интересно, что среди медальонов появляется новое изображение: на лицевой стороне — бюст правителя в кафтане, с головой, показанной в трехчетвертном обороте. Детальный анализ изображения правителя привел автора к выводу, что на медальоне воспроизведен не Хувишка, а либо его соправитель, либо правитель времени

Васудевы. Привлечение такого источника, как скульптура, позволило выяснить функцию этих изделий, возможно, применявшихся в качестве деталей для украшения поясов (Rosenfield, 1967. P. 3, 3a, 3b).

Предметы вооружения в пределах квартала представлены более чем скромно — одним железным трехлопастным черешковым наконечником стрелы, обнаруженным на уровне первого пола в помещении 46. Черешок загнут в сторону, конец его обломан (рис. 63: 9). Стрелы этого типа получили столь широкое распространение, что в связи с нашей единственной находкой, почти ничего не добавляющей ко времени их появления и существования, остается сослаться на исследования, в которых отражена современная литература по этому вопросу (Крутликowa, 1986. С. 41–45; Литвинский, 2001. С. 80–119).

Прежде чем перейти к достаточно многочисленным находкам железных ножей, необходимо упомянуть еще о трех изделиях, представленных единичными экземплярами. Первое изделие найдено при разборке суфы в помещении 166 между кирпичами и представляет собой двойную обоймочку, скрепленную двумя заклепками (рис. 63: 11). Обоймочка серебряная, ее верхняя пластинка восьмеркообразной формы, нижняя — прямоугольная. Заклепки сохранились полностью, что предполагает использование скобки для крепления каких-то мягких материалов, возможно, кожи. Размеры: длина — 2 см, ширина — 0,5 см, толщина пластинок — 0,1–0,15 см.

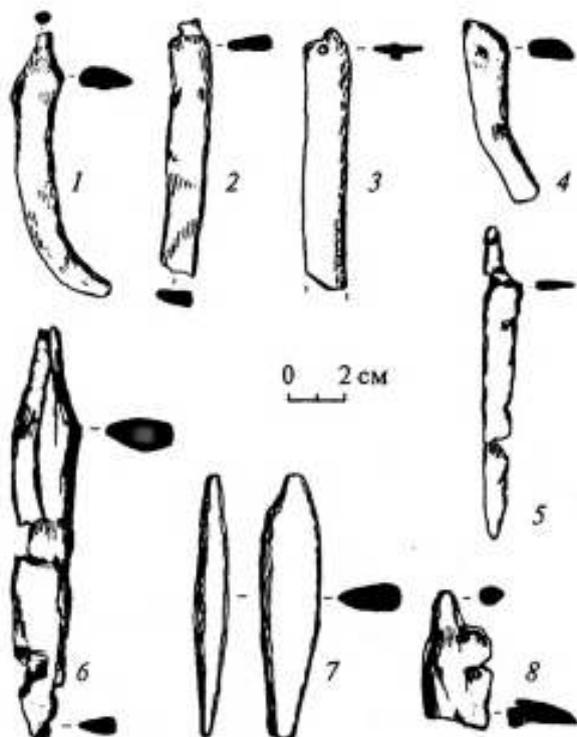

Рис. 65. Зартепа. P-6. Железные ножи

Второе изделие — бронзовый бубенчик, нижняя половинка которого обнаружена в верхнем слое над помещением 139 (рис. 63: 10). Бубенчик был, по всей вероятности, шаровидным, с крестовидной прорезью на нижней припаянной половинке. Диаметр его 2 см. Вопрос о распространении бубенчиков на территории Средней Азии и сопредельных регионов подробно рассмотрен Б. А. Литвинским (Литвинский, 1973. С. 48–53).

Третье изделие — бронзовое китайское зеркало, фрагмент которого найден в хозяйственном отсеке, устроенном на месте прохода из помещения 4 в помещении 7 в домовладении «А», относится к зеркалам «арочного типа», выделенного в отечественной литературе по наличию арочновидного орнамента (Литвинский, 1978. С. 98–105; Горбунова, 1990. С. 46–47. Рис. 18: 19). Попытка реконструкции позволяет предполагать, что диаметр зеркала достигал примерно 16 см, а на его оборотной стороне наряду с другими орнаментальными мотивами располагалось 8 «арок» (рис. 64: 2; см. вкл. 17, рис. 3). Среди опубликованных восьмиарочных зеркал, происходящих из Ферганы, наибольшее сходство по ряду элементов орнамента наблюдается с китайским зеркалом, обнаруженным на поселении Сурх II (Горбунова, 1990. С. 46–47. Рис. 18: 19).

Как уже упоминалось, наиболее многочисленными изделиями из железа, найденными на Зартепа, были **железные ножи**. Пока их обнаружено 8 экземпляров (рис. 65: 1–8). Совершенно очевидно, что для столь широко употреблявшихся в быту предметов данная выборка ничтожно мала, так же как и для их типологического расчленения. Следует также учитывать значительную степень корродированности и плохую сохранность, что не позволяет использовать для анализа все признаки. На этой ступени накопления материала можно, пользуясь существующими разработками (Распопова, 1980. С. 63–64), разделить ножи на две группы — с изогнутым и прямым лезвием. К группе с прямым лезвием относятся семь ножей, группа с изогнутым лезвием насчитывает три изделия. При такой сохранности изогнутых лезвий не всегда можно утверждать, что они использовались именно как ножи. Часть их могла использоваться в качестве серпов (рис. 65: 1), которые также были найдены при раскопках жилого квартала (рис. 62: 2, 3; см. вкл. 17, рис. 4). В синхронных памятниках ножи с изогнутым лезвием найдены в Аккургане (Пидаев, 1978. Рис. 28). Как правило, исследователи, касавшиеся этой категории находок, воздерживаются от построения хронологических схем, основанных на типологии, ссылаясь на недостаточность материала (Литвинский, 1978. С. 25). Незначительная выборка ножей из Зартепа тем более не может служить надежной основой для таких построений и позволяет ограничиться лишь констатацией вышеперечисленных находок в позднекушанских и кушано-сасанидских слоях.

§ 8. Изделия из камня

Коллекция каменных изделий и орудий, обнаруженных в пределах жилого квартала, достаточно представительна и насчитывает 10 экземпляров. Среди них привлекает внимание овальной формы гирька из серого гранита весом 50,03 грамма с семью насечками (см. вкл. 18, рис. 1). Природный камешек

был, по-видимому, специально подобран так, чтобы отвечать двум условиям: 1) одна его сторона должна была быть уплощенной для удобства размещения на чашечке весов; 2) вес камешка должен был соответствовать метрологическим меркам, принятым на рынке. Семь рисок предполагают, что вес гирьки составляет сумму из семи весовых единиц по 7,14 грамма. Интересно, что близкие весовые показатели наблюдаются у некоторых монетных номиналов кушанской и позднекушанской чеканки, начиная с выпусков Сотера Мегаса (см. приложение 2). Возможности применения каменных гирь и их метрологические соответствия показаны на материалах Пенджикента (Маршак, Распопова, 2005).

Достаточно часто в процессе раскопок встречались точильные камни разной формы, чаще трапециевидной, иногда с просверленными отверстиями для подвешивания (вкл. 18, рис. 3, 4; вкл. 19, рис. 1–3). Изготовленный из стеатита предмет неясного назначения с длинным сквозным отверстием (см. вкл. 19, рис. 4) был украшен на каждой из четырех сторон повторяющимся циркульным орнаментом, близким, но не идентичным орнаменту на упоминавшейся выше игральной кости. Две вписанные друг в друга окружности с точкой в центре были помещены по центру квадрата, также обрамленного маленькими циркульными окружностями с точкой в центре. В большинстве углублений, изображающих точки, сохранились следы красной краски. Количество маленьких окружностей распределено по следующей схеме: на двух сторонах изделия один из квадратов обрамлен двенадцатью окружностями, а другой тринадцатью; на других двух сторонах каждый квадрат обрамлен тринадцатью окружностями. Следует отметить, что на сторонах предмета с двенадцатью и тринадцатью окружностями одна из маленьких окружностей не совсем вписывается в квадрат из тринадцати окружностей, а находится между квадратами, состоящими из двенадцати окружностей. Очевидно, что этот орнамент передает какую-то систему счета, которую пока не удалось идентифицировать.

Для измельчения и растирания различных материалов использовались терочники, для которых специально подбирались гранитные округлые или овальные камни сравнительно небольшого веса и размера, удобные при работе рукой (см. вкл. 20, рис. 1, 2). При изготовлении архитектурного декора широко применялся мергелистый известняк. Из этого материала, помимо капители, найденной в помещении 15 домовладения «А», изготовлена волюта, фрагмент которой обнаружен в помещении 138/139 домовладения «В», а также ступенчатая квадратная мини-база, открытая в домовладении «Б», в помещении 66, на уровне второго пола (см. вкл. 20, рис. 3, 4).

§ 9. Надписи на керамике

В процессе раскопок городища Зартепа было обнаружено пять надписей на керамике (подробное описание их вынесено в приложение 1). Все надписи бактрийским письмом нанесены на сосуды либо тушью, либо прочерчены по сырой глине до обжига (рис. 66, 67). Чтение надписей осуществлено В. А. Лив-

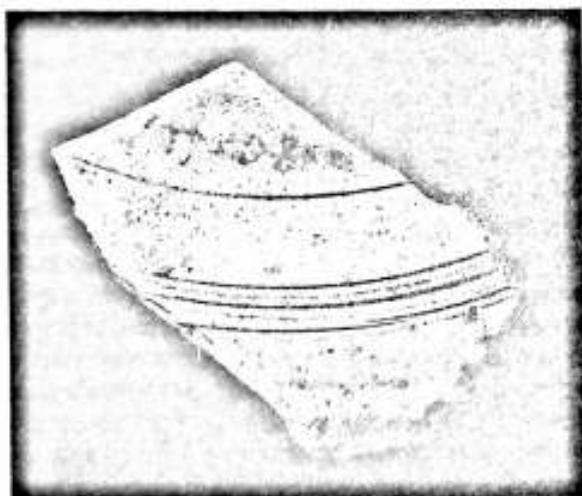

Рис. 66. Заргепа. Р-6. Надписи на керамике

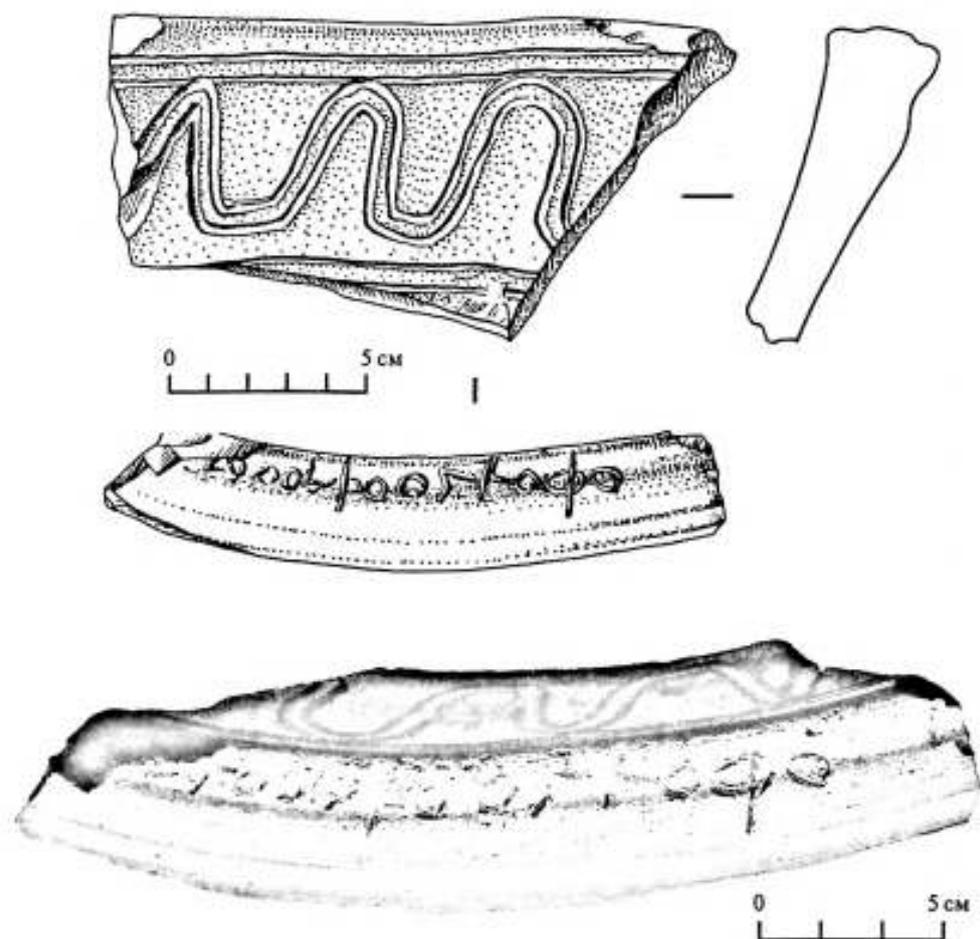

Рис. 67. Зартепа. Р-6, домовладение «В», пом. 157. Надпись на венчике сосуда, найденного под суфой

шицем и Н. Симс-Вильямсом. Две надписи (№ 3 и 5 в приложении 1) связаны с пришедшими из Индии верованиями. Первая из них «эта па<тра> к/для...», нанесенная черной тушью на плечике кувшина (Livshits, Shkoda, 1994. P. 131. Fig. 3), относится к числу буддийских дарственных или владельческих надписей на сосудах, хорошо известных по раскопкам на Каратепа (Вертоградова, 1995. С. 11–13, 106–113). Во второй надписи, прочерченной на венчике сосуда типа тагора, найденном в помещении 157 (домовладение «В»), отчетливо читается «Бог Шива-Веша свидетель». Нахождение надписей на Зартепа в слоях, относимых к кушано-сасанидскому периоду, в совокупности с другими находками, которые также можно связать с индийскими верованиями и культурами, свидетельствует о том, что какая-то часть населения древнего города, видимо, оставалась в числе приверженцев этих культов, несмотря на то, что политическая ситуация в Бактрии-Тохаристане существенно изменилась.

§ 10. Керамическая плакетка

Астральные символы в сочетании с изображениями животных, часто встречающиеся в различных произведениях искусства Древнего Востока, нашли свое место и среди штампованного орнамента на керамических изделиях Бактрии-Тохаристана кушано-сасанидского времени. На городище Зартепя, в помещении 75, на уровне третьего пола жилища «Б» в 1979 г. найдено глиняное изделие, на лицевой стороне которого оттиснуто изображение двух животных и двух символов небесных светил. Изображение нанесено на плоскую, специально подготовленную поверхность прямоугольного (6,4 × 5,8 см) куска глины толщиной до 2,8 см (рис. 68; см. вкл. 21, рис. 4). Боковые края плитки заглажены. На оборотной стороне прямоугольника по его углам располагаются вдавления с отпечатками пальцев мастера-изготовителя, одной рукой державшего заготовку, а другой наносившего с помощью штампа рисунок на внешнюю поверхность изделия. Технология изготовления оттиска очень близка технологии штампов на кушанской, кушано-сасанидской и раннесредневековой керамике, наносившихся в большинстве случаев, видимо, деревянным инструментом¹⁰. В данном случае об этом свидетельствует вогнутость на поверхности плитки, предполагающая, что деревянный инструмент, с помощью которого нанесен оттиск, имел слегка выпуклую к центру изображения поверхность. Об использовании деревянного инструмента говорят также контуры и детали изображения животных и небесных светил.

В правом верхнем углу, параллельно плоской поверхности плитки, с двух боковых сторон под углом около 30–45 градусов проткнуто сквозное отверстие диаметром 3 мм на входах и 1 мм внутри по центру. Второе сквозное отверстие располагается почти перпендикулярно по отношению к наружной поверхности плитки в середине левой боковой ее стороны. Оно проделано, по-видимому, остроконечным инструментом, использовавшимся и в первом случае, но с одной (наружной) стороны изделия, о чем свидетельствуют диаметры на входе (4 мм) и выходе (2 мм). Вопрос о функциональном назначении этих отверстий пока остается открытым. Можно предполагать, что они предназначены либо для крепления изделия, например в углу стеной ниши помещения, либо для его подвешивания через угловое отверстие с последующей фиксацией в определенном положении через боковое отверстие.

Изображение вписано в квадрат, контуры которого обозначены одной выделенной линией с левой и верхней его сторон и, частично, в правом верхнем углу. Внизу квадрата и по правой нижней его стороне контур обозначен уже двумя линиями, пространство между которыми заполнено углублениями в виде ямок диаметром около 2,5 мм и глубиной до 2 мм. В нижней части контура располагается 11 ямок, справа — 7 (учитывая одну несохранившуюся). Такие же две

¹⁰ В отличие от южных регионов Кушанской империи, где сравнительно часто встречаются керамические инструменты для нанесения штампов, на кушанских, кушано-сасанидских и раннесредневековых памятниках Бактрии-Тохаристана они засвидетельствованы крайне редко, несмотря на широчайшее распространение штампованной керамики, что предполагает изготовление таких инструментов из дерева.

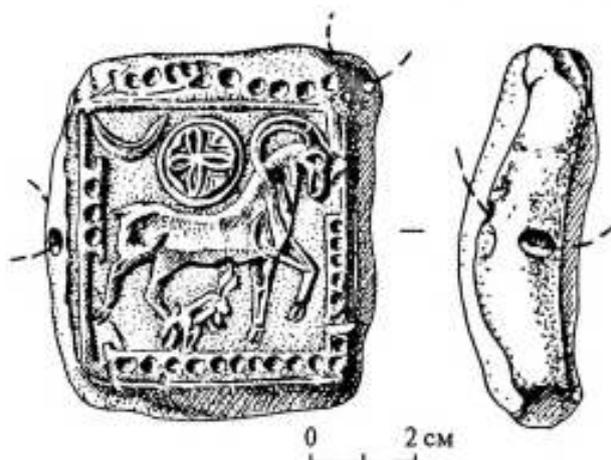

Рис. 68. Зарпета. Р-6, домовладение «Б», пом. 75, 3-й пол. Изображение на терракотовой плитке

линии отчасти обрамляют квадрат с левой стороны позади хвоста центральной фигуры изображения. Между этими линиями отмечены три ямки, сохранившиеся полностью, и две, сохранившиеся наполовину. По краю верхней части плитки над изображением располагается еще десять ямок, образующих неровную линию. Эта часть декора нанесена другим инструментом и, видимо, уже после оттискивания изображения с целью окончательного оформления его композиции. Не исключено, что изначально предполагалось ограничить всю композицию контуром из двух линий с ямками, однако пропорции центральной фигуры парнокопытного и лунный серп потребовали больше места, вследствие чего образовались пробелы в обрамлении.

В центре композиции изображено идущее вправо парнокопытное животное с круто закрученными рогами и коротким хвостом. Левую переднюю ногу изобразили согнутой и приподнятой, для того чтобы передать ощущение движения. С шеи на грудь животного спускаются пряди шерсти, переданные пятью длинными линиями и одной короткой, начинающейся на холке. Вторую короткую, также идущую от холки линию можно интерпретировать и как острое окончание рога, и как прядь шерсти. Морда животного стилизована, поэтому сложно в точности определить его видовую принадлежность¹¹. Глаз парнокопытного воспроизведен в виде ямки. Маленькие остроконечные уши чуть загнуты назад и почти не заметны, причем располагаются они на линии рогов. От лобной части головы отходят рога в виде двух параллельных линий, заканчивающихся у середины шеи. Полукруглый контур рогов животного по способу передачи очень близок изображению серпа луны, располагающемуся в левом верхнем углу композиции. Над вогнутой спиной, между лунным серпом и рогами животного, изображен круг диаметром 15 мм, с вписанным внутрь него изображением четырехлепестковой розетки, по-видимому, воспроизводящим соляренный символ.

¹¹ Палеозоолог А. К. Каспаров склонен отнести изображение к разновидности дикого козла.

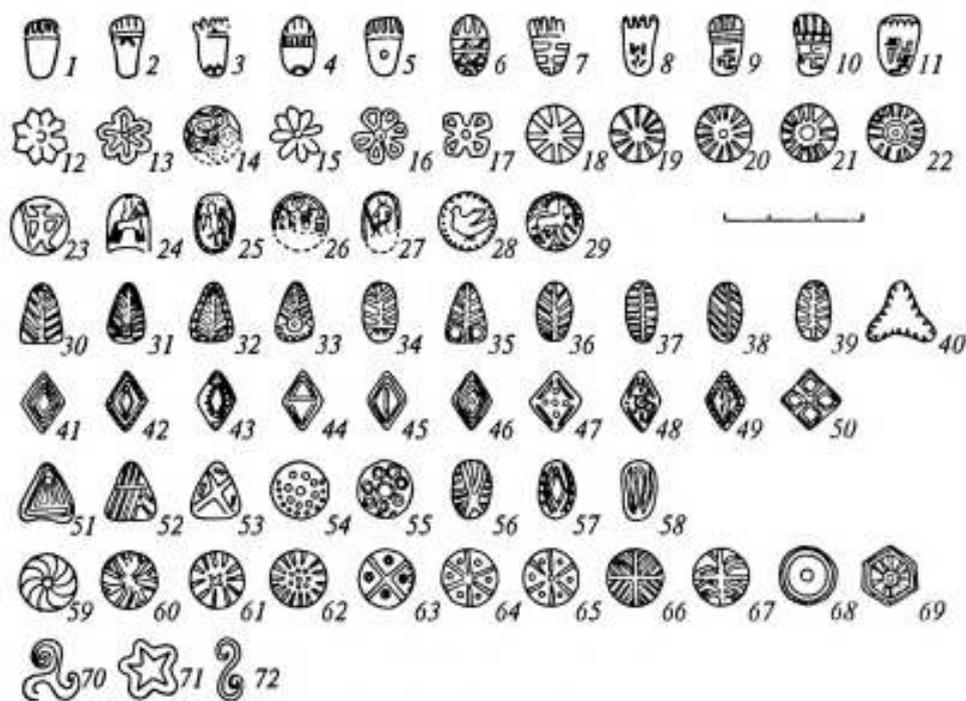

Рис. 69. Зартепа. Р-6. Разновидности штампов на керамике

Второе маленькое длинноухое животное стоит (или готовится к прыжку?) на вытянутых задних лапах под брюхом парнокопытного, почти касаясь коротким хвостиком его левой задней ноги. Несмотря на стилизацию, такие видовые признаки животного, как длинные уши, короткие согнутые передние и длинные задние лапы, ясно указывают на то, что перед нами изображение зайца. Небольшой короткой мордочкой без глаз заяц, так же как и парнокопытное животное, обращен вправо.

На территории Бактрии-Тохаристана кушано-сасанидского и раннесредневекового периодов пока не обнаружено именно такого сочетания астральных символов и олицетворяющих их животных. Однако в других сочетаниях изображения животных, птиц и рыб представлены на штампах, украшавших керамику, происходящую из синхронных памятников Афганистана и Туркменистана. В частности в подъемном материале городища Мирзабек Кала в Туркменистане найден штамп с композицией, в центре которой изображен конь перед «древом» с птицей над крупом.

Под брюхом коня, между передними и задними его конечностями воспроизведена анфас голова быка (Пилипко, 1985. С. 99–100. Рис. 24). С зартепинской композицией изображение на штампе из Мирзабек Кала сближает размещение головы другого животного под брюхом, между ногами центральной фигуры, и четырехугольное обрамление всей композиции. Голова быка анфас изображена также под ложем или сиденьем с восседающим на нем персонажем на сасанидской гемме из Британского музея (Рис. 26; Bivar, 1968. Pl. XV: 5).

Композиционно и стилистически близкие изображения найдены среди штампованных изображений на керамике из памятников Афганистана в Кабульском регионе (Fussman, Le Berge, 1976. P. 51–52, 88–91. Pl. XLVII; XLIX: P65; Hackin, Carl, Meunié, 1959. P. 9, 17, 89. Pl. II, III, VII) и в Баграме (Ghirshman, 1946. P. 69–72, Pl. L: BG 468, 526). В композицию штампованного изображения из Гуль Дара помещены два животных, птица и рыба (?). Под брюхом центральной фигуры парнокопытного, стоящего перед «древом», изображено небольшое длинноухое животное, напоминающее зайца. Опубликовавшие изображение исследователи предположили, что длинноухое животное — шакал или лиса, а всю композицию связали с одной из сказок индийского сборника «Лань, шакал и ворон», повествующей о том, как ворон успешно спасает газель, попавшую в ловушку, расставленную шакалом (Fussman, Le Berge, 1976. P. 91)¹². В композиции другого штампованного изображения из тепе Мараджан (рис. 3: 5) представлены лунный серп и обычно относящаяся исследователями к солярной символике вихревая розетка, располагающиеся по сторонам алтаря¹³. Свастика, также часто сопоставляемая с солярной символикой, присутствует в композициях вместе с животными и птицами. Наряду с зартепинским изображением приведенные выборочные примеры убедительно свидетельствуют об устойчивой связи астральных символов и персонажей животного мира, переданных в «сасанидском» стиле.

Сюжеты на штампах и в штампованном орнаменте кушано-сасанидской и раннесредневековой керамики необходимо рассматривать в первую очередь на фоне начальной стадии формирования и последующей трансформации «сасанидского» стиля, ярко проявившегося в монетном чекане, скальных рельефах, торевтике, геммах, терракотах и живописи. Во-вторых, следует учитывать, что до сасанидского завоевания Бактрия-Тохаристан составляла важную часть обширной Кушанской империи, изобразительное искусство которой развивалось по своим канонам, разработанным для передачи религиозных и династических идей. В-третьих, нельзя забывать о том, что культура и идеология Парфянской, Сасанидской и Кушанской империй формировались при прямом или опосредованном греко-римском влиянии.

Роли и конкретному применению астрологии посвящено необозримое море публикаций, среди которых для рассматриваемого промежутка времени и территории представляют интерес исследования об астральной символике и персонализации небесных светил и звезд. Эти вопросы подробно рассмотрены в работе С. Маркел о генезисе индийских планетарных божеств (Markel, 1991. P. 173–188). На основе анализа свидетельств письменных источников и изобразительных материалов автор приходит к нескольким важным выводам: 1) астрономии и астрологии отводилось важное место при дворе правителя За-

¹² Возможность интерпретации этого изображения как иллюстрации к сказке полностью исключить невозможно, однако предложенное отождествление длинноухого животного и птицы (ворон?) вызывает сомнение, а присутствие в композиции, помимо трех персонажей, изображения рыбы (?) явно не согласуется с сюжетом сказки.

¹³ Прорисовка изображения, которое следует развернуть влево на 90°, позволяет предположить, что над алтарем располагаются языки пламени, а под ним три точки или ямки. Еще две разного размера точки находятся слева от лунного серпа.

падных Кшатрапов Рудраман I (ок. 130–160), покровительствовавшего развитию научной деятельности. Покровительство обеим наукам традиционно продолжалось на этой территории и позднее при династии Гуптов; 2) на персонафикацию планетарных божеств, введение нового календаря и семидневной недели в Индии заметное влияние оказал греко-римский мир; 3) первые антропоморфные изображения планетарных божеств появляются в Индии с заметным опозданием по отношению к новой календарной системе и относятся к рубежу V–VI вв.

Важно подчеркнуть, что на этом этапе пока не встречены изображения животных, сопоставляемых с планетарными божествами. Они сопровождают антропоморфные ипостаси божеств как ездовые животные позднее, насколько можно судить по их фигуркам на фрагменте каменной панели из Бангладеш, относимой к концу XI в. (Markel, 1991. P. 186–187. Fig. 3).

Устойчивая связь между образом зайца и луной засвидетельствована в буддийском пласте мифологии Индии. В джатаках о предшествующих перерождениях Будды Шакьямуни рассказывается о том, что в одном из них он родился в образе зайца, изображение которого после ряда испытаний, показавших его великодушие и добродетельность, было нарисовано на диске луны с помощью эссенции, извлеченной в процессе уплотнения гор. В цейлонской версии Будда извлекает зайца, предложившего себя в качестве еды, из пламени и помещает его на луну (Layard, 1944. P. 108–115; Loewe, 1994. P. 131–133)¹⁴. Несмотря на прямые свидетельства джатак, изображения зайца пока не засвидетельствованы на каменных рельефах, иллюстрирующих основные вехи пути Учителя к нирване¹⁵. Мотив лунного зайца был известен ал-Бируни, указавшему на отрывки из индийских произведений, в которых темная часть луны называется *шашалакша*, то есть «образ зайца» (Абу Рейхан Бируни, 1995: 430–431)¹⁶.

На территории Ирана астральные символы, в особенности солнце, луна, шести- и восьмилучевые звезды, широко, хотя и с перерывами, использовались в монетном чекане, начиная с позднеахеменидского времени и вплоть до введения новых стандартов арабами, постепенно изменявшими облик денежных эмиссий (Gariboldi, 2004. P. 31–53)¹⁷. Представлены эти символы и на некоторых произведениях сасанидской тореветики, но, так же как и на монетах, они включаются в композицию далеко не всех изображений правителей династии. По свидетельству Аммиана Марцеллина, Шапур II в послании к римскому императору Констанцию именовал себя сопричастником звезд, братом Солнца и Луны

¹⁴ В этих работах приводятся и другие джатаки, а также распространенные в разных частях света фольклорные истории, касающиеся зайца и присущих ему свойств.

¹⁵ Некоторые животные, например лани, кони, слоны, бараны и обезьяны, присутствуют на гандхарских рельефах, иллюстрирующих джатаки (Пугаченкова, 1982. С. 98, 105–107, 116–117, 132, 136).

¹⁶ В своем произведении «Индия» ал-Бируни отмечает и второе название темной части луны — «образ газели».

¹⁷ А. Гариболди последовательно рассмотрел появление и применение астральных символов в монетной чеканке Ирана и Византии. Их использование наблюдается также на монетах, выпускавшихся некоторыми правителями Кушаншахра в Бактрии-Тохаристане (Bivar, 1968. Pl. V–VIII), правителями Хорезма (Вайнберг, 1977. С. 28. Табл. XXI, XXIII–XXIV) и Согды (Смирнова, 1981. Табл. XXXIII, XXXVI, L, LIV, LXXVI, LXXVIII; Мусакаева, 2005. С. 132–135).

(Амм. Марцеллин, 17, 5, 3). Однако астральные мотивы лишь изредка встречаются на аверсах некоторых его монетных выпусков (Gariboldi, 2004: 43).

В Парфянской империи, судя по раскопкам митреума и храма Адониса в Дуре-Европос, хорошо датированных найденными надписями, астральные символы вместе с животными изображались на установленных в них каменных рельефах (Бонгард-Левин, Гаиров, Кошеленко, 2004. С. 125–157; Dura Report VII/VIII, 1939). На раннем из двух рельефов в митреуме серп луны и солярный символ в виде розетки сопровождают изображение Митры-Тавроктона. На рельефе из храма Адониса размещенные по обеим сторонам головы всадника астральные символы очень близки зартепинским символам, в особенности солнце в виде четырехлепестковой розетки. Изображения алтаря огня и «древа» (или пальмовой ветви?) на этом рельефе также встречаются позднее в штампованном орнаменте кушано-сасанидского и раннесредневекового периодов. Следует отметить и еще одну интересную параллель в живописи с изображением охотящегося Митры (Бонгард-Левин, Гаиров, Кошеленко, 2004. Рис. 7; Dura Report VII/VIII, 1939. Pl. XIV: 1, XV). Митра поражает животных стрелами с серповидным окончанием оперения. На штампованном изображении лося из Баграма (рис. 3: 10) воспроизведена стрела с таким окончанием, вонзившаяся в шею животного¹⁸. Исследователи уже отмечали поразительное сходство этого сюжета с популярными в сасанидском изобразительном искусстве охотничьими сценами (Бонгард-Левин, Гаиров, Кошеленко, 2004. С. 152). Митраизм, завоевавший прочные позиции к середине III в. в Римской и Парфянской империях, был широко распространен также и в сасанидском Кушаншахре (Луконин, Тревер, 1987. С. 69–72).

В известных пехлевийских сочинениях, возможно, восходящих к сасанидской эпохе, «Суждения духа разума» («Дадастан-и меног-и храд») и «Сотворение основы» («Бундахиши») — заяц (в первом из них) причислен к ратам (рат — глава/судья) диких зверей или (во втором) выделен в отдельный седьмой класс, подразделяющийся на пять видов, причем заяц-русак определяется как глава быстробегущих (Зороастрийские тексты... 1997. С. 119, 282, 299). Физические особенности этого животного — сверхплодовитость, скорость и непредсказуемая изменчивость направления при передвижении, способность спать с открытыми глазами и менять пол — привлекали внимание многих древних сочинителей, в том числе и автора V века Тимофея из Газы (Тигрица и грифон... 2002. С. 104–109)¹⁹.

В Китае самые ранние изображения зайцев представлены на рукояти ножа и бронзовой бляшке из могильников Внутренней Монголии (Полидович, Вольная, 2005. С. 435. Рис 2: 16, 19), а также на нефритовом амулете позднечуского периода, IV в. до н. э. (Layard, 1944. Fig. 10). Позднее, в эпоху Хань его изображения встречаются на шелковом стяге в мавандуйском погребении близ Чанша,

¹⁸ Изображения лосей также широко представлены в Дуре-Европос, например на костяной пластинке (Dura Report VII/VIII, 1939: P. 376–381. Fig. 85).

¹⁹ А. Г. Юрченко, осуществивший перевод, исследование и подготовку текста к изданию, приводит выдержки из разных, преимущественно греко-римских источников, в которых упоминаются эти отличительные свойства животного. Индийские, китайские и европейские источники о необычных свойствах зайца собраны в работах (Layard, 1942; Loewe, 1994).

относимо к началу II в. до н. э. (Крюков, Переломов, Сафронов, Чебоксаров, 1983. С. 13–14, 258. Рис. 58)²⁰, на керамических плитках, каменных рельефах и керамических основаниях для «денежного дерева», датируемых II в. н. э. (Wu Hung, 1987: 25–33. Fig. 6–8)²¹. В китайской мифологии заяц получает жизненную сущность от луны, где он приготавливает эликсир жизни для Владычицы Запада (Mother-Queen of the West) (Layard, 1944. P. 126–127; Dubs, 1942. P. 232)²². Более того, в китайском календаре ему отведено место среди знаков Зодиака. В рамках данной работы невозможно осветить весь спектр вопросов, связанных с образом этого животного в индийских и китайских источниках. Важно подчеркнуть, что Бактрия-Тохаристан находится на стыке этих культурных регионов, безусловно влиявших на развитие ее культуры.

Образ зайца, помимо публикуемых штампованных изображений, представлен в произведениях искусства Ирана, близких скифской эпохе (Луконин, 1977. С. 20–30, 49), и в произведениях собственно скифской эпохи (Полидович, Вольная, 2005. С. 415–436; Руденко, 1953. Табл. LIV, 6, 8; Scythian art, 1986. Табл. 196, 205, 206, 210, 255, 256), на диске из Амударьинского клада (Зеймаль, 1979. С. 44–46; Кузьмина, 2002. С. 202–204. Табл. XVI: 4), на стенках шкатулок из слоновой кости, обнаруженных в Тахти Сагине (Litvinsky, 2001. С. 137–166. Рис. 2, 5, 6; Литвинский, 2004. С. 23–37. Рис. 3), на упавшей штукатурке в помещении 32 блока L5 (храм Адониса) в Дуре-Европос (Dura Report VII/VIII, 1939: 178–179) и в настенной живописи Тавки (Рахманов, 2001. С. 109. Рис. 29; Соловьев, 2005. С. 194–195). В эрмитажной коллекции сасанидских резных камней (Борисов, Луконин, 1963. С. 190–191) заяц изображен на десяти из них, однако, судя по описанию, эти изображения не сопровождаются никакими астральными символами²³.

Предполагаемая связь образов зайца и луны на зартепинской терракотовой плитке и мотив лунного зайца, отраженный в китайской и индийской мифологиях и упомянутых выше артефактах, позволяют наметить еще одну линию интерпретации для изображений зайца, внезапно появляющихся в произведениях искусства скифской эпохи и на диске из Амударьинского клада²⁴. В свое время Е. Е. Кузьмина привлекла легенду о герое Хамыце из осетинского эпоса для интерпретации сцены на диске, увязав его с генеалогией скифов (Кузьмина, 2002. С. 202–204)²⁵. Б. А. Литвинский убедительно показал, что на диске

²⁰ Заяц на лунном серпе изображен вместе с лягушкой.

²¹ На этих предметах заяц как символ долголетия связан с культом Владычицы Запада Сиванму (Wu Hung, 1987. P. 24–33). О древних корнях, распространении культа этой богини и инкорпорировании его в даосизм см.: (Dubs, 1942. P. 221–240).

²² В мифе, изложенном в «Хуайиньцзы» (Dubs, 1942. P. 232), стрелок И получил эликсир бессмертия от Сиванму, которым без позволения воспользовалась его жена — богиня луны Чан-э и отправилась на луну, где и осталась, превратившись в лягушку. Там же находился и заяц, однако сведения о том, каким образом он туда попал, пока не засвидетельствованы.

²³ Кроме того, опубликованы изображения двух зайцев на геммах, хранящихся в ГИМ (Захаров, 1928. P. 13, 27. Табл. II, V). Одна из гемм (№ 85 каталога) предположительно происходит с городища Афрасиаб.

²⁴ Образ зайца в скифском искусстве подробно рассмотрен в статье (Полидович, Вольная, 2005. С. 415–436), сопровождающейся обширной библиографией.

²⁵ В этом издании приводится краткое содержание легенды о Хамыце, сопровождающееся ссылкой на первоисточники.

из Амударьинского клада заяц не является предметом охоты, и всадник даже не стремится поразить его (Litvinsky, 2001. Fig. 9)²⁶. Это в равной мере касается и всех известных, за исключением некоторых сравнительно ранних скифских композиций с участием этого персонажа, который всегда остается невредимым, неуловимым и непобежденным. Он не сгорает в огне и перерождается (буддийская мифология), не гибнет трижды достигнутый и до смерти плетью забитый Хамыцем, не тонет в воде и перерождается (нартский эпос), изготавливает эликсир жизни (китайская мифология). Заяц не может погибнуть, как не может погибнуть луна, которая может на некоторое время исчезнуть, но непременно появится вновь, причем в разных видах. Именно эти качества являются ключом при интерпретации его образа. На них, как на стержень, нанизываются данные археологических, этнографических, эпических и литературных источников.

Как уже отмечалось, единственное пока исключение представляют раннескифские эпизодические сцены терзания, в которых заяц предстает как жертва (Полидович, Вольная, 2005. С. 421–423, 436). Д. С. Раевский предположил возможность существования в скифской среде представления о том, что принесение в жертву зайца обеспечивало благополучие. На этом основании был реконструирован обычай, «согласно которому встреченный заяц непременно должен быть пойман (resp. принесен в жертву)». В подтверждение такой реконструкции приводится ход рассуждений Хамыца: «упустить зайца — значит потерять свою великую славу», а также «свидетельство Ксенофонта, что заяц, растерзанный орлом на глазах у отправляющегося в поход войска, был истолкован Киром как доброе предзнаменование» (Сугор, II, 4). Дополняется этот перечень примером преследования зайца собакой, изображенным в Дура-Европос (Раевский, 1985. С. 63–64). В другом месте работы автор, анализируя композицию на пекторали из Толстой Могилы, вновь отмечает, что мотив преследования (=гибели) зайца «подтверждает гипотезу, что смерть (resp. жертвоприношение) животных в нижнем регистре совершается во имя возрождения, процветания, представленного в регистре верхнем» (Раевский, 1985. С. 192). При всей логичности такого толкования двух различных сцен (терзание с последующей гибелью и преследование) остается все-таки ощущение противоречивости, проявляющейся в присутствии в них различных животных и птиц, которые с трудом вписываются в один смысловой ряд зооморфного кода (Раевский, 1985. С. 25–32). Мотив лунного зайца, представленный на зартепинской композиции, недвусмысленно демонстрирует связь животного и светила, обладающих очень близкими свойствами, явно относящимися к разным кодам — зооморфному и календарно-астрологическому. Это обстоятельство не исключает трактовки скифских сцен охоты на зайца и его преследования в рамках календарно-астрологического кода. По отношению к эпизодическим сценам терзания и гибели этого персонажа такое толкование также вполне допустимо, если учесть переводы, касающиеся

²⁶ Для объяснения этого факта высказывается предположение, что заяц и лиса на стенках шкатулок из Тахти Сангина помещаются в композиции для передачи реальности ландшафтов. Это предположение обстоятельно аргументировано со ссылками на работы зоологов об ареалах обитания, представленных в композициях (Litvinsky, 2001. P. 155–156).

Ниппурского календаря (Емельянов, 1999)²⁷. Интересно, что Д. С. Раевский, подводя итоги дискуссии о происхождении Зодиака, вновь возвращается к астрально-календарной интерпретации композиции на зеркале из Келермесского кургана, подтверждая тем самым универсальность календарно-астрологического кода по отношению к скифским космогоническим представлениям (Раевский, 1995. С. 196–197)²⁸. В пользу календарно-астрологического кода говорит повторяемость самого образа зайца в разных композициях, которую, вероятно, следует рассматривать как свидетельство периодичности или цикличности. В сложных композициях с участием иных персонажей (например, гон зайца псом или целящийся в него скиф) сюжет, скорее всего, передает соотношение луны и созвездий в определенные промежутки времени²⁹. До появления новых, более убедительных аргументов хотелось бы избежать спекулятивности построений, однако образ зайца способен, по-видимому, осветить лунным светом предлагаемые интерпретации.

Широкое распространение изображений этого персонажа от Китая до Ближнего Востока, при условии его полного соответствия с лунной, ставит вопрос о взаимоотношении и взаимовлиянии календарей и временных представлений населения обоих регионов на протяжении не только скифской эпохи, но и в последующие времена.

Соотношение второго животного, представленного на зартепинской плитке, с солярным символом планируется рассмотреть в отдельной работе. Это относится также и к иным астральным символам, встречающимся на кушано-сасанидских и раннесредневековых штампах (рис. 69; см. вкл. 22, рис. 1–4). Необходимость такого исследования очевидна и в некоторых отношениях облегчается новыми данными по бактрийскому календарю (Sims-Williams, De Blois, 1998. P. 149–165). Нахождение штампов с астральной символикой в кушано-сасанидских слоях Зартепа, относящихся, согласно современным хронологическим разработкам, к последней трети III–IV вв., показывает, что устойчивая традиция их применения сохраняется на протяжении всего этого периода, продолжаясь и позднее.

§ 11. Монеты

Всего на городище Зартепа в процессе раскопок и в подъемном материале обнаружено 415 бронзовых монет. К сожалению, из-за недостатка средств не все они были отреставрированы, идентифицированы и сфотографирова-

²⁷ Разделение ниппурского года на два полугодия, засвидетельствованное в ассирийских текстах I тыс. до н. э., не исключает подобного восприятия календарных циклов скифами (Емельянов, 1999. С. 45 и прим. 1).

²⁸ Для обозначенной в этой работе темы представляют интерес все статьи дискуссии «История Зодиака в истории культуры», опубликованные в ВДИ №1 за 1995 г. (с. 153–199).

²⁹ Это очень перспективное направление исследования, которое может существенно повлиять на понимание семантики изображений, необходимо развивать с привлечением специалистов по астрономии и астрологии на междисциплинарном уровне.

ны³⁰. В прилагаемой ниже таблице (приложение 2) монеты распределены по выделенным домовладениям на раскопе 6. Отдельно сгруппированы монеты, обнаруженные при раскопках в культурных напластованиях улицы «Внутриквартальной» и поднятые на территории городища. Кроме того, в таблицу включены монеты, найденные в других раскопах Зартепа.

В числе 354 монет, поддающихся предварительному определению, количественно преобладают кушано-сасанидские (27 экземпляров) и сасанидо-кушанские (111 экземпляров). Эти самые поздние выпуски, по-видимому, и обеспечивали рынок Бактрии-Тохаристана в период обживания жилого квартала Зартепа. Второе место по количеству занимают подражания монетам Васудевы, которые насчитывают 108 экземпляров (восемь из них определены предположительно как монеты Васудевы или подражания ему). К чекану собственно Васудевы причислено шесть монет. Двадцать монет отнесены к чекану Канишки III и две — к подражанию его монетам. К выпускам Хувишки принадлежат семь монет, причем две из них идентифицируются как подражание его чекану. К чекану Канишки I отнесено тринадцать монет. Редки находки монет Вимы Кадфиза — три экземпляра, тогда как монеты Сотера Мегаса представлены 41 экземпляром. Одна монета отнесена к подражаниям оболам Евкратиды и 13 — к подражаниям монетам Гелиокла. В подъемном материале найдены две греко-бактрийские монеты, причем на одной из них указано имя правителя — Деметрий.

Находки ранних монет, таких как подражания монетам Гелиокла, Сотера Мегаса, Вимы Кадфиза, Канишки I, Хувишки и, возможно, Васудевы, вряд ли свидетельствуют об их обращении на рынке. Нахождение этих монетных выпусков в кушано-сасанидских слоях связано со строительной практикой подсыпки грунта в процессе повышения уровней полов.

Выявленная на раскопе 6 стратиграфия позволяет утверждать, что кушано-сасанидские и сасанидо-кушанские монеты не обнаружены ниже стен второго строительного горизонта. Монеты кушаншаха Варахрана I с оборотной стороной e/7 появляются на уровне верхних полов строительного горизонта II. Большое количество сасанидо-кушанских монет (28 экз.) и две монеты, подражающие чекану Васудевы, обнаружены в помещении 22 (домовладение «Д»), в саманной промазке третьего пола, соотносимого с комплексом II/1. Монеты обнаружены на площади не более 2 кв. м. Второе скопление сасанидо-кушанских монет (24 экз.) и одна кушано-сасанидская монета найдены в помещении 106 (домовладение «Г»), в промазке второго пола, соотносимого с комплексом I/2.

Только одна монета, чеканенная в подражание монетам Васудевы, обнаружена в III строительном горизонте (раскоп 6, помещение 172, нижний пол, комплекс III/1). Другие, довольно многочисленные, подражания монетам этого правителя часто находятся вместе с сасанидо-кушанскими и кушано-сасанидскими монетами в тех же стратиграфических условиях.

³⁰ В дальнейшем предполагается полностью отреставрировать монеты Зартепа и опубликовать их список, включая более сотни монет, переданных в Государственный Эрмитаж Л. И. Альбаумом. Основная часть коллекции определена сотрудниками Эрмитажа Е. В. Зеймалем и А. Б. Никитиным, за что автор им чрезвычайно признателен и благодарен.

В настоящее время существуют две основные трактовки политических событий, происходивших в Бактрии-Тохаристане в III–IV вв.: часть исследователей склонна соотносить первые походы Сасанидов в Бактрию-Тохаристан со временем правления Арташира I и новой эрой, начинающейся в 233 году (Cribb, 1999; Sims-Williams, 1999), тогда как другие связывают образование Кушаншахра под властью Сасанидов с правлением Шапура II (309–379 гг.) (Göbl, 1999) или несколько более ранним периодом. Известно уже несколько сасанидских монет, отчеканенных в Балхе в правление шаханшаха Варахрана II (272–276 гг.), что в совокупности с надписями по новой эре предполагает захват кушанских территорий при Арташире I. Однако свидетельств постоянной чеканки сасанидских монет в Бактрии-Тохаристане до сих пор не обнаружено. Надпись Шапура I на Каабе Зороастра подтверждает то, что Сасанидам пришлось приложить немало усилий для организации политического статуса новых территорий. Весь выявленный при раскопках облик культуры Бактрии-Тохаристана демонстрирует сохранение и дальнейшее развитие кушанских культурных компонентов (строительные приемы и материалы, технология изготовления посуды и ряд ее форм, буддийские мотивы, надписи бактрийским письмом с упоминанием индийских божеств), что говорит о некоторой автономии этой территории. Монетный чекан также демонстрирует сохранение ряда кушанских элементов. Предполагаемое прекращение чеканки кушано-сасанидских монет после 320 г. (Cribb, 1999) требует дополнительных обоснований, так как реверсы некоторых монет повторяют реверсы поздних выпусков Шапура II. В найденном недавно кладе кушано-сасанидских монет (Халач, Туркменистан) выявлены новые их типы (Смирнова, 2004. С. 108–133), что свидетельствует в пользу расширения хронологических рамок кушано-сасанидского периода. Состав клада в тепе Мараджан также говорит о возможности расширения этих рамок до конца IV в. н. э.

Выпуск и обращение кушано-сасанидских монет на определенной территории предполагает собственный рынок, а следовательно, и относительную экономическую и политическую автономию, на что уже приходилось указывать (Завьялов, 1990. С. 171–179; 1991. С. 36–39). Сохранение и употребление в Тохаристане бактрийской письменности практически до арабского завоевания (местами и после него) также подтверждает это наблюдение (Симс-Вильямс, 1997. С. 3–10). Дополнительным аргументом в обоснование данного факта служат редкие находки собственно сасанидских монет на территории Бактрии-Тохаристана (Массон М., 1974. С. 140–154), свидетельствующие о том, что потребности рынка обеспечивались другими монетами. За пределами Бактрии-Тохаристана, в Южном Казахстане, известен случай совместного нахождения монеты Васудевы или подражания его чекану и монеты сасанидского шаханшаха Хормизда II (302–309) в катакомбном погребении 10 могильника Чоон-Капка, что косвенно подтверждает стратиграфические наблюдения, полученные при исследовании жилого квартала городища Зартела (Байпаков, Смагулов, Ергигитова, 2005).

Определение хронологии кушано-сасанидских и сасанидо-кушанских монетных выпусков, обеспечивавших рынок Бактрии-Тохаристана, является насущной задачей, и окончательное ее решение позволит детально разработать микрохронологию поселений и комплексов.

Клады кушано-сасанидских монет достаточно многочисленны, что предполагает определенную ценность этой валюты для населения и надежду на возвращение стабильной ситуации. Видимо, существовала опасность, характер которой пока не совсем ясен.

Глава IV

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ЗАРТЕПА

История изучения кушанской и кушано-сасанидской керамики Северной Бактрии-Тохаристана насчитывает уже около восьмидесяти лет. В 1970 г. вышла из печати историографическая работа Н. С. Сычевой, в которой подробно рассмотрены все исследования, посвященные керамике, опубликованной в период с 1926 до конца 60-х гг. (Сычева, 1970. С. 36–58). Выделенные в этой работе три периода: 1) с 1926 по 1945 г.; 2) с 1945 до конца 1950-х гг. и 3) с конца 1950-х до конца 1960-х гг. — не полностью отражают реальные этапы в истории изучения этого вопроса. Критерии выделения периодов не совсем понятны, поскольку в работах, вышедших в 50-х и 60-х гг. XX в., рассматривается один и тот же круг проблем, но принципиально нового подхода к керамическому материалу в этих исследованиях не предлагается.

Первое квалифицированное описание керамики кушанского времени с учетом технологии изготовления посуды и данных химического анализа было предпринято М. И. Вязьмитиной (Вязьмитина, 1945. С. 35–64). В остальных работах, вплоть до начала 50-х гг., авторы лишь отмечали наличие керамики в раскопах, иногда приводя ее суммарное описание.

Новый этап в изучении кушанской керамики Бактрии начался в 1953 г., когда М. М. Дьяконов опубликовал схему эволюции керамики Северной Бактрии, основанную на материалах раскопок городищ Калаи-Мир и Кей-Кобад-шах в Кобадiane (Дьяконов, 1953. С. 256–293). В этой работе проведено стратиграфическое расчленение кобадианской керамики и соотнесение этапов ее развития («кобадианской колонки») с результатами, полученными на других памятниках. За тридцать с лишним лет кобадианская хронологическая колонка неоднократно подвергалась пересмотрам и уточнениям. К настоящему времени для керамики Северной Бактрии разработаны уже четыре стратиграфических шкалы — «кобадианская», «халчаянская», «дальверзинская» и «яванская» (Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978. С. 143–161; Зеймаль Т., 1969).

Третий период изучения керамики Северной Бактрии начался в конце 70-х гг. XX в., когда наряду с исследованием проблем относительной хронологии была поставлена задача выделения и характеристики замкнутых комплексов как устойчивого сочетания керамических форм (или отдельных признаков форм) для определенных этапов культурного развития Бактрии-Тохаристана. Первые шаги

в этом направлении были предприняты в 1979 г. на совещании «Античная культура Средней Азии и Казахстана». На этом научном форуме были приведены основные отличительные особенности халчаянского, дальверзинского, зартепинского и кушано-сасанидских керамических комплексов Южного Таджикистана (Завьялов, 1979в. С. 16–19; Зеймаль, Седов, 1979. С. 120–122; Некрасова, 1979. С. 85–87). Проблемы выделения признаков керамики греко-бактрийского и кушано-сасанидского комплексов рассматривались и позднее (Седов, 1984. С. 171–180; 1987а. С. 149–156).

Итак, в истории изучения кушанской и кушано-сасанидской керамики Северной Бактрии-Тохаристана можно выделить три периода: 1) 1938–1952 гг. — период ознакомления с кушанской керамикой и поиск путей ее систематизации; 2) 1953–1978 гг. — период разработок хронологических колонок развития керамики для отдельных районов и памятников Северной Бактрии-Тохаристана и соотношения этих колонок друг с другом; 3) с 1979 по настоящее время — период выявления и характеристики керамических комплексов как устойчивого набора признаков и определения хронологии этих комплексов.

Суммарные характеристики кушано-сасанидских комплексов, полученных при раскопках Яванского городища (Зеймаль Т., 1969), Кобадиянского оазиса (Седов, 1984. С. 54–58; 1987а. С. 149–156), Каратепа в Старом Термезе (Сычева, 1975), Старого Термеза (Пидаев, 1987. С. 87–97), Шортепа (Пугаченкова, 1987. С. 21–45), Аккурмана (Пидаев, 1978. С. 64–71), памятников в среднем течении Амударьи (Пилипко, 1985. С. 93–94), а также памятников левобережной Бактрии-Тохаристана (Пидаев, 1984. С. 112–124), отмечают существенные изменения, наблюдающиеся с течением времени в керамике кушано-сасанидского времени, но почти не затрагивают вопросов ее детальной стратиграфии.

Для извлечения максимума информации из керамического материала определяющее значение имеет выбор методики исследования. Наиболее ярко связь между методикой и вопросами, решаемыми на конкретном материале, отражена в кандидатской диссертации Б. И. Маршака. Предложенный им метод исследования раннесредневековой керамики Согда (Пенджикент), основанный на значимых, с точки зрения древнего мастера, признаках, позволил подойти к проблеме стиля эпохи, восстановить закономерности развития гончарного ремесла и дать оценку роли традиций и инноваций в нем. Б. И. Маршаку удалось разработать и применить свою методику благодаря большому количеству материала и наличию целых форм керамики.

Для каждого синхронного среза (комплекса) керамическая выборка достигала более 700 экземпляров (Маршак, 1965. С. 118). Причем все основные формы сосудов можно было реконструировать, исходя из имеющихся целых форм, что позволило построить типологию путем составления структурных схем по отдельным категориям посуды.

Этот прием исследования в среднеазиатской археологии был использован при изучении стратиграфии и периодизации Ёркургана (Исамиддинов, Сулейманов, 1984). Авторы монографии не имели такого обилия материала по отдельным синхронным срезам (стратиграфическим горизонтам), что в значительной мере повлияло на ход дальнейшего исследования. Ограниченность материала в комплексах не позволила им составить список признаков, на основе которого

можно было бы анализировать структурную схему каждого комплекса. Однако описание и учет всех особенностей керамических форм позволили авторам проследить эволюцию керамики, от архаического периода до раннего Средневековья (Исамиддинов, Сулейманов, 1984). В результате они получили достоверную, максимально подробную хронологическую шкалу, которая может служить хорошим фундаментом для изучения отдельных периодов культуры Южного Согда. Основу этой шкалы, как и у Б. И. Маршака, составляет выделение стратиграфически обоснованных комплексов и расположение их в хронологической последовательности.

К сожалению, кушано-сасанидская керамика по отдельно взятым комплексам не дает столь представительных выборок, как в Пенджикенте, что в значительной мере осложняет задачу ее структурного анализа и периодизации. Тем не менее, никак нельзя согласиться с А. В. Седовым, рассматривающим кушано-сасанидский комплекс как единый и нерасчленимый (Седов, 1987а. С. 54, 115). В течение 130–150 лет производство керамики не может существовать в неизменном виде. Для того чтобы уловить процесс перерастания великокушанского комплекса в кушано-сасанидский и затем раннесредневековый, проследить последовательность и качество изменений в керамическом ремесле, предпочтительно опираться на максимально подробную стратиграфическую шкалу. Необходимо отметить важность самого подхода к описанию и выделению наиболее существенных деталей керамического комплекса. Эти детали наряду с подробной стратиграфической шкалой играют важную роль для выявления закономерностей развития гончарного производства.

Нет необходимости останавливаться на технике изготовления посуды, подробно изложенной Е. М. Пещеревой, использовавшей этнографические данные по гончарному производству практически из всех районов Средней Азии (Пещерева, 1959). Кроме того, характерные особенности гончарного производства керамики кушанского периода Северной Бактрии освещены в работе Э. В. Сайко (Сайко, 1975. С. 301–306). Большое внимание этому вопросу уделено также в кандидатской диссертации Б. И. Маршака, который, опираясь на этнографические данные и археологические наблюдения, описал процесс гончарного производства раннесредневекового Согда (Маршак, 1965).

Все приемы изготовления посуды, отраженные в этих работах, характерны и для керамики Зартепа. Это касается использования неглинистых отошителей в тесте, способов снятия сосудов с круга (при помощи нити или ножа для посуды небольших размеров и изготовления изделий на песчаной подсыпке или ткани для крупных керамических форм) и способов формовки лепной керамики (из целого куска глины — небольших и лентами — крупных форм).

Методика раскопок городища Зартепа предусматривала осуществление разрезов во всех раскапываемых помещениях для выявления стратиграфии каждого из них и фиксацию находок в заполнениях над полами и на полах. Сопоставление разрезов и синхронизация уровней полов помещений позволили выделить внутри каждого строительного горизонта стратифицированные комплексы, соответствующие определенным этапам обживания домовладений и деятельности после их оставления, что схематически выглядит следующим образом:

III/1 → II/3 → II/2 → II/1 → I/3 → I/2 → I/1 → 0.

Римскими цифрами обозначены строительные горизонты, а арабскими — уровни полов. Комплекс 0 соответствует ямам, устроенным в помещениях, на улицах и переулках.

При отборе материала для этих стратиграфических комплексов учитывалась только керамика, лежавшая на полах. Фрагменты посуды из заполнений и забутовок в работу не включены. Большое количество целых форм найдено на раскопе 6 в помещениях 4, 45, 119, 121, 122, 124, 127, 141 и 159, 168 (рис. 18, 70), обитатели которых оставили на полах много целой и разбитой посуды. Причины этого явления пока не совсем понятны, учитывая, что среди сосудов встречаются целые формы, пригодные для дальнейшего использования¹¹. Эти скопления керамики и составляют основу выделяемых микрокомплексов.

Основная часть посуды изготовлена на гончарном круге. Исключение составляют кухонная керамика, крупные сосуды для хранения запасов воды и пищи (хумы и хумчи), часть хозяйственной посуды (некоторые виды тагора), а в самых поздних комплексах (II/2, I/1 и 0) появляется незначительное количество столовой посуды, изготовленной от руки. В общей сложности лепная керамика составляет 12–24% от общего количества посуды в отдельных комплексах.

В рассматриваемых зартепинских комплексах кушано-сасанидского времени ведущее место занимает красноглиняная керамика (84–91%). Доля сероглиняной посуды незначительна, причем ее производство все время сохранялось (если в комплексе II/3 она составляет 14,8% от общего количества керамики, то ко времени комплекса I/1 ее количество сокращается до 4%). Основная масса столовой и хозяйственной посуды изготовлена из хорошо отмученного теста с минимальными добавками.

Но в то же время на примере зартепинских комплексов можно проследить постепенное исчезновение «старой» — великокушанской традиции и появление «новой», не имеющей прочной связи со «старой школой», что привело к частичной утрате некоторых прежних технических приемов ремесла. Это выразилось в появлении новых фактурных групп керамики, а также сосудов с плохим качеством теста и ангоба. Так, в зартепинских комплексах некоторые сосуды имеют пористый и слонстый черепок. Наряду с высококачественным ангобом появился ангоб, легко отслаивающийся от стенок сосудов. У некоторых чаш отмечен новый прием нанесения ангоба — размазывание тряпкой пачкающего красно-коричневого ангоба. Помимо этого, в комплексах встречается посуда плохого обжига (в основном хумы и хумчи). Ее черепки имеют в изломе серозеленый или серо-коричневый оттенок, в тесте присутствует большое количество гипса и песка.

В более ранних кушанских комплексах подобная керамика неизвестна. Это заставляет считать такие признаки, как «размазанный» и «отслаивающийся» ангобы, серо-коричневый черепок, использование в качестве отошителей боль-

¹¹ Постоянная практика оставления целых сосудов (иногда нескольких), зафиксированная на различных уровнях полов в разных домовладениях, вряд ли может интерпретироваться как результат эпидемии.

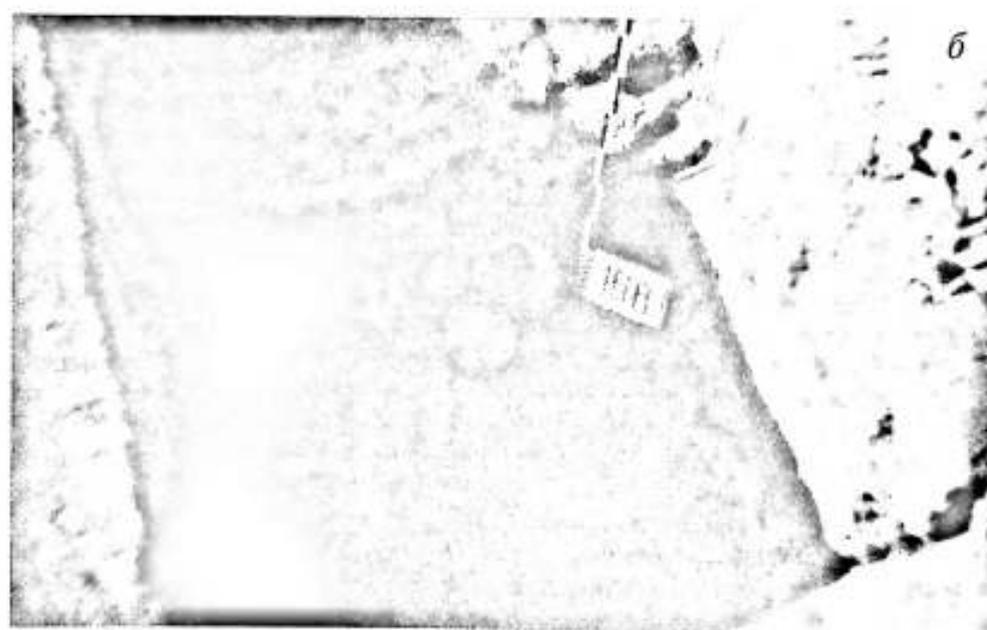

Рис. 70. Зартеп. Р-6, домовладение «В»:
а — сосуды в пом. 159; б — сосуды в пом. 168

шого количества крупного песка и гипса, диагностическими для выявления кушано-сасанидских керамических комплексов.

От составления исчерпывающего списка признаков пришлось отказаться, поскольку большое количество невозстанавливаемых форм не позволяет построить структурные схемы типологии и выявить все взаимосвязи и взаимовлияния керамических форм. Также не в полной мере рассмотрены потенциальные возможности интерпретации богатого набора штампованного орнамента, который, вне всякого сомнения, заслуживает отдельного обширного исследования. Следует отметить, что при раскопках квартала было зафиксировано 72 разновидности штампов (рис. 69). Их принадлежность к выделяемым микрокомплексам (рис. 76–103) отражена в таблицах керамики, которые показывают некоторые хронологические тенденции в применении этого широко распространенного вида декорирования кушано-сасанидской керамики.

Весь керамический материал, исходя из наиболее вероятного использования той или иной формы в быту, разделен на четыре функциональные категории: столовая, хозяйственная, кухонная посуда и сосуды, предназначенные для освещения. При отнесении форм к этим категориям учитывались размеры, характер примесей, способы орнаментации и отделки поверхности сосуда.

Термин «тарная керамика» намеренно опускается, так как материал не позволяет с уверенностью выделить эту категорию посуды. Судя по этнографическим данным, в различных районах Средней Азии в качестве тарной посуды употреблялись снабженные ручками кувшины (высотой 25–45 см) для ношения воды в поле. Эти же сосуды использовались и для питья воды дома (Пещерева, 1959. С. 52–57). Кроме кувшинов для переноски жидкой пищи и молока изготавливались различные горшки с небольшими ручками или отверстиями для продевания веревки (Пещерева, 1959. С. 233–234). Фрагментарность материала не позволила выделить эти формы из общей массы керамики. Разделение посуды на отдельные категории и формы во многом условно, так как формы плавно переходят одна в другую и уловить грань между ними иногда очень сложно.

В среднеазиатской археологии давно сложилась своя керамическая терминология. Однако археологи, занимающиеся различными периодами и районами, вкладывают в эти термины, как правило, различное содержание. В кушанской археологии Северной Бактрии-Тохаристана попытка унифицировать содержание того или иного термина была предпринята Е. Г. Некрасовой (Некрасова, 1974. С. 88–92). В настоящей работе для определения форм посуды использована уже устоявшаяся терминология, разработанная как в работе Е. Г. Некрасовой, так и в других исследованиях по кушанской археологии.

К *столовой керамике* отнесена вся тщательно изготовленная тонкостенная посуда, имевшая относительно небольшие размеры. Сюда включены чаши, блюда, блюда, кубки, некоторые виды тагора, кружки и узкогорлые кувшины. Основными критериями для выделения этих категорий форм послужили размеры (в основном диаметры венчиков) и характер моделировки поверхности. С точки зрения типологической классификации каждая из перечисленных форм подразделяется (главным образом по профилировке венчика, а там, где это возможно, и по характеру профилировки всего сосуда, и по особенностям отделки) на ряд вариантов (рис. 71–75).

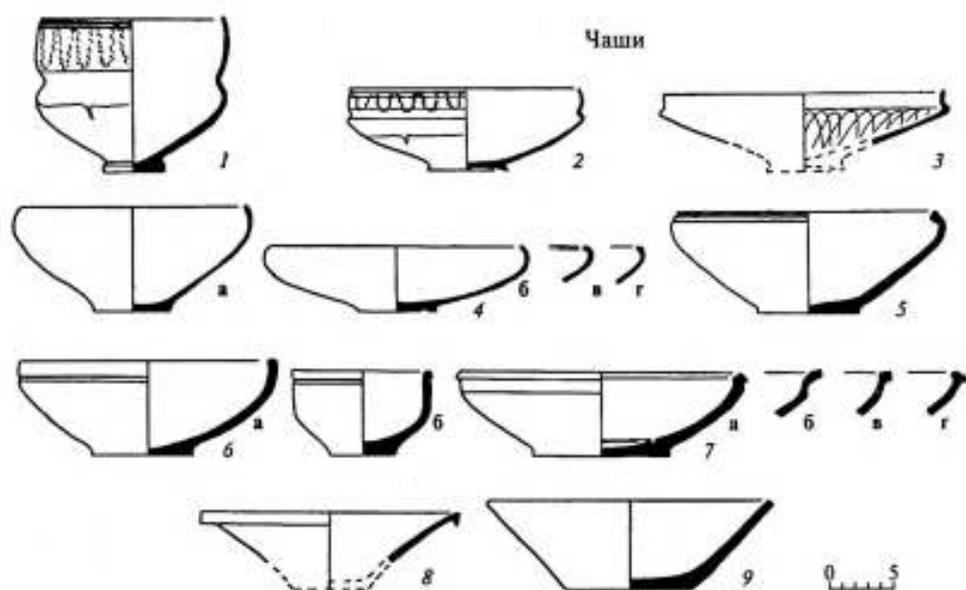
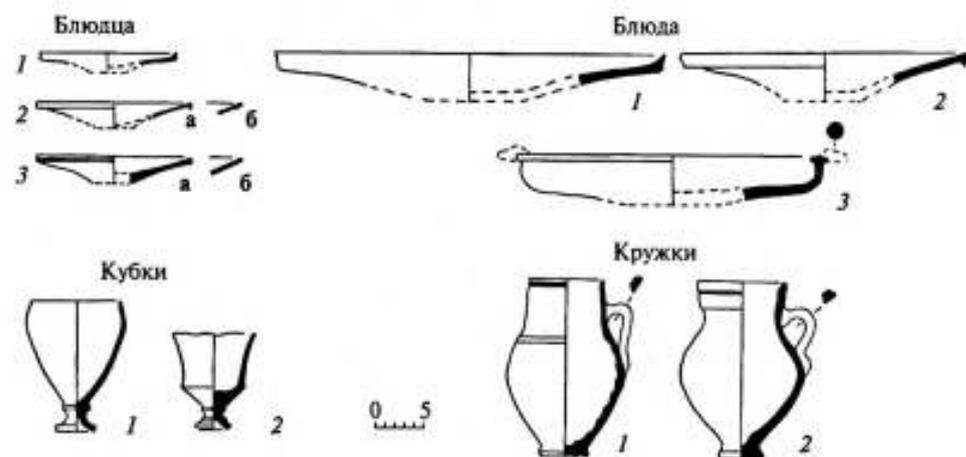

Рис. 71. Зартепа. Таблица керамики: чаши

Столовые тагора

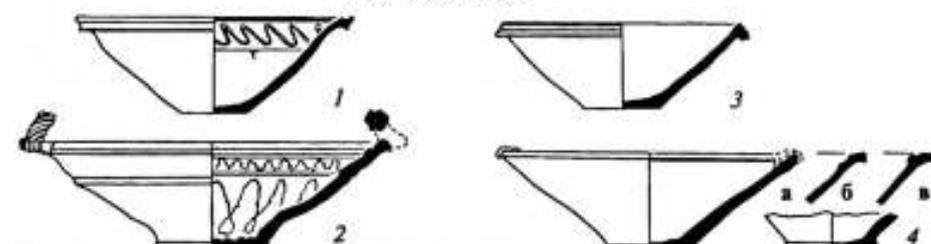

Рис. 72. Зартепа. Таблица керамики: блюда, блюда, кубки, кружки, столовые тагора

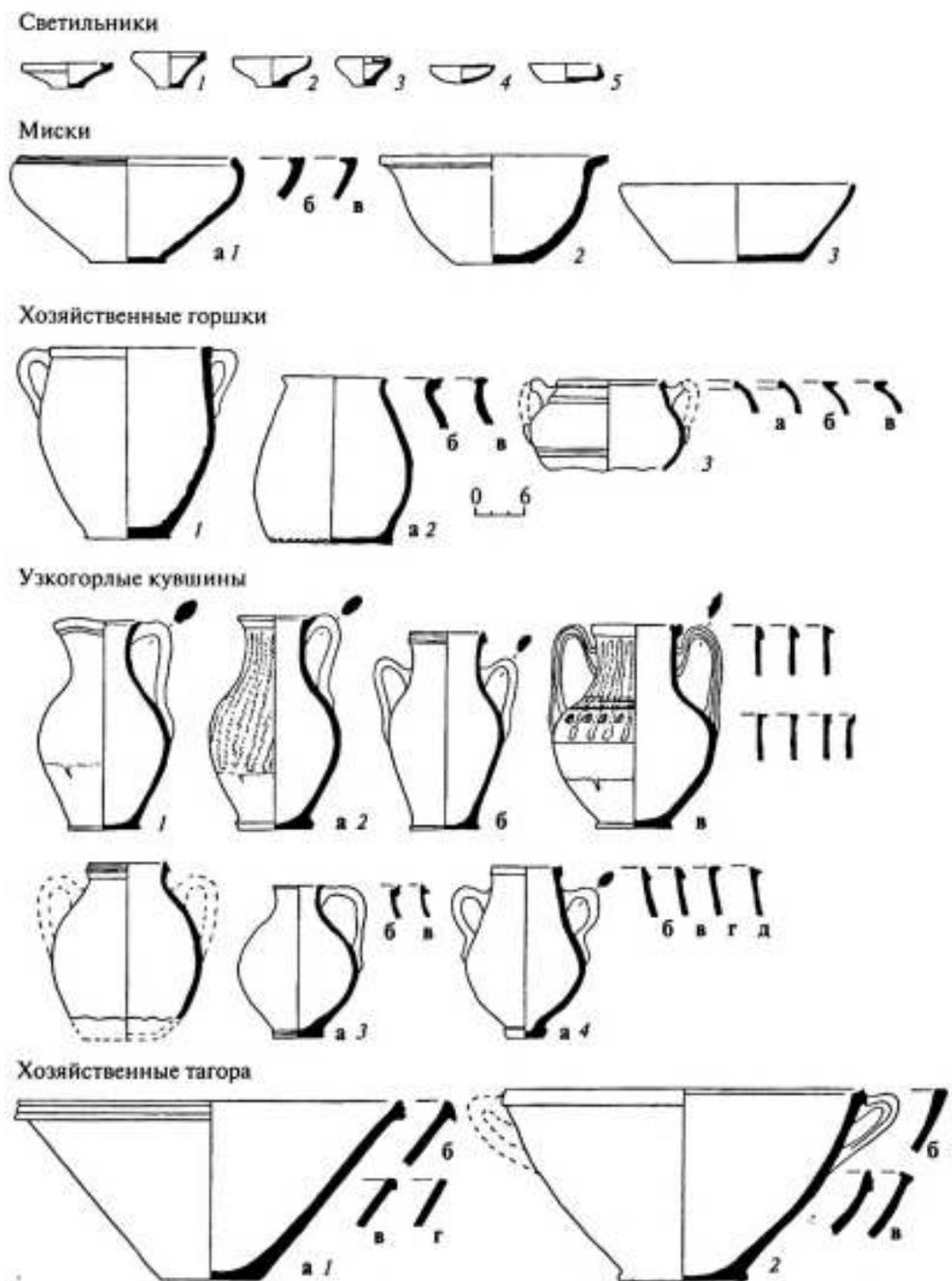

Рис. 73. Зартепя. Таблица керамики: светильники, миски, хозяйственные горшки, узкогорлые кувшины, хозяйственные тагора

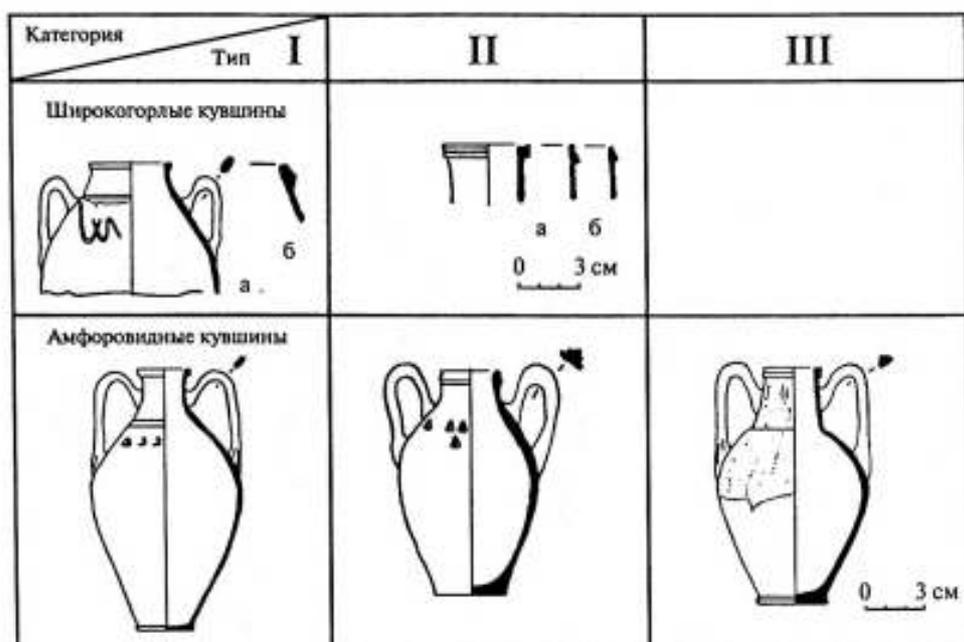

Рис. 74. Зартепа. Таблица керамики: кувшины

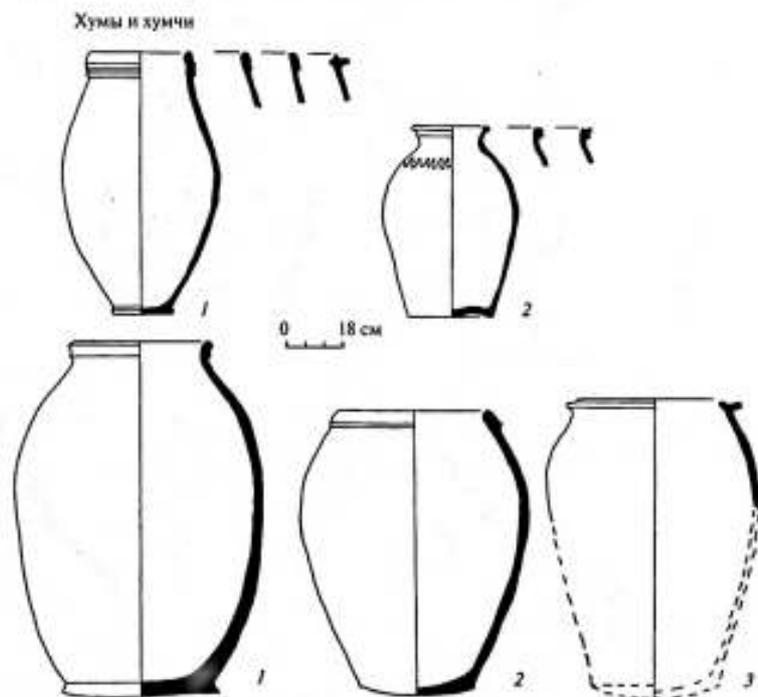

Рис. 75. Зартепа. Таблица керамики: хумы и хумчи

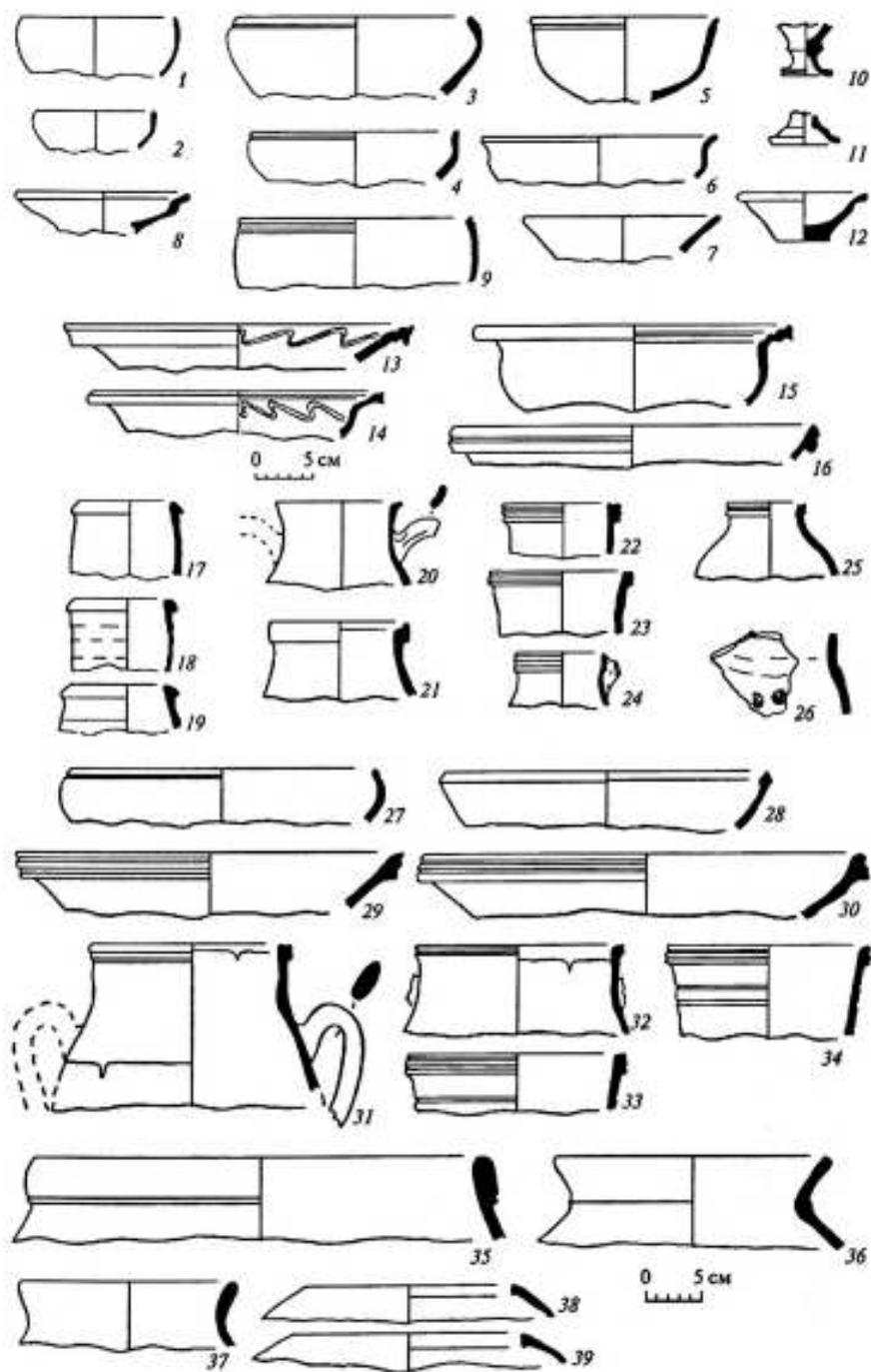

Рис. 76. Зартепа. Керамический комплекс III/1

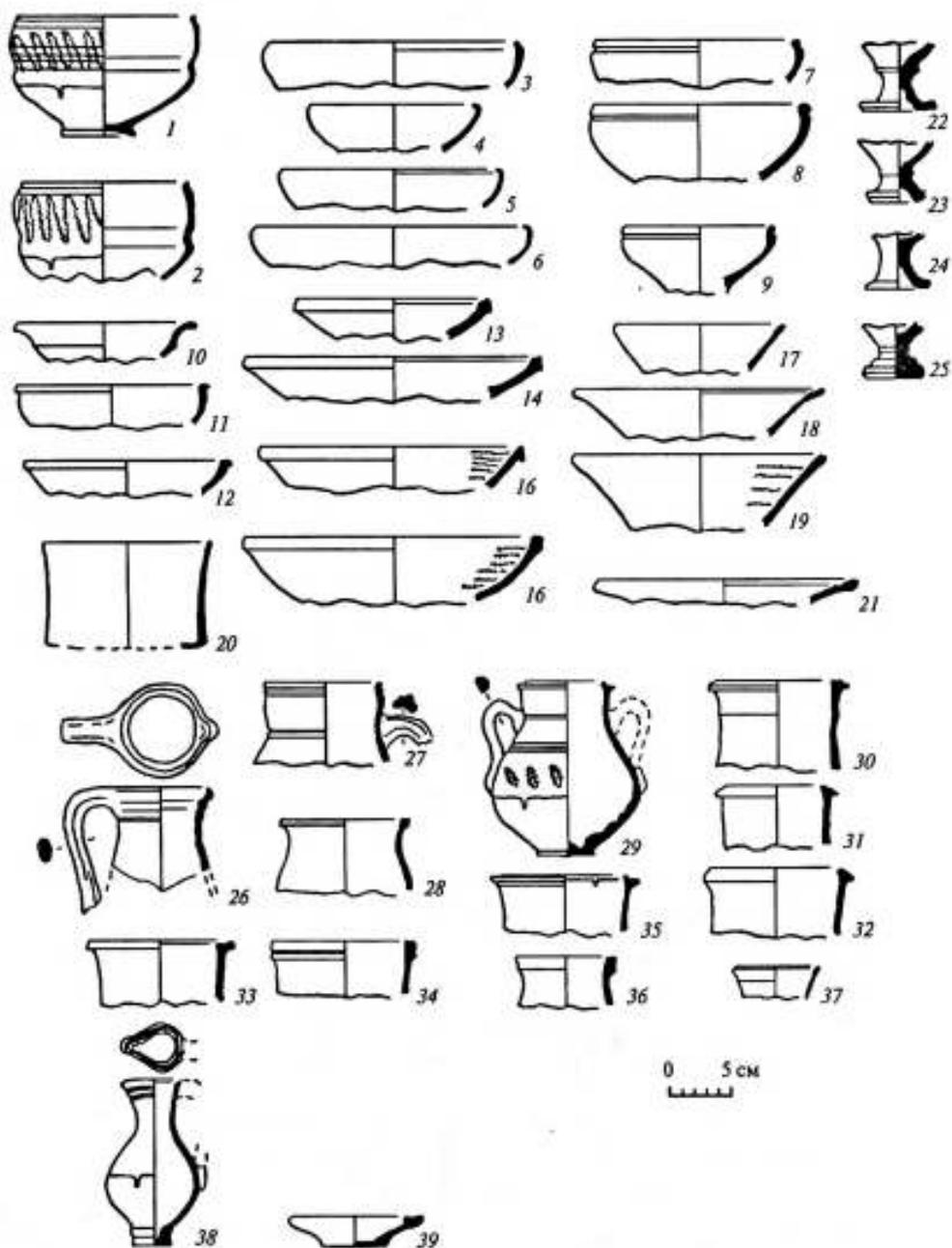

Рис. 77. Зартепа. Керамический комплекс II/3

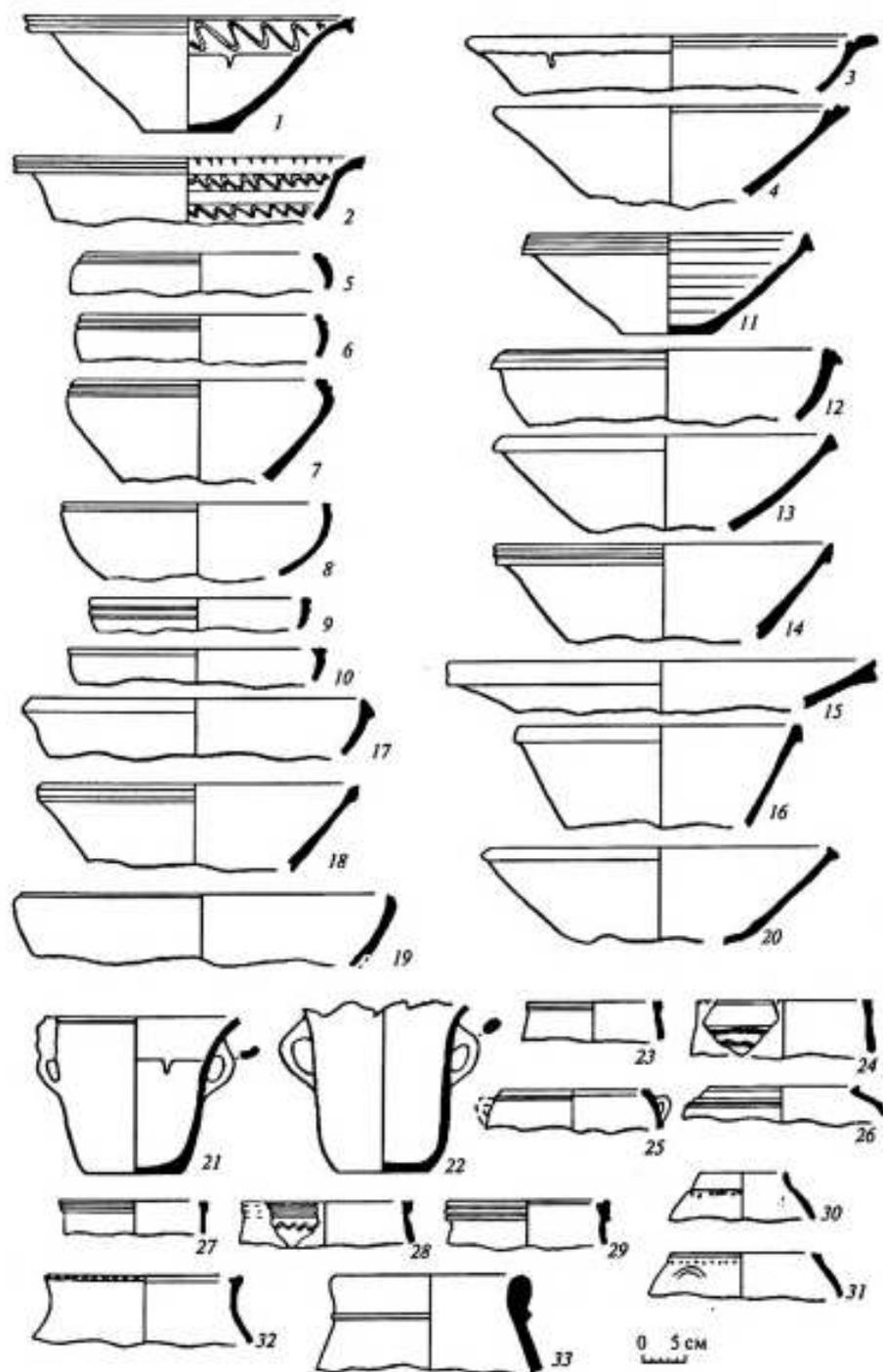

Рис. 78. Зартепа. Керамический комплекс III/3

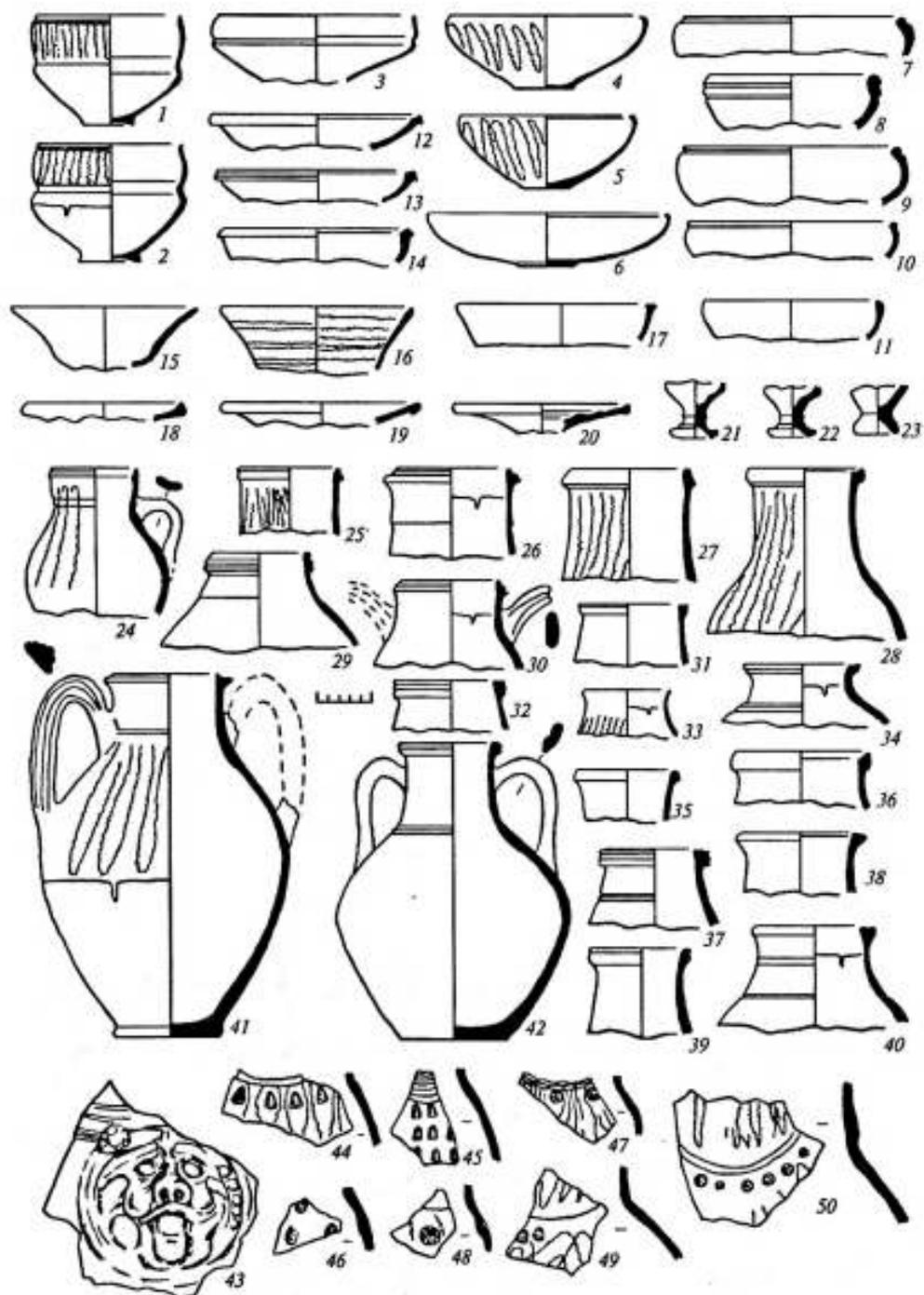

Рис. 79. Заргета. Керамический комплекс II/2

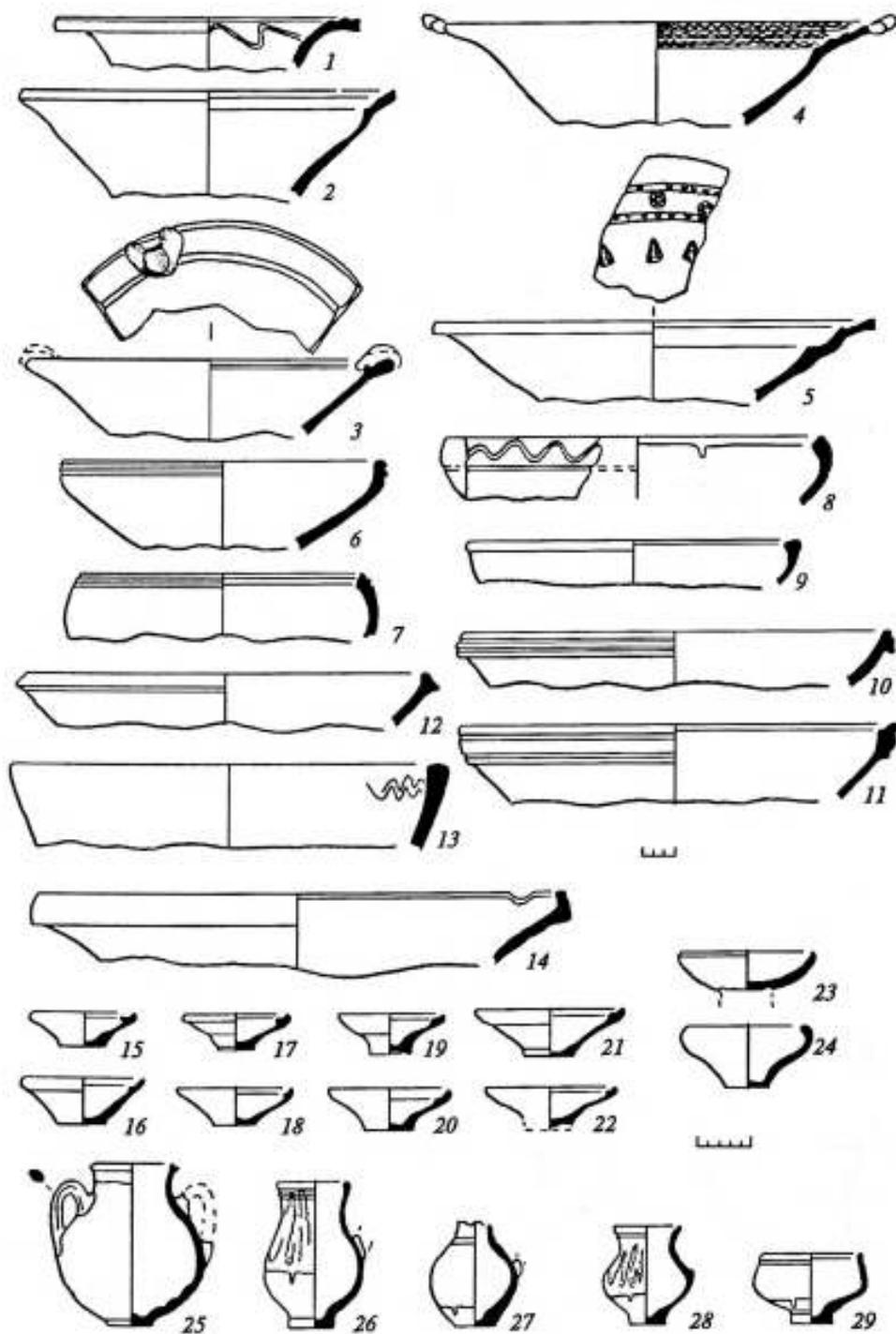

Рис. 80. Зартепа. Керамический комплекс II/2

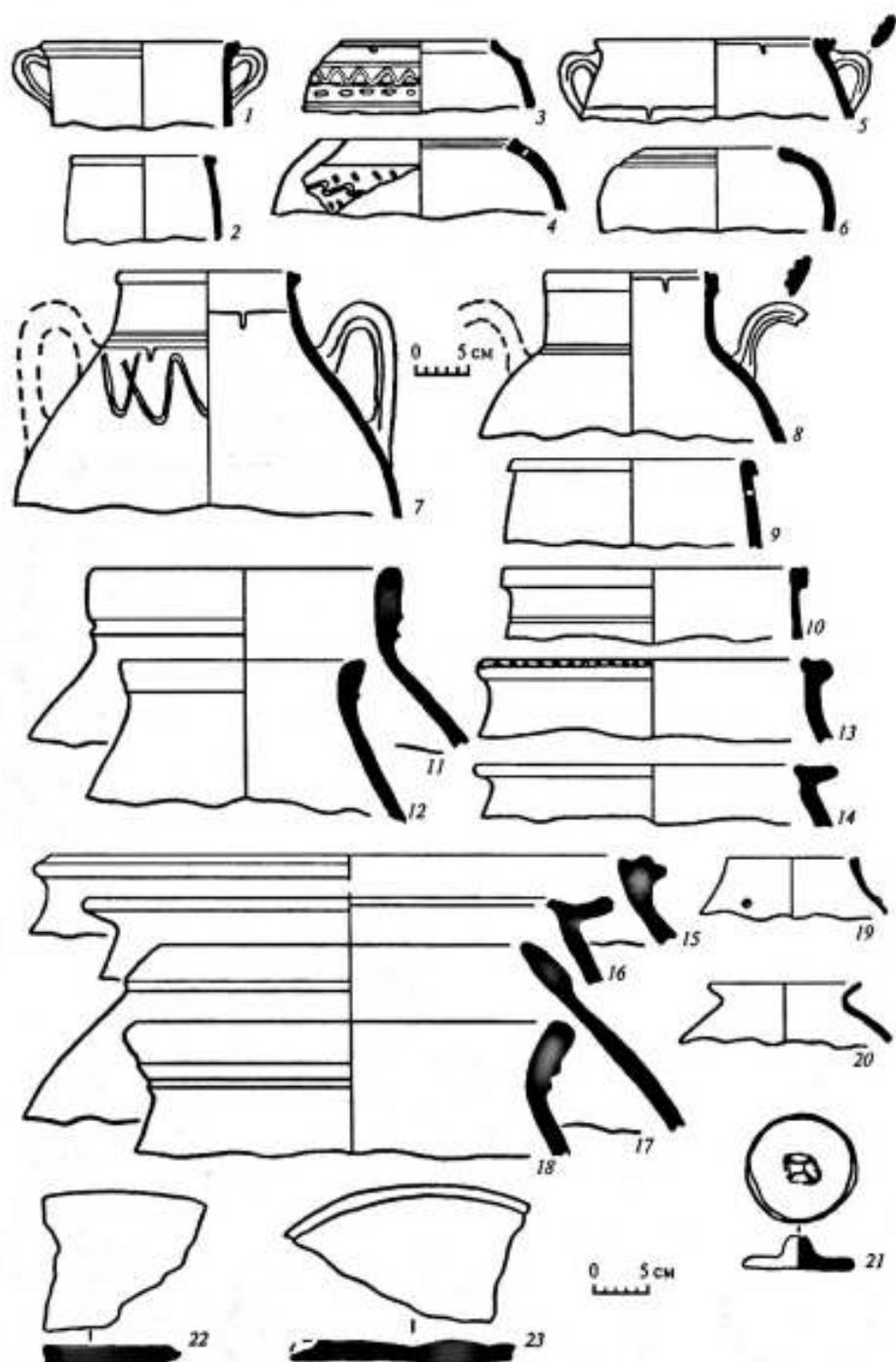

Рис. 81. Зартена. Керамический комплекс II/2

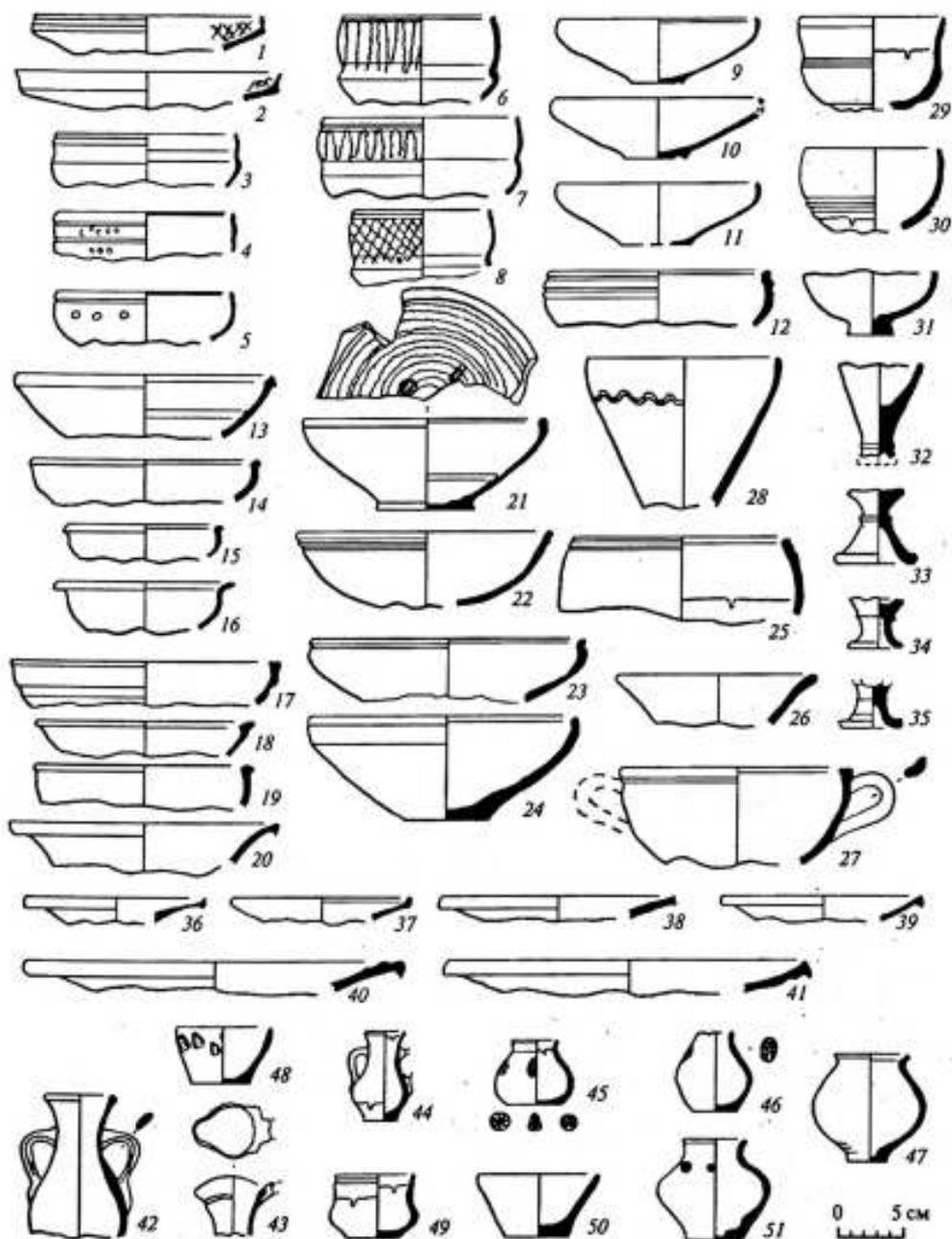

Рис. 82. Зартепа. Керамический комплекс II/1

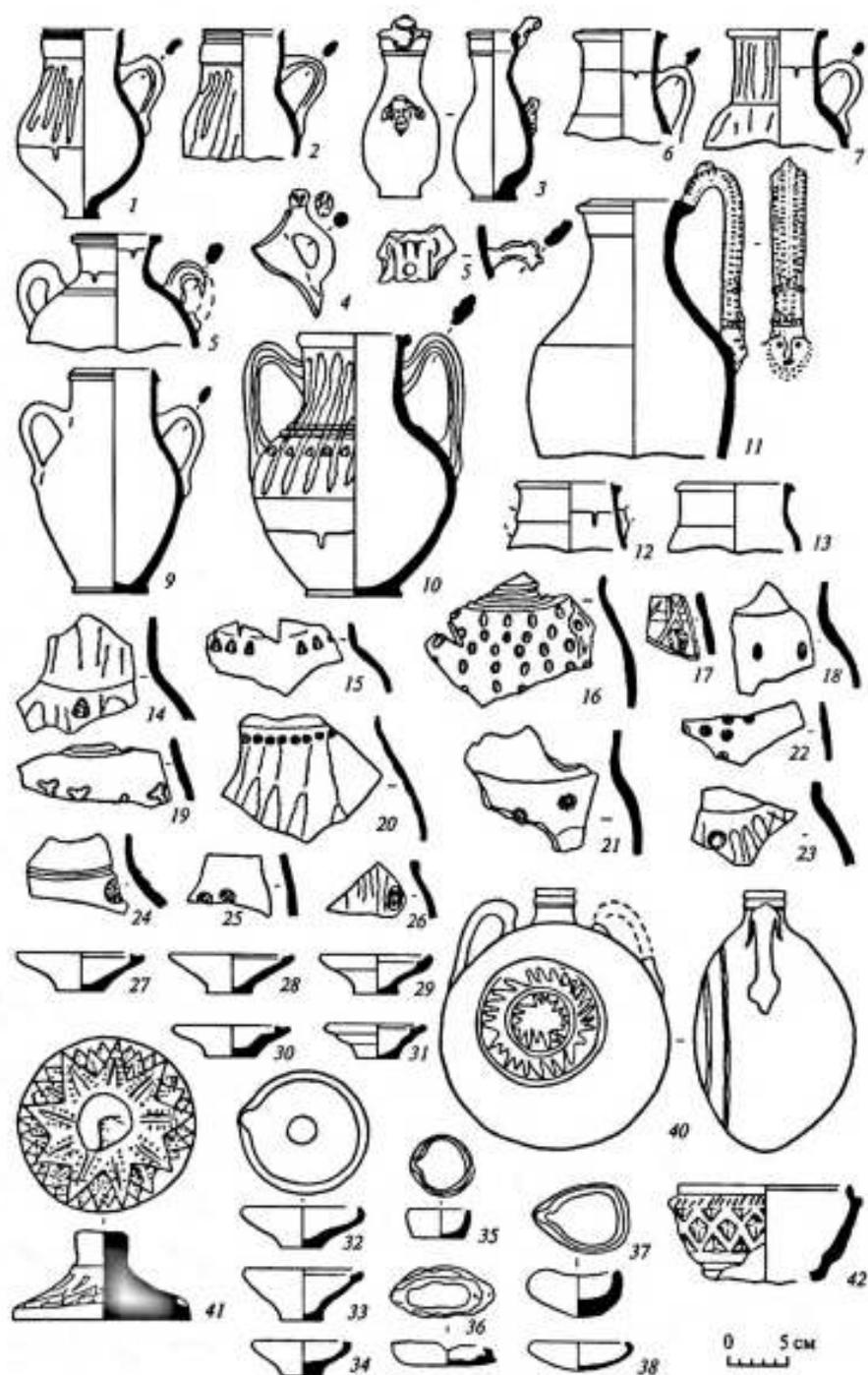

Рис. 83. Зартепа. Керамический комплекс II/1

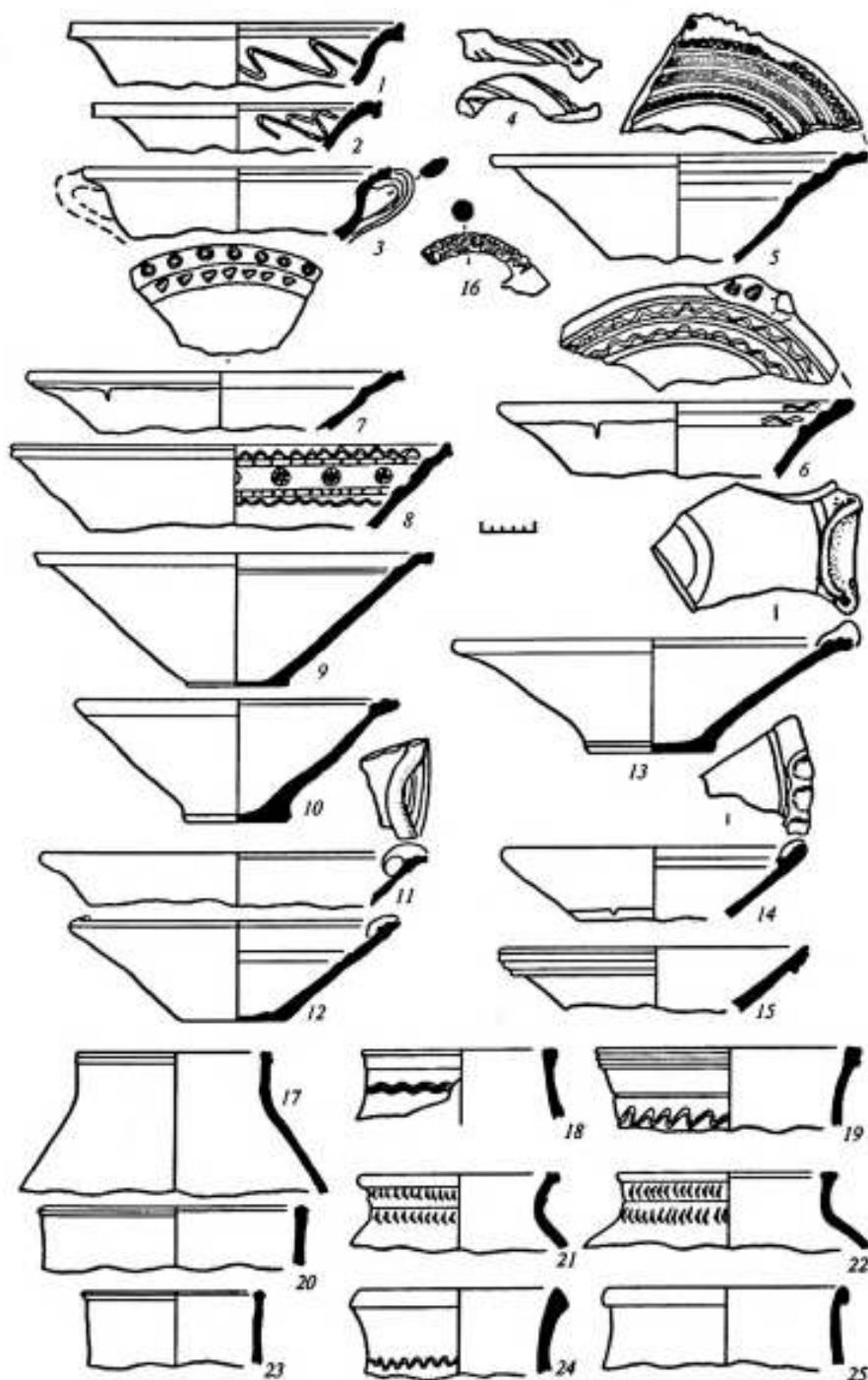

Рис. 84. Зартепе. Керамический комплекс III/1

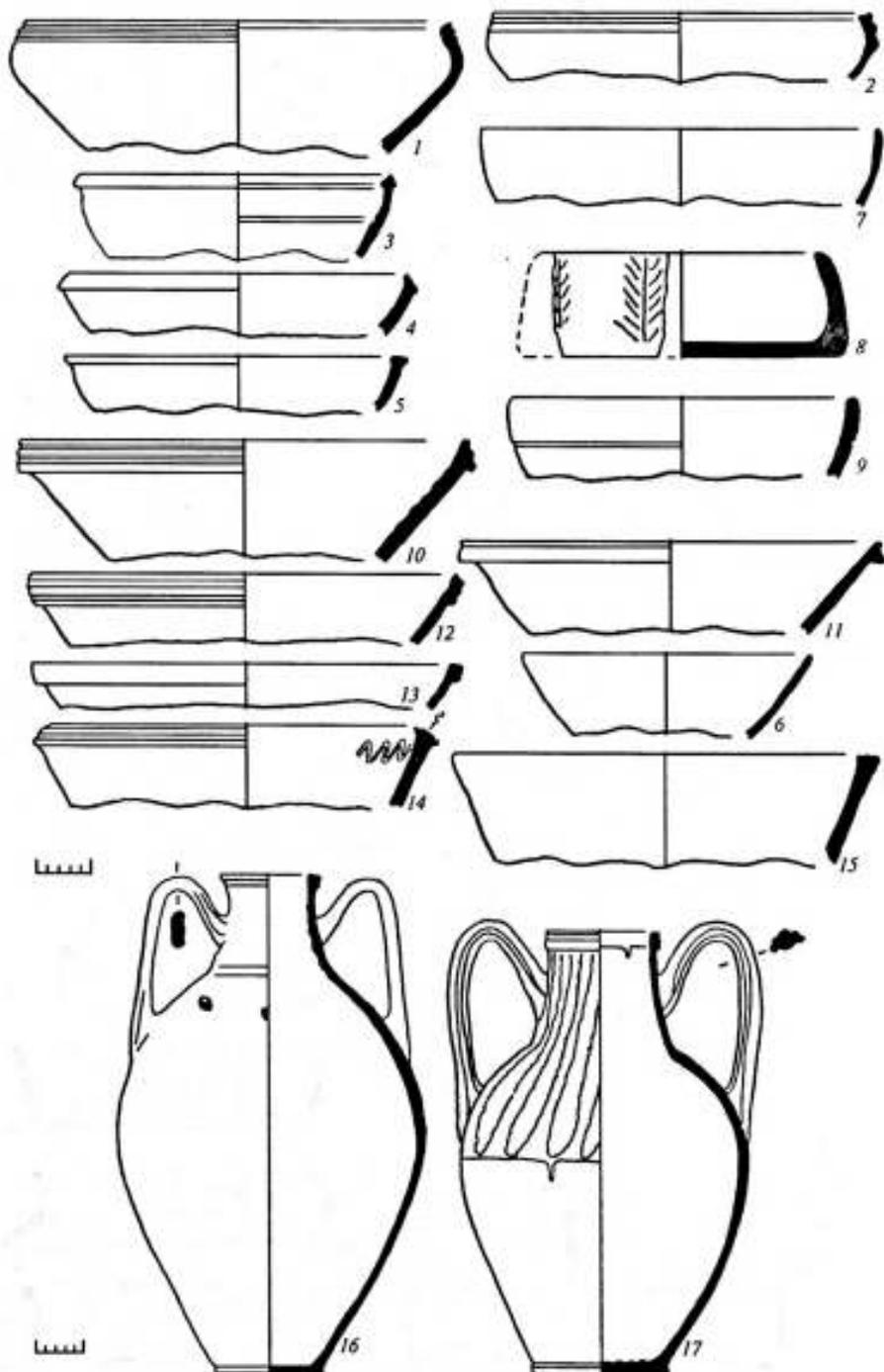

Рис. 85. Заргана. Керамический комплекс II/1

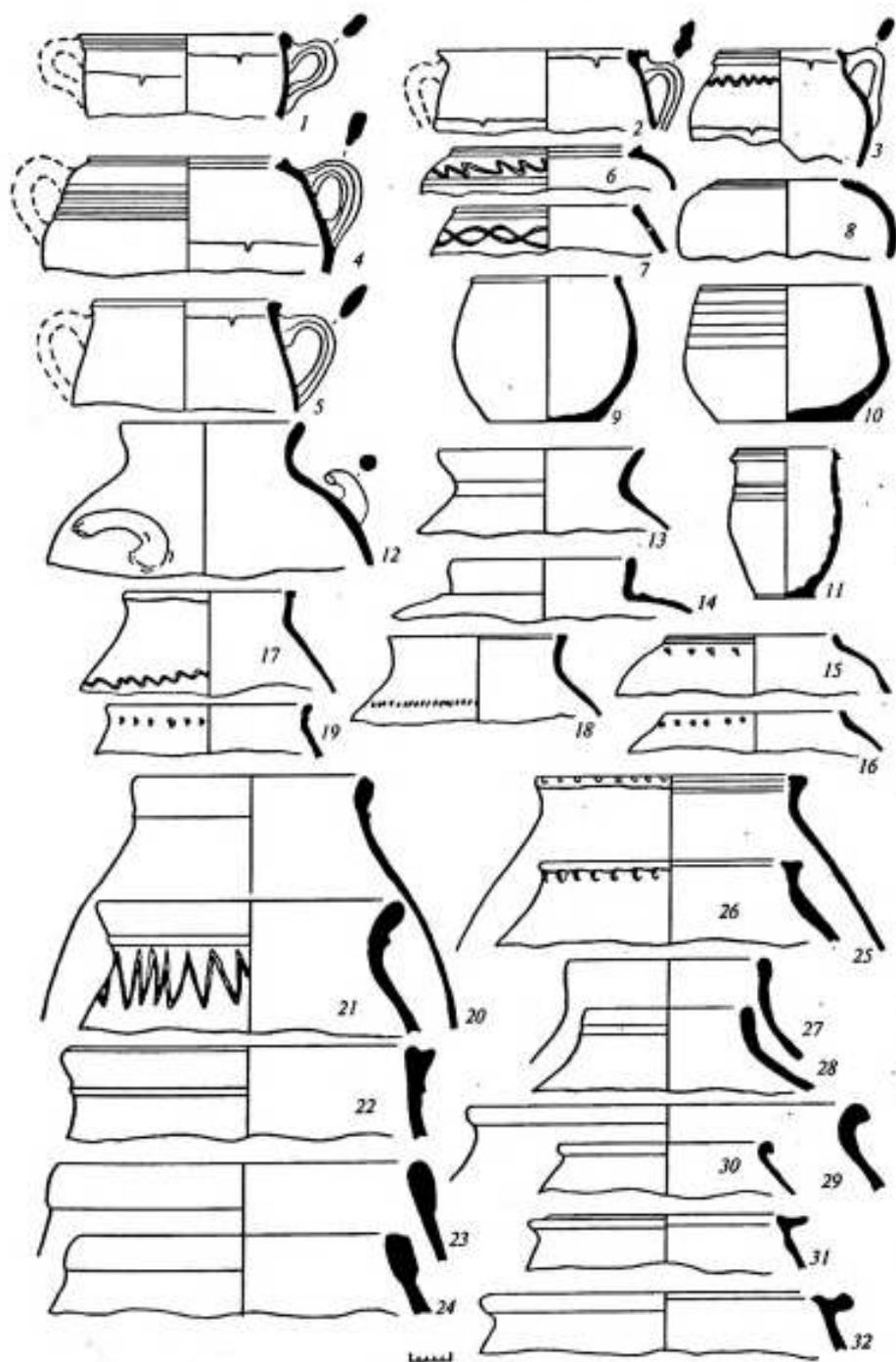

Рис. 86. Зартепа. Керамический комплекс II/1

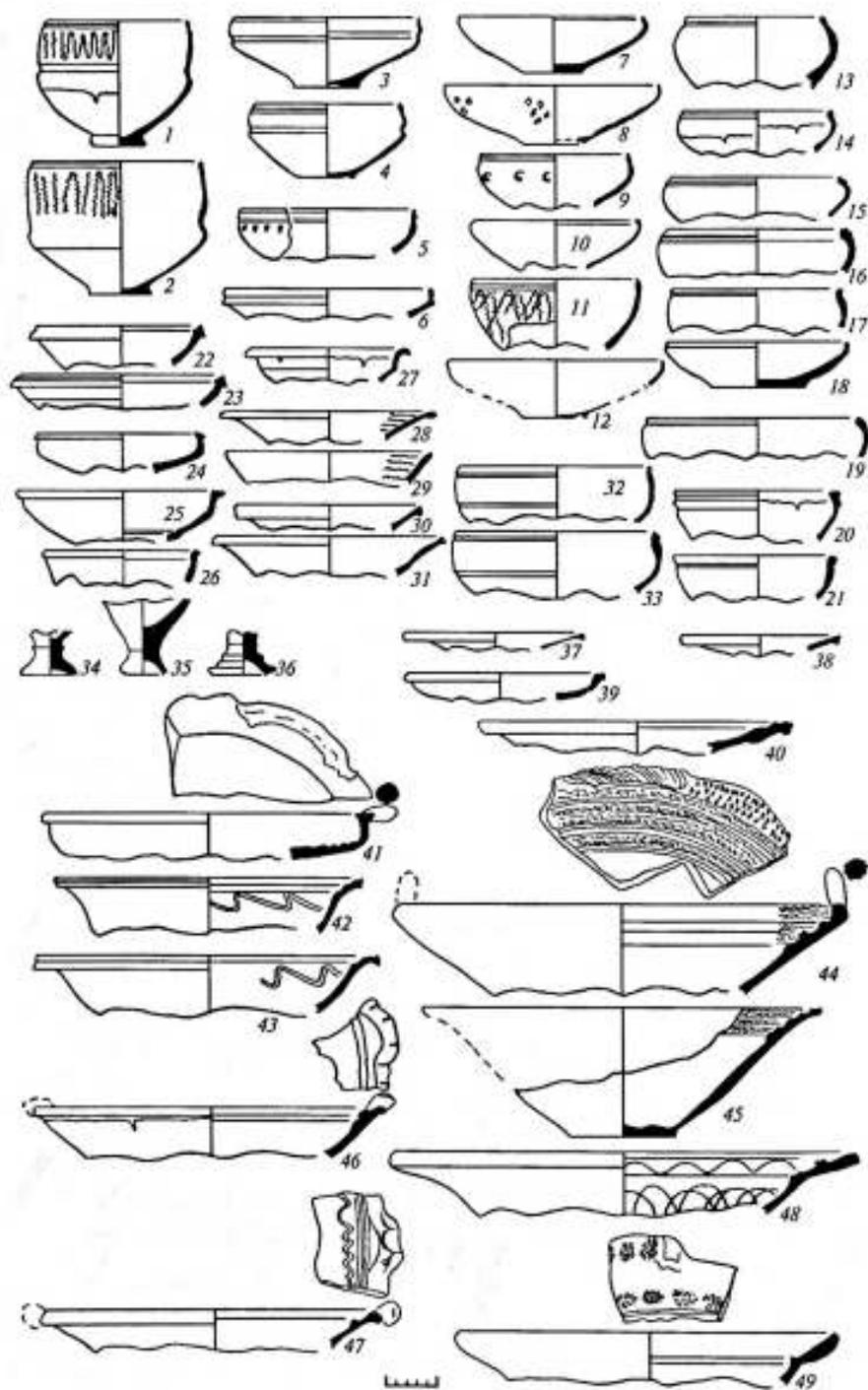

Рис. 87. Зартепа. Керамический комплекс 1/3

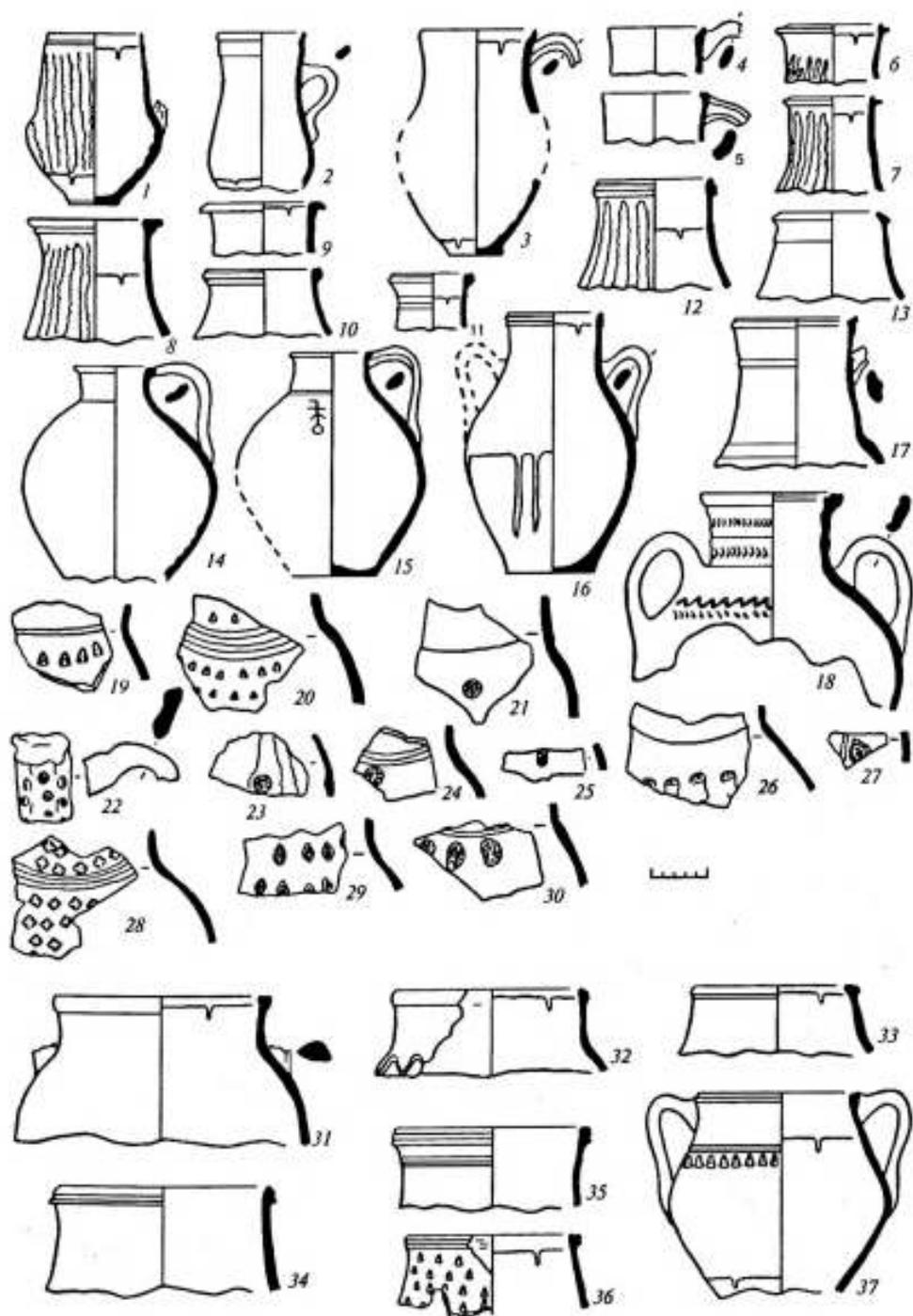

Рис. 88. Зартепе. Керамический комплекс 1/3

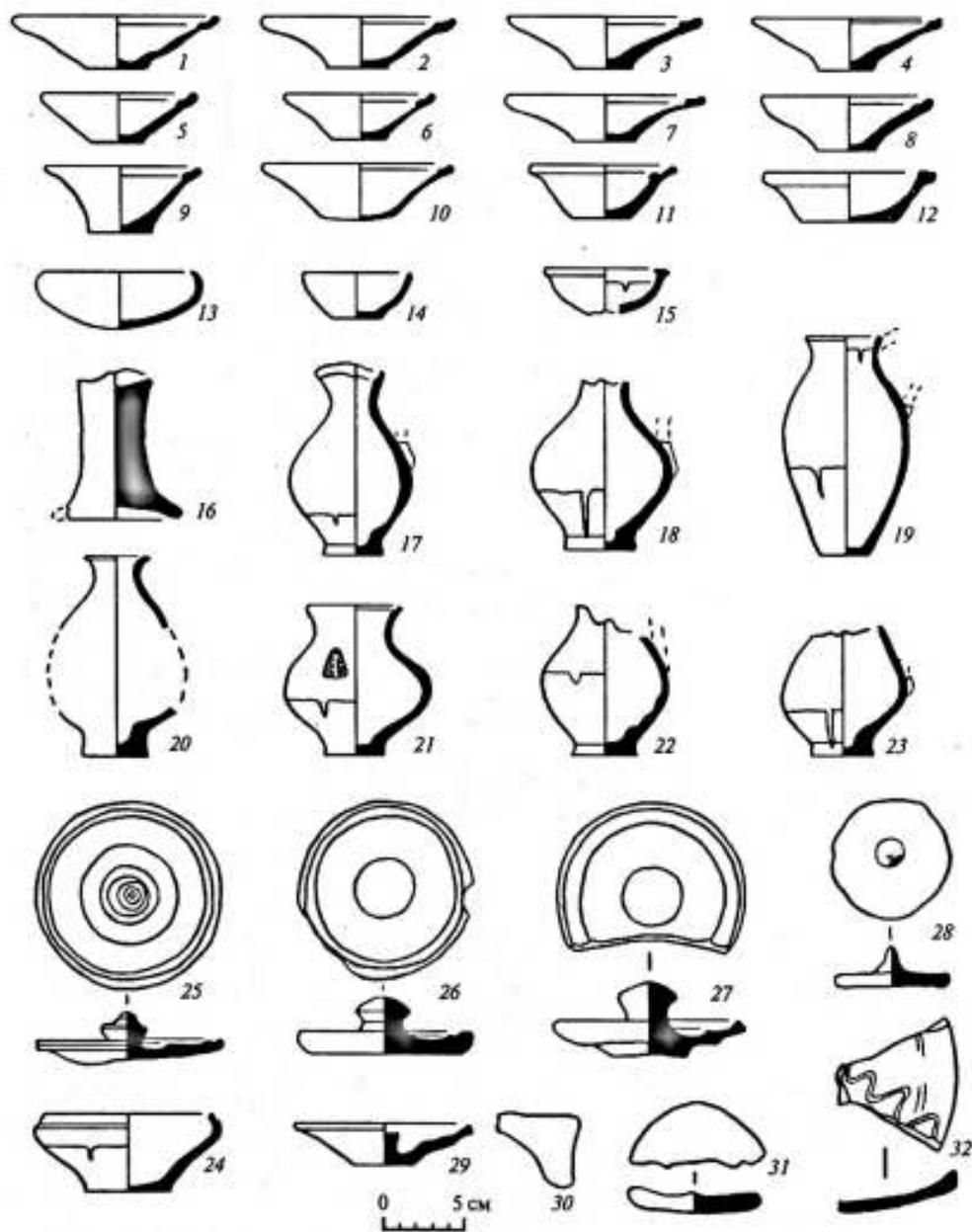

Рис. 89. Зартепя. Керамический комплекс 1/3

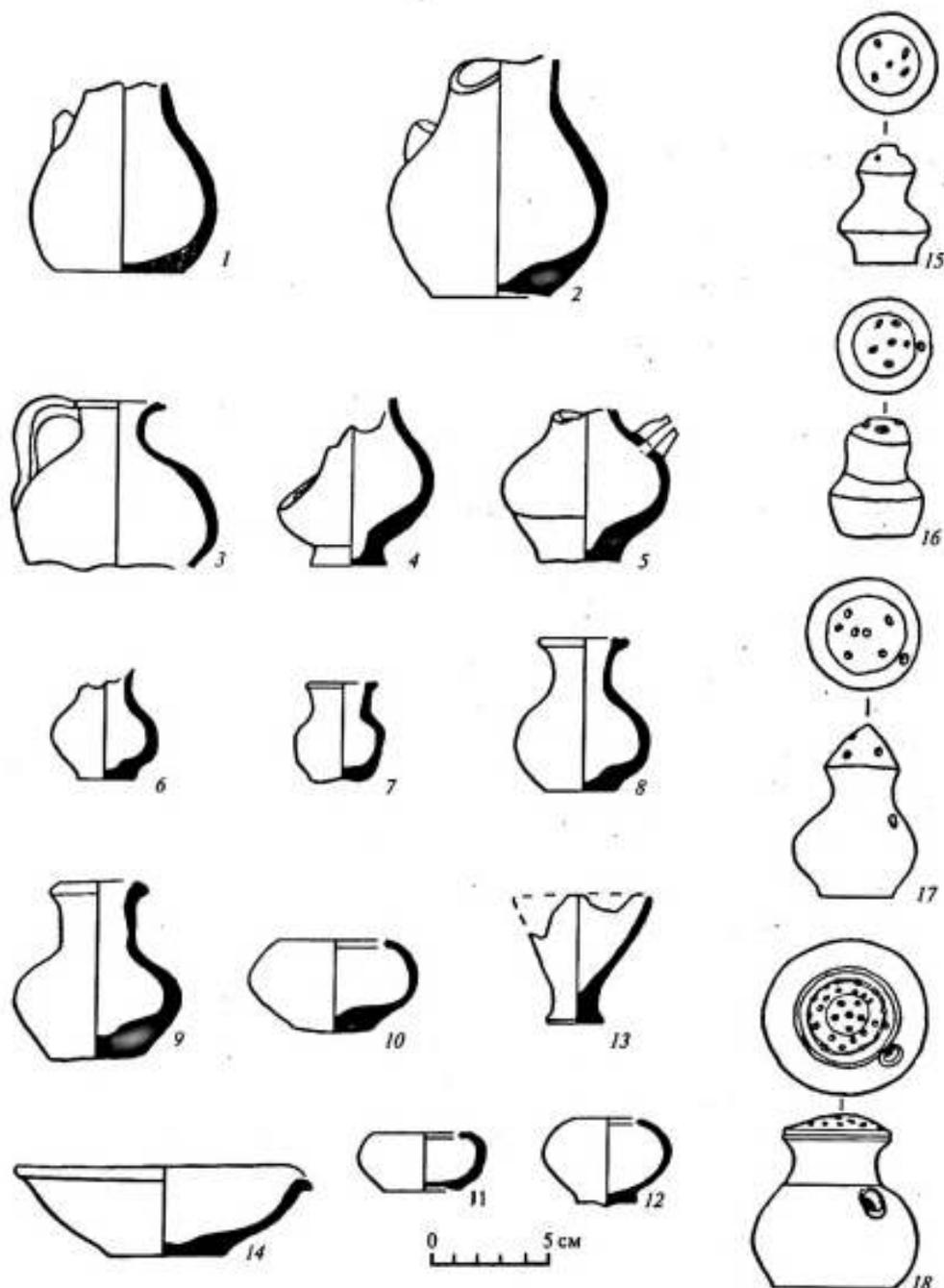

Рис. 90. Зартепе. Керамический комплекс I/3

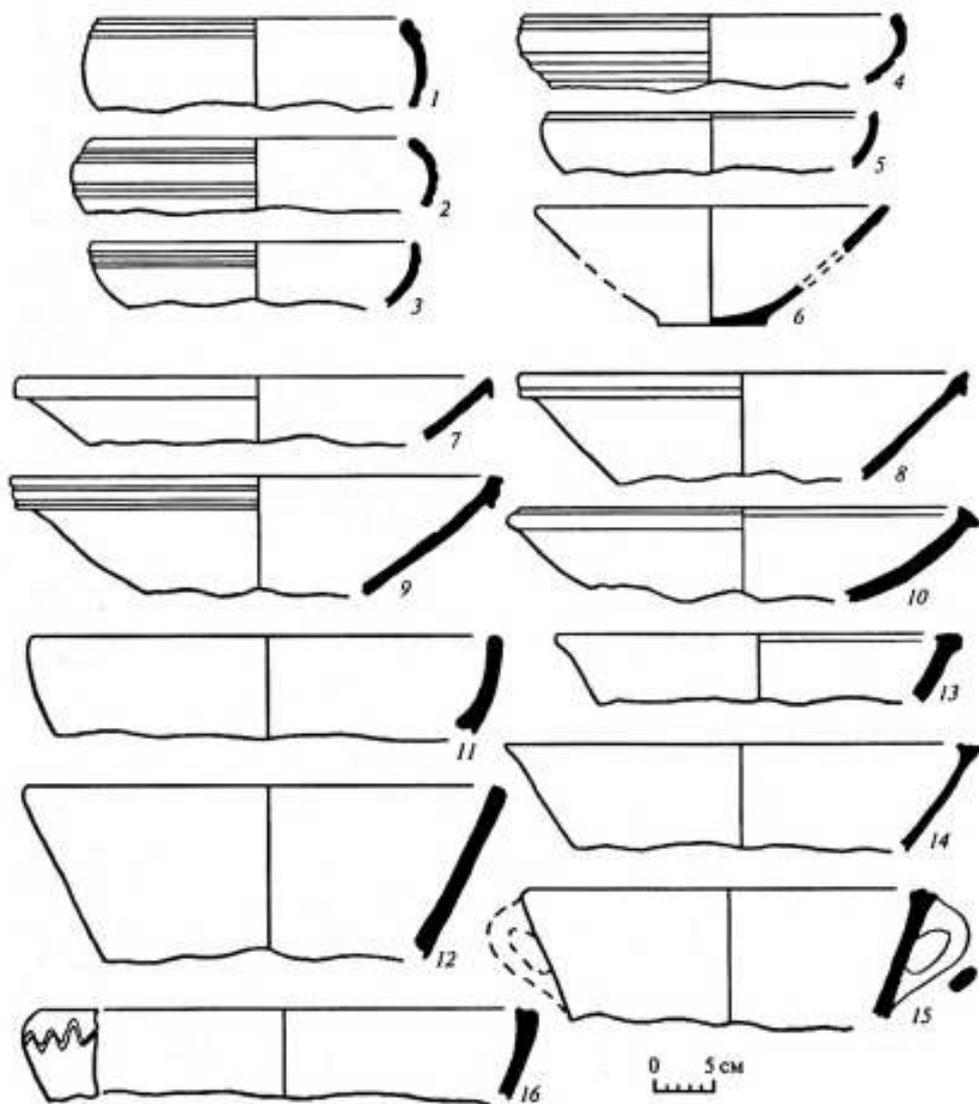

Рис. 91. Заргана. Керамический комплекс 1/3

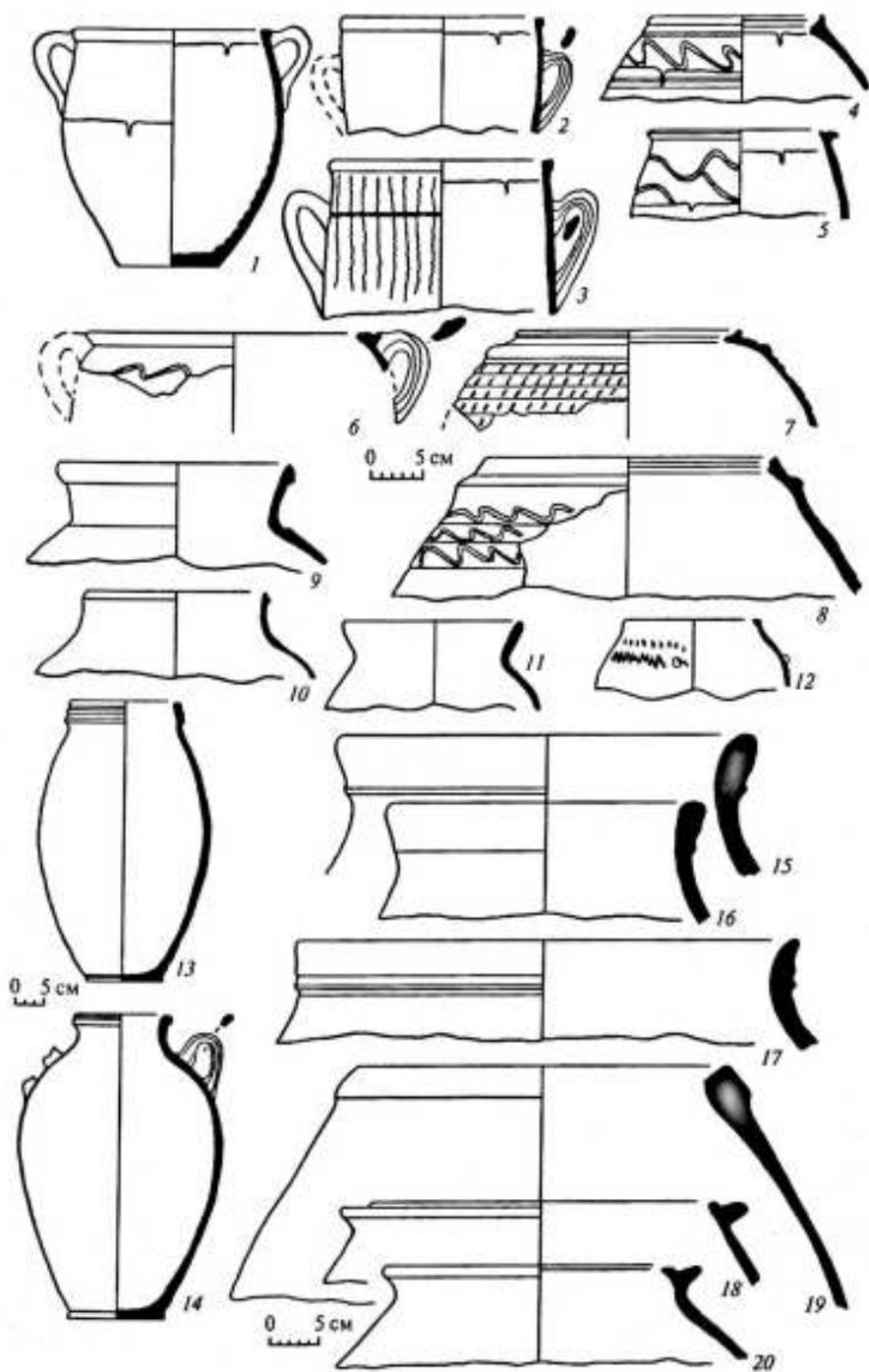

Рис. 92. Зартепа. Керамический комплекс I/3

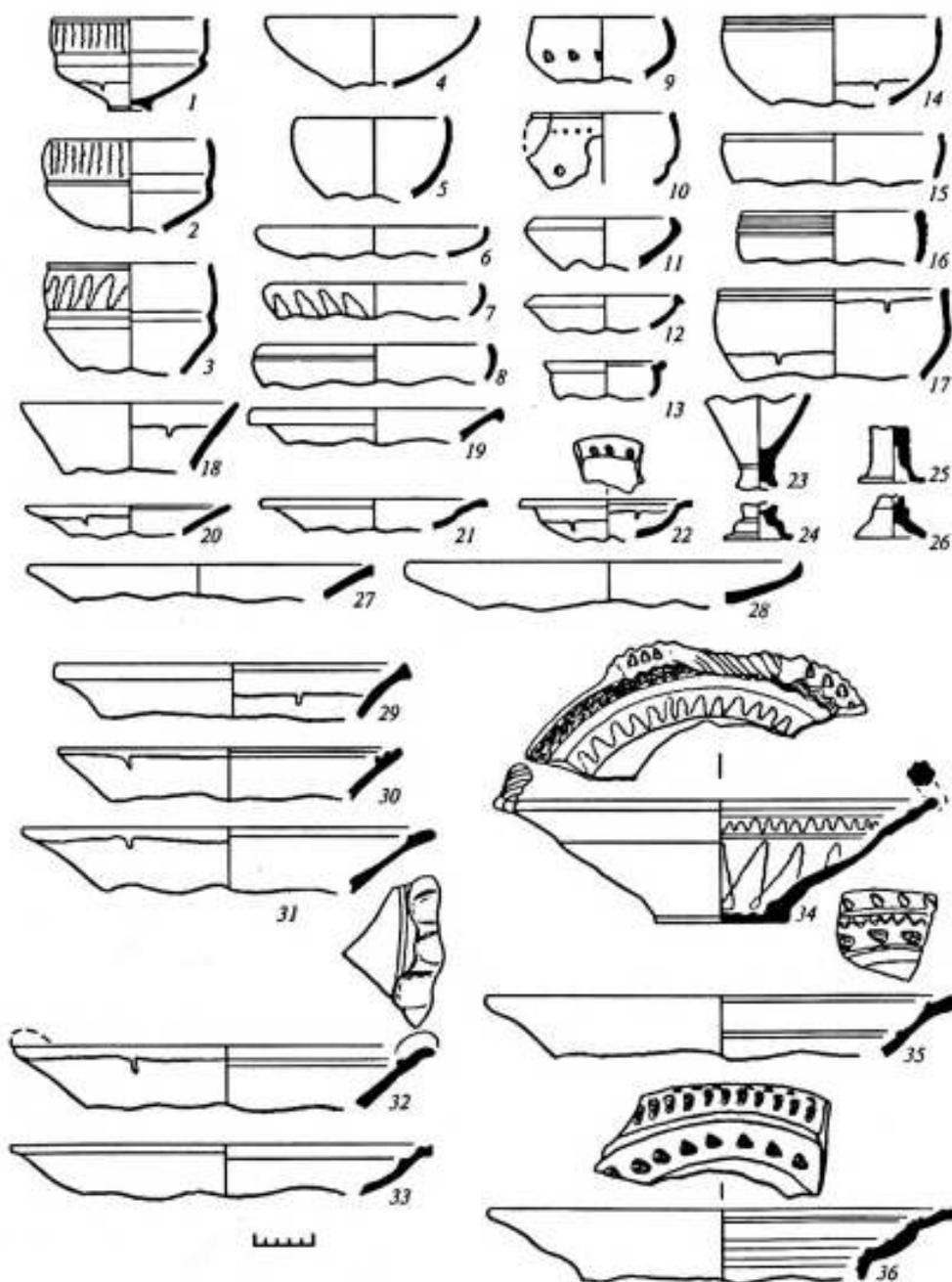

Рис. 93. Заргепа. Керамический комплекс 1/2

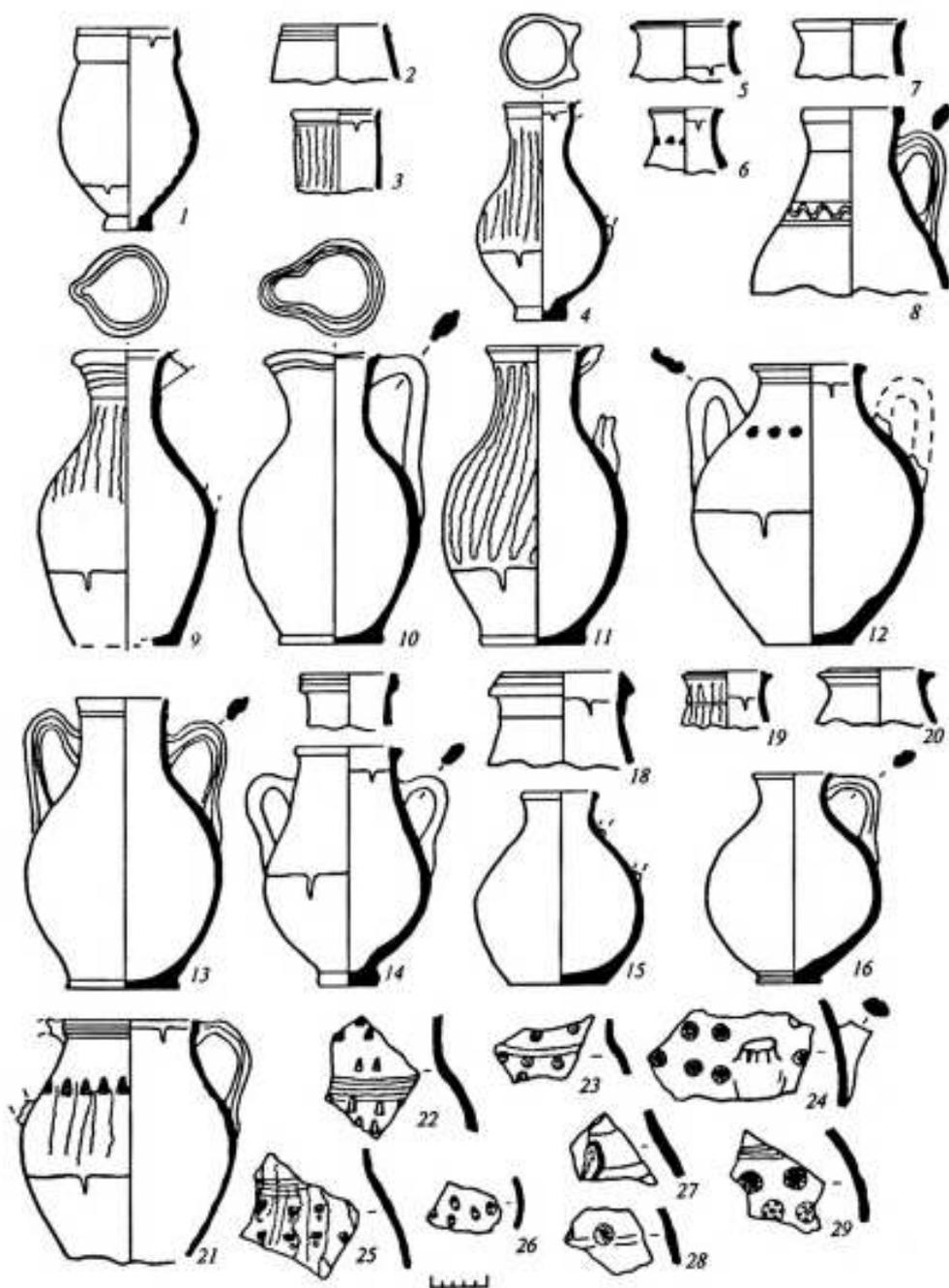

Рис. 94. Зартепа. Керамический комплекс 1/2

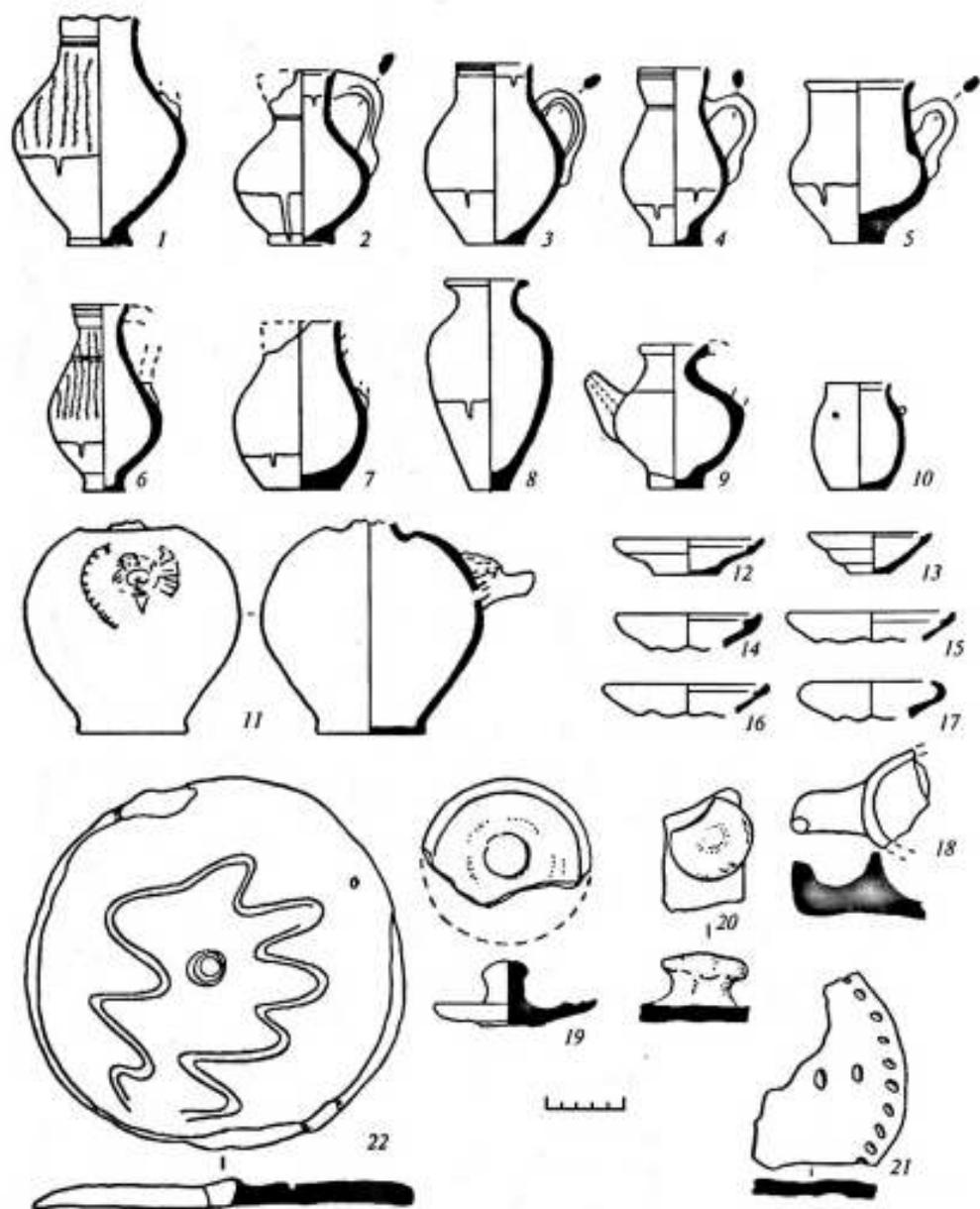

Рис. 95. Зартепа. Керамический комплекс 1/2

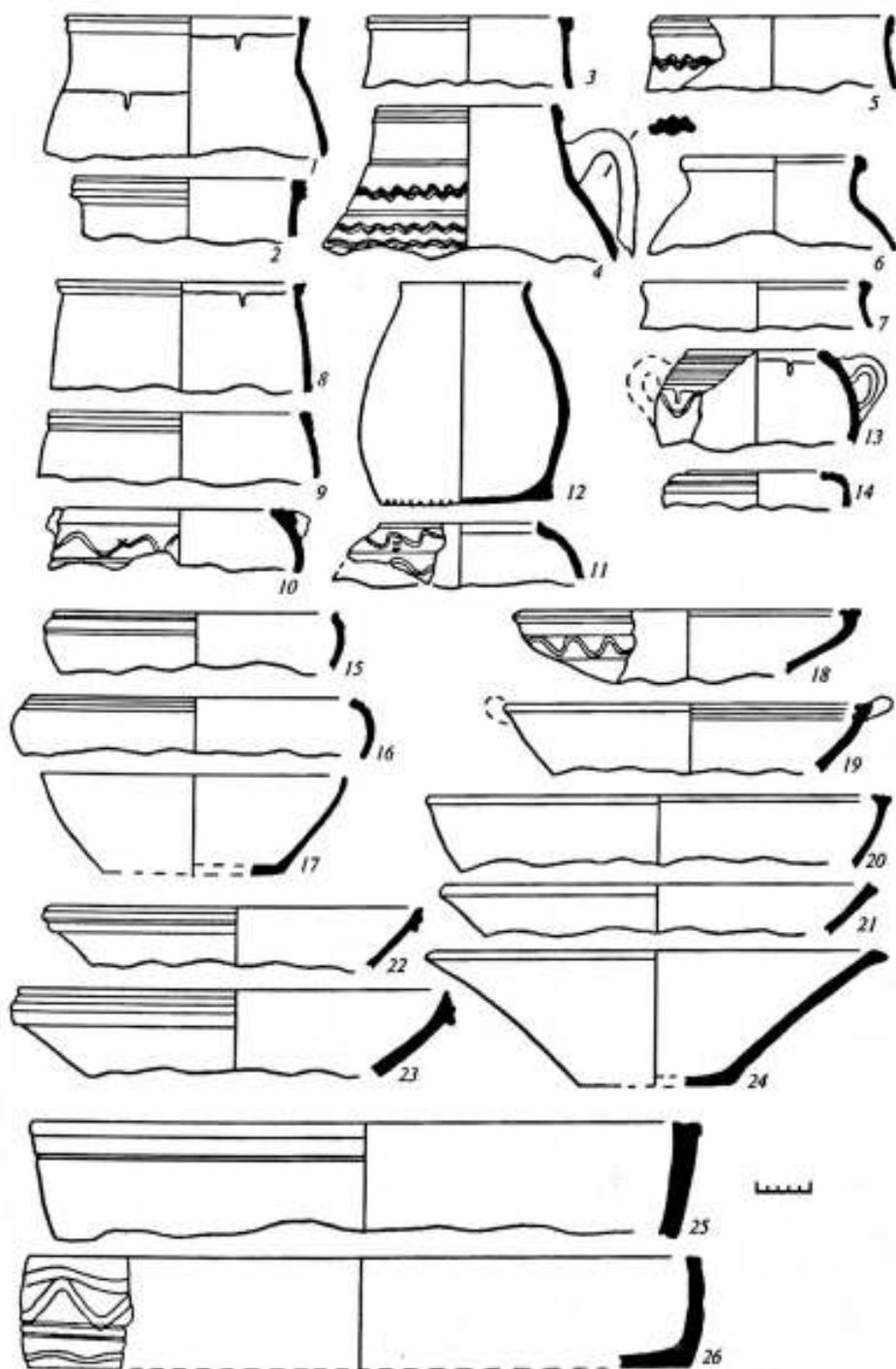

Рис. 96. Зартепы. Керамический комплекс I/2

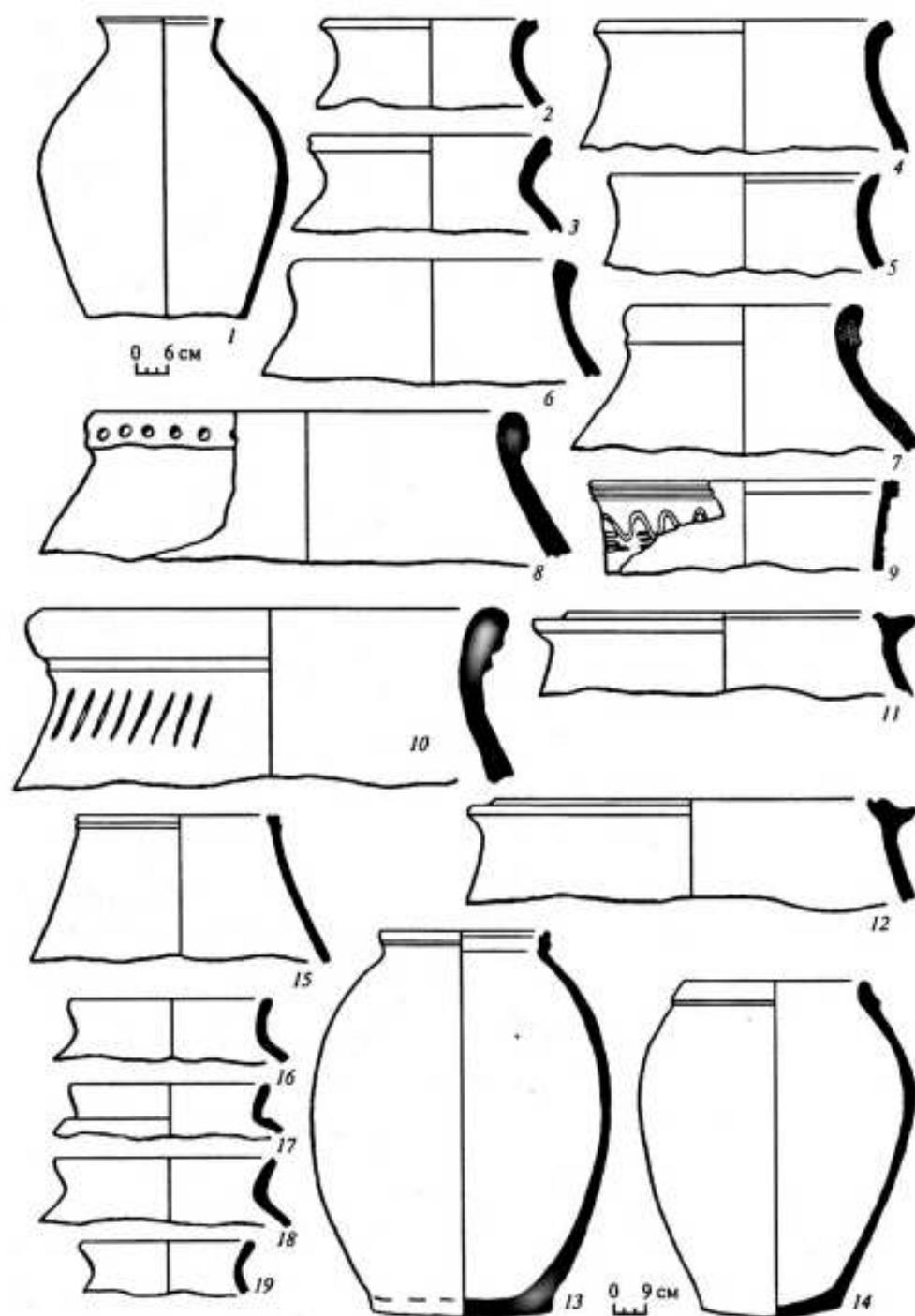

Рис. 97. Зарга. Керамический комплекс 1/2

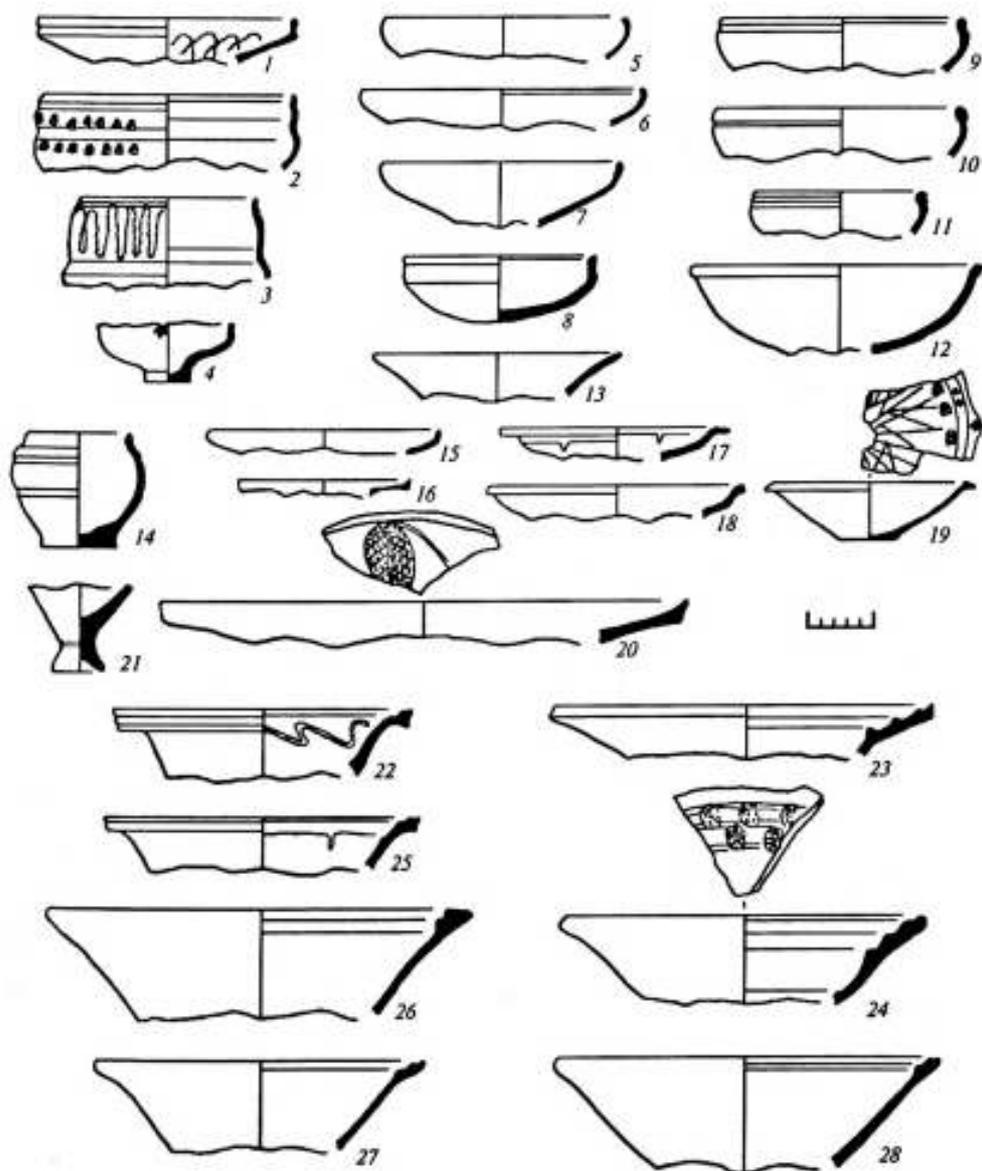

Рис. 98. Зартепа. Керамический комплекс I/1

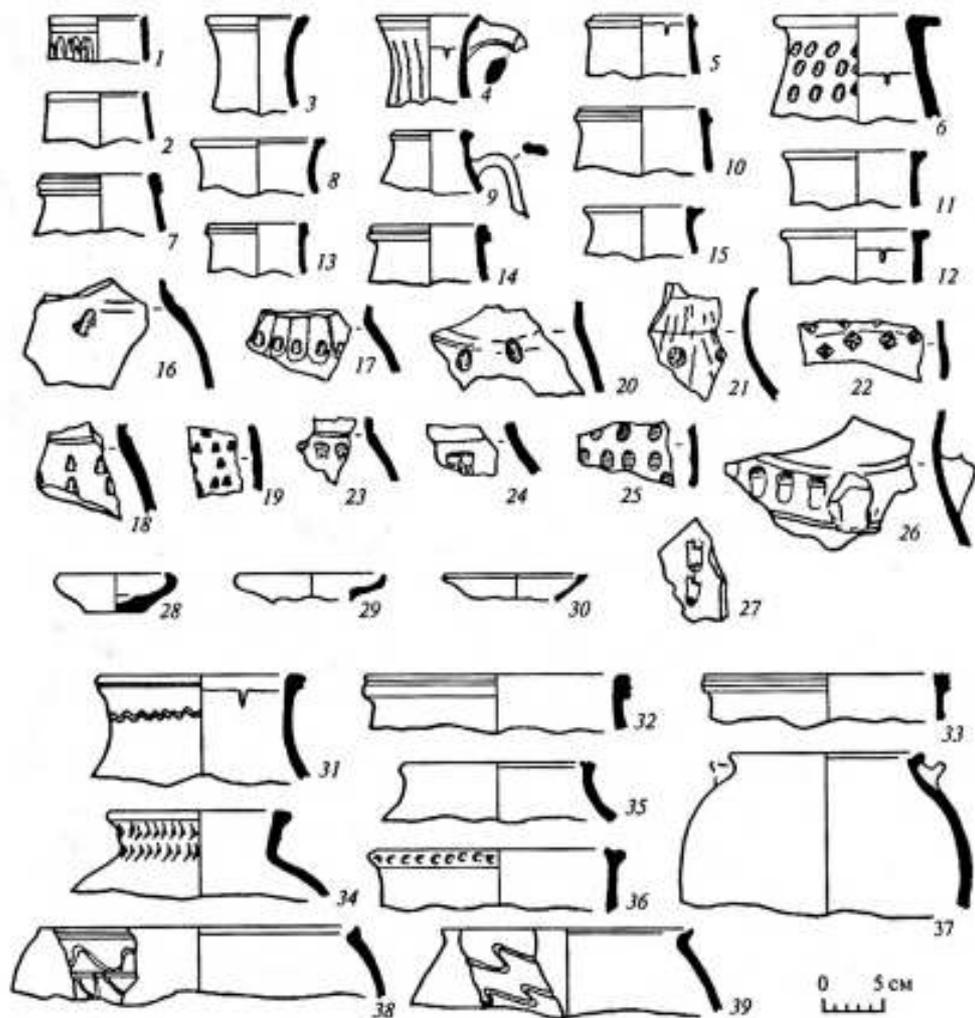

Рис. 99. Зартепа. Керамический комплекс I/1

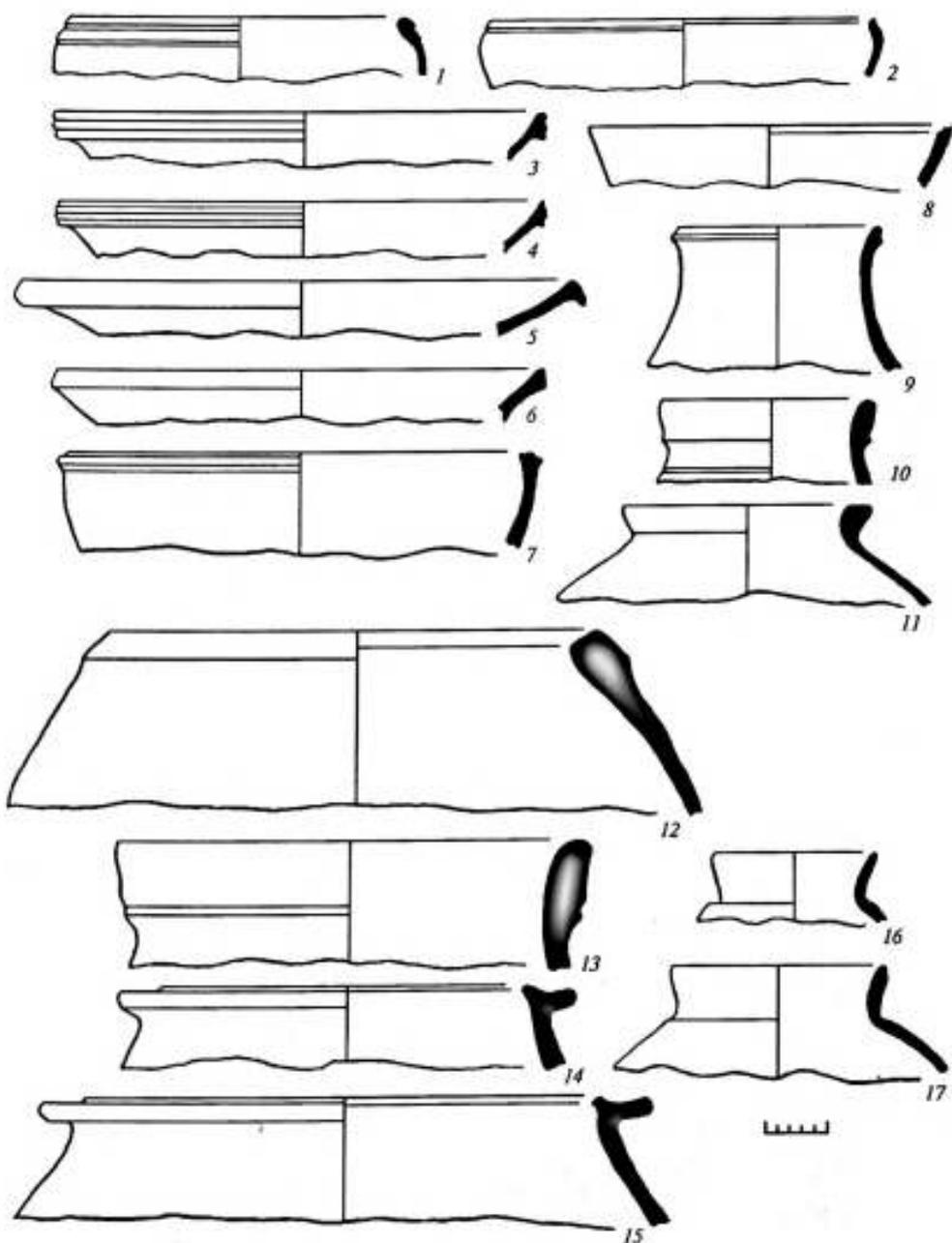

Рис. 100. Зартепа. Керамический комплекс I/1

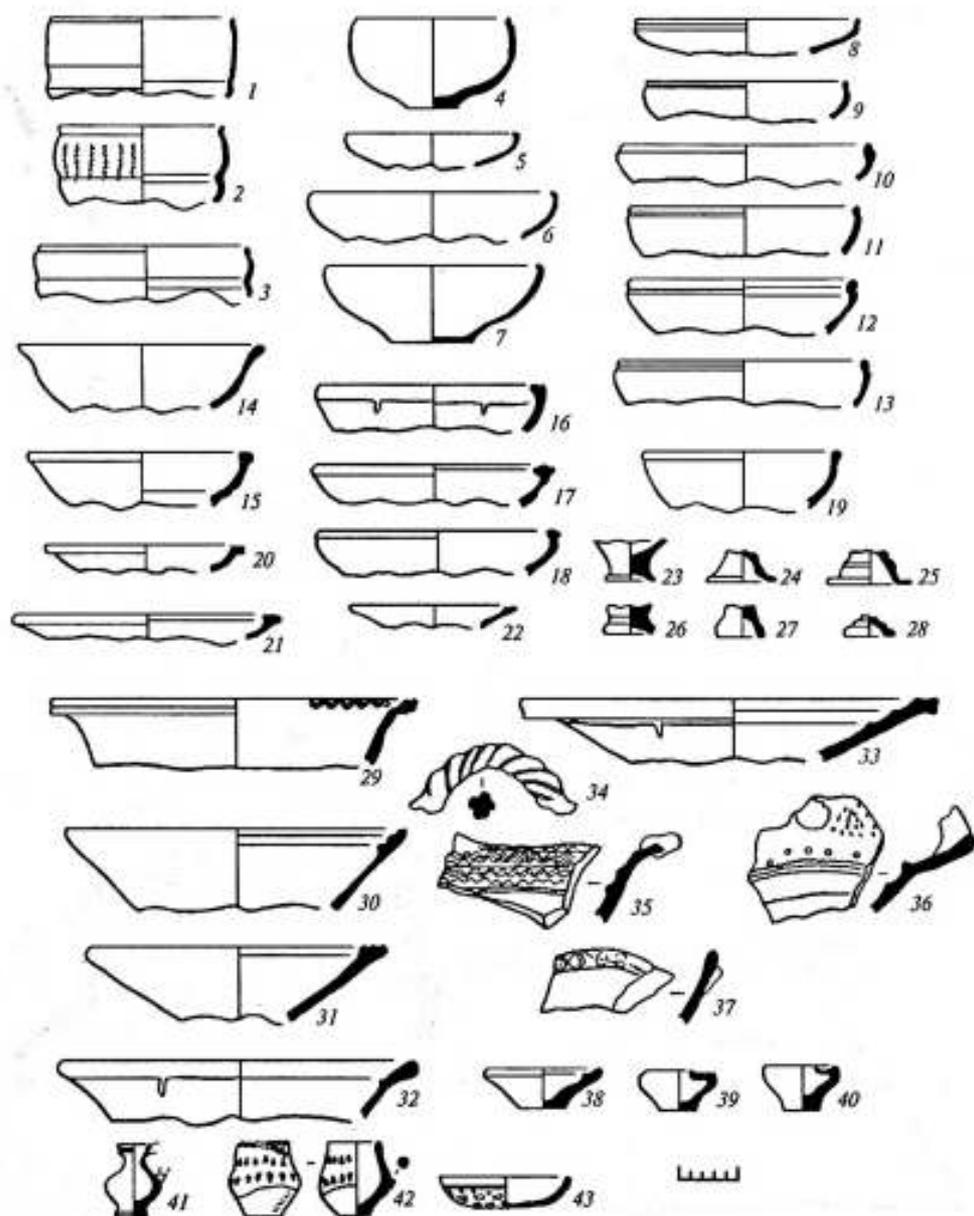

Рис. 101. Зартепа. Керамический комплекс 0

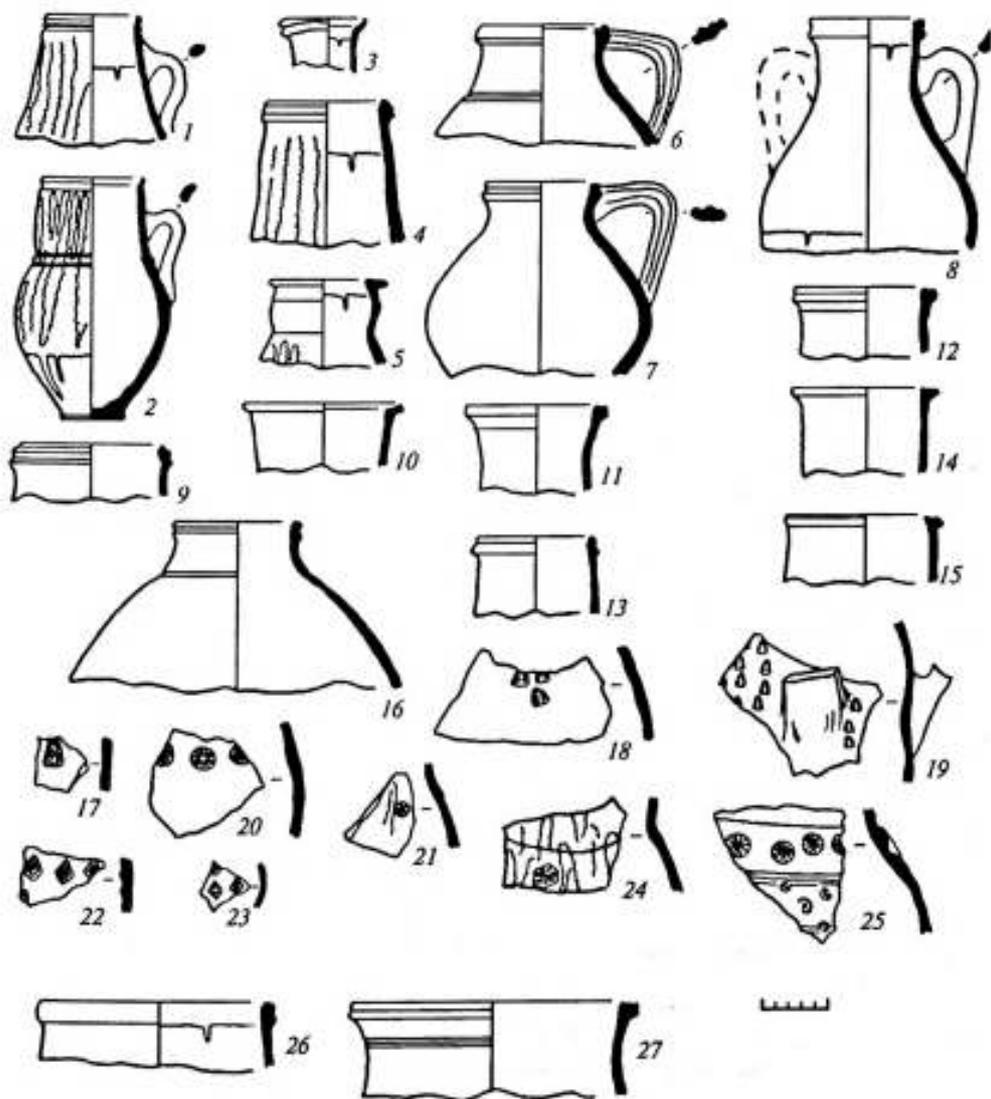

Рис. 102. Зартепе. Керамический комплекс 0

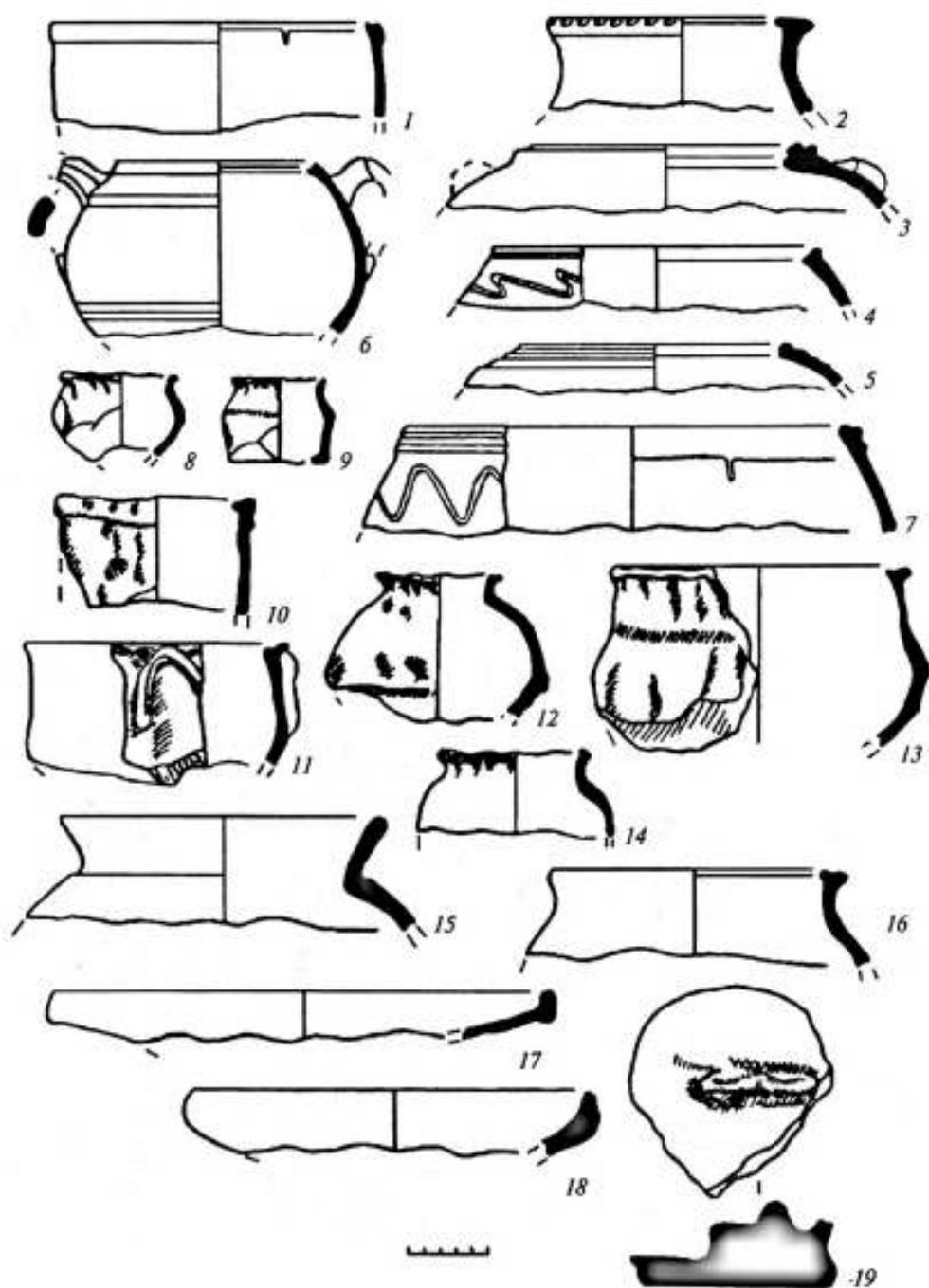

Рис. 103. Заргана. Керамический комплекс 0

Чаши. В эту категорию включены все открытые сосуды конической, полу-сферической или цилиндрической формы, с диаметром венчика не более 25 см и высотой 5–12 см. По профилям резервуаров и венчиков они разделены на девять типов (рис. 71).

I. К первому типу (рис. 71; см. вкл. 23, рис. 1, 3, 4) отнесены кубковидные чаши с «перехватом» корпуса. Они представляют собой тонкостенные красноглиняные сосуды с двухчастным цилиндро-коническим резервуаром вместимостью до 0,7 л. Их венчики оформлены в виде приостренной, прямой или слегка загнутой внутрь закраины. Для этих чаш характерен вертикальный бортик со стенками, имеющими, как правило, слегка выпуклый профиль. Переход к нижней, конической части подчеркнут узким желобком — «перехватом». Чаще всего кубковидные чаши имеют небольшой (до 1,2 см) сплошной или незначительно вогнутый поддон. Сосуды покрыты изнутри целиком и снаружи чуть ниже перехвата плотным красным ангобом различных оттенков. Нижняя коническая часть, а иногда и поддон подрезаны ножом или заглажены. Большинство чаш снабжено узкими желобками, расположенными снаружи под венчиком. Стенки цилиндрической части резервуара украшены косыми или вертикальными полосами лощения. Размеры сосудов варьируют: высота — 8–14 см, диаметр венчиков — 9–19 см, высота бортиков — 3,6–5,5 см, диаметр дна — 5–6 см, его высота — 0,4–1,2 см.

II. Чаши второго типа, хотя и близки чашам первого типа по основным деталям профилировки корпуса и особенностям украшения, однако имеют более приземистые пропорции (рис. 71: 2). Надежным критерием для их выделения служит высота верхней цилиндрической части сосуда, не превышающая 3,5 см. Высота чаш второго типа — 6,5–8 см, диаметр венчиков — 15–21 см, диаметр дна — 6,4 см.

III. В третий тип включены чаши с характерным перегибом у венчика, так называемые чаши «с бортиком» (рис. 71: 3). Эта группа очень малочисленна, в процессе раскопок было найдено всего три фрагмента (в комплексах II/1, I/3 и I/1). Они близки чашам второго варианта, однако отличаются от них вертикальным бортиком высотой около 1 см и характером орнамента: сосуды с внутренней стороны покрывались арочным или сетчатым лощением. Диаметры венчиков составляют 21–23 см.

IV. Четвертый, самый многочисленный тип чаш характеризуется тонкостенными (0,3–0,5 см в сечении) полусферическими резервуарами со слегка загнутым внутрь краем (рис. 102: 4). Встречаются как глубокие (до 10 см в высоту при диаметре 12–24 см), так и довольно мелкие образцы (до 5 см в высоту при том же диаметре), подразделяющиеся по профилировке венчиков на варианты *б, в, г*. Чаши всех вариантов плоскодонны или снабжены небольшими (до 0,5 см в высоту) сплошными или кольцевидными поддонами. С внешней и внутренней сторон они обычно покрыты плотным красным ангобом. Иногда чаши варианта *4а* украшены налепами в виде головок львов (см. вкл. 6, рис. 3, 4). Последние достаточно реалистичны, но подчас так затерты и смазаны, что черты моделировки изображений угадываются с трудом. По-видимому, мастера сами не умели вырезать эти матрицы и снимали копии с привозной посуды.

V. К пятому типу отнесены чаши с плавно расширяющимися кверху стенками, заканчивающимися загнутым внутрь краем (рис. 71: 5). Среди них очень

редко встречаются сероглиняные. Надежным критерием для выделения чаш этого типа служит край, имеющий обычно небольшое утолщение с внутренней стороны и ряд желобков — с внешней. Иногда сосуды покрывались красным ангобом полностью изнутри и на четверть высоты снаружи, однако гораздо чаще их поверхность имеет цвет глиняного теста. Бежевое или фишашковое покрытие получалось в результате протирки мокрой тряпкой поверхности сосуда до обжига. Размеры чаш варьируют: диаметр венчиков — 14–24 см, толщина стенок 0,5–0,7 см.

VI. В этот тип включены чаши с уплощенной сверху закраиной, подразделенные по профилировке венчика и тулова на варианты *a* и *b* (рис. 71: 6). Чаше всего они представлены сероглиняными невысокими сосудами (6–8 см) с полусферическим резервуаром на небольшом сплошном дисковидном поддоне (тип *ба*). Красноглиняные образцы варианта *bb* имеют, как правило, более вытянутые пропорции. Украшением для сероглиняных чаш служило спиральное лощение, а для красноглиняных — ангобирование внутренней поверхности или верхней части резервуара. Диаметры венчиков достигают 14–22 см, высота сосудов — 6–8 см, диаметры поддонов — 7–11 см.

VII. Эти чаши характеризуются отогнутым наружу венчиком с различной моделировкой внешней и внутренней поверхностей (рис. 71: 7). По профилировке венчика можно выделить четыре варианта — чаши с «реберчатым краем» — *a* и чаши Г- и Т-образные в сечении с ребром с внешней стороны под венчиком — *b*, *в*, *г*.

Чаши с «реберчатым краем» часто изготовлены из серой глины и имеют резервуар, близкий к полусфере, а также небольшой сплошной дисковидный поддон. Иногда их внутренняя поверхность украшена желобками и спиральным лощением. Диаметры их венчиков достигают 18–23 см, высота целых экземпляров — 5,4–7,7 см, диаметр дна — 7–11 см, толщина стенок — 0,6–0,8 см.

Чаши с Г- и Т-образными венчиками по форме и основным параметрам близки чашам с «реберчатым краем». Однако обычно их делали из красной глины и украшали внутри или по краю красным или коричневым ангобом. Диаметры венчиков варьируют в пределах 16–22 см, толщина стенок — 0,5–0,7 см.

VIII. В отдельный тип включены чаши с клювовидным в сечении венчиком. Их резервуар имеет коническую форму с широко расходящимися слегка вогнутыми стенками (рис. 71: 8). Диаметры венчиков достигают 20–24 см, толщина стенок — 0,5–0,8 см.

IX. В данный тип выделены чаши с конической формой резервуара, венчик которых оформлен в виде округленной или уплощенной закраины (рис. 71: 9). Большой частью они плоскодонны, однако некоторые изделия имеют небольшой дисковидный поддон. Сероглиняные чаши обычно украшены спиральным лощением, а красноглиняные протерты до обжига мокрой тряпкой, в результате чего на их поверхности остался тонкий слой фишашкового или бежевого цвета. Диаметры венчиков колеблются в диапазоне 13–22 см, диаметры дна — 9–10 см, толщина стенок — 0,5–0,8 см. Высота целых сосудов составляет 7 см.

Блюда. К этой категории посуды отнесены очень мелкие сосуды конической формы с диаметром венчика от 12 до 25 см. В коллекции керамики они представлены тремя типами (рис. 72: блюда).

I. С приостренным вертикальным или слегка загнутым внутрь краем (диаметр венчика — 14–20 см, ориентировочная высота — около 3 см, толщина стенок — 0,3–0,4 см).

II. С отогнутым наружу клювовидным или подтреугольным в сечении венчиком (диаметр венчиков — 12–25 см, ориентировочная высота сосудов — 3–4 см, толщина стенок — 0,3–0,9 см).

III. С венчиком в виде округленной или профилированной одним желобком закраины (диаметр венчиков — 18–24 см, ориентировочная высота сосудов — 4–5 см, толщина стенок — 0,4–0,6 см).

Блюда — сосуды, аналогичные по форме блюдам, но крупнее их (диаметр венчиков — 30–46 см). По способу оформления края и профилировке корпуса можно выделить три варианта блюд (рис. 72: блюда). Первые два совпадают с вышеупомянутыми типами блюд, а третий представлен сосудами с плавно изогнутыми стенками резервуара и T-образным в сечении венчиком. Один из экземпляров четвертого типа снабжен горизонтальными петельчатыми ручками, крепившимися к краю сосуда. Ориентировочная высота блюд достигает 4,5–6 см, толщина стенок — 0,8–1,2 см.

Кубки. Учет количества кубков велся по ножкам. Судя по имеющимся образцам, на Зартепа в кушано-сасанидский период изготовляли два типа кубков (рис. 72; см. вкл. 23, рис. 2): 1) колоколовидные и 2) цилиндрико-конические. И те, и другие имели гладкую или фигурную неустойчивую ножку, обычно полую внутри. У кубков второго типа переход от цилиндрической части со слегка вогнутыми стенками к конической часто оформлен ребром, иногда имеющим вид небольшого уступа. Кубки, как и большинство описанных выше сосудов, окрашивали, погружая в раствор до границы, определенной мастером. Большинство кубков окрашено целиком, хотя встречаются экземпляры, у которых ангобом покрыта только наружная или внутренняя поверхность. У некоторых фрагментов отмечен иной способ ангобирования, когда раствор размазывали по поверхности сосудов. Ангобное покрытие было обычно плотным с различными оттенками бордового, вишневого или красного цветов. Иногда поврежденные края кубков сравнивали и заглаживали, после чего сосуды продолжали использовать в быту. Диаметры венчиков кубков варьируют от 9,4 до 17 см. Высота целого экземпляра составляет 12,4 см, высота ножек — 2,2–5,2 см, диаметры основания ножек — 4–6,8 см, толщина стенок у края венчика — 0,3–0,6 см, у ножки — 0,5–0,7 см.

Столовые тагора (тазы). К этой категории отнесены сосуды довольно крупных размеров (до 40–44 см в диаметре при высоте до 11,5 см) с прямыми или плавно изогнутыми стенками резервуаров. Они изготовлены из тщательно отмученного теста с минимальным количеством примесей. Тагора имеют довольно тонкие стенки (0,4–1 см) и щедро украшены ангобом, лощением, прочерченным орнаментом или штампами. По профилировке корпуса можно выделить четыре их типа (рис. 72: столовые тагора).

I. Сосуды с плавно изогнутыми в верхней части стенками резервуара. От других типов тагора их отличает клювовидный, сильно отогнутый наружу венчик, профилированный по краю одним или двумя желобками. Изнутри верхняя часть резервуара украшена полосой волнистого или зигзагообразного орнамента. Один из экземпляров был снабжен небольшими петлевидными ручками, крепивши-

мися к краю сосуда и наружной стенке резервуара. Снаружи и изнутри (чаще всего верхнюю орнаментированную часть) сосуда покрывали темно-красным или коричневым ангобом. Диаметры венчиков составляют 24–30, высота целого сосуда — 11 см, диаметр дна — 9 см, толщина стенок — 0,8–0,9 см.

II. Тагора конической формы с широко расходящимися стенками резервуаров и широким прямым (7–9 см), иногда сильно отогнутым венчиком. Место перегиба внутри выделено острым ребром или уступами. Внутренняя поверхность венчика оформлена несколькими уступами, заполненными прочерченным волнистым орнаментом, рядами штампов, а также ногтевидными или вертикальными вдавлениями. К краю сосудов крепились обычно две массивные витые вертикальные ручки в виде рядов скругленных зубцов. Основание сосудов представляло собой небольшой сплошной дисковидный поддон диаметром 11–12 см. Диаметры венчиков тагора этого типа достигают 38–44 см, общая высота целых форм — 10,6 см, высота поддона — 0,4–0,6 см, толщина стенок — 0,7–0,9 см.

III. Конические тагора с прямыми, широко расходящимися стенками резервуара. Они имеют подтреугольный или подчетыреугольный в сечении венчик, профилированный снаружи рядом желобков. Изнутри или в верхней части (по краю) сосуда украшены красным или коричневым ангобом различных оттенков. Имеются также и неангобированные экземпляры. Диаметры венчиков этих тагора составляют 24–32 см, высота целых экземпляров — 9 см, диаметр дна — 8 см, толщина стенок — 0,7–0,8 см.

IV. Этот тип тагора близок предыдущему и отличается только вариантами профилировки венчиков, имеющих утолщение не с наружной, а с внутренней стороны. Обычно венчики этих сосудов профилированы изнутри одним (а), двумя (б) или тремя (в) желобками или уступами. Верхняя часть или вся внутренняя поверхность сосудов покрыты красным или коричневым ангобом. Обычно при изготовлении этих тагора мастер до обжига вытягивал в двух местах края, загибал их внутрь и затем придавливал одним или тремя пальцами, в результате чего получалась имитация ручек. Диаметры венчиков тагора этого типа достигают 30–42 см, высота целых экземпляров — 9,5–12 см, диаметр поддона — 9–9,5 см, высота поддона — 0,4–0,8 см, толщина стенок — 0,7–1 см.

Кувшины. Судя по целым экземплярам, на Зартепа изготавливали две категории кувшинов: столовые (в основном узкогорлые) относительно небольших размеров и вместимостью от 0,5 до 4 л; хозяйственные (амфоровидные широкогорлые и узкогорлые сосуды) емкостью от 5 до 15 л, которые могли использоваться для хранения воды, вина или других продуктов. Они отличаются от хумов и хумчей высоким качеством изготовления (хорошо отмученное тесто, небольшое количество примесей, равномерный обжиг, относительно тонкие стенки) и тщательностью отделки (использование ангобного покрытия, лощения и штампованного орнамента). В третью категорию можно было бы выделить миниатюрные кувшинчики вместимостью до 0,5 л (см. вкл. 24, рис 2–4). Однако зачастую фрагментарность материала не позволяет различать эти формы по размерам, поэтому условно выделены лишь две основные группы кувшинов — узкогорлые (диаметр венчика 7–15 см) и широкогорлые (диаметр венчика 16–25 см). Особняком стоят кувшинчики-кружки, имеющие ряд характерных деталей оформления. Это небольшие сосуды с грушевидным туловом на малень-

ком плоском поддоне (рис. 72: кружки; см. вкл. 24, рис. 1). Трапециевидные или овальные в сечении ручки закреплены на шейке и тулове. Переход от шейки к тулову подчеркнут небольшим уступом или ребром (имитация швов на металлической посуде). На три четверти сверху сосуда покрыты светло-коричневым или красным ангобом, поверх которого нанесено вертикальное полосчатое лощение. По способу оформления горловин выделяются два типа сосудов: с рас-трубовидной расширяющейся книзу или кверху горловиной. Остальные узкогорлые кувшины по способу оформления горловин разделены на пять типов.

I. Ойнохои (рис. 73: узкогорлые кувшины). Эти красноглиняные сосуды изготовлены из хорошо отмученного теста. Венчик в виде скругленной закраины имеет изнутри небольшой уступ для крышки и оттянутый вниз слив. Горловина обычно равномерно вогнута. Тулово характеризуется яйцевидной формой (максимальное расширение в средней части сосуда), поддон — низкий кольцевидный. Овальная, иногда профилированная с внешней стороны ручка крепилась к краю венчика и верхней части тулова. Снаружи сосуды на две трети покрыты красным ангобом (изнутри полосой по венчику), поверх которого нанесено вертикальное полосчатое лощение. Целые сосуды имели следующие размеры: общая высота — 25 см, диаметр горла — 6–7 см, максимальный диаметр тулова — 15–16 см, диаметр поддона — 8–9 см, высота поддона — 1 см.

II. Кувшины с цилиндрической прямой или слегка вогнутой горловиной (рис. 73: узкогорлые кувшины). В этот тип объединены как двуручные, так и одноручные кувшины с яйцевидным (2а, б) или раздутым туловом (2в). Они могут иметь подтреугольный (а, в, г), подпрямоугольный (3) Т-образный (4) или Г-образный в сечении венчик, часто профилированный по верхней и боковой поверхностям. Основание сосудов плоское или на низком дисковидном поддоне. Ручки длинные, крутые вверху и почти вертикально спускающиеся к наибольшему выгибу тулова. Небольшие овальные, сегментовидные и реберчатые в сечении ручки закреплены вверху у плечиков и у закраины. Обычно эти сосуды изготавливались из красноглиняного теста. Сероглиняные образцы встречаются очень редко (всего три фрагмента в комплексах II/1 и I/1). Большинство сосудов снаружи наполовину или на две трети покрыты красным или коричневым ангобом различных оттенков, поверх которого нанесено вертикальное полосчатое лощение. Верхняя часть горла или плечики украшены желобками, верхняя часть тулова — оттисками штампов. Некоторые кувшины снабжены зооморфными ручками. Целые сосуды имеют следующие размеры: общая высота — 19–33 см, высота горла — 6–9 см, диаметр венчика — 7–11 см, диаметр тулова — 14–17 см, диаметр дна — 8–9 см.

III. К этому типу отнесены двуручные кувшины с очень невысокой или невыделенной горловиной, сильно раздутым туловом и плоским дном. Две петлевидные реберчатые в сечении ручки крепятся к венчику и плечикам над максимальным расширением тулова. Сосуды имеют красный или серо-коричневый черепок. Наружная поверхность от венчика до середины тулова, а также венчик изнутри покрыты непрочным отслаивающимся ангобом, поверх которого иногда нанесено полосчатое вертикальное лощение. Плечики украшены штампованным орнаментом. Венчики чаще всего имеют подпрямоугольное (а) сечение, причем их верхние горизонтальные или скошенные наружу площадки и боковые поверхно-

сти профилированы одним или двумя желобками. Иногда венчики имеют подтреугольную форму (*б, в*), профилированную снаружи двумя желобками. Сосуды изготовлены из хорошо отмученного теста с незначительной примесью песка и дутика³², иногда встречается примесь мелкотолченого гипса. Целые сосуды имеют следующие размеры: общая высота — 24–27 см, диаметры венчиков — 10–13,5 см, наибольший диаметр тулова — 17–18 см, диаметр дна — 6–7 см.

IV. К этому типу отнесены одноручные кувшины с невысокой цилиндрической или невыделенной горловиной. По форме тулова они похожи на кувшины III типа, но отличаются от них размерами и способом обработки внешней поверхности. Кувшины IV типа не имеют ангобного покрытия. Этот тип хорошо определяется по форме венчика, имеющего подквадратное сечение со скругленной внешней поверхностью. В самом позднем нулевом комплексе появляются иные варианты (*б, в, г, д*) формы венчика со скошенной внутрь верхней площадкой и профилировкой внешней поверхности одним желобком. Сосуды имеют плоскосрезанное дно. В одном случае зафиксирован сплошной рельефный дисковидный поддон. Кувшины изготовлены из хорошо отмученного теста с примесью мелкого песка. Размеры сосудов колеблются в следующих пределах: общая высота — 16–20 см, диаметры венчиков — 6,5–9 см, наибольший диаметр тулова — 14–17,5 см, диаметр дна — 7–8 см, диаметр поддона — 5,5 см, высота поддона — 1 см.

V. Кувшины с раструбовидной расширяющейся книзу горловиной. Единственный целый сосуд имеет грушевидное тулово и высокий (2 см) сплошной дисковидный поддон (диаметр — 4,5 см). Венчики подквадратные (*а*), подтреугольные (*б, в, г*) и Г-образные (*д*) в сечении с профилировкой одним-двумя желобками верхней и боковой поверхностей. Горловина иногда орнаментировалась желобками и ребрами. Примерно в равном соотношении встречаются безангобные и покрытые красным и коричневым ангобом экземпляры. Ангобированные сосуды иногда дополнительно украшены вертикальным полосчатым лощением. Целый сосуд имеет следующие размеры: общая высота целого экземпляра — 22 см, диаметр тулова — 14,5 см, диаметры венчиков — 8–13 см.

Светильники. В этой категории сосудов выделены пять типов (рис. 73: светильники; см. вкл. 26, рис. 3, 4; вкл. 27, рис. 1–4).

I. Наиболее распространенная форма представлена небольшими, изготовленными на гончарном круге чашечками с незначительно изогнутыми стенками и плоским дном. Края светильников загнуты внутрь, образуя пологую верхнюю площадку. Носик для фитиля оформлен в виде небольшой вмятины. Светильники изготовлены из хорошо отмученного теста с примесью мелкого песка. Черепок — плотный, бежевого цвета. Размеры целых светильников варьируют в следующих пределах: общая высота — 2,4–4,5 см, диаметры венчиков — 8–12 см, диаметр дна — 3,4–5 см.

II. К этому типу отнесены светильники со слегка загнутым внутрь венчиком и плоской верхней площадкой. Носик для фитиля слегка оттянут вниз. Форма дна — плоскосрезанная. Светильники изготовлены на гончарном круге и имеют

³² Термин «дутик» применяется при описании включений в тесте пенджикентской керамики и означает мелкие конкреции белого цвета, напоминающие кусочки гипса.

светло-коричневый в изломе черепок. В тесте присутствует незначительная примесь песка. Эти светильники достигают следующих размеров: общая высота — 2,5–3,5 см, диаметр устья — 7,4–12 см, диаметр дна — 3,5–4 см.

III. Светильники с широкой горизонтальной верхней площадкой с вертикальным бортиком и очень узким устьем (диаметром 2–3 см). Стенки тулова слегка изогнутые, дно — плоское. Сосуды красноглиняные, изготовлены на гончарном круге из хорошо отмученного теста.

IV. Лепные круглодонные и плоскодонные светильники-плошки с прямыми или слегка загнутыми внутрь стенками резервуаров. Носик слегка оттянут вниз. Размеры: общая высота — 3–4 см, диаметры венчиков — 10–12 см, диаметр дна — 4 см.

V. К пятому типу отнесены лепные ладьеобразные светильники с приостренным сплюсненным краем в месте выхода фитиля. Один из экземпляров имел небольшую оттянутую от бортика ручку. Они изготовлены из грубого теста с большой примесью песка и гипса. Черепок в изломе темно-серый, почти черный. Размеры: общая высота — 2–5 см, длина устья — 6 см, ширина устья — 5 см.

В составе форм *хозяйственной посуды* выделяются миски, тагора, горшки, широкогорлые кувшины, хумы и хумчи.

Миски представлены в комплексах тремя типами, подразделяющимися по форме венчиков на варианты (рис. 73: миски).

I. Миски с формой резервуара, близкой к полусфере. Стенки верхней части резервуара плавно загнуты внутрь. Они могут быть плоскодонными или иметь небольшой сплошной дисковидный поддон. По форме сечения венчиков можно выделить две разновидности: а) утолщенный с внутренней стороны, б) с горизонтальной обращенной внутрь верхней площадкой. Сосуды изготовлены из хорошо отмученного теста с примесью мелкого песка, иногда слюды. Черепок светло-коричневый или серый, чаще всего без ангобного покрытия. Ангобированные экземпляры покрывались краской с двух сторон в верхней трети или по венчику. В тесте незначительная примесь песка. Размеры: общая высота — 12–13 см, диаметр по венчику — 26–38 см, диаметр дна — 7–9 см, толщина стенок в средней части корпуса — 0,7–1,5 см.

II. Миски с плавно изогнутыми в нижней части стенками резервуаров и оттянутым наружу венчиком. Целый экземпляр имеет плоское дно. Сосуды изготовлены из хорошо отмученного теста с примесью песка. Черепок в изломе светло-красный. Ангобное покрытие не встречается. Размеры: общая высота — 13 см, диаметр по венчику — 26–28 см, диаметр дна — 8 см, толщина стенок в средней части — 0,9–1 см.

III. Плоскодонные миски с конической формой резервуара. Венчики оформлены в виде приостренной или скругленной закраины. Обычно они изготовлены от руки и имеют серый или светло-коричневый в изломе черепок. В тесте значительная примесь песка или гипса. Размеры: общая высота — 9–10 см, диаметр по венчику — 28–30 см, диаметр дна — 9–16 см, толщина стенок — 0,6–0,7 см.

Тагора. Крупные толстостенные тагора представлены в комплексе двумя типами (рис. 73: хозяйственные тагора).

I. Конические тагора с прямыми широко расходящимися стенками резервуаров и плоским дном, иногда на небольшом дисковидном поддоне. В формах

сечения венчиков выделяются следующие разновидности: а) наиболее многочисленны подтреугольные с профилировкой внешней боковой поверхности рядом желобков (от 1 до 4), изнутри иногда встречается небольшой уступ для крышки; б) клювовидные; в) подпрямоугольные с профилировкой; г) в виде утолщенной или скругленной закраины. Тагора с венчиками вариантов а, б и в, как правило, изготовлены на гончарном круге из хорошо отмученного теста с незначительной примесью песка, мелкотолченого гипса и слюды и имеют светло-коричневый черепок без ангоба. Тагора с венчиком варианта г — лепные, изготовлены из более грубого теста, с сиреневым, серо-зеленым или бежевым в изломе черепком. Размеры: общая высота — 13–19 см, диаметры венчиков — 34–45 см, диаметр дна — 9–10 см, толщина стенок — 0,6–1,5 см.

II. Тагора с плавно изогнутыми стенками резервуаров на небольшом сплошном дисковидном поддоне или без него. Их венчики дают несколько вариантов: а) подтреугольный в сечении венчик, гладкий или гофрированный с внешней стороны двумя или тремя валиками, с внутренней стороны иногда встречается желобок для крышки; б) венчик в виде слегка утолщенного края; в) Т-образный в сечении венчик. Сосуды с венчиками варианта а изготовлялись на гончарном круге, а сосуды вариантов б и в — от руки. При этом их верхняя часть подправлялась при помощи лекала. Фактурные качества у них те же, что и у тагора I типа. Размеры: общая высота целых экземпляров — 11,5–24 см, диаметр венчика — 30–50 см, диаметр дна — 10–15 см, толщина стенок — 0,9–1,6 см.

Горшки представлены в комплексах тремя типами (рис. 73: горшки).

I. Глубокие двуручные сосуды с почти вертикальными стенками в верхней половине резервуара и небольшим изгибом при переходе к придонной конической части резервуара. Небольшие петельчатые овальные, иногда профилированные с внешней стороны ручки крепятся к венчику и верхней части тулова. Они имеют подквадратный в сечении венчик. Сосуды изготовлены на гончарном круге из тщательно отмученного теста с незначительной примесью мелкого песка. Черепок в изломе светло-коричневый. Верхняя часть тулова снаружи (приблизительно до края ручек) и изнутри (полосой по венчику) покрывалась светло-коричневым или красным ангобом. Размеры: общая высота целого экземпляра — 22,5 см, максимальный диаметр тулова — 18–23 см, диаметр дна — 9,5 см, диаметр венчика — 19–22 см, толщина стенок — 0,6–1 см.

II. Горшки с округлым, близким к шаровидному туловом. К этому типу отнесены как сосуды средних размеров, то есть горшки как таковые, так и горшковидные широкогорлые сосуды (с диаметром устья до 28 см). По-видимому, они, как горшки I типа, предназначались для переноски пищи, поскольку большинство их снабжено одной или двумя ручками или отверстиями для продевания веревочки. Фактурные качества те же, что и у горшков I типа. Верхняя часть корпуса снаружи и изнутри покрывалась красным ангобом. По способу оформления венчика можно выделить три группы:

а) горшки с выделенными венчиками, дающими в сечении подтреугольную, подквадратную или Г-образную форму. Их боковая поверхность и верхняя горизонтальная или скошенная внутрь площадка обычно профилированы одним или двумя желобками. Сосуды этой группы, как правило, снабжены двумя оваль-

ными или реберчатыми в сечении ручками. У некоторых экземпляров плечики украшены полосой волнистого орнамента, иногда в сочетании с горизонтальными бороздками. Часть сосудов имеет на плечиках небольшой уступ. Размеры: диаметр устья — 12–22 см, максимальный диаметр тулова — 17–31 см, толщина стенок — 0,6–1,2 см;

б) горшки со скошенным внутрь краем горла, верхняя часть этих сосудов снаружи опоясана рядами прочерченных линий, а изнутри утолщена. Размеры: диаметр устья — 10–14 см, максимальный диаметр тулова — 17–21 см, толщина стенок — 0,7–0,9 см;

в) горшки со скошенной внутрь закраиной, образующей уступ для крышки. С внешней стороны закраина имеет вид небольшого горизонтального бортика. Переход к тулову обычно подчеркивался уступом. Тулово и плечики сосудов орнаментировались прочерченным зигзагообразным орнаментом и вмятинами, разделенными на несколько зон циркульными полосами. Размеры: диаметр устья — 10–28 см, максимальный диаметр тулова — 17–45 см, толщина стенок — 0,6–1,5 см.

III. Лепные горшки с отогнутым наружу венчиком, слабо выраженной горловиной и плавно расширяющимся книзу туловом. Форма дна — плоскосрезанная, у некоторых экземпляров придонная часть оформлена защипами. По форме сечения венчиков горшки этого типа разделены на три группы:

а) с отогнутым наружу скругленным или заостренным венчиком. Сосуды красноглиняные, в тесте примесь песка и гипса. Внешняя поверхность затиралась тряпкой. Некоторые экземпляры украшались снаружи размазанным розовым ангобом. Размеры: общая высота — 20,7 см, диаметр дна — 16,4 см, максимальный диаметр тулова — 19 см, диаметр устья — 8–22 см;

б) с подквадратным в сечении венчиком с профилировкой одним или двумя желобками верхней горизонтальной и боковой поверхностей. Сосуды красноглиняные без ангобного покрытия. Горловина иногда украшалась процарапанной синусоидой. В тесте примесь песка. Размеры: общая высота целого экземпляра — 27,5 см, максимальный диаметр тулова — 27 см, диаметр дна — 22 см, диаметр устья — 17–19 см;

в) горшки с T-образным в сечении венчиком. В отличие от групп а и б они обладают несколько иными фактурными качествами. Черепок имеет в изломе серо-коричневый цвет. Обжиг в подавляющем большинстве случаев неравномерный. В тесте значительная примесь песка и гипса. Размеры: диаметр устья — 14–20 см, высота горловины — 2–3 см, толщина стенок — 0,5–1,2 см.

Туваки. К этой категории посуды можно отнести обнаруженные в комплексах горшковидные сосуды, напоминающие современные этнографические детские туваки (рис. 78: 21, 22). Они цилиндрической формы с сильно отогнутым наружу венчиком, под которым крепились две овальные в сечении ручки. Верхняя часть сосудов снаружи и изнутри покрывалась красным ангобом. Сосуды красноглиняные, в тесте примесь песка. Размеры: общая высота — 13–16 см, диаметр тулова — 12–13 см, диаметр дна — 8–9 см, диаметр устья — около 20 см.

Широкогорлые кувшины. К этой категории отнесены сосуды (рис. 74: широкогорлые кувшины) с четко выраженной горловиной и широким устьем (диаметром 16–26 см).

I. Наиболее часто встречающаяся на Зартепа форма — двуручные кувшины с раструбовидной расширяющейся книзу горловиной. Массивные реберчатые в сечении ручки крепились к плечикам (или к венчику) и в средней части тулова. Снаружи в верхней части тулова и изнутри (полосой по венчику) кувшины украшались красным или светло-коричневым ангобом. По форме сечения венчиков выделено две группы:

а) кувшины с подпрямоугольными в сечении венчиками с профилировкой одним-двумя желобками верхней горизонтальной или скошенной внутрь площадки и боковой поверхности;

б) овальные в сечении венчики, профилированные снаружи двумя желобками. Размеры: высота горловины — 6–9 см, толщина стенок — 0,5–0,7 см.

II. Кувшины с цилиндрической горловиной (рис. 74: амфоровидные кувшины). По способу оформления горловины и венчика здесь выделено два варианта:

а) с подпрямоугольным в сечении венчиком. Горловина может быть украшена полосой прочерченного волнистого орнамента или рядом желобков. Размеры: диаметр венчиков — 19–24 см, толщина стенок — 0,7–1 см;

б) с подтреугольным в сечении венчиком. Размеры: диаметры венчиков — 20–23 см, толщина стенок — 0,9–1,2 см.

Все широкогорлые кувшины изготовлены из тщательно отмученного теста с примесью мелкого песка и дутика. В единичных случаях встречается примесь мелкого толченого гилса.

Амфоровидные кувшины. Это крупные двуручные узкогорлые сосуды. По особенностям профилировки выделено три типа.

I. Кувшины с цилиндрической горловиной (рис. 74: амфоровидные кувшины). Переход к тулову плавный, обычно отмечен желобком или уступом. Тулово яйцевидной формы (максимальное расширение в верхней трети) резко сужается к основанию. Дно сосудов оформлено в виде небольшого сплошного дисковидного поддона. Массивные петельчатые ручки (овальные в сечении с двумя ребрами по внешнему краю) крепятся в нижней части горла и в месте максимального расширения тулова. Венчики — профилированные, подпрямоугольные в сечении, с горизонтальной верхней площадкой. Плечики сосудов обычно украшались штампованным орнаментом. У одного экземпляра штампами орнаментирована вся горловина и верхняя треть тулова (до основания ручек). Размеры: общая высота целого экземпляра — 52 см, максимальный диаметр тулова — 29–34 см, высота горловины — 7–9 см, диаметр горловины — 7–10 см, диаметр дна — 11 см, толщина стенок — 1–1,2 см, диаметр венчика — 9–12 см.

II. Сосуды сходной профилировки, но с относительно невысокой горловиной; в комплексах они представлены только одним целым экземпляром. Он имеет плоское дно, овальный в сечении венчик и массивные реберчатые подтреугольные в сечении ручки. Плечики украшены оттисками штампов. Размеры: общая высота — 40 см, максимальный диаметр тулова — 26 см, диаметр дна — 12 см, высота горловины — 4 см, толщина стенок — 0,9 см.

III. Кувшины с раструбовидной, расширяющейся книзу горловиной. Переход к яйцевидному тулову подчеркнут ребром. Ручки в сечении такие же, как и у кувшинов I типа. Размеры: общая высота — 41 см, максимальный диаметр тулова — 27 см, диаметр поддона — 12 см, высота горловины — 9 см.

Все амфоровидные кувшины красноглиняные, изготовлены из тщательно отмученного теста с примесью мелкого песка и дутика. Внешняя поверхность (до основания ручек) и внутренняя (полосой по венчику) покрывалась кирпично-красным, темно-красным или темно-коричневым ангобом. Сосуды III типа поверх ангоба украшались вертикальным полосчатым лощением.

Хумчи. Крупные широкогорлые сосуды (с диаметром устья от 20 до 35 см) представлены в комплексах тремя типами (рис. 75: хумы и хумчи).

I. Хумчи с вытянутым слабо раздутым туловом. Дно плоское с небольшим поддоном. Венчики обычно утолщенные, овальные в сечении, с широким желобком снаружи у основания и острым ребром на шейке. По профилировке венчиков можно выделить варианты *б* и *в*. Черепок плотный, красновато-коричневого или бежевого цвета, в тесте примесь песка слюды и дутика. Обжиг обычно неравномерный. Сосуды изготавливались на гончарном круге. Размеры: общая высота целого экземпляра — 78 см, диаметр дна — 20 см, максимальный диаметр тулова — 46–48 см, толщина стенок — 0,9–1,5 см.

II. Хумчи с раздутым туловом и отогнутым наружу венчиком, лежащим непосредственно на плечиках, но отделенным от тулова полосой, проведенной пальцем по сырой глине. Венчик — утолщенный выпуклый валик. Обжиг преимущественно неравномерный, черепок красно-песочного цвета. В тесте примесь мелкого песка. Диаметр устья — 21–34 см, толщина стенок — 0,6–0,8 см.

III. Хумчи с раздутым туловом (максимальное расширение в верхней трети). В коллекции нет целых экземпляров, но форму их можно восстановить, поскольку они имеют характерный в изломе черепок (серо-зеленого или серо-коричневого цвета, со значительной примесью крупного песка и гипса в тесте). Дно хумчей было выпуклым с тупым ребром перелома при переходе к стенкам (такое же, как у хумов III типа). Отличительным признаком этих сосудов являются так называемые желобчатые венчики с сильно оттянутым наружу выступом. Хумчи изготавливались от руки, а затем подправлялись на гончарном круге. Размеры: диаметр устья — 22–31 см, максимальный диаметр тулова — приблизительно 40–50 см, толщина стенок — 1–1,3 см.

Хумы в основном аналогичны хумчам, но крупнее их (диаметр устья 36–60 см). По профилировке корпуса эти сосуды (рис. 75: хумы и хумчи) разделены на три типа.

I. Хумы этого типа по форме резервуара соответствуют хумчам I типа. Форма дна — слегка выпуклая с небольшим поддоном или без него. Форма сечения венчиков чаще всего овальная с желобком снаружи у основания и ребром на шейке (группа *а*). Встречаются также венчики в виде вытянутых по вертикали утолщений с широким желобком у основания и на верхней площадке (*б*), подтреугольные (*в*) и валикообразные (*г*). Все сосуды вылеплены вручную, а венчик подправлен на гончарном круге. Они изготовлены из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка, слюды и дутика. Обжиг обычно неравномерный. Плечики сосудов иногда украшались прочерченной волнистой полосой. Размеры: общая высота — 106 см, максимальный диаметр тулова — 77 см, диаметр дна — 44 см, высота поддона — 3 см, высота венчика — 5–8 см, диаметр устья — 36–60 см, толщина стенок — 1,2–2 см.

II. Хумы с сильно раздутым туловом (максимальное расширение в верхней трети) и слегка загнутым внутрь краем. Венчики овальные в сечении, иногда с ребром у шейки. Дно сосудов слегка выпуклое, с небольшим ребром при переходе к стенкам. Фактура черепка такая же, как и у хумов I типа. Размеры: общая высота — 90 см, наибольший диаметр тулова — 53–64 см, диаметр дна — 36 см, диаметр устья — 40–46 см, толщина стенок — 1,8–2,3 см.

III. Хумы, отнесенные к этому типу, идентичны хумчам III типа. Размеры: диаметр устья — 36–44 см, максимальный диаметр тулова — около 70 см, толщина стенок — 1,3–2 см.

Кухонные горшки. К этой категории отнесены лепные сосуды, изготовленные из плохо отмученной глины с примесью крупного песка, плохо обожженные и закопченные снаружи. Венчики сосудов отогнуты наружу, переход от плечиков к тулову подчеркивался острым ребром (рис. 100: 15, 16). Тулово шаровидное, некоторые экземпляры снабжены ручками в виде подковообразного налета. Размеры: диаметр устья — 14–20 см, максимальный диаметр тулова — около 30 см, толщина стенок — 0,5–1 см.

Котлы. Представлены тремя типами.

Тип I с невысокой горловиной и слабо раздутым туловом. Они могут быть без венчика (а), с невысоким T-образным (б) или подтреугольным в сечении венчиком. Плечики котлов орнаментировались рядами ямок, насечек или полосой волнистого орнамента. Черепок грубый, у некоторых экземпляров слоистый, серо-коричневого, серого или красного цвета. В тесте примесь песка мелкоотделенного гипса и ракушки. Размеры: диаметр устья — 11–20 см, толщина стенок — 0,5–0,9 см.

Тип II представляют котлы с шаровидным туловом. Они могли иметь слабо выраженную шейку со скругленной (а) или слегка оттянутой внутрь закраиной (б). Встречаются экземпляры со скошенным внутрь краем горла (в). Плечики котлов орнаментировались рядом насечек и вмятинок. Черепок в изломе серый или серо-коричневый, в тесте примесь песка, ракушки и кварца. Размеры: диаметр устья — 16–20 см, толщина стенок — 0,5–0,7 см.

III. Котлы с раструбовидной, расширяющейся книзу горловиной и подквадратным в сечении венчиком. Черепок в изломе серо-коричневый, в тесте примесь песка и кварца. Диаметр устья — 16 см, толщина стенок — 1 см.

Крышки. Представлены в комплексах тремя типами.

I. Чашевидные для столовой керамики, изготовленные на гончарном круге (рис. 89: 25–28; см. вкл. 29, рис. 1, 2). У них небольшое плоское дно и слабо выпуклые стенки. Снаружи они покрывались светло-коричневым или красным ангобом. Диаметр крышек 10–12 см.

II. Крышки для реликвариев в виде цветов лотоса (рис. 83: 41).

III. Лепные дисковидные крышки для хозяйственной и кухонной посуды. Они могут быть плоскими или незначительно вогнутыми (рис. 89: 31, 32; 95: 19–22; см. вкл. 29, рис. 3, 4). У плоских крышек в середине внешней поверхности — конусовидная ручка-выступ (а) или сквозное отверстие (б) (диаметром около 1 см); у вогнутых — петлевидная ручка (в). Наружная поверхность иногда украшалась вмятинками, прочерченными волнистыми линиями. У большинства крышек наружная поверхность сглажена, а внутренняя — шероховатая (со следами песчаной подсыпки). Встречаются как небольшие крышки (по-види-

тому, для горшков) диаметром 10–20 см, так и крупные (для хумов и хумчей), диаметром от 28 до 50 см.

Миниатюрные сосуды — чашечки, кружечки, кувшинчики и горшочки — повторяют формы крупных сосудов (рис. 89, 90; см. вкл. 25, рис. 1–4).

Солонки. По профилировке корпуса эти сосуды разделены на два типа (см. вкл. 30, рис. 3, 4).

I. Солонки с узкой горловиной и конической головкой с 5–8 отверстиями диаметром около 2 мм (рис. 90: 15–17). Тулово сосудов может быть коническим с ребром при переходе к горловине (а) или слегка раздутым в средней части, которая также могла отмечаться ребром (б). На тулове ниже головки еще одно отверстие диаметром 2–3 мм. Дно плоское, сосуды красноглиняные, их наружная поверхность покрыта кирпично-красным ангобом. Размеры: общая высота — 6–9,5 см, диаметр горловины — 2,5–3,5 см, максимальный диаметр тулова — 5–6,5 см, диаметр дна — 3,5–4 см.

II. Солонка с широкой горловиной и полусферической головкой (рис. 90: 18). На головке 31 отверстие диаметром около 2 мм. На тулове у горловины отверстие диаметром 1,2 см. Сосуд красноглиняный, внешняя поверхность покрыта красным ангобом. Размеры: общая высота — 9,5 см, диаметр горловины — 4,5 см, максимальный диаметр тулова — 9 см, диаметр дна — 6 см, диаметр головки — 5,5 см.

Различные части солонок (головка, горловина, иногда нижняя часть корпуса) изготавливались отдельно, а затем соединялись.

Понильники — небольшие сосуды с шаровидным туловом, чуть отогнутым наружу венчиком с узким погнутом горлом (рис. 90: 5). В верхней части тулова прикреплен носик со сквозным отверстием. Форма дна — плоскосрезанная или со сплошным дисковидным поддоном. Снаружи сосуды покрывались светло-коричневым или красным ангобом. Размеры: общая высота — 5–11 см, диаметр устья — 2,2–4 см, диаметр горловины — 2–3 см, максимальный диаметр тулова — 6–8 см, высота поддона — 0,5–1 см, диаметр дна — 3–4,5 см.

Курильницы (см. вкл. 21, рис. 3). Эта категория сосудов представлена фрагментом резервуара с рельефным геометрическим орнаментом, состоящим из вырезанных по сырой глине ромбов и треугольников (рис. 83: 42) и массивной лепной цилиндрической ножкой (рис. 89: 16). Резервуар снаружи покрыт темно-коричневым ангобом. Диаметр резервуара — 14 см, диаметр основания ножки — 9 см.

Столики-подставки (см. вкл. 32, рис. 1–4) — круглые дисковидные диаметром 20–30 см, высотой 4–5 см, толщина диска — 1–1,5 см. Тесто грубое с большим количеством крупного песка.

§ 1. Комплекс III/1

Наиболее ранний комплекс керамики был найден на нижних полах помещений 138, 130/139, 133, 168 и 170 раскопа 6. Характерной особенностью керамики этого комплекса является наличие фрагментов столовой керамики, покрытой плотным ангобом преимущественно темно-красных оттенков.

В качестве другой особенности этого комплекса можно отметить исключительное использование в качестве примеси мелкого песка (для столовой и хозяйственной посуды) и песка в сочетании с толченой ракушкой (для кухонной).

В столовой керамике преобладают фрагменты узкогорлых кувшинов II и III типов (рис. 76: 18–26). К сожалению, фрагментарность материала не позволяет установить количество ручек на кувшинах. К этой же категории находок принадлежит фрагмент плечика сосуда с цветочным штампом (рис. 70: 26).

Чаши в основном красноглиняные IV, V и VII типов (рис. 76: 1–2; 4–8). Сероглиняные чаши представлены VII и IX типами (рис. 76: 3, 9). Имеются миниатюрные красноглиняные чашечки без ангобного покрытия, профилировкой корпуса напоминающие светильники (рис. 76: 12). В комплексе также найдены фрагменты столовых тагора и кубков (рис. 76: 10–16).

По составу форм, характеру ангоба и фактурным качествам керамика этого комплекса может быть сопоставлена с материалами из Кампыртепа, Тепаишах и слоя Дальверзинтепа III и отнесена к великокушанскому времени (Болелов, 2002. С. 44–66; Литвинский, Седов, 1983. С. 138–145; Пугаченкова, Ртвеладзе и др. 1978. С. 146–150).

§ 2. Комплекс II/3

В этом комплексе появляются характерные кушано-сасанидские формы керамики: кубковидные чаши с «перехватом» (II) и ойнохоевидные столовые и миниатюрные кувшины (I) (рис. 77: 1–2). Ведущее место в комплексе принадлежит красноглиняной гончарной керамике (91,55% от общего количества керамики в комплексе).

В столовой керамике преобладают чаши (50% от общего количества столовой керамики в комплексе), причем довольно значительное количество чаш представлено сероглиняными образцами (39,53% от общего количества чаш в комплексе). Наиболее часто встречаются чаши VIIa, в и IX типов. Интересен фрагмент красноглиняной ангобированной чашечки, профилировкой корпуса напоминающей резервуары сосудов на зооморфных поставках (рис. 77: 11). Обращает на себя внимание необычная для зартепинской керамики цилиндрическая красноглиняная чаша без ангобного покрытия (рис. 71: 20).

Блюда представлены в комплексе очень ограниченным количеством (2,32% от общего количества столовой керамики). Весьма разнообразны фрагменты кубков (рис. 71: 22–25). Большинство из них, по-видимому, относится к I типу.

Примерно в равном соотношении встречаются столовые тагора (I, III, IVa, б) и узкогорлые кувшины (18,60% и 16,27% от общего количества столовой посуды в комплексе соответственно).

Хозяйственная керамика составляет 34,50% от общего количества керамики в комплексе. Она представлена мисками (Ia, в), тагора (Ia–в, IIб, г), горшками (IIб, в, IIIa), широкогорлыми кувшинами (Ia, IIa) и хумчами (Ia, IVa). Почти вся

хозяйственная керамика, за исключением хумчей и некоторых видов тагора (II₂), изготовлена на гончарном круге.

В комплексе найдено два тувака с сильно оттянутым наружу краем и двумя петлевидными овальными в сечении ручками (рис. 78: 21, 22). Один из сосудов ремонтировался, обломанный край грубовато отремонтирован гипсом (рис. 78: 21). Кухонная керамика представлена фрагментами котлов (II_a).

§ 3. Комплекс II/2

Как и в комплексе II/3 основная масса керамики красноглиняная, изготовленная на гончарном круге (78,46% от общего количества керамики в комплексе).

В столовой керамике по-прежнему преобладают чаши (56,09% от общего количества столовой керамики в комплексе). Последние представлены в основном красноглиняными экземплярами (92,02% от общего количества чаш в комплексе). Наиболее многочисленны чаши I и IV типов (рис. 79: 1, 2, 4–6), довольно значительно и количество чаш V типа, причем большинство из них без ангоба (рис. 79: 7–10). Появляются чаши II типа (рис. 79: 3). Остальные чаши (VI; VII_a–*с*; VIII; IX) представлены единичными экземплярами (рис. 79: 2–7).

Блюда (I, II) и кубки (I, II) встречаются относительно редко (0,89 и 2,84% от общего количества столовой керамики в комплексе соответственно).

Формы столовых кувшинов не изменились. Преобладают фрагменты кувшинов с высокой цилиндрической горловиной (33,8% от общего количества кувшинов в комплексе), причем у них гораздо чаще использовалось ангобирование и лощение, чем у кувшинов III типа. Кувшины украшались штампами, на которых были вырезаны растительные и геометрические изображения. По-видимому, кувшину принадлежал фрагмент, обнаруженный в комплексе зооморфной ручки с головкой обезьянки. Интересен фрагмент крупного амфоровидного кувшина с налетом в виде маски льва (рис. 79: 43). Изображение рельефное, оттиснуто в матрице, а затем прикреплено к стенке сосуда. Маска была помещена в медальон в виде крупных точек-перлов. Снаружи сосуд покрыт темно-коричневым ангобом.

В комплексе обнаружено несколько целых светильников (I, II), один из них был сероглиняный и имел ножку (рис. 80: 15–24).

Хозяйственная посуда составляет 20,25% от общего количества керамики в комплексе (рис. 81). В ее составе появляются новые формы горшков (I), хумов (III) и хумчей (III).

По другим параметрам ассортимент форм хозяйственной посуды остается прежним. К этой же категории посуды относятся лепные крышки (рис. 81: 22–23) от горшков и хумов (III_a, б). В то же время в хозяйственной и кухонной посуде начинают использовать грубые примеси в виде крупного песка и гипса.

Кухонная керамика составляет 2,05% от общего количества керамики в комплексе. Она представлена фрагментами горшков и котлов (II_a, III).

§ 4. Комплекс II/1

В комплексе изменяется состав лепной посуды — появляется лепная миниатюрная керамика (рис. 76: 46, 48). В то же время процентное соотношение гончарной и лепной керамики остается прежним (78,15% и 21,83% от общего количества керамики в комплексе соответственно). У столовой посуды ухудшается качество ангобного покрытия.

Чаши составляют 53,80% от общего количества столовой посуды. У них появляются новые формы: чаши с «бортиком» (III) и T-образным венчиком и новые приемы украшения: налепы в виде мордочек львов, пуансоны, сетчатое и арочное лощение (рис. 76: 1, 2, 5, 7, 8, 12–14). У отдельных экземпляров чаш (IV, VI, VIIб, IX) встречается примесь в виде мелкотолченого песка. В процентном отношении большинство чаш принадлежит к IV типу (40,63% от общего количества чаш в комплексе) (рис. 76: 9–14). Единственным экземпляром представлена чаша со штампованным орнаментом. Она сероглиняная со спиральным лощением по зеркалу. Среди кубков (I, II), составляющих 3,61% от всей столовой посуды, встречаются очень крупные экземпляры (диаметр устья 16 см) (рис. 76: 21).

Столовые тагора (14,06% от общего количества столовой керамики в комплексе) представлены всеми типами (рис. 78: 1–16). У них появляются новые формы ручек — вертикальные, а также горизонтальные с прочерченными крест-накрест линиями (рис. 78: 3, 16).

У узкогорлых кувшинов появляются подражания металлическим изделиям — тип IIа. Основания ручек этих кувшинов украшались зооморфными и антропоморфными личинами. Верхняя часть ручек некоторых кувшинов имеет небольшой выступ в виде крутой лепешечки (рис. 82: 5).

Столовые кувшины II и III типов встречаются примерно в равном соотношении (32,59 и 31,85% от общего количества кувшинов в комплексе соответственно) (рис. 82: 9–13).

Ассортимент штампованного орнамента не изменился (рис. 82: 14–23). Следует отметить, что в этом комплексе найден фрагмент чашевидной крышки. Среди светильников появляются лепные экземпляры с серо-коричневым черепком и грубыми примесями (рис. 82: 35–37). В комплексе обнаружена целая фляга, украшенная прочерченными орнаментом и сплошным лощением (рис. 82: 40). Сосуд красноглиняный с ангобом плохого качества.

Хозяйственная керамика составляет 29,38% от общего количества керамики в комплексе. Лепная и гончарная посуда встречается примерно в равном соотношении (52,96 и 47,03% от общего количества хозяйственной посуды соответственно). Увеличивается количество лепных мисок и тагора. Появляются широкогорлые кувшины или горшки с T-образным венчиком и треугольными насечками на горловине (рис. 83: 21, 22) и новая фактурная группа тагора (II₂) и мисок (III) с серо-коричневым черепком и примесью гипса в тесте (рис. 84: 2, 4, 14). Найдены целые амфоровидные кувшины I–III типов (рис. 84: 16–17).

Кухонная керамика (4,99% от общего количества керамики в комплексе) представлена фрагментами горшков и котлов. У хумов появляются утолщенные валики (рис. 85: 32). Из редко встречающихся форм следует отметить фрагмент курильницы (рис. 82: 42) на ножке и на зооморфных подставках.

§ 5. Комплекс I/3

В комплексе увеличивается процентное содержание лепной керамики (25,35% от общего количества). Появляются лепные сероглиняные миниатюрные сосуды и лепные красноглиняные курильницы на массивной сплошной ножке (рис. 89: 16). Многие лепные сосуды имеют слоистый черепок.

Красноглиняная гончарная керамика составляет 70,91%, а сероглиняная всего 3,71% от общего количества керамики в комплексе. Столовая керамика представлена теми же типами, что и в комплексе II/1 (рис. 77–80). Из не встречающихся ранее форм следует отметить фрагмент блюда (III) и одноручные кувшины с шаровидным туловом (IV) (рис. 88: 14–16). Некоторые изменения произошли в орнаментации столовой посуды: появились столовые тагора с арочным лощением и кувшины со штампами в виде «ступни» (рис. 88: 26).

В составе светильников изменений не прослежено. По-прежнему преобладают гончарные светильники I типа (рис. 89: 1–12). В комплексе представлены все типы солонок (рис. 90: 15–18).

Хозяйственная керамика составляет 31,79% от общего количества керамики в комплексе. В ее составе резко увеличивается процентное содержание лепной посуды (78,02% от общего количества хозяйственной посуды). Горшки IIa типа представлены очень крупными экземплярами (диаметр устья 18–28 см). По другим параметрам формы хозяйственной посуды не изменяются.

Кухонная керамика составляет 4,64% от общего количества керамики комплекса. Она представлена фрагментами горшков и котлов (IIa, IIIb), (рис. 92: 9–12).

В комплексе также обнаружены крышки от столовой и хозяйственной посуды (I; IIIa, в) и фрагменты столиков-подставок (рис. 89: 25–32).

§ 6. Комплекс I/2

Соотношение между гончарной и лепной керамикой не изменяется (75,22% и 24,75% от общего количества керамики в комплексе соответственно). В столовой керамике, как и в предыдущих комплексах, преобладают чаши (51,35% от общего количества столовой посуды комплекса) (рис. 93: 1–18). Большинство составляют чаши IV типа (47,36% от общего количества чаш в комплексе). Увеличивается количество чаш без ангобного покрытия. Блюдца и кубки составляют 2,34% и 1,56% от общего количества керамики в комплексе соответственно (рис. 93: 20–22). У блюдца появляется новая форма с сильно оттянутым наружу венчиком, украшенным по краю штампами (рис. 93: 22).

У столовых тагора (14,06% от общего количества столовой посуды) преобладают сосуды IVб, в типа (рис. 93: 31–33). Тагора II типа стали украшаться штампами в виде «ступни» (рис. 93: 36).

Состав форм узкогорлых кувшинов не изменился (рис. 94: 4–22). Следует отметить только появление нового варианта кувшинов IIa типа (подражания металлическим прототипам) с двумя усиками на горизонтальной верхней пло-

шадке (рис. 94: 4). Несколько изменился состав миниатюрных сосудов. Появились новые формы миниатюрных кружечек (рис. 95: 5, 7) и одноручных кувшинчиков (рис. 95: 6). В комплексе обнаружен сосуд с зооморфным носиком (рис. 95: 11). Изображение схематично. На лобовой части головы животного прикреплена лепешечка с пуансонными вдавлениями. Сосуд красноглиняный, без ангоба.

Светильники представлены в комплексе тремя типами (I, IV, V) (рис. 95: 12–18). Светильник V типа имел ручку (рис. 95: 18).

Хозяйственная посуда составляет 27,98% от общего количества керамики в комплексе; как и в комплексе II/3, большинство хозяйственных сосудов изготовлено от руки.

§ 7. Комплекс I/1

Соотношение между гончарной и лепной керамикой такое же, как в комплексе I/2 (75,73 и 24,26% от общего количества керамики в комплексе соответственно). Столовая керамика составляет 65,08% от общего количества керамики. В ее составе имеется незначительное количество сероглиняной посуды (6,36% от общего количества столовой посуды). Появляются круглодонные чаши (рис. 98: 8). Для украшения чаш с «перехватом» и блюд стал использоваться штампованный орнамент (рис. 98: 2, 20). К редким формам относится красноглиняная чашечка без ангоба с невысоким бортиком и широкими желобками на внешней поверхности (рис. 98: 14). У столовых тагора и кувшинов появился штамп со сложным геометрическим рисунком (рис. 98: 24; 99: 22).

В хозяйственной керамике по-прежнему преобладает лепная (68% от общего количества хозяйственной посуды). Среди тагора типа Iб, з появляются сосуды с очень толстыми стенками (до 1,5 см). Увеличивается количество мисок с T-образным венчиком. Своеобразна форма толстостенного приземистого сосуда с цилиндрическим резервуаром. Его внешняя поверхность украшена прочерченным орнаментом. Широкогорлые кувшины стали украшаться прочерченным гребенкой орнаментом. Появляются широкогорлые кувшины Iб типа. Состав горшков, хумов и хумчей не меняется. Появляются грубые лепные сероглиняные горшки (рис. 99: 37).

Кухонная керамика представлена фрагментами горшков и котлов (III). Она составляет 3,21% от общего количества керамики в комплексе.

§ 8. Комплекс 0

Самый поздний из рассматриваемых в работе комплексов происходит из ям, оставшихся от несохранившегося верхнего строительного горизонта. Процентные соотношения для этого комплекса не учитывались, поскольку он имеет несколько иной характер происхождения и степень интенсивности накопления материала.

В комплексе широко представлены чаши с *G*- и *T*-образными в сечении венчиками (рис. 101: 15–21). У многих чаш ангоб размазан тряпкой. Появляются миниатюрная керамика, изготовленная в колыбе (рис. 101: 43), и новые формы гончарных светильников (III) (рис. 101: 39, 40). У узкогорлых кувшинов IV типа видоизменяется форма венчика и ручки (рис. 102: 6–7). Распространяются грубые лепные хозяйственные горшки (рис. 103: 8–14). Отмечен новый прием украшения мисок (или тагора?): к внешней поверхности сосудов прикреплялся валик с вмятинками (рис. 101: 37). У хозяйственных крышек появляется трехрожковая ручка-выступ (рис. 103: 19). Большая часть керамики представлена теми же формами, что и в предшествующем комплексе (рис. 101–103).

Тенденции развития кушано-сасанидской керамики

Анализ комплексов III/1–0, выделенных на основе микростратиграфии «жилого квартала» (P-6), дает возможность проследить процесс вытеснения «великокушанской» традиции и последовательность появления признаков кушано-сасанидской керамики. Изменения в составе керамики происходили постепенно. Комплекс III/1 по составу форм, элементов декора и технологии изготовления демонстрирует признаки, характерные для «великокушанской» традиции. В комплексах II/3–II/2 датирующими являются ойнохи, кубковидные чаши с «перехватом», кувшины II типа и курильницы на зооморфных подставках, распространенные позднее и характерные для кушано-сасанидских комплексов. В то же время для комплексов характерны плотное ангобное покрытие, сплошная окраска чаш VIa типа, чаши с реберчатым краем (VII), высокие чаши с загнутым внутрь краем и исключительное использование гончарных светильников I и II типов. Эти показатели свидетельствуют о сохранении в комплексах II/3–II/2 части «великокушанской» традиции (Болелов, 2002. С. 41–66; Литвинский, Седов, 1983. С. 138–145; Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978. С. 146–150).

В комплексе II/1 появляются новые признаки кушано-сасанидской керамики: кувшины, подражающие металлическим изделиям, выступы-шишечки на ручках кувшинов, чашевидные гончарные крышки и налепы в виде мордочек львов. Одновременно несколько ухудшается качество ангобного покрытия, изменяется способ окраски чаш VI типа, увеличивается ассортимент лепной посуды.

В то же время в комплексе II/1 появляются признаки, характерные не только для кушано-сасанидской, но и для раннесредневековой керамики: чаши с «бортиком» (тип III), кувшины с шевронами, лепные светильники, использование сетчатого и арочного лощения (Аннаев, 1988; Mizuno, 1970. Fig. 26, 34, 43, 44).

В комплексе I/3 список признаков кушано-сасанидской керамики увеличивается за счет появления лепных курильниц. Начиная с комплекса I/2, изменения в составе керамики характеризуются появлением признаков керамики, характерных для раннего Средневековья: наклепной орнамент, грубые лепные хозяйственные горшки, гончарные светильники с узким устьем (тип III).

Таким образом, взаимовстречаемость в комплексах признаков великокушанской и кушано-сасанидской керамики дает возможность рассматривать данные

периоды как «ранний» этап развития кушано-сасанидских комплексов. Комплексы, в которых преобладает сочетание кушано-сасанидских и раннесредневековых признаков керамики, следует отнести к позднему этапу кушано-сасанидских керамических комплексов.

Среди территориально близких памятников синхронные керамические комплексы кушано-сасанидского времени были получены в Старом Термезе. В результате исследований выяснено, что мощность культурных слоев позднекушанского времени здесь довольно значительна — более 2,5 м (Пидаев, 1987. С. 90). Для керамического комплекса этого времени характерна «посуда, отличающаяся разнообразием форм и вариантов... Сосуды покрыты различными оттенками красно-коричневого ангоба... Подавляющее большинство керамики поверх ангоба украшено сводообразным, сетчатым, полосчатым лощением и штампованной орнаментацией. Обнаружены сосуды со штампом в виде «ступни Будды и колеса Будды»» (Пидаев, 1981. С. 92). В слое найдены цилиндрико-конические кубки, приземистые тонкостенные чаши с загнутым внутрь краем, украшенные налепами, тагора со штампованными налепами и витыми ручками, одноручные и двуручные кувшины, кубковидные чаши с перехватом корпуса. Приведенное описание керамики из Старого Термеза свидетельствует об относительной синхронности этого слоя или слоев (?) с верхними строительными горизонтами раскопов 2, 3, 6 и 12 на Зартепа. К сожалению, из-за краткости и отрывочности сведений в статье Ш. Р. Пидаева более детальная синхронизация стратиграфии Старого Термеза не представляется возможной.

Следующие синхронные керамические комплексы были получены на поселении Шортепа (периоды ШТ-5 и 6), находящемся всего в 10 км к СЗ от Зартепа. О поздней дате периода ШТ-5 свидетельствует обнаруженный керамический материал: налеп в виде головки льва и ручки от сосудов в виде стилизованных фигур животных (обезьяны и кабанчики) (Пугаченкова, 1987. С. 33–34. Рис. 7, 8). Можно предположить, что слою ШТ-5 на Зартепа соответствуют два периода дворца и комплексы II/3 и II/2 на раскопе 6, поскольку их коллекции керамики приблизительно одинаковы по набору посуды. В этот период еще не появились многие формы керамики, характерные для более позднего кушано-сасанидского комплекса. Например, столовые тагора представлены только одним вариантом, а кубки имеют небольшие, чаще всего, гладкие или слабопрофилированные ножки (Пугаченкова, 1987. С. 32. Рис. 5; Щетенко, 1974. С. 47. Рис. 4, 5).

Комплекс керамики из горизонта ШТ-6 на Шортепа имеет все характерные признаки керамики кушано-сасанидского времени: кружки, одноручные и двуручные кувшины со сфероидным и грушевидным туловом, тагора с витыми горизонтальными ручками, загнутыми внутрь краями, хумы с сильно оттянутым наружу фигурным венчиком (Пугаченкова, 1987. С. 40–42. Рис. 5). По составу керамики период ШТ-6 сопоставим с большинством комплексов верхних строительных горизонтов Зартепа (комплексы II/1, I/2 (?) раскопа 6 и материал из раскопов 2, 3 и 12) (Пилипко, 1976. С. 65–67. Рис. 5, 6; Завьялов, Осипов, 1976. С. 54. Рис. 2). По-видимому, поселение Шортепа прекратило свое существование несколько раньше, чем жилой квартал на Зартепа. Косвенно это подтверждается керамическим материалом, так как на Шортепа не найдена керамика, выпуск

которой начался в конце кушано-сасанидского времени и продолжался в эпоху раннего Средневековья.

Выразительный комплекс керамики кушано-сасанидского времени был получен в Аккургане, расположенном недалеко от современного г. Шерабада. Он близок рассматриваемым комплексам Зартепа как по форме сосудов, так и по качеству теста, ангобному покрытию и способу орнаментации сосудов. В столовой керамике это чаши с «перехватом» и «бортиком», чаши с налечами в виде мордочек львов, два варианта столовых тагора, двуручные и одноручные кувшины с грушевидным туловом (Пидаев, 1978. С. 64–67. Табл. IX–XII). Соппадают также основные формы миниатюрных кувшинчиков (Пидаев, 1978. С. 68. Табл. XIII, XVIII). В Аккургане имеется идентичная найденной в комплексе I/3 Р-6 солонка с конической головкой и грушевидным туловом (Пидаев, 1978. С. 70). Формы хозяйственной посуды представлены теми же формами двуручных широкогорлых и амфоровидных кувшинов (Пидаев, 1978. Табл. XII). Также сходны варианты кухонных котлов, хумов и хозяйственных тагора (Пидаев, 1978. С. 69. Табл. XV–XVII). На Аккургане найдена очень близкая зартепинским экземплярам из раскопов 6 и 13 массивная курильница на сплошной цилиндрической ножке (Пидаев, 1978. С. 70. Табл. XVI: 32).

Вместе с тем некоторые признаки керамического комплекса Аккургана указывают на то, что он ближе комплексам I/2–0 жилого квартала на Зартепа. В Аккургане чаши с «бортиком», широкое распространение которых относится к раннему Средневековью, являются одной из ведущих форм столовой керамики (162 экз., около 12% от общего количества столовой керамики) (Пидаев, 1978. С. 64), а на Зартепа этот вариант чаш представлен единичными фрагментами. Венчики ойнохоевидных кувшинов из Аккургана имеют в плане форму трилистника (Пидаев, 1978. С. 67. Табл. XIII). Эта форма кувшинов также более характерна для эпохи раннего средневековья. На Зартепа такая посуда пока не найдена. Кроме этого можно отметить, что в Аккургане большинство светильников изготовлено от руки. «Они очень массивны и имеют прямоугольную или овальную форму резервуара» (Пидаев, 1978. С. 70. Табл. VI). Такие светильники в комплексах Зартепа встречаются крайне редко.

Близкие материалы кушано-сасанидского времени были получены и на Дальверзинтепа, где кушано-сасанидские слои выделены в отдельный комплекс (ДТ-IV). Следует отметить, что к кушано-сасанидскому времени относится часть материала, отнесенная авторами к периоду ДТ-III. Так, в квартале керамистов (ДТ-8) были обнаружены лепные светильники с ручками и оттиски штампа в виде «ступни» (Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978. Рис. 90). При раскопках Зартепа эти категории находок обнаружены только в комплексе II/1, что позволяет синхронизировать материал из ДТ-9 с комплексами II/3–II/1 (?) Зартепа. Кушано-сасанидским временем также следует датировать V–VI периоды храма (ДТ-7). Комплекс керамики из этих периодов сочетает в себе черты великокушанского и кушано-сасанидского времени (широко представлены чаши с оттянутым краем и клювовидным венчиком, черепок сосудов плотный, без видимых примесей, в то же время встречаются кубковидные чаши с «перехватом» (Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978)). Это позволяет соотнести керамику из V–VI периодов с комплексами II/3–II/2 (?) на Зартепа.

В керамическом комплексе, относящемся к последнему этапу обживания здания ДТ-6, широко представлены кубковидные чаши с «перехватом», столовые тагора со штампованным орнаментом, лепные ладьевидные светильники. Однако в составе керамики нет форм, характерных для раннего Средневековья, что свидетельствует о достаточно ранней дате верхних слоев ДТ-6 (Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978. С. 57–60. Рис. 34, 35). Можно предположить, что они соответствуют комплексам II/3–II/1 (?) на Зартепа.

Относительно поздний комплекс был найден в периоде II Верхнего здания (ДТ-9). Здесь была обнаружена амфора с наlepным орнаментом, ойнохоя, двухъярусный светильник и курильницы, на подставке которых вырезаны треугольные оконца. Эти курильницы имеют аналогии в керамике Аккургана (Пидаев, 1978. С. 70, 133–135. Рис. 95). Налепной орнамент появляется на Зартепа в нулевом комплексе. Это позволяет соотнести II период ДТ-9 с комплексом 0 и с материалом из Аккургана.

Комплекс керамики кушано-сасанидского времени получен также на памятниках Кобаданского оазиса (Нижнекафирниганская и Бишкентская долины) — городище Кей-Кобад-шах и поселения Мунчактепа, Актепа II, Шодмон Кала, Хишттепа, Дарахшаттепа, Клыч-дувал и буддийском монастыре Уштур-мулло. На городище Кей-Кобад-шах близкая зартепинская керамика появляется начиная со слоя Кобадан III. Описывая находки из этого слоя, М. М. Дьяконов отмечал, что «красноглиняная керамика сохраняет ряд форм, характерных для предыдущего этапа, в частности бокалы на хорошо профилированной ножке. Но заметна тенденция к уменьшению ножки, потере ею устойчивости» (Дьяконов, 1953. С. 297). Особо следует отметить, что в слое Кобадан III была найдена ручка от сосуда в виде фигурки животного (там же. С. 297). Гораздо большее количество аналогий дает слой Кобадан IV: очень близкие формы хозяйственной посуды — хумчи с T-образным в сечении венчиком и плечиками, украшенными прочерченным волнистым орнаментом. У кувшинов на корне ручек появляется круглая вмятина. Своеобразен фрагмент чаши или тагора с Г-образным в сечении венчиком и вертикальной витой ручкой. Имеются фрагменты нижних частей сосудов, обточенных вертикальными фасетками (Дьяконов, 1953. С. 288. Рис. 24). Все эти признаки свидетельствуют о хронологической близости между периодом Кобадан IV и кушано-сасанидскими комплексами.

В комплексе керамики из слоя Кобадан V близкие зартепинским формы дает как хозяйственная, так и столовая посуда. Продолжается выпуск хумчей с I-образным в сечении венчиком. Появляются крупные амфоровидные двуручные кувшины, столовые тагора с широким оттянутым краем, украшенным изнутри волнистым и штампованным орнаментом. Имеются совпадения в формах миниатюрных кувшинчиков и чашечек (см. Дьяконов, 1953. С. 290. Рис. 27).

Итак, можно предположить, что слои Кобадан III–IV синхронны обоим периодам дворца (раскоп 1) и комплексам III/1, II/2 и II/3, а слой Кобадан V — комплексам II/1–II/2 (?) на раскопе 6 и материалам из раскопов 2, 3 и 12 Зартепа.

Дальнейшее развитие кушано-сасанидской керамики Кобадана наиболее полно отражают материалы, полученные на поселениях Актепа II, Шодмон Калы и Дарахшаттепа. Аналогии зартепинской керамике прослеживаются здесь

как в основных формах столовой, хозяйственной и кухонной посуды, так и в способах орнаментации и приемах ангобирования. Среди общих разновидностей сосудов можно отметить: кубковидные чаши с «перехватом», широкогорлые сосуды, столовые и хозяйственные тагора, амфоровидные кувшины, хумы и хумчи (Седов, 1987а. С. 54–58, 118–134. Табл. XII–XVI; XVIII–XXXI). Практически идентичны основные формы миниатюрных кувшинчиков, светильников и курильниц (см.: там же. С. 120, 129, 131. Табл. XIII–XIV; XXVII).

Все перечисленные формы отражают общую тенденцию развития кушано-сасанидской керамики. Вместе с тем имеются и некоторые отличия, передающие своеобразие керамического ремесла отдельных районов Бактрии-Тохаристана. Так, в комплексах Актепа II и Дарахшатепы столовые тагора с плавно изогнутыми стенками резервуаров (тип II по А. В. Седову) обычно снабжены двумя петлевидными ручками, крепившимися к краям сосудов и на стенках (там же. С. 119, 127. Табл. XIV, XXII). Кроме этого, как уже отмечал А. В. Седов, по сравнению с зартепинской керамикой в Кобадияне нет такого обилия и разнообразия налепных украшений и штампованной орнаментации.

Другие признаки керамики Актепа II и Дарахшатепы указывают на более поздние хронологические рамки формирования их комплексов по сравнению с основным кушано-сасанидским комплексом Зартепа (раскопы 6, 3, 2, 12). Например, на этих памятниках обнаружены горшки с шаровидным или слабораздутым туловом, по плечикам которых «гребенкой» небрежно проводилась широкая полоса волнистого орнамента (там же. С. 124. Табл. XVII, XX). На Зартепа подобные горшки найдены только на раскопе 13, который, по-видимому, содержит керамику, относящуюся к последнему этапу жизни на квартале (раскоп 6). Другая немаловажная деталь, указывающая на относительно позднюю дату Актепа II и Дарахшатепы, — ангобный крест на зеркалах двуручных тагора. Впоследствии ангобный крест стал одним из характерных признаков керамики раннего Средневековья. Следует также отметить, что ойнохоевидные кувшины из Актепа II имеют очень высокую и узкую горловину и высокий рельефный поддон (там же. Табл. XXII). Фрагменты подобных кувшинов обнаружены в комплексе I/2 раскопа 6 и в Аккургане (Пидаев, 1978. Табл. XIII). Итак, можно предположить, что керамические комплексы из Актепа II и Дарахшатепы синхронны комплексам I/2–0 раскопа 6 и материалу из Аккургана.

Небольшое количество находок, обнаруженных в хозяйственных помещениях буддийского монастыря Уштур-мулло, отнесено как к великокушанскому, так и позднекушанскому времени (Зеймаль Т., 1986. С. 198–200). Керамика позднекушанского времени очень близка керамике кушано-сасанидских слоев: кубковидные чаши с «перехватом», сосуды типа ойнохоя, вазы-тагора с вертикально поставленными витыми ручками, двуручные кувшины с подквадратным в сечении и уплощенным сверху венчиком (там же. Рис. 4).

Керамика кушано-сасанидского времени из Вахшской долины наиболее полно изучена на Яванском городище и в меньшей степени на городище Халкаджар и в поселении Болдайтепа. В I–IV стратиграфических горизонтах Яванского городища, относящихся к кушано-сасанидскому времени, был найден обильный керамический материал. Сопоставляя его с керамикой Зартепа, надо отметить много сходных черт как в типах сосудов, так и в характере декора. Совпадает

большинство форм столовой керамики: кубки на высокой ножке, кубковидные чаши с «перехватом», тагора, украшенные по краю параллельными бороздками и оттисками штампа, одноручные ойнохоевидные кувшины (Зеймаль Т., 1969. С. 161, 163, 166, 167, 174, 175. Табл. XVII–XVIII). В керамике I и II периодов есть очень близкие зартепинским кувшинчики — подражания металлическим изделиям (там же. С. 166–167. Табл. XVIII). Близкие формы дает хозяйственная посуда: миски с перегибом у верхнего края, двуручные амфоровидные и широкогорлые кувшины (там же. С. 162, 166. Табл. XVII–XVIII) хумы и хумчи. Сходны типы кухонных котлов, крышек с двурогой ручкой и светильников (там же. С. 164, 169).

В то же время комплексы керамики Яванского городища имеют характерные особенности. Например, в керамике Зартепа отсутствуют кубки-чаши с двумя ручками, украшенные сетчатым лощением по наружной поверхности (там же. С. 161, 171. Табл. XVIII). Свообразны также украшения бортиков кубковидных чаш с налепами в виде детских головок или головок львов (там же. С. 161). Последние имеют прямоугольные очертания и выполнены в несколько иной стилистической манере, чем налепы, обнаруженные на памятниках Нижней Сурхандарьи. Можно предположить, что керамические комплексы IV–I горизонтов Явана существовали в тех же хронологических рамках, что и комплексы III–0.

В результате небольших раскопок на городище Халкаджар и поселении Болдайтепа была получена керамика, практически идентичная керамике Яванского городища. В Халкаджаре найдены кубки-чаши с зооморфными ручками. Следует отметить, что для памятников долины Вахша характерны кубки-чаши с ручками, верхняя часть которых украшалась головкой бычка или льва, в одном случае лисы (?) (Зеймаль Т., 1969. С. 161; Древности Таджикистана, 1985. С. 140; Седов, 1987а. С. 83. Рис. 32). Зооморфные ручки из памятников Нижней Сурхандарьи дают несколько иной круг образов, чаще всего это кабанчики и обезьянки. Остальная керамика из Халкаджара и слоя «Верхний Болдай» отражает общие особенности кушано-сасанидской керамики: тагора с витыми ручками, ойнохоевидные одноручные кувшины, амфоровидные двуручные кувшины со штампованным орнаментом и т. д. (Зеймаль Т., 1969. С. 7; Седов, 1987а. С. 80).

К числу наиболее изученных памятников левобережной Бактрии-Тохаристана относится городище Дильберджин, где слои, содержащие кушано-сасанидскую керамику, зафиксированы на всех раскопах как внутри городища, так и за его пределами.

Близкие аналогии дает керамика из IV строительного периода жилого квартала на цитадели (раскоп III). Очень схожи с зартепинскими найденные здесь крупные амфоровидные кувшины и хумы с небольшими петлевидными ручками (см.: Кругликова, 1974. Рис. 61, 62). При описании помещений 24 и 25 Т. И. Кругликова упоминает также «кубки с рельефными налепами в виде голов животных... и сосуды с зооморфными ручками... и со штампованным орнаментом» (там же. С. 94).

Продолжает существовать храм Диоскуров (раскоп I), где со временем правления кушано-сасанидских правителей связывают V строительный период (Круг-

ликова, 1986. С. 76–92). Керамика отсюда очень немногочисленна, но выразительна: обломок кувшинчика с ручкой в виде кабанчика, небольшой ойнохоевидный кувшинчик и одноручные кувшинчики с шаровидным туловом (там же. С. 83, 85. Рис. 72). В Северо-Восточном культовом комплексе (раскоп II), расцвет которого приходится на кушано-сасанидский период, был получен тот же комплекс керамики: крупные амфоровидные кувшины, ойнохои и зооморфная ручка в виде собаки (там же. С. 68, 79, 80. Рис. 49–91). Следует отметить фрагмент сосуда с наделом в виде головы горного козла, аналогии которому имеются в керамике Аккургана (там же. С. 83. Рис. 56).

В раскопе VIII у южных городских ворот керамика интересующего нас времени появляется начиная со II(?)–III строительного периода. Г. А. Пугаченкова связывает III период с концом эпохи Великих Кушан, поскольку при установке статуи Геракла в помещении I/11 в подошву его ноги была заложена медная монета, принадлежащая чекану Васудевы II или Канишки III (по Е. В. Зеймалю), а II период — со временем правления Канишки (Пугаченкова, 1984. С. 100–101). Керамические формы в сводной таблице керамики II–III периодов происходят, скорее всего, не только с полов, но и из заполнений и забутовок, то есть содержат часть переотложенного материала, представленного такими характерными позднекушанскими формами, как тонкостенные чаши с загнутым внутрь краем, украшенные по зеркалу вихревым лощением, кубковидные чаши с «перехватом», кубки на высокой сложнопрофилированной ножке, небольшие крышки для кувшинчиков в форме выпуклого диска и шишечкой посередине (там же. С. 101–102. Рис. 12). Можно предположить, что II(?)–III строительные периоды раскопа VIII соответствуют комплексам II/1–1/2 (?) раскопа 6.

В находках следующих строительных периодов раскопа VIII «черепок керамики заметно грубеет, он тяжел, нередко с отягчающими примесями песка... Основные виды сосудов: горшки с широким резервуаром и большим плоским дном... двуручные и одноручные кувшины с черепком зеленоватого цвета. Имеются мелкие небрежной лепки косметические сосуды, хумы и хумчи с сильно оттянутой наружу закраиной» (там же. С. 102. Рис. 15–18). Некоторые кувшины из IV–V периодов имеют аналогии в керамике Аккургана. Все это позволяет синхронизировать IV–V периоды раскопа VIII с комплексами I/2 (?)–0 Зартепа и материалом из Аккургана.

Идентичная зартепинской керамика была получена и за пределами городских стен Дильберджина («Большой дом» и «Сардоба» (раскоп V)); буддийское святилище (раскоп VI) и дом ремесленника (раскоп VII). При определении даты и периода обживания «Большого дома» авторами раскопок была допущена неточность. Безусловно, II строительный период относится к великокушанскому времени, но керамика, взятая из 70-сантиметрового заполнения между вторым и третьим полами, не может отражать «время функционирования помещений и дворов II строительного периода» (Кругликова, Пугаченкова, 1977. С. 25, 46, 47). Это подтверждается и материалом, содержащим формы кушано-сасанидского времени: кубки с «перехватом», двуручные кувшины, тагора с витыми ручками. Показательны также фрагменты ручек кувшинов, в верхней части которых помещен надел в виде округлой шишечки (Пугаченкова, 1977. Рис. 18–20). В III строительном периоде комплекс керамики значительно не изменяется (там же. Рис. 23, 24).

Богатый керамический материал был получен в сардобе, построенной у северо-западного угла «Большого дома». Керамика отсюда находит прямые аналогии в кушано-сасанидских комплексах. В первую очередь, это небольшие двуручные кувшинчики и кубковидные чаши с «перехватом». В помещении 3 найден миниатюрный кувшинчик, практически идентичный кувшинчикам из комплекса II/1 раскопа 6 (там же. Рис. 53).

В доме ремесленника (раскоп VII) представлены такие формы керамики, как чаши с «бортиком», украшенные изнутри сводчатым лощением, и кувшины с очень узкой горловиной, что позволяет соотнести полученный здесь материал с комплексами I/2-0 и материалом Аккургана (Кругликова, Пугаченкова, 1977. Рис. 95-100). Все формы керамики, характерные для кушано-сасанидских комплексов, демонстрирует также материал, полученный в слоях II-IV периодов Жигатепе. Во II периоде это кубковидные чаши с «перехватом», тагора с витыми ручками, двуручные кувшинчики со штампованным орнаментом и чаши с «бортиком» (Пугаченкова, 1979а. С. 76-79. Рис. 13-15). По составу форм, деталям орнамента и приемам ангобирования керамика II периода Жигатепе должна быть синхронна комплексам II/3-1/2 (?) раскопа 6 и материалу из раскопов 2, 3 и 12 Зартепа. Что касается III периода, то, на наш взгляд, он содержит материалы, синхронные керамическому комплексу из Аккургана и последним этапам в жилом квартале (раскоп 6, комплексы I/2-0) и материалу из раскопа 13. Подтверждение этому можно найти в приведенной Г. А. Пугаченковой характеристике III периода Жигатепе: «...значителен процент лепной керамики. Посуда отличается заметным ухудшением качества черепка — более пористого, в основном желтовато-серого цвета... Ангоб... обычно легко отслаивающийся» (там же. С. 82). Появляются кувшины и ойнохои с очень узкой и высокой горловиной (там же. Рис. 19). Отметим, что кувшины с такой горловиной есть в материалах Аккургана (Пидаев, 1978. С. 135. Табл. XIII). Другим характерным признаком этих комплексов является оформление корня ручки кувшинов в виде примятой нажимом пальцев развилки в два-три конца или в форме полумесяца, иногда с таким же нажимом по поверхности (Пугаченкова, 1979а. С. 83). Идентичный фрагмент ручки кувшина был обнаружен и на Аккургане (Пидаев, 1978. С. 76. Рис. 25). Отмеченные выше признаки являются хронологическими индикаторами для определения последнего этапа существования кушано-сасанидского керамического комплекса.

На поселении Чакалakteпа к кушано-сасанидскому времени относятся два нижних строительных периода. Сопоставляя найденную здесь керамику с кушано-сасанидскими комплексами, отметим следующие сходные формы: тонкостенные чаши с загнутым внутрь краем, чаши с «перехватом», тагора с вертикальными ручками и широким бортиком и двуручные кувшинчики (Mizuno, 1970. P. 34). Имеются очень близкие зартепинским амфоровидные и широкогорлые сосуды (Ibid. Fig. 23-26, 46). Следует обратить внимание на широкогорлые кувшины и горшки с орнаментом в виде шевронов на горловине, имеющих прямые аналогии в комплексах II/1-0 раскопа 6 (Ibid. P. 26, 43). Другие формы посуды, например ойнохои с очень узкой горловиной на высоком профилированном поддоне, более близки и даже идентичны ойнохоям из Аккургана и Актепа II (Ibid. P. 31; Седов, 1987а. Табл. XIII; Пидаев, 1978. Табл. XIII).

Как и в Аккургане, наиболее распространенным вариантом чаш являются чаши с «бортиком», украшенные по зеркалу сводчатым и сетчатым лощением (Mizuno, 1970. P. 34; Пидаев, 1978. Табл. IX; X), а светильники представлены только лепными экземплярами (Mizuno, 1970. P. 44). Все это позволяет синхронизировать материалы Чакалактепа с керамическими комплексами Аккургана, периодами Актепа II, Дарахшатепе, III–IV периодами Жигатепе и с комплексами I/2 (?)–0 раскопа 6 и материалом из раскопа 13.

Теперь рассмотрим кушано-сасанидскую керамику из поселений Северо-Западной Бактрии. В результате широкого археологического исследования этого района, включая памятники, расположенные в долине Средней Амударьи, В. Н. Пилипко предложил сводную стратиграфическую колонку (Пилипко, 1985б. С. 72–75). Основным критерием для синхронизации отдельных стратиграфических слоев различных памятников служило сопоставление их керамических комплексов. В результате такого сопоставления автор выделил в истории поселений Северо-Западной Бактрии шесть последовательных комплексов. Кушано-сасанидский комплекс выделен в самостоятельный V период (там же. С. 93–97).

Так же как и в других районах Бактрии, в кушано-сасанидское время здесь получили распространение кубковидные чаши с «перехватом», тагора с широкими бортиками и витыми ручками, двуручные амфоровидные и широкогорлые кувшины, хумы с сильно оттянутым наружу венчиком (там же. Табл. X). В IX стратиграфическом горизонте Чопли Депе отмечен сходный с зартепинским прием украшений столовых тагора, когда к краю прикрепляли наlepные полосы с оттисками подушечек пальцев (там же. Табл. XI). Имеется так же идентичная зартепинской и аккурганской солонка с конической головкой (там же. Табл. X). В X стратиграфическом горизонте Чопли Депе найдена лепная курильница на высокой сплошной ножке (там же. С. 45–46. Табл. XII). Подобные курильницы обнаружены в Аккургане, Актепа II и комплексах I/3 раскопов 6 и 13. Как отмечал В. Н. Пилипко, в более ранних слоях Чопли Депе они неизвестны. Это подтверждает вывод о том, что подобные курильницы появились в конце кушано-сасанидского периода.

Подводя итог обзору кушано-сасанидских керамических комплексов Бактрии-Тохаристана, можно отметить их относительную хронологическую последовательность. При внимательном рассмотрении материала легко обнаружить, что все признаки кушано-сасанидской керамики можно разделить на три большие группы.

1. Признаки, сопровождающие керамику на протяжении всего времени существования кушано-сасанидских комплексов и распространенные во всех районах Бактрии-Тохаристана: кубковидные чаши с «перехватом», тагора с витыми ручками, двуручные амфоровидные кувшины, ойнохой, курильницы на зооморфных подставках. Эти признаки являются хронологическими индикаторами для определения кушано-сасанидских комплексов в целом.

2. Признаки, отражающие особенности керамических «школ» различных районов: двуручные столовые тагора (в Кобадияне); кубки-чаши с двумя ручками, зооморфные ручки с головками бычка и льва (в Вахшской долине); двухъярусные светильники (Средняя Амударья); столовые тагора с загнутым внутрь

краем и круглые налепы в виде масок львов (притермезский район); зооморфные ручки в виде обезьянок и кабанчиков (притермезский район и левобережье Амударьи).

3. Сочетание групп признаков, на основе которых можно проследить относительную хронологию кушано-сасанидских комплексов. Эти группы признаков позволяют выделить из общей массы комплексов наиболее «ранние» и наиболее «поздние». К раннему этапу относятся два периода дворца и комплексы III/1, III/3–III/2 раскопа 6 Зартепа, период Шортепа V, V–VI периоды храма (ДТ-7) на Дальверзинтепа, слои Кобаднан III (?)–IV и IV стратиграфический горизонт Явана. Для них характерно сочетание великокушанских и кушано-сасанидских признаков керамики.

Наиболее «поздними» в относительной хронологической колонке кушано-сасанидских комплексов следует считать комплексы I/2 (?)–0 раскопа 6, материал из Аккургона, Актепа II, Дарахшатепе, III период Жигатепе, два нижних периода Чакалактепа, а также IV–V периоды раскопа VIII и дом ремесленника в Дильберджине. Для них характерно сочетание раннесредневековых и кушано-сасанидских признаков. Остальные комплексы, существующие в пределах этих периодов (или границ), при данном состоянии изученности микростратиграфии достаточно трудно синхронизировать.

С влиянием сасанидской культуры можно связать появившиеся в кушано-сасанидское время кувшины и ойнохои с очень узкой горловиной, некоторые виды миниатюрных кувшинчиков (рис. 95: 6), чашевидные гончарные крышки, кувшины с «шевронами», витые ручки, светильники с узким устьем (Venco Ricciardi, 1967. Fig. 180, 184; 1970–1971. P. 442, 443, 446. Fig. 90, 96) и курильницы на зооморфных подставках.

Имитация металлических прототипов различных категорий посуды была весьма популярна в кушано-сасанидский период, что можно наблюдать на примере одного из кувшинов (рис. 104: 1; см. вкл. 6, рис. 1). Его фрагменты обнаружены компактной группой в надежных стратиграфических условиях — в хуме «В» помещения 4 домовладения «А». Обломки кувшина могли попасть в хум «В» либо в период обживания третьего пола (комплекс III/1), либо в период перестройки, то есть при забутовке под уровень второго пола, но никак не позднее. Он изготовлен на гончарном круге из глины светло-коричневого оттенка с едва заметной примесью мелкого песка. Наружная его поверхность покрыта плотным красным ангобом способом окунания. По ангобу выше и ниже ребра, расположенного в средней, наиболее широкой части кувшина, нанесено сетчато-ромбическое лощение. Все вышеперечисленные признаки свойственны кушанской керамике Бактрии-Тохаристана, что позволяет предполагать местное изготовление кувшина. Ручка его сделана вручную и возвышается над горловиной на 4,5 см, причем на верхней ее части находится изображение головки, по всей вероятности, птицы. Корень ручки располагается на месте ребра и оформлен в виде бородатой личины, воспроизводящей, по-видимому, особу царского достоинства. В пользу данного предположения свидетельствует диадема на лбу личины, изготовленная с помощью наклепного плоского жгутика глины. Поверх диадемы располагается серп луны, также сделанный с помощью жгутика. Точно такое же изображение повторяется в 2,5 см выше первого. Ленты диадем

украшены пуансонным орнаментом, нанесенным полой трубочкой диаметром 0,5 см. На каждой ленте по пять расположенных в ряд кружочков, но если на нижней ленте они располагаются симметрично по два от центрального, находящегося под серпом луны, то на верхней слева от центрального имеется три, а справа — один кружочек. Это обстоятельство объясняется тем, что жгутик

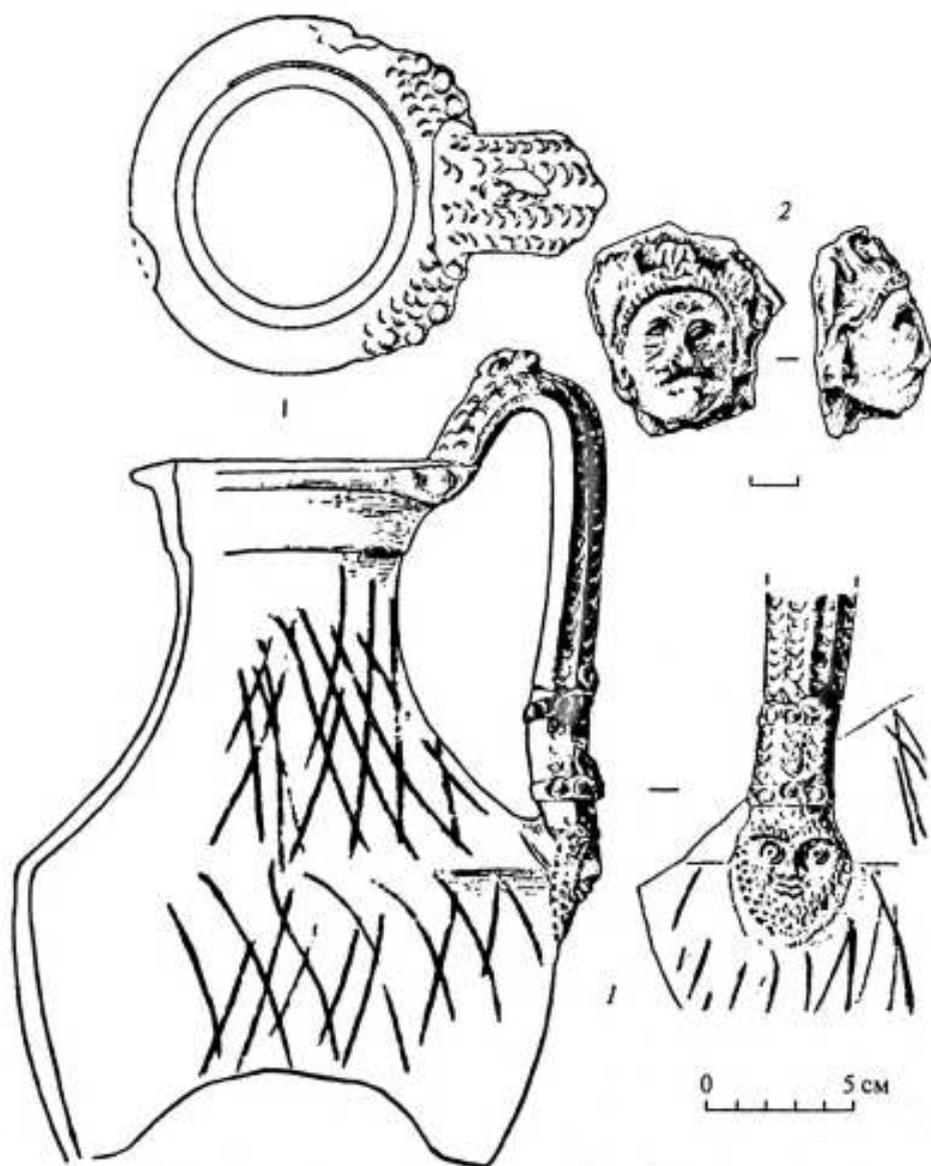

Рис. 104. Зартепа. Р-6. Подражания позднееримским кувшинам:
1 — домовладение «В», пом. 150; 2 — домовладение «А», пом. 4

верхней ленты был изначально короче. Центральные, «подлунные» кружочки чуть приподняты над остальными.

Вся орнаментация на кувшине нанесена одним (если предположить, что трубочка с другой стороны была остроконечной) или двумя инструментами. Это подтверждается одинаковыми диаметрами кружков глаз птицы, бородатой личины, украшений на диадемах, а также кружков на гребневидных выступах, располагающихся слева и справа от верхней части ручки в месте крепления ее к полочке венчика. Слева от ручки наблюдается четыре выступа и четыре кружка, справа — по три соответственно. С помощью этой же трубочки, которую мастер держал под углом к изделию, нанесены вдавления в виде серпа луны, идущие четыремя параллельными рядами меж трех выступающих ребер на ручке начиная от лба личины до полочки венчика. По два параллельных ряда таких же вдавлений располагаются слева и справа от ручки на полочке венчика. Наколами остроконечного инструмента переданы борода, ноздри, зрачки глаз, а полосками намечены рот и брови личины. Те же приемы использованы при изображении птицы, зрачки которой обозначены наколами, ротовое отверстие горизонтальной полоской, полосками намечено и головное оперение. На внешней поверхности кувшина отчетливо выражены два ребра — один в средней его части, второй под венчиком, на горловине, явно имитирующие технологические черты, свойственные металлической посуде. Следует подчеркнуть, что форма кувшина достаточно оригинальна и для самого Зартепа, и для других известных памятников, где исследовались синхронные культурные слои. Именно форма сосуда в сочетании с налетом у корня ручки и вышеупомянутыми ребрами указывает на то, что перед нами реплика металлического прототипа. Форма кувшина и такие элементы орнамента, как головка птицы на верхней части ручки и налет-личина у ее корня, явно заимствованы у металлической посуды римского времени, скорее всего, II–III вв., насколько можно судить по римским импортам в Восточной Европе (Кропоткин, 1970. Рис. 67: 7, 9). Наибольшее сходство наблюдается с галло-римским бронзовым кувшином из Керчи (там же. № 826. Рис. 69), ручка которого в верхней части украшена изображением утки, а на корпусе отчетливо выражены два ребра на месте спайки. Кувшин датируется в более узких пределах — III в. В пользу римских прототипов свидетельствует и тот факт, что на металлических сасанидских кувшинах не наблюдается следов соединения на горловинах, как показали технико-технологические исследования большой серии изданий, хранящихся в крупных музеях мира (Тревер, Луконин, 1987. С. 131).

Помимо римских орнаментальных мотивов в декоре кувшина можно отметить и сасанидское влияние, проявляющееся в копировании приемов гравировки, в частности в нанесении пуансонного и накольчатого орнамента в виде кружков и серпа луны. Следует отметить, что на сасанидских чашах этот орнамент получает распространение со времени правления Шапура II. Впервые орнамент в виде пуансонных кружков используется для передачи завитков бороды Шапура II, охотящегося на львов и на горных баранов. Оба блюда хранятся в Эрмитаже и датируются 310–320 гг. (там же. С. 107. Рис. 6/2/, 7/2/, 8/3/, 9/3/). Такой орнамент также характерен для керамики кушано-сасанидских комплексов, ближайшим примером чего может служить налет на месте корня ручки, обна-

руженный на Жигатепе. Изображение оттиснуто с помощью матрицы, но окружающий его орнамент состоит из кружков и серповидных вдавлений, полностью идентичных орнаменту зартепинского кувшина (Пугаченкова, 1973. С. 87–88. Рис. 17; 26: 1).

Иного типа керамические кувшины, подражающие, как было показано А. В. Седовым, сасанидским металлическим образцам, обнаружены в Кобадiane на поселении Актепа II. На одном из них на месте корня ручки располагался налеп, изготовленный при помощи каменной матрицы. По заключению автора, налеп стилистически ближе всего к портретным изображениям на сасанидских геммах, причем ряд признаков, использовавшихся в сасанидской глиптике, позволяет достаточно уверенно датировать его в пределах IV — начала V в. Представляет интерес сочетание сасанидского по форме кувшина с сасанидским по характеру изображения налепом, располагающимся, однако, на месте корня ручки, что, по всей вероятности, было заимствовано сасанидами из греко-римского мира (Седов, 1987а. С. 103–105. Рис. 34, 35).

С точки зрения сасанидских параллелей, представляет интерес еще один налеп, также воспроизводящий царственную особу, обнаруженный в домовладении «В», в помещении 150, на уровне второго пола. Изображение (рис. 104: 2; см. вкл. 5, рис. 4) было оттиснуто в матрице и прилеплено к стенке сосуда, форма которого не ясна. Размеры самого налепа и толщина стенки сосуда скорее говорят в пользу кувшина. Технологические признаки (обжиг, состав теста) свидетельствуют о местном изготовлении. Оттиск явно не первого поколения, сохранность изображения также не совсем удовлетворительная, что не позволяет с уверенностью определить все его детали. Тем не менее, видно, что голову персонажа украшает корона в виде трех выступов. В центре лба воспроизведено украшение в виде диадемы (?). В ушах персонажа — серьги, возможно, шаровидной формы. Под носом — тонкие, слабо заметные усы. Единственной пока иконографической параллелью для этого налепа является штуковый бюст Шапура II, обнаруженный в Хаджиабаде (Восточный Фарс, Иран) в 1977 г. (Azarnoush, 1984. P. 307–314, ph. 1). Примечательно, что лента диадемы на лбу Шапура II украшена точно так же, как и зартепинский налеп, хотя на нем самой ленты не наблюдается. Естественно, что факт иконографической близости все же недостаточен для отождествления хаджиабадского бюста и зартепинского налепа. Тем не менее, учитывая погрудное изображение сасанидского кушаншаха, головной убор которого украшен мордой льва, на стенке чаши из Яванского городища (Древности Таджикистана, 1985. С. 139. № 375), можно отметить тенденцию украшения керамики этого периода изображениями царственных особ. Более того, изготовление налепов матричным способом предполагает находки аналогичных изделий в процессе будущих исследований. Представляет интерес и тот факт, что налеп из Яванского городища сопоставляется с изображением кушано-сасанидского правителя Хормизда, годы правления которого — 381–384. (там же. С. 139). Эта датировка исходит из хронологии кушано-сасанидских монет, предложенной В. Г. Лукониным, однако М. Л. Картер помещает монеты кушаншаха Хормизда с львиной короной между 295–325 гг. (ср.: Луконин, 1969. С. 124–151; Тревер, Луконин, 1987. С. 64–71; Carter, 1990. P. 11–16. Fig. 6, 7).

Чаши.

Имитация стеклянных и металлических прототипов

Еще одна инновация, не имеющая корней в предшествующих керамических комплексах, получила относительно широкое распространение в комплексах кушано-сасанидского периода. Это один из типов чаш с приостренным, загнутым внутрь венчиком, ниже которого располагалась пара противоположащих ручек-налепов в виде мордочек львов (см. вкл. 6, рис. 4). Достаточно многочисленная серия таких налепов обнаружена в разных стратиграфических условиях при исследовании двух верхних строительных горизонтов на раскопах 6 и 12 Зартепа (Zavyalov, 1994. Fig. 6). Кроме того, 14 аналогичных фрагментов были подняты на его поверхности в предшествующий период изучения городища (Альбаум, 1960. С. 19. Рис. 5) и еще один найден в процессе раскопок верхних культурных напластований, примыкающих к востоко-северо-восточной оборонительной стене (Сабилов, 1976. С. 49). Данные ручки-налепы совершенно идентичны литым мордочкам львов, украшающим стеклянную чашу, обнаруженную в одном из погребений могильника Джалпак Дёбё в Алайской долине Киргизстана (Абетеков, 1975. С. 308; Абетеков, 1981. С. 280–281; Памятники культуры и искусства Киргизии, 1983. С. 14–15. Рис. 128). Сходство проявляется не только в ручках-налепах, но и в форме самих чаш, а также в близких размерах тех и других. Различие наблюдается в орнаментации наружной части тулова и дна чаш: стеклянная чаша украшена гравированным орнаментом, тогда как подражающие ей зартепинские чаши украшены традиционным кушанским красным ангобом и струйчатым лощением. Несмотря на это отличие, можно предполагать, что именно с этого типа стеклянных чаш и были запущены в массовое производство первые матрицы для изготовления ручек-налепов в виде мордочек львов.

Стеклянная чаша из могильника Джалпак Дёбё датируется III–IV вв. и рассматривается как предмет античного импорта, попавший в погребение в результате торгового обмена (Абетеков, 1981. С. 280). В других публикациях чаша интерпретируется как сосуд «римской работы» (Памятники культуры и искусства Киргизии, 1983. С. 42. № 128), причем данный тезис не подкреплён соответствующими ссылками и аргументами. Тем не менее, на правильность высказанного К. А. Абетековым предположения могут указывать находки чаш и банок с аналогичными литыми головками львов в погребениях IV в., известных по раскопкам в Западной Европе (один из сосудов обнаружен в погребении вместе с монетой римского императора Максимиана 286–305 гг.) (Isings, 1964. P. 61). Следует отметить, что стеклянные чаши из восточно-римских провинций обнаруживают полное сходство в изображении ручек-налепов, тогда как формы их отличаются от джалпакдёбёвской и зартепинских чаш.

Помимо Зартепа, аналогичные маски львов найдены в районе Старого Термеза и в Шерабадском оазисе. В Старом Термезе они были встречены в четвертом слое шурфа, заложенного на цитадели В. А. Козловским (Козловский, Некрасова, 1976. С. 35). Вместе с монетами Канишки они были найдены на Шортепа в слое ШТ-5 (Пугаченкова, 1973. С. 124. Рис. 39; 1987. С. 33–36. Рис. 8: 4) и в надпольном слое пещеры 1 комплекса «В» Каратепа, где обнаружены, кроме

того, и в завальном слое (Сычева, 1975. С. 136. Рис. 53). Однако наибольшее распространение такие маски львов получили в слоях, сопровождаемых кушано-сасанидскими монетами, что в дополнение к зартепинским материалам подтверждается их находками, кстати, вместе с сосудами на зооморфных подставках, в Хайрабадтепа (Сабилов, 1981. С. 33) и Аккургане (Пидаев, 1978. С. 65. Рис. 25: 3). Исходя из находок в Аккургане, Ш. Р. Пидаев предполагает, что чаши данного типа могли иметь три или четыре ручки-налепа. Уже само это предположение означает, что чаша сохранилась не полностью. Только находки целых чаш позволят решить вопрос, сколько ручек-налепов украшало керамические чаши и следует ли выделять несколько вариантов этого типа.

В связи с находками аналогичных зартепинским масок львов на Каратепа и Шортепа в сопровождении монет Канишки обеими вышеупомянутыми исследовательницами было предложено относить появление таких чаш ко времени его правления, с чем, как было показано, трудно согласиться. Более того, широкомасштабные исследования верхних слоев Кампыртепа, оставленного жителями либо в правление, либо сразу после правления Канишки (Ртвеладзе, 2001. С. 7–11), не выявили чаш данного типа, что весьма показательно, учитывая расположение памятника в непосредственной близости от Старого Термеза и Зартепа. На других раннекушанских и великокушанских памятниках подобных находок также не обнаружено. Следовательно, данный тип чаш относится к кушано-сасанидским комплексам и вряд ли может датироваться ранее середины III в. или даже более поздним периодом. К этому времени относятся и чаши, обнаруженные на Яванском городище (Гарав Кала), но украшающие их налепы, по-видимому, восходят к иным прототипам, о чем свидетельствуют как их размеры, так и характер изображения (Древности Таджикистана, 1985. С. 139. № 373, 374). Чаши по форме также отличаются от зартепинских экземпляров.

Другие типы чаш также демонстрируют влияние сасанидских металлических прототипов (рис. 105). Необходимо подчеркнуть, что чаши, наряду с сасанидскими скальными рельефами, играют особую роль как один из основных источников для реконструкции истории Ирана. В отечественной литературе исследованию этого источника очень много и плодотворно уделял внимание В. Г. Луконин, отмечавший, что сасанидская торевтика на первом этапе своего развития «находилась под сильнейшим влиянием позднееримского искусства, и в особенности позднееримских серебряных “портретных” сосудов». Более того, В. Г. Луконин предполагал, «что именно под влиянием римских “лицевых” блюд и возродилась эта традиционная для Ирана отрасль искусства, возродилась в том смысле, что получила престижное, прокламативное значение, которое оттеснило на второй план ее роль просто богатой, торжественной пиршественной посуды» (Тревер, Луконин, 1987. С. 48).

Среди «лицевых» сасанидских блюд выделяются два, декорированные так называемыми выпуклыми перлами, причем на одном из них, на обороте, указано имя и титул питахша Папака, а также его отца и деда, которое связывается с конкретным историческим лицом и в широких пределах датируется после 60-х гг. III в. до начала IV в. (там же. С. 52–53; Луконин, 1979. С. 35–38. Рис. 22–27). В дальнейшем этот орнамент более не применяется. В этой связи интересна находка фрагмента чаши (рис. 105: 1), оттиснутой в матрице, обнаруженной

в мусорном слое уличных напластований жилого квартала на Зартепа, по уровню залегания синхронных последней фазе верхнего строительного горизонта. В данном случае представляет интерес повторение орнамента в виде выпуклых перлов, тогда как форма металлической чаши-прототипа не воспроизводится, видимо, по технологическим причинам. Пока это единственная чаша, не имеющая аналогий ни на Зартепа, ни на других синхронных памятниках Бактрии-Тохаристана. По технологическим признакам и наличию красно-коричневого ангоба на внутренней и наружной поверхностях чашу можно отнести к изделиям местного производства.

Большое количество чаш, обнаруженных в верхнем и нижнем строительных горизонтах раскопа 6 на городище Зартепа, своими формами и размерами повторяют сасанидские металлические прототипы. Об этом прямо свидетельствуют толщина их стенок, не превышающая 4–5 мм, диаметры, а также профилировка венчиков и донцов, колеблющиеся соответственно в пределах 15–23 и 5–8 см. Однако самым характерным признаком, позволяющим выделять эти чаши среди других, является имитация следов техники двойного слоя, наблюдаемых на металлических прототипах, когда слои скреплялись пайкой или проковкой края одного слоя, загнутого на край другого (Тревер, Луконин, 1987. С. 130). Такие следы наблюдаются на венчиках нескольких зартепинских чаш (рис. 105: 2–4, 7, 8). На тулове еще одной чаши (рис. 105: 5) нанесены ромбовидные вдавления, воспроизводящие декор металлических прототипов.

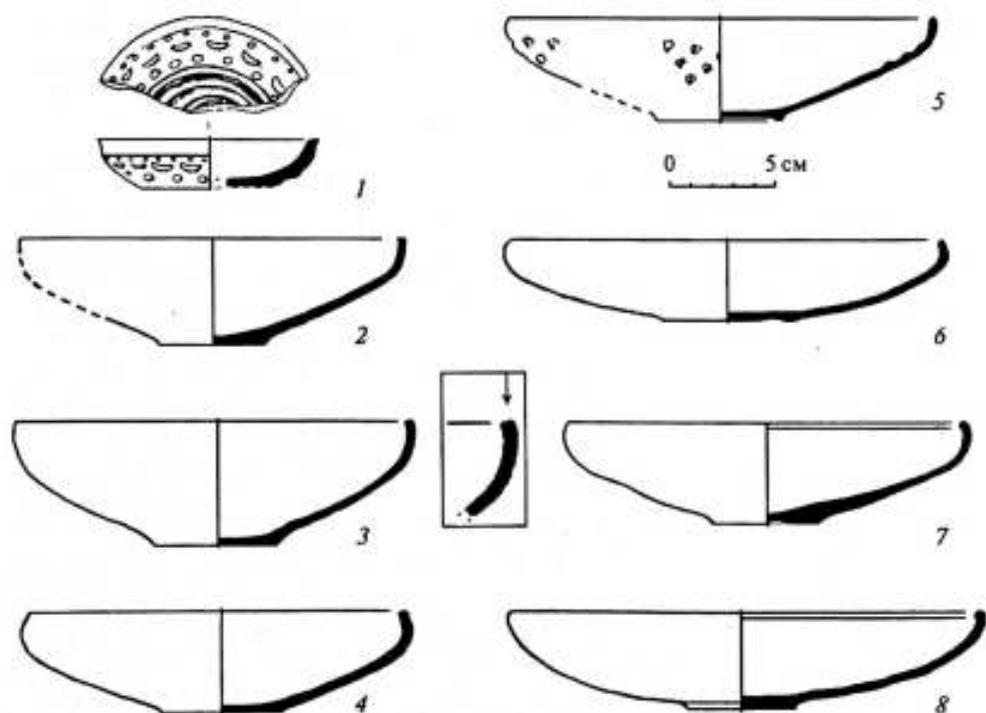

Рис. 105. Зартепа. Керамические чаши, имитирующие сасанидские прототипы

Все чаши изготовлены на гончарном круге и украшены традиционным для Бактрии-Тохаристана красным ангобом и лощением. Состав теста также свидетельствует о местном изготовлении чаш. Сюжетный орнамент (портреты, охотничьи сцены) на них отсутствует, так как при изготовлении чаш на гончарном круге воспроизвести его было просто невозможно.

Курильницы на зооморфных подставках

Среди керамических изделий большой интерес представляет особая функциональная категория — сосуды на зооморфных подставках, обладающие признаками как зооморфной терракоты, так и гончарных сосудов. Всего на городище найдено примерно 26 фигурок животных разной степени сохранности и фрагменты четырех чашечек. Значительная часть зартепинской коллекции уже опубликована (Абдуллаев, Завьялов, 1985а. С. 202–211; Пидаев, 1990. С. 50–59. Рис. 3: 5; 5; Zavyalov, 1994. P. 69–70. Fig. 3), однако новые материалы вносят существенные коррективы в исследование данной категории изделий. Находки полностью сохранившихся чашевидных сосудов, располагавшихся на спинах коней, слонов и баранов, сравнительно редки. Часто эта категория керамических изделий представлена по отдельности фигурками животных с нижними частями чашечек или следами их крепления, а также чашечками с характерным основанием (рис. 106).

Фигурки животных лепились вручную, а резервуары изготавливались с помощью гончарного круга. Скорее всего, в нижней части чашечек оставляли глину, предназначенную для крепления сосудов к спинам животных. На спинах некоторых фигурок специально наносились насечки для более прочного соединения с чашечками. В месте соединения глина расплывалась по спине животного от шеи до хвоста, иногда захватывая верхнюю его часть. Орнамент состоит из вдавленных полых трубочкой кружков, серповидных вдавлений или прочерченных горизонтальных линий, которые пересекаются с вертикальными. В большинстве случаев орнаментация наносилась на груди, шее и плечах животных, чаще лошадей. Гривы нескольких фигурок лошадей передавались косыми прочерченными линиями. В одном случае на крупе фигурки по обеим сторонам хвоста нанесены два кружка (Абдуллаев, Завьялов, 1985а. Рис. 1: 12). Глаза животных изображались либо наколами с помощью остроконечного инструмента или трубочки, либо жгутиками или округлыми налепами глины. Изредка эти приемы передачи глаз сочетаются, усиливая впечатление. Носовые отверстия изображались наколами, а ротовые — горизонтальным вдавлением. Виды орнаментации на фигурках очень напоминают орнаментацию на кувшине из помещения 4 домовладения «А», также наносившуюся полых трубочкой. В одной из фигурок обнаружены четыре отверстия, проходящие насквозь от плеч животного к ступням его ног. Отверстия могли предназначаться либо для крепления фигурки к какому-то постаменту, либо для вставки в них каких-то дополнительных, несохранившихся элементов украшений. После крепления чашечки и нанесения орнамента изделия подсушивались, окунались в раствор красного ангоба и обжигались в печах.

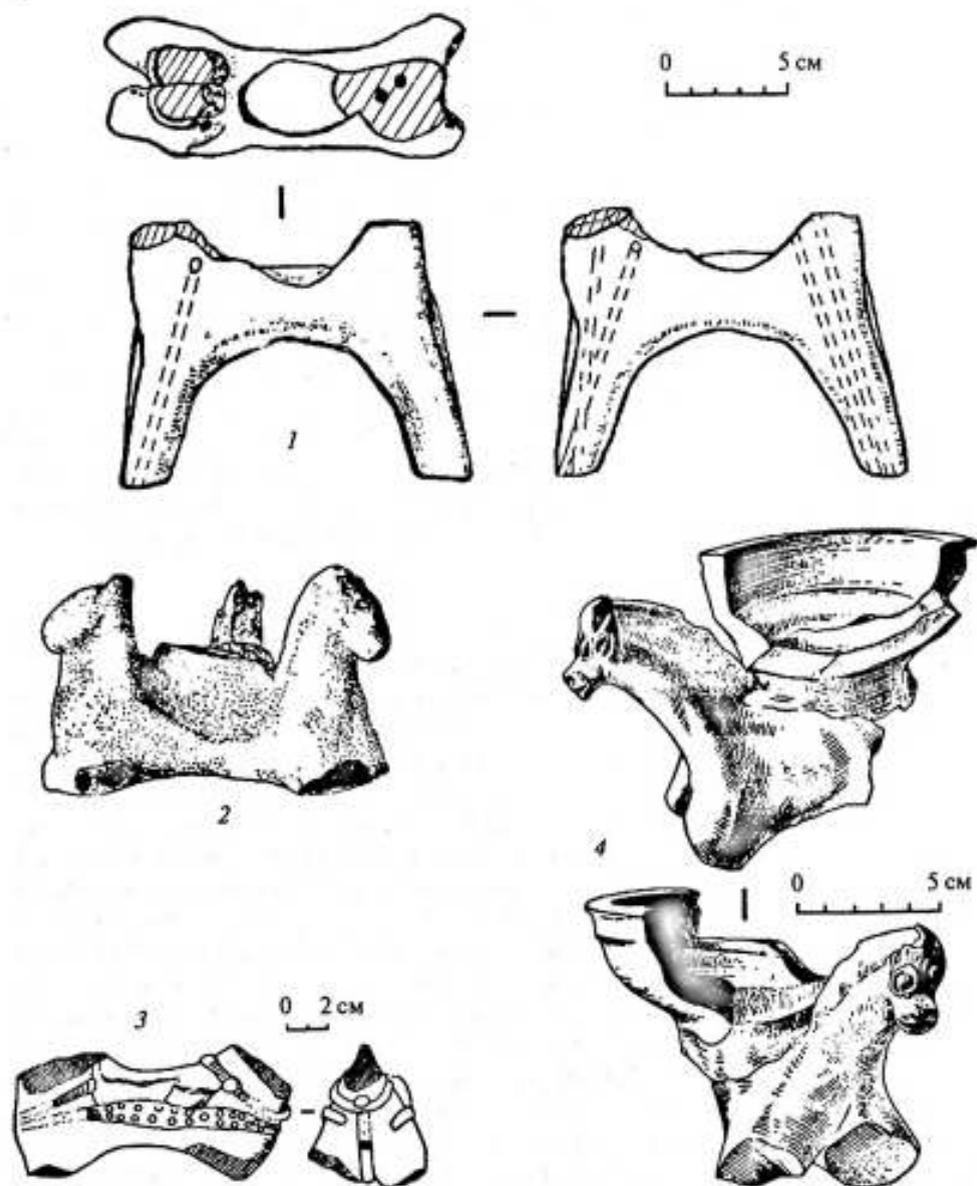

Рис. 106. Фигурки-подставки курильниц в виде коней:
 1, 4 — Зартела; 2 — Сузы (по Р. Мекквенему); 3 — Чопли Дене (по В. Н. Пилипко)

Подавляющее большинство фигурок изготавливалось в виде коней. Остатки гривы, султана, наличие орнамента на плечах, шее и груди позволяют отнести не полностью сохранившиеся фигурки к коням. Очень показателен в этом отношении подтреугольный разрез шеи, благодаря которому можно почти без сомнений определять видовую принадлежность животного. Фигурки баранов в тех случаях, когда отбита голова с рогами, определяются по округлому разрезу шеи. Фигурки слонов при отсутствии характерных признаков (уши, хобот, бивни) отличаются от фигурок баранов более толстой шеей.

Второе обстоятельство, которое хотелось бы отметить в связи с данной категорией сосудов, — возможность их типологического расчленения. Так, среди фигурок-подставок в виде коней можно выделить второй тип — четырехглавые, причем головы, напоминающие тяни-толкая, расположены попарно от находящегося в центре резервуара. Одна из таких фигурок найдена в 1986 г. на раскопе 12 городища (рис. 106: 1; см. вкл. 31, рис. 3). Кроме того, еще один фрагмент с двумя сохранившимися шеями был обнаружен при раскопках жилого квартала (Zavyalov, 1994. Fig. 3: 7, 8), однако в свете последних данных можно предполагать, что они были частью четырехглавых сосудов. Среди фигурок-подставок в виде баранов выделяются такие же два типа. Фигурки слонов, относящиеся к третьей видовой группе, найденные на Зартепа, в Беграме и Хорезме (Stawiski, 1979. P. 156), пока типологически не разделяются, так как для дальнейших шагов в этом направлении материала все-таки недостаточно.

Полностью сохранившиеся чашечки-резервуары на спинах животных обнаружены на Зартепа в очень ограниченном количестве (3 экз.). У одной из них — Т-образный вертикальный венчик (рис. 106: 4; см. вкл. 31, рис. 4), у двух других венчики слегка загнуты внутрь. Нижние части этих сосудов оформлены по-разному: у двух из них — дугообразные, повторяющие контуры спин животных очертания, тогда как у третьей — цилиндрическое окончание высотой около 2 см (Абдуллаев, Завьялов, 1985а. Рис. 1: 16–17; 5; Zavyalov, 1994. Fig. 3: 9–10).

Возникает необходимость выработки критериев, по которым можно отличить следы на фигурках-подставках и фигурках оседланных коней (Седов, 1987а. Рис. 32: 3), а также на фигурках коней с предполагаемым наездником без ног (Пилипко, 1985б. С. 203. Табл. XXXV, 41–42). Кроме того, необходимы дополнительные аргументы для интерпретации фигурок иной видовой принадлежности (верблюда?), имеющих характерные сколы на спине (Пугаченкова, 1977. С. 101. Рис. 103: 41–42).

Находки этих изделий зафиксированы на значительной территории Кушаншахра и в Иране. Кроме того, они обнаружены на нескольких городищах и поселениях правобережной Бактрии-Тохаристана. В частности, в кушано-сасанидских слоях поселения Аккурган в Шерабадском оазисе Сурхандарьинской котловины обнаружены фрагменты двух фигурок лошадей с характерными следами крепления резервуаров на спинах. Там же найден фрагмент фигурки барана (Пидаев, 1978. С. 77–78. Рис. 24: 6, 10, 11)³³. На городище Хайрабадтепа

³³ Приведенное Ш. Р. Пидаевым краткое описание фигурок не позволяет с полной уверенностью относить все три фигурки к данной категории изделий. На спине фигурки барана следы крепления чашечки вроде бы не наблюдаются, однако отсутствие на спине ангоба может косвенно свидетельство-

в напластованиях помещений, примыкающих к крепостной стене четвертого (верхнего — В. 3.) периода, найдены две фигурки животных. На спине одной из них отчетливо наблюдаются характерные следы присутствия чашечки (?) (Сабиров 1981. С. 33. Рис. 2: 1).

На поселении Халкаджар в Кобадiane найдены две фигурки коней с такими же следами крепления и, возможно, еще одна с плохо сохранившимися такими же следами (Седов, 1987а. С. 80–84. Рис. 33: 1, 4, 5)³⁴. В подъемном материале городища Мирзабек Кала в среднем течении Амударьи, верхние слои которого относятся к кушано-сасанидскому времени, также найдены две фигурки коней с остатками чашечек (?) на спине (Пилипко, 1985б. С. 203. Табл. XXXV: 41–42). В этом же регионе, на крупном поселении Чопли Деле во II строительном горизонте, датируемом кушанским периодом, в стратиграфическом раскопе обнаружены еще две фигурки коней, видимо, относящихся к данной категории изделий (Пилипко, 1985б. С. 31, 75, 177. Табл. XXXV: 36, 37)³⁵.

Далее к западу, в пределах сасанидской территории, в Маргиане аналогичные изделия найдены на поселении Гёбеклы Деле, в Эрк Кала и Гяур Кала. Первая подставка курильницы в виде фигурки животного была найдена на Эрк Кале еще в конце XIX в. в процессе исследований городищ Мервского оазиса В. А. Жуковским (Жуковский, 1894. С. 195. Рис. 38). На Гёбеклы Деле, памятнике парфяно-сасанидского времени, обнаружены четыре фигурки с характерными следами на спинах (Новиков, 1988. С. 11–13. Фото 1, 2). На одной из них, возможно, воспроизводящей коня, чашечка на спине сохранилась почти полностью. Видовую принадлежность остальных фигурок определить не удалось. В процессе работ ЮТАКЭ в центре городища Гяур Кала, в шурфе Ш-3 были найдены две фигурки-подставки. Видовая принадлежность одной из них не определяется и, как предполагает Г. А. Пугаченкова, фигурка изображает фантастическое животное, возможно, священного быка. На груди животного прорисован прямоугольный крест, помещенный в круг. Вторая фигурка с четырьмя головами коней, расположенными попарно от находящейся в центре чашечки, обнаружена в более ранних слоях того же шурфа (Пугаченкова, 1962. С. 165–168. Рис. 30, 31)³⁶. При дальнейших исследованиях в рамках Международного Мервского проекта на раскопе *Gyaur Kala Area 5*, в хумхане (Room 606) одного из домов (Structure C), на нижнем полу вместе с монетами Шапура II найден

вать в пользу того, что она существовала. Визуальный осмотр некоторых фигурок из Зартепа показал, что плохо закрепленные чашечки иногда полностью отбиты от фигурок, при этом не остается следов глины, и тогда на месте расположения чашечек нет и ангоба.

³⁴ Отнесение кратко описанных А.В. Седовым фигурок из Халкаджара к данной категории находок затруднено тем, что в центральном раскопе поселения найден налест на спину животного, напоминающий седло с вертикальными луками. Исходя из этого, автор пришел к заключению, что на спинах и других фигурок лошадей находились седла (Седов, 1987. С. 83. Рис. 32: 3).

³⁵ В. Н. Пилипко интерпретирует следы на спинах трех животных как остатки фигурок всадников без ног.

³⁶ При описании четырехглавой фигурки Г. А. Пугаченкова указывает, что она обнаружена «в нижележащем стратиграфическом слое (I–II вв. н. э.)», тогда как в подписи к рис. 31 написано: «Фигурная подставка. III в. Гяур-кала, шурф Ш-2». Более того, обе фигурки, согласно тексту статьи на с. 165, происходят из шурфа Ш-3, а в подписях под рисунками указан шурф Ш-2.

фрагмент фигурки животного с чашечкой на спине (Herrmann, Kurbansakhatov, Simpson, et al., 1999. P. 3–9).

В Центральном Иране, в Сузах, в позднепарфянских или раннесасанидских отложениях на раскопе IV, расположенном в пределах шахристана (*ville royale*), найдена целая, покрытая зеленой глазурью фигурка-подставка с чашечкой на спине (рис. 101: 4). Видовая принадлежность животного предположительно определяется в публикации как фигурка с неярко выраженными чертами осла (Mecquenot, 1943. P. 67. Fig. 57: 3). Другая фигурка-подставка в виде трех протом коней, располагающихся по кругу (через 120 градусов) (рис. 100: 3), между которыми помещена чашечка (?), также покрытая глазурью оливкового цвета, обнаружена на раскопе I шахристана Суз в слоях, датируемых «парфянскими монетами» (*Ibid.* P. 41–42. Fig. 36: 3)³⁷.

В левобережной Бактрии-Тохаристане сосуды на зооморфных подставках обнаружены на памятниках, расположенных в Шибрганском оазисе современного Афганистана, при работах Советско-Афганской экспедиции. Так, на городище Жигатеп в стратиграфически неразделенных материалах III–IV периодов, относимых к кушано-сасанидскому времени, обнаружена фигурка барана с характерным сколом на спине. Из этого слоя происходит еще одна фигурка барана без видимых следов налепа на спине (Пугаченкова, 1979. С. 87. Рис. 26: 6, 7), что не исключает и ее принадлежности к данной категории находок. При раскопках Беграма Р. Гиршманом в слое Беграм III была обнаружена фигурка слона с чашечкой на спине (рис. 101: 3). Датировка периода Беграм III основывается на находках поздних монет Васудевы II, государя из третьей династии кушан, при которой происходит завоевание кушанских территорий Сасанидами (Ghirshman, 1946. P. 170–183. Fig. B. G. 168)³⁸.

В Южном Афганистане при раскопках Старого Кандагара в раскопе NE найдена фигурка-подставка в виде барана с остатками чашечки на спине (рис. 4: 1). Условия и стратиграфическое положение находки по ряду причин остались не совсем ясными, вследствие чего она отнесена к эпохе III, датируемой в пределах 150 г. до н. э. — 225 г. н. э. (Helms, 1997. P. 110–111. Fig. 229: 2443; 230). Не исключено, что к данной категории находок можно отнести еще шесть фигурок, одна из них найдена на раскопе D (McNicoll, Ball, 1996. Fig. 200: 2), а пять других — на раскопе F (*Ibid.* Fig. 212: 1, 2, 7; 213: 4, 9). При описании в каталоге находок для трех из них (*Ibid.* Fig. 212: 1; 213: 4, 9) отмечается, что на их спинах имеются следы вьюка или всадника (*Ibid.* P. 274–275).

В Балхе — крупном столичном центре Бактрии-Тохаристана, выпускавшем монеты с монограммой собственного монетного двора, — обнаружены две фигурки с характерными следами на спинах, также, видимо, относящиеся к данной категории находок (Gardin, 1957. P. 60–63. Pl. XI: 4, 6).

Все эти находки в совокупности с намечающимися параллелями между Сасанидским Ираном и Бактрией-Тохаристаном в архитектурно-планировочных схемах жилой застройки предполагают, что появление сосудов на зооморфных

³⁷ В подписях к рисунку она атрибутируется как сасанидская.

³⁸ Монеты Васудевы II с богиней Ардохшо на реверсе Е. В. Зеймаль относит к монетам Канишки III (Зеймаль, 1983. С. 253–255).

подставках в кушано-сасанидских комплексах следует связывать с влиянием Ирана. Косвенным подтверждением этому служат находки в Мерве, на Гёбеклы и памятниках среднего течения Амударьи, являющиеся связующим звеном между двумя регионами. Можно также предположить, что дальнейшее накопление материалов позволит внести существенные коррективы в исследование этой категории артефактов. Так, не исключено выделение или обнаружение новых типов фигурок-подставок. В частности, фигурка-подставка с тремя протомами коней из Суз предполагает существование такого типа, по крайней мере, в Иране. В Кушаншахре этот тип пока не зафиксирован. Если подтвердится, что на спине фигурки с двумя головами коней, направленными в противоположные стороны, из Чопли Депе не было двух всадников, то возможно выделение еще одного типа фигурок-подставок в группе коней (рис. 106: 3). По видовой принадлежности фигурок, безусловно, выделяются три группы: кони, бараны и слоны. Не исключено, что в дальнейшем удастся выделить группу фигурок-подставок, изображающих ослов. Составляющие большинство находок фигурки-подставки в виде коней зафиксированы как в Иране, так и в Бактрии-Тохаристане. Фигурки в виде баранов более характерны для территории Бактрии-Тохаристана, относившейся ранее к Кушанской империи.

Функциональное назначение сосудов на зооморфных подставках однозначно определить затруднительно. Предположение о том, что они использовались в качестве светильников (Mesquenet, 1943. P. 41–42), пока не получило подтверждения, так как на чашечках этих изделий не сохранились остатки нагара или устья для фитиля. Более того, формы чашечек на спинах животных практически идентичны чашечкам нескольких типов курильниц, хорошо известных в Бактрии-Тохаристане и Согде (Пугаченкова, 1991. С. 98–110). Следует отметить, что курильницы, часть которых оформлена у основания фигурками животных, интерпретировались некоторыми исследователями также как светильники. Вполне вероятно, что сосуды на зооморфных подставках использовались именно как курильницы, формы которых изменились под воздействием новых культурных импульсов из сасанидского Ирана. Следует подчеркнуть, что ареал находок сосудов на зооморфных подставках в Бактрии-Тохаристане практически совпадает с территорией распространения кушано-сасанидских монет. На этой территории очень редки находки курильниц на ножках, которые получают здесь широкое распространение в раннем Средневековье, когда зооморфные подставки почти выходят из употребления.

Образы животных, в виде которых изготавливались фигурки-подставки, явно отобраны и вписываются в круг идеологических представлений рассматриваемой эпохи (Литвинский, 1968; Тревер, Луконин, 1987. С. 26–61).

В раннем Средневековье изготовление близких по форме и назначению изделий, видимо, продолжается, хотя и в ограниченных масштабах. В Северном Таджикистане, в Уструшане, на городище Калаи Кахкаха III случайно найдена зооморфная курильница (Древности Таджикистана, 1985. С. 278, № 714). В Казахстане, на городище Алтынтобе, во II горизонте, относимом к VIII — первой половине IX в., обнаружена полая фигурка животного с чашечкой на спине, расположенной между двумя вьюками (Смагулов, 1991. С. 23–31. Рис. 1).

Большое значение для решения проблемы происхождения кушано-сасанидских керамических комплексов имеют их отчетливо намечающиеся связи с керамикой из районов Нижней и Средней Сырдарьи. Сейчас уже можно говорить о том, что это влияние было не единовременным. Первый его этап, по-видимому, относится к концу великокушанского периода, когда на территории Бактрии появляются кружки с округлым корпусом и зооморфные ручки (Тепайшах, Мирзакултепа, период Кобадиян II) (Литвинский, Седов, 1983. Табл. XIII; Пидяев, 1978. Табл. III; Дьяконов, 1953. С. 287). Сосуды с зооморфными ручками и кружки характерны для культуры Каунчи (Литвинский, 1968; Левина, 1971. С. 178–186. Рис. 59). В кушано-сасанидское время влияние присырдарьинских областей стало более ощутимым и выразилось в появлении новых форм хозяйственной и культовой керамики. В керамических комплексах Зартепа и Дильберджина обнаружены широкодонные горшки с беловато-розовой поверхностью (Кругликова, Пугаченкова, 1977. С. 70. Рис. 63). Аналогии этим горшкам можно найти в Каунчитепа (этап Каунчи II — III–IV вв. н. э.) и Актобе 2 (Левина, 1971. С. 106, 122–123. Рис. 31, 38). Другой вариант горшков с вытянутым туловом и двумя петлевидными ручками, относящихся ко второму этапу джетыасарской культуры (IV–VII вв.) практически идентичен горшкам из комплексов II/2–I/1 (Левина, 1971. С. 73. Рис. 15).

В конце кушано-сасанидского периода появляются лепные горшки с орнаментом, небрежно прочерченным «гребенкой» (Актепа II) (Седов, 1987а. Табл. XX; XVII). Эти горшки имеют аналогии в керамике Актобе 2 (Левина, 1971. Рис. 38). В это же время в бактрийских комплексах (Аккурган, Дильберджин, комплекс 0 Зартепа, Актепа II) появляется характерный для каунчинской и джетыасарской культур прием украшения хозяйственной посуды налепными шишечками и валиками с пальцевыми вдавлениями (Левина, 1971. С. 66, 103). Лепная курильница, орнаментированная рядами шиповидных налепов из Актепа II, и курильницы на массивных сплошных ножках из Аккургана и Зартепа находят аналогии в керамике Джеты-асара и других памятников этой культуры (Седов, 1987. Табл. XIV; Левина, 1971. Рис. 15; Толстов, 1962. С. 191). По-видимому, именно с влиянием присырдарьинских областей связано появление в кушано-сасанидских комплексах Бактрии плохо обожженной керамики с грубыми примесями. Следует отметить, что аналогичные формы лепной хозяйственной и культовой керамики в рассматриваемый период распространяются не только в Бактрии. Она встречается в Южном Согде и Хорезме (Исамиддинов, Сулейманов, 1984. С. 123–127; Городище Топрак-кала, 1981. С. 80).

Инновации и подражания в керамике кушано-сасанидского периода демонстрируют сильный культурный импульс из Сасанидского Ирана, отражающий тенденции развития династической доктрины Сасанидов и смену культурной доминанты в Бактрии-Тохаристане. Следует подчеркнуть, что начальную стадию формирования сасанидской торевтики исследователи относят к периоду между 270–290 гг., опираясь при этом на независимую от кушано-сасанидских монет хронологию самих блюд. Внедрение характерных элементов сасанидских прототипов в керамическое производство Бактрии-Тохаристана происходило либо в это время, либо с некоторым опозданием при сохранении керамической традиции, сформировавшейся в великокушанский период. Стратифицированные

керамические комплексы городища Зартепа показывают, что эти инновации и подражания фиксируются на протяжении существования обоих верхних строительных горизонтов, достигающих высоты 1,2 м при общей толщине культурных напластований в центральной части городища не более 5,5 м. Это обстоятельство совершенно не учитывается сторонниками короткого (40–50 лет) обращения кушано-сасанидских монет.

Заключение

Новые археологические и исторические данные, появившиеся со времени выхода в свет книги А. В. Седова «Кобадиян на пороге раннего средневековья» (1987 г.), в которой наиболее полно был освещен кушано-сасанидский период в Бактрии-Тохаристане, позволяют под другим углом зрения рассмотреть историко-культурные процессы, происходившие на этой территории. Из четырех основных выводов А. В. Седова, перечисленных во введении к данной работе, возражение вызывает лишь второй из них, касающийся некоторого упадка культуры, отмеченного при раскопках Дальверзинтепа и Дильберджина, для интерпретации которого было предложено учитывать «провинциальный» фактор, когда Бактрия-Тохаристан становится северо-восточной окраиной обширной Сасанидской империи¹. Раскопки городища Зартепа показывают, что в Бактрии-Тохаристане существовал собственный рынок, обеспеченный кушано-сасанидскими монетами. Находки кушано-сасанидских монет в Бухарском Согде и Маргиане (Мерв) предполагают, что эти монеты, возможно, свободно конвертировались в близлежащих районах, на территории которых, безусловно, существовали свои рынки. Ценность кушано-сасанидских денежных эмиссий подтверждается находками кладов, в составе которых они преобладают. Эти факты являются главным аргументом для интерпретации Кушаншахра как автономии, ориентированной на сасанидскую культурную доминанту. Судя по сасанидским надписям, именующим Бактрию-Тохаристан Кушаншахром, своеобразие культуры и политической роли этого региона признавалось и официальной властью империи.

Смена кушанской культурной доминанты на сасанидскую происходила постепенно. Сохранение многих великокушанских традиций в керамическом комплексе, антропоморфной терракоте и письменности (использовалось преимущественно бактрийское письмо), религиозных пристрастиях дает основание говорить о приверженности, по крайней мере, части населения Бактрии-Тохаристана кушанской культуре на начальной стадии существования Кушаншахра и, по-видимому, позднее. Об этом также свидетельствуют материалы индийского происхождения. Более того, индийские мотивы в культуре Согда, известные

¹ Три других вывода А. В. Седова полностью подтверждаются материалами Зартепа, особенно заключение о сасанидских инновациях, воздействовавших на формирование художественной культуры, сасанидо-кушанского монетного чекана и керамического комплекса Бактрии-Тохаристана. Причем детальные проявления и «механизмы» распространения некоторых из них удалось еще более конкретизировать.

по раскопкам Пенджикента, предполагают, что их заимствование осуществлялось, видимо, через Кушаншахр.

Инновации, особенно заметные в керамическом комплексе Зартепа кушано-сасанидского периода, проявились, прежде всего, в имитации материальных черт элитарной имперской культуры Сасанидского Ирана. Менее заметные влияния незлитарной сасанидской культуры, также обнаруженные в керамике Зартепа, еще отчетливее подчеркивают политическую и культурную связь Кушаншахра и Ирана.

На современном этапе исследований обнаруживается все больше письменных, археологических и нумизматических свидетельств, ограничивающих хронологические рамки существования Кушаншахра второй половиной III–IV в. Определение времени и последовательности кушано-сасанидских и сасанидо-кушанских монетных эмиссий, обеспечивавших рынок Бактрии-Тохаристана, является насущной задачей и при окончательном ее решении позволит детально разработать микрохронологию поселений и комплексов. Прекращение чеканки кушано-сасанидских монет со всей очевидностью говорит об утрате Кушаншахром политической автономии. Отнесение времени прекращения этой чеканки к 320 г. н. э. (Дж. Крибб) вступает в противоречие с приведенными выше данными, полученными при раскопках трех строительных горизонтов на Зартепа, Актепа II и других памятниках, которые свидетельствуют в пользу длительного обращения кушано-сасанидских монет — до конца IV в.²

Таким образом, предлагаемые хронологические рамки существования Кушаншахра почти подтверждают первоначальную датировку кушано-сасанидских комплексов Т. И. Зеймаль, предложенную еще в 1969 г.

² В настоящее время Дж. Крибб не настаивает категорично на своей первоначальной датировке и не исключает того, что прекращение чеканки кушано-сасанидских монет могло произойти в конце правления Шапура II (309–379) (устное сообщение).

Summary

This volume completes the publication of materials relating to the Kushan-Sasanian period in Bactria-Tokharistan obtained from excavation work carried out over many years at the Zartepa site. This means that, when this volume finally appears and is available to the academic public, an enormous amount of material, which is new in many respects, will become available, thus making it possible to resolve a whole range of questions relating to the development of Bactria-Tokharistan culture under the Sasanians. The materials thus obtained were clearly from habitation levels and the thickness of the whole cultural layer may well have been over 1.2 metres.

The question of Kushan and Kushan-Sasanian chronology is an extremely complex one, just as is that concerning the interpretation of sources of various kinds: numismatic, epigraphic, iconographic and archaeological. So many proposals and hypotheses have been put forward in this connection that it is impossible to discuss all of these in the summary, given the amount of detailed argument this would require. The relevant material is to be found in the collection of essays on the pre-Islamic history of the Indio-Iranian borderlands edited by Michael Alram and Deborah Kimburg-Salter and entitled *Coins, Art and Chronology*, which was published earlier this year in Vienna. The Kushan-Sasanian period in Bactria had a relatively short duration of 120–130 years, when, as a result of Sasanian conquest, the Kushan-Sasanian kingdom took shape within the territory of the Kushan Empire. Regular issues of coins minted by Kushan shahs in the course of virtually the whole of that period testify to the fact that there was an internal market within the newly formed state. This points to the fact that this new state must have enjoyed a degree of economic independence and, consequently, some degree of political autonomy. Finds of Kushan-Sasanian coins in Bukharan Sogdiana in Margiana (Merv) suggest that these coins may have been freely convertible in the neighbouring regions, where definitely existed an internal market. The value of the Kushan-Sasanian coin issues is proven by finds of hoards in which these coins predominate. These facts are the main argument for interpreting Kushanshahr as a self-governed state oriented towards the dominant Sasanian culture. Judging by Sasanian inscriptions which designate Bactria-Tokharistan as Kushanshahr, the originality of the culture and political role of this region was recognized by the official authorities of the Sasanian Empire. With regard to concrete manifestations of that independence and also relations with the central power of the Sasanian Empire, it is difficult to draw any precise conclusions because of the meagre nature of available written sources.

The chronological boundaries of the Kushan-Sasanian period are still a highly controversial question today. There are two main points of view on this question: according to the first, the conquest of the territory of the former Kushan Empire could already have started during the reign of Ardashir I and then it would appear to have continued during the reign of Shapur I, as indicated in the latter's inscription dated 262 AD. Firm supporters of this first theory are Professor A.H.D. Bivar and Dr. J. Cribb. According to them, the minting of Kushan-Sasanian coins could have begun in the third decade of the 3rd century AD. According to the second line of argument the coins of the Kushan-Sasanian realm did not begin to be minted till the second half of the 4th century AD. This point of view was supported by R. Gobl and V.G. Lukonin: R. Gobl regarded 233 as the date marking the beginning of the Kanishka I era.

The discovery of the Rabatak inscription, analyzed by N. Sims-Williams, has led to major amendments in Kushan chronology and in the order of Kushan rulers. It has enabled us to date the beginning of the Kanishka I era to 100-120 AD.

The collection of coins from Zartepa consisting of 500 items, on which work was begun but unfortunately not completed by E.V. Zeimal, would, by all appearances, also enable us to introduce further amendments to Kushan chronology as it stands today. The majority of the coins from this collection are Kushan-Sasanian coins and approximately 60 of them were found in compact groups on floors in the plaster coating of the latter. Dr. Zeimal even introduced into academic terminology the phrase 'spot-hoard', which could well be used to denote the hoards from Zartepa. Despite the fact that the coins from Zartepa cannot yet provide many useful pointers with regard to Kushan-Sasanian chronology, other materials from this particular site would indicate that progress can be made in this respect.

It would be natural to expect a number of fundamental changes in the culture of former Kushan territories in the wake of the Sasanian conquest: indeed, a whole number of innovations made themselves felt within Bactria. Changes are to be observed in the architecture, the minting of coins, wall painting, the iconography of terracotta figurines and in particular in the pottery range. Some of these innovations are most revealing and they can at least help us to specify more precisely the chronological framework of the Kushan-Sasanian period. So as to avoid repetition later on, we should like to point out that all the finds shown here come from rooms of the residential quarter and were found in conjunction with Kushan-Sasanian coins.

One of the most convenient and earliest of the ancient routes connecting Bactria and Sogdiana was the one passing through the Iron Gates in the Baisun-tau Mountains, the western spurs of the Hissar range. It is on this route that the Zartepa site is situated, at a distance of 15 kilometres from Old Termez (ancient Tarmita). It is quite likely that one of the branches of the Great Silk Road passed precisely from Tarmita to the Iron Gates and thence to the Kashka-Darya part of Sogdiana.

As the results of excavations suggest, the fortified site, which is square in plan and has a surface area of 16 hectares, was founded in the 1st century BC. It is the third largest Kushan site in southern Uzbekistan after Old Termez and Dalverzin-tepe. Zartepa was apparently the centre of an area which contained about a dozen rural settlements. In its North-North-Eastern corner there is a citadel, also square in plan, and 120 metres by 120 metres in size: near it there are two gates. There is also a mini-

citadel in the opposite South-South-East corner. The mini-citadel was also square in plan and measured 60 by 60 metres. The relief of the site suggests that there were two more gates on the South-South-East side. The larger part of the enclosed area was inhabited until the end of the Kushan-Sasanian period, while smaller sections — the citadel (Trench 10), the mini-citadel (Trench 7) and the area North-east of the palace (Trench I) — were abandoned by the inhabitants apparently in the late 6th century AD. In the vicinity of the site, 300 metres East-North-East of the ENE face of the fortified wall, the remains of a Buddhist stupa were discovered. Inside the stupa a jar was found with 507 late Kushan copper coins which had been minted in imitation of those issued by Vasudeva (442 pieces) and Kanishka III (63 pieces), indicating that the final period in the active life, of the stupa coincided with the reigns of these rulers. At about the same distance from the East-South-Eastern corner of the site there is a castle called Kuyov Kurgan. Kuyov Kurgan, as investigations have shown, was first populated in the late 5th and early 6th century.

As a result of construction work and other activities at Zartepa, habitation levels measuring 5.5 to 6 metres thick have accumulated in areas which were inhabited until the late Kushan-Sasanian period and others, 1-2 metres thicker, in the areas of early medieval occupation. As the results of excavations in Trench 9 and 6 demonstrated, building proceeded according to an old tradition, requiring that the upper parts of dilapidated houses be demolished. As a rule, only the upper parts of old houses would be destroyed, while the lower parts — normally between 50 cms and 1 metre high — remained intact and were used as foundations for new buildings. Over the period from the 1st century BC to the late 4th century AD, Zartepa was radically reconstructed at least seven times. The habitation levels of the Kushan-Sasanian period are those which have been the subject of most thorough investigation. Almost in the centre of the site there was a palace, in which some of the rooms had been damaged by fire. Early-Kushan and Kushan levels were examined to a much lesser extent during the stratigraphic survey of the streets (Trench 9).

The study of the fortifications demonstrated that the city had been enclosed by a wall with semi-circular towers 6 metres in diameter and protruding from the line of the walls by a distance of 5 metres. The intervals between the towers were 34 metres long. The fortifications had apparently been built in accordance with a well-considered design and at the same time as the first dwelling houses within the enclosed space, as demonstrated by the identical depths of their foundations. Additional protection was provided by a moat surrounding the city on all sides except the East-North-Eastern one, which was defended by two well-fortified structures: the citadel and the mini-citadel. Traces of fire were recorded in the Buddhist sanctuary (Trench 2) built on top of the city wall, which shows that the fortifications had already lost the original importance they had had in the Kushan-Sasanian period.

Although Kushan levels at Zartepa have only been excavated to a limited extent, it is clear beyond doubt that the city attained the peak of its development during the period of the Great Kushans. This is borne out by the fact that one of the main streets, the one excavated in Area 9, had been paved with mudbricks more than once, and its width reached 12 metres. During the Kushan-Sasanian period, part of this space was used for construction, and the entire layout of the city was apparently subjected to considerable modifications. Thus, a new narrow street, no more than 4.5 metres wide,

had appeared within the residential quarter excavated in Area 6: it had obviously been meant to replace the old one, along which 6 houses had been constructed.

The habitation level with the street had a later pit cutting through it. Two large pits filled with sand were also found on the street running through the residential quarter of the city (Trench 6). Identical pits filled with sand have been found in Trench 5 at Merv as well. It is perfectly clear that what was taken out of the pits was for the manufacture of mud bricks and material designed to raise floor levels. This building tradition which we shall refer to as "circulation of the habitation level" was used in construction work in settlements in both Central Asia and the Near East from the Neolithic period onwards. This makes archaeological interpretation of deposits found in various buildings far more difficult, since some of the materials encountered will have been re-deposited and some will be residual. With regard to excavation work in Trench 6 on the street, it is clear that the material removed from the pit was used for the construction of new buildings either in the mini-citadel or in the area to the North-East of the palace.

The majority of finds within the confines of the residential quarter of the city indicates a very strong Sasanian influence. What points first and foremost to this influence is the imitation in pottery and glass items and, to a lesser degree, in architectural decoration, of forms adopted from Sasanian silver plates. Pottery dishes echoing silver Sasanian plate are the most revealing example of this phenomenon. Their shape — in particular their rims — and also their dimensions clearly repeat the well-known features of Sasanian plates, with the exception of the portraits and hunting scenes distinguishing the latter. It should be emphasized that the techniques used for the manufacture of these pottery copies remained the same as before in this locality, in particular as regards the use of red slip and burnishing for decorative purposes. The mass-scale copying of the Sasanian silver models continued throughout the Kushan-Sasanian period.

As a rule, scholars have dated the beginning of Sasanian plates to the period 270-290 AD and no earlier. This points to the fact that the manufacture of pottery imitations of Sasanian silver vessels should be dated either to this same period or later. According to V.G. Lukonin, the use of techniques developed by the Romans is characteristic of the initial stage of Sasanian tereutics. This has also been borne out at Zartepa by the find of a jug, the shape of which repeats Roman metal models. On the neck and body of the jug there are two ribs, the upper one reproduces the soldering seam which was to be found on Roman vessels between the rim and neck, while the lower one marks off the shoulders from the body, which is very typical for Roman metal jugs of the 2nd and 3rd century AD. Another feature typical of such Roman vessels was the use of a human face under the handle, which can also be seen on a jug from Zartepa. Here under the handle there is applied decoration with the depiction of a bearded king or prince with two appliqué crescent moons above the head. Depictions of crescent moons executed either with a finger-nail or a hollow pipe continue all the way up the handle in parallel rows. On the upper curve of the handle there is another piece of appliqué decoration which would appear to represent the head of a bird.

A piece of appliqué decoration to be found on another jug demonstrates another most interesting feature — the presence of an insignia on a ruler's diadem. The only parallel for this is provided by a statue of Shapur II with a similar insignia on the

diadem, which was found in the Manor House at the site of Hadjiabad. It would appear that there are traces of a three-point crenellated crown on the head of the ruler, but unlike the statue from Hadjiabad, the individual depicted on the Zartepa jug has no beard, merely a moustache. The materials from Hadjiabad (from the Pars province in Iran) also provided another parallel — lion masks used as part of stucco decoration. One of them depicts a lion with a protruding tongue. This motif, as demonstrated by the materials from Zartepa, was to become extremely popular, precisely during the Kushan-Sasanian period.

Appliqué decoration in the form of lion masks is used to decorate a type of deep bowl — two or four masks were arranged under the rim of such bowls. These bowls were found not only at Zartepa but also in Old Termez, Kara-tepe and Ak-kurgan. It is highly probable that in this particular case Zartepa bowls echo glass models. One such glass bowl was found in the Alai Valley in Kyrgyzstan in Jalpak-debyo — a burial-ground dated to the 3rd or 4th century AD. These pottery imitations, in relation both to metal and glass models, do not provide complete copies of the models concerned. The plant motifs found on the bowl from Jalpak-debyo are not to be found on the pottery copies from Zartepa, although the shape and dimensions are virtually identical. The manufacture of glass bowls complete with lion masks was very widespread in the eastern provinces of the Roman Empire in the 4th century AD.

A feature which is extremely typical for the pottery of the Kushan-Sasanian period is the appearance of a new category of vessel — vessels with zoomorphic stands. These vessels clearly made their way here from Sasanian Iran, as is borne out by the fact that they have been found in Susa, Merv, Gebekly Depe and many settlements in Bactria. In Susa these vessels were found in an archaeological context, which was difficult to determine accurately: it could have been either Late Parthian or Early Sasanian. The stands of this kind that have been found in Bactria are in the shape of a horse, a ram and an elephant. Finds of this kind had not been made in Kushan habitation levels prior to our find in Zartepa, and elsewhere they were typical of the Kushan-Sasanian period. The most important of these finds — from a stratigraphic point of view — was that made in the Structure-C storage-room at Merv, where the vessel of this type was found together with a Shapur II coin. It is interesting to note that at this find-spot certain other parallels for Bactrian pottery were found, in particular a number of "tagora"-type vessels. Moreover, in the early medieval period, vessels with zoomorphic stands spread eastwards and have even been found in Kazakhstan.

The Kushan-Sasanian pottery range demonstrates a whole number of other adaptations from Sasanian pottery, and in a number of cases even from Parthian pottery. The rims of certain vessels, for instance, are complete parallels of rims of vessels found at the city-site of Choche. Another remarkable feature relates to the bases of certain jugs: while the bases are flat on the outside, inside the vessel the sides taper downwards and form a groove round the inside of the base. At Tel-baruda at the Choche site, vessels in the form of 'ink-wells' were also recorded, for which one complete parallel was found in Zartepa.

In addition to these features of the pottery, attention should also be drawn to certain aspects of the architecture at Zartepa. The excavated remains of the local ruler's palace do not match the requirements of the architectural canon widespread under the

Kushans, characterized by halls with a corridor round three sides, which were found both in temples (as at Surkh-Kotal) and also in palace-type buildings (as at Dalverzin-tepe). In the palace which was destroyed by fire there were three halls arranged parallel to each other and two *aiwans*, one of which opened towards the South and the other towards the East. In the central hall between two rows of column bases there were two square pedestals, the flat top surfaces of which had clearly been exposed to fire. These pedestal-type structures must have been two fire-altars which had been erected on one and the same axis, and in front of the dais designed for the throne of the local ruler. The T-shaped design of the throne dais is very typical for the Kushan-Sasanian period in Bactria, since it is also reproduced in certain rooms of dwellings found in Trench 6. T-shaped raised platforms of this kind were later to become a typical feature of the architecture of early-medieval Sogdiana, as can be seen from the architecture of such a widely known site as Pendjikent. This makes clear yet again the strong cultural influence of Bactria-Tokharistan on the culture of Sogdiana, which had already been noted by B.I. Marshak in relation to painting and sculpture.

Dwellings with more than one room, three of which were found on either side of the street excavated in Trench 6, also have more in common with such houses excavated by the Italian archaeological mission in Iran at the Sasanian city-site of Choche (identified with Vekh-Ardashir) with regard to their architectural design than with the architectural design of dwellings in Bactria under the Kushans. Three key city-sites in different parts of the Sasanian Empire — Merv, Choche and Hadjiabad — all provide evidence of close ties between the centre and outlying provinces of the Empire.

The change from the Kushan cultural dominant to the Sasanian dominant took place gradually. Preservation of many great Kushan traditions in ceramics, anthropomorphic terracotta and writing (using Bactrian script for the most part), and religious predilections gives grounds for assuming that at least part of the population of Bactria-Tokharistan adhered to Kushan culture in the initial stage of the existence of Kushanshahr, and, evidently, later as well. Materials from India would indicate this as well. Furthermore, Indian motifs in the culture of Sogdiana, which are well-known from the excavations at Pendjikent, suggest that they were borrowed, apparently, from or via Kushanshahr.

Innovations, which are especially noticeable in the ceramics of Zartepa of the Kushan-Sasanian period, came most clearly to the fore in imitations of material properties of the elite imperial culture of Sasanian Iran. The less noticeable influences on elite Sasanian culture which are also found in the ceramics of Zartepa highlight still more clearly the political and cultural links between Kushanshahr and Iran.

There is more and more written, archaeological, and numismatic evidence being found in modern research which limits the chronological framework for the existence of Kushanshahr to the second half of the 3rd to the 4th centuries. Determining the time and sequence of Kushan-Sasanian and Sasanian-Kushan money issues used in the Bactria-Tokharistan market is a vital task which, when finally solved, will make it possible to develop a micro-chronology of populations and built complexes of the area. The ending of the minting of Kushan-Sasanian coins quite clearly suggests that Kushanshahr lost its political autonomy. Linking the end of this minting to 320 AD (J. Cribb) contradicts the data provided above which were obtained from excavations

of three construction levels at Zartepa, Ak-tepe II, and other monuments which testify in favor of protracted circulation of Kushan-Sasanian coins almost until the end of the 4th century. It's entirely possible that during the second half of the 4th century Chionites had an effect on the evolution of the culture (and power?) of Kushanshahr. The Chionites were the former allies of the Sasanians during the siege of Amida in 359. This major topic is outside the framework of this research work.

Написи на керамике

Чтение В. А. Лившица и Н. Симс-Вильямса.*

П. 1–4 описания соответствуют рис. 66, п. 5 — рис. 67.

1. Фрагмент венчика кувшина с частью горловины. Снаружи кувшин был покрыт бежевым раствором. На месте перехода от горловины к плечу отчетливо выражено ребро, ниже которого до обжига прочерчена бактрийская курсивная надпись, видимо, конец слова: ...] (α) μα (?). Фрагмент найден во втором слое заполнения переулка между домовладением «В» и оборонительной стеной (помещение 171) в 1986 г.
2. Фрагмент придонной части чаши (?), изнутри и снаружи покрытой светло-коричневым ангобом. На наружной поверхности по сырой глине прочерчены две расположенные рядом буквы ΣΚ, при этом перед ними и после них достаточно места, по крайней мере, еще для одной буквы. По написанию буквы тяготеют к так называемому «монументальному» письму, свойственному для ранней стадии развития бактрийского письма. Фрагмент обнаружен в 1986 г. в том же переулке, что и надпись № 4, но несколько ниже — в четвертом слое.
3. Фрагмент плечика кувшина (?) с частью горловины снаружи покрыт раствором бежевого оттенка. Плечико украшено тремя параллельными прочерченными линиями. Еще одна прочерченная линия идет на месте перехода от плечика к горловине. Выше нее сохранилась часть надписи черной тушью бактрийским письмом [εδολα] ιρααβο (α) [– эта [rā] tra κ/для... Черепок найден в IV ярусе ямы-свалки на раскопе 9 (раскопки 1978 г.).
4. Фрагмент стенки хумчи (?), покрытой снаружи раствором бежевого оттенка, поверх которого черной тушью нанесена надпись бактрийским письмом. От нее сохранилось 5 букв: ...] (·) ο αεδο — флексия глагола третьего лица множественного числа. Фрагмент обнаружен под вторым полом помещения 16 в домовладении «А» (раскопки 1976 г.).
5. Фрагмент венчика крупного сосуда типа тагора. На внутренней поверхности нанесен прочерченный орнамент, состоявший из четырех горизонтальных, расположенных попарно линий, между которыми идут две параллельные волнистые линии. На верхней полочке венчика до обжига прочерчена бактрийская надпись, состоявшая, видимо, из трех слов: ...] αυο οηρο ουλοβο. Первое слово, от которого сохранились три буквы, читается как «Бог», второе — «Шива-Веша». Третье слово, по заключению Н. Симс-Вильямса, означает «свидетель». Следовательно, эта часть вы-

* Автор чрезвычайно признателен В. А. Лившицу и Н. Симс-Вильямсу, взявшим на себя труд прочтения надписей Заргана.

ражения читается как «Бог Шива — свидетель». Из-за плохой сохранности не совсем ясно, является ли надпись частью фразы или законченным предложением, представляющим собой религиозную формулу. Надпись располагалась по кругу на горизонтальной полочке венчика и явно заканчивалась третьим словом. Предложение могло состоять только из трех слов, поскольку звучит осмысленно, однако большой диаметр (наружный диаметр 53 см) венчиков тагора этого типа оставляет место и для более пространного выражения, начало которого утрачено. Прочитать надпись можно было, глядя на сосуд сверху, что предусматривалось, по-видимому, замыслом написавшего ее человека. Этот факт предполагает, что надписи подобного рода могли наноситься на сосуды открытой формы, предназначенные для какой-то специальной цели, наподобие кувшинов (патра), использовавшихся буддийскими монахами в качестве сосудов для приношений. Фрагмент найден среди нескольких других фрагментов от крупных сосудов, специально положенных в качестве вымостки под основание суфы помещения 157 в домовладении «В» (раскопки 1984 г.)

Монеты городища Зартепа

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
Раскоп 1							
1	Канишка III	Помещение 4, пол 1	3,21	15 × 18	I	1972	
2	Кушано-сасанидская (л. ст. стоящий царь)	Помещение 6, верх стены		12 × 14	?	1972	
Раскоп 3							
1	Кушано-сасанидская?	Помещение 1, пол 2	0,84	13 × 15	?	1973	I/2
2	Кушано-сасанидская?	За ЮВ стеной пом. 1	1,32	12 × 14	?	1973	
3	Подражание монетам Васудевы	За ЮВ стеной пом. 1	2,98	15 × 17	?	1973	
4	Васудева	Верхний кроющий слой над пом. 6	7,60	19 × 24	X	1973	Фото Массон, 1977. С. 141.
5	Неопределенная	Помещение 5, заполнение над полом	5,02	15 × 18	?	1973	
6	Канишка III	Помещение 2 на верхнем полу	4,40	18,0	XI	1973	I/1
7	Сасанидо-кушанская?	Помещение 1, пол 2	1,02	14,0	?	1973	I/2
8	Сотер Мегас	Зачистка верхнего слоя в пределах Р-3	8,41	18 × 20	XII	1973	
9	Сотер Мегас	Зачистка верхнего слоя в пределах Р-3	8,48	22,0		1973	

Приложение 2. Монеты городища Зартела

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
10	Хувишка (л. ст. царь на слоне)	Помещение 1, пол 1	9,17	23,0		1973	Фото Массон, 1977. С. 141; I/1
11	Подражание монетам Васудевы	Зачистка верхнего слоя в пределах Р-3		16,5		1973	
12	Неопределенная	Помещение 2, пол 1	1,60	15,0		1973	I/1
13	Сотер Мегас	Зачистка верхнего слоя в пределах Р-3		17,0		1973	
Раскоп 6. Домовладение «А»							
1	Подражание монетам Васудевы	Помещение 9, заполнение над полом 1	5,95	16 × 18		1975	I/1
2	Подражание монетам Васудевы	Помещение 4, пол 3	3,88	18,0		1975	II/1
3	Неопределенная	Помещение 8, пол 1		19,0		1975	I/1
4	Сасанидо-кушанская?	Помещение 8, заполнение над 3 полом	1,67	13,0		1975	II/2
5	Канишка I	Помещение 2, пол 3				1975	II/2
6	Кушано-сасанидская?	Помещение 2, пол 3		15,0		1975	II/2
7	Подражание монетам Васудевы	Помещение 4, пол 3	3,21	18,0		1975	II/1
8	Подражание монетам Васудевы	Помещение 8, заполнение между 2 и 3 полами	4,04	18,0		1975	II/2

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
9	Подражание монетам Васудевы или Васудева	Помещение 4, пол 3		21,0		1975	II/1
10	Кушано-сасанидская?	Помещение 9, заполнение над 1 полом		15,0		1975	I/1
11	Подражание монетам Васудевы	Помещение 8, пол 1		18,0		1975	I/1
12	Хувишка	Помещение 1, пол 1	7,76	20,0		1975	I/1
13	Неопределенная	Помещение 8, заполнение между 2 и 3 полами	2,52	14 × 15		1975	II/2
14	Подражание монетам Васудевы	Помещение 1, заполнение над 1 полом	4,36	16 × 18		1975	I/1
15	Неопределенная	Помещение 4, пол 3	1,21	13?		1975	II/1
16	Васудева	Помещение 4, заполнение над 3 полом	6,90	23		1975	II/1
17	Васудева	Помещение 4, пол 3. в хуме «В»	6,59	20 × 24		1975	II/1
18	Канишка III	Помещение 4, заполнение над 3 полом	6,38	18 × 19		1975	II/1
19	Подражание монетам Васудевы	Помещение 15, пол 2	6,39	19		1976	II/1
20	Кушано-сасанидская?	Помещение 17, пол 1	1,04	16		1976	I/1
21	Кушано-сасанидская?	Помещение 17, пол 1	1,31	15		1976	I/1
22	Васудева или подражание его монетам	Помещение 4, заполнение над 3 полом	7,45	21,0		1978	II/1
23	Неопределенная	Помещение 2, пол 3	2,77	16,5		1978	II/1

Приложение 2. Монеты городища Зартета

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
24	Неопределенная	Помещение 2, пол 3	3,69	18,0		1978	II/1
25	Вима Кадфиз	Помещение 53, пол 3	17,0	29,0		1977	II/1. Зеймаль, 1967. Рис. 4; 5, переотложена?
26	Хувишка (царь на слоне)	Помещение 54, пол 1				1977	II/1, переотложена?
Раскоп 6. Домовладение «Б»							
1	Неопределенная	Помещение 25, пол 2	3,10	16		1976	I/2
2	Сотер Мегас	Помещение 25, пол 2	4,29	?		1976	I/2
3	Подражание чекану Гелиокла	Помещение 65, заполнение над 1 полом	11,91	31,0		1979	I/1, переотложена
4	Канишка III	Помещение 68, пол 3		20,0		1979	II/1
5	Канишка III	Помещение 71, пол 3		22,0		1979	II/1
6	Канишка III	Помещение 77, заполнение над 1 полом		18 × 21		1979	I/1
7	Сотер Мегас	Помещение 77, заполнение над 2 полом	8,48	24		1979	I/2, переотложена
Раскоп 6. Домовладение «В»							
1	Васудева или подражание его монетам	Помещение 118, верхний слой над 1 полом	3,99	18,5	XII	1982	I/1

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
2	Неопределенная	Помещение 118, заполнение над 1 полом	6,44	17 × 18		1982	I/1
3	Сасанидо-кушанская. Хормизд (корона со львом)	Помещение 119, пол 1	1,19	14,5		1982	I/1
4	Сасанидо-кушанская. Хормизд (корона со львом)	Помещение 121, пол 1	1,79	13 × 13,5		1982	I/1
5	Подражание монетам Васудевы?	Помещение 124, заполнение над 1 полом	3,53	18 × 20		1982	I/1
6	Сасанидо-кушанская (об. ст. 7)	Помещение 122, пол 1	0,86	12,3		1982	I/1
7	Подражание монетам Васудевы?	Помещение 123/134, пол 1	3,52	17,5		1982	II/1
8	Подражание монетам Васудевы?	Помещение 123/134, пол 1	2,69	17		1982	II/1
9	Неопределенная, сасанидо-кушанская?	Помещение 123/134, пол 2	1,10	14,2		1982	II/2
10	Подражание монетам Васудевы или Канишки III	Помещение 122, пол 1	1,31	13		1982	I/1
11	Подражание монетам Васудевы (V период)	Помещение 121/122, пол 1	1,62	15		1982	II/2
12	Неопределенная (кушано-сасанидская)	Помещение 119, заполнение над 2 полом	2,57	17		1982	I/2
13	Подражание монетам Канишки III	Помещение 121/122, пол 2	4,80	19,2	XII?	1982	II/2
14	Канишка I (об. ст. бог Вад)	Помещение 128, пол 2.	14,88	24		1982	I/2

Приложение 2. Монеты городища Зартепя

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
15	Подражание монетам Васудевы (V или VI периоды?)	Помещение 128, пол 2	1,02	15		1982	I/2
16	Подражание монетам Васудевы (VI период?)	Помещение 128, пол 2	0,97	14		1982	I/2
17	Неопределенная (подражание монетам Васудевы?)	Помещение 128, пол 2	1,88	15		1982	I/2
18	Кушано-сасанидская	Помещение 128, пол 2	2,15	17,03		1982	I/2
19	Канишка I (об. ст. бог Михр?)	Помещение 128, пол 2	10,07	22	XII	1982	I/2
20	Подражание монетам Васудевы?	Помещение 128, пол 2	0,67	12,6	?	1982	I/2
21	Канишка I (об. ст. четверорукий Виша)	Помещение 122, пол 2	14,56	24	XII	1982	II/2
22	Подражание монетам Канишки III	Помещение 131, пол 2	6,38	17 × 19	XI	1982	I/2
23	Неопределенная (сасанидо-кушанская?)	Помещение 137, пол 1	0,92	12 × 13		1982	II/1
24	Неопределенная (подражание монетам Васудевы?)	Помещение 137, пол 1	2,27	12 × 15		1982	II/1
25	Подражание монетам Васудевы (VI период?)	Помещение 132, заполнение над 2 полом	0,84	15,0	XI	1982	I/2
26	Кушаншах Варахран I (e/7)	К ССЗ от пом. 132, верхний слой	0,62	14,2	III	1982	
27	Неопределенная (сасанидо-кушанская?)	Помещение 131, пол 3	0,78	11 × 13		1982	II/1

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
28	Сотер Мегас	Помещение 130, заполнение над 2 полом	1,65	13,1		1982	I/2
29	Подражание монетам Васудевы	Помещение 132, заполнение над 1 полом	2,05	18,4	XII	1982	I/1?
30	Сасанидо-кушанская. Варахран I (об. ст. 7)	В проходе из пом. 127 в пом. 135, над 2 полом	1,15	13,8		1982	I/2
31	Неопределенная (сасанидо-кушанская?)	Помещение 136, пол 1	1,37	13		1982	II/1
32	Сасанидо-кушанская. Варахран II	Помещение 136, пол 1	0,54	12		1982	II/1
33	Сасанидо-кушанская. Хормизд	Помещение 136, пол 1	0,50	12 × 14		1982	II/1
34	Кушаншахр Варахран I (с/7)	Помещение 136, пол 1	1,07	13 × 14	II	1982	II/1
35	Сасанидо-кушанская (об. ст. 7)	Помещение 131, пол 2	1,06	12,5 × 14		1982	I/2
36	Подражание монетам Васудевы (IV период?)	Помещение 142, пол 3	1,04	15		1983	I/3
37	Подражание монетам Васудевы (IV период?)	Помещение 148, пол 2	1,91	15,5		1983	II/2
38	Васудева или подражание его монетам	Помещение 148, заполнение между 2 и 3 полами	4,63	19 × 21		1983	II/3

Приложение 2. Монеты городища Зартета

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
39	Кушано-сасанидская?	Помещение 148, заполнение между 2 и 3 полами	1,35	15 × 17		1983	II/3
40	Канишка I (об. ст. Михр?)	Помещение 148, заполнение между 2 и 3 полами	13,07	24,5 × 25		1983	II/3
41	Подражание монетам Васудевы (V период?)	Помещение 143, пол 1	1,21	13 × 14,5		1983	I/1
42	Подражание монетам Васудевы (V период?)	Помещение 143, пол 1	0,73	14		1983	I/1
43	Подражание монетам Васудевы (V период?)	Помещение 150, под очагом	1,55	15		1983	I/2
44	Подражание монетам Васудевы (V период?)	Помещение 150, под очагом	1,23	15		1983	I/2
45	Soter Megas	Помещение 152, пол 5	6,26	18		1983	II/2
46	Soter Megas	Помещение 152, заполнение над 1 полом	6,34	20 × 21		1983	I/1
47	Обломок монеты?	Помещение 141, пол 1	(1,43)	?		1983	I/1
48	Неопределенная (сасанидо-кушанская?)	Помещение 141, заполнение над 2 полом	1,16	13 × 14		1983	I/2
49	Сасанидо-кушанская. Хормизд (корона со львом)	Помещение 154, заполнение над 1 полом II горизонта	1,36	13		1983	II/1

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
50	Подражание монетам Васудевы (V период)	Помещение 154, II горизонт, заполнение над 2 полом	0,66	14		1983	II/2
51	Подражание монетам Хувишки?	Помещение 154, пол 1 II горизонта	1,21	17		1983	II/1
52	Васудева или подражание его монетам	Яма в помещении 141	4,32	19		1983	0
53	Сотер Мегас	Помещение 138, заполнение над 7 полом	5,77	18 × 19		1983	III/1
54	Подражание монетам Васудевы?	Помещение 138, заполнение над 5 полом	3,60	16,5		1983	II/2
55	Подражание монетам Васудевы	В верхнем слое к западу от пом. 159	2,41	15 × 17		1984	
56	Подражание тетрадрахам Гелнокла	Помещение 138, пол 3				1984	I/3
57	Неопределенная	Помещение 141, зеленый гумусный слой	?	?		1984	обломки, не чистилась
58	Подражание монетам Васудевы	Помещение 141, зеленый гумусный слой	0,90	15 × 17		1984	
59	Подражание монетам Васудевы	Помещение 141, зеленый гумусный слой	0,73	13		1984	

Приложение 2. Монеты городища Зартепа

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
60	Кушано-сасанидская	Помещение 157, заполнение над 2 полом	0,90	14 × 16		1984	I/I
61	Неопределенная	Помещение 141, зеленый гумусный слой	0,50	14		1984	не реставрирована, сохранность плохая
62	Подражание монетам Васудевы	Помещение 141, зеленый гумусный слой	3,09	14 × 17		1984	
63	Подражание монетам Васудевы	Помещение 141, зеленый гумусный слой	0,64	12 × 15		1984	сохранность плохая
64	Подражание монетам Васудевы	Помещение 157, заполнение над 3 полом	2,48	18,5		1984	III/I
65	Подражание монетам Васудевы	Помещение 156, пол 3	5,49	17 × 18		1984	III/I
66	Неопределенная	Помещение 141, зеленый гумусный слой	1,05	20?		1984	очень плохая сохранность
67	Кушано-сасанидская?	Помещение 159, заполнение над 2 полом	1,10	17?		1984	I/I
68	Сотер Мегас	Помещение 138, пол 4	1,59	11 × 12		1984	III/I
69	Канишка III?	Верхний слой над пом. 160	6,64	22		1984	

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
70	Подражание монетам Васудевы	Верхний слой ямы-свалки в пом. 141	2,43	16		1984	
71	Сасанидо-кушанская (л. ст. Хормизд вправо с львиной короной, об. ст. Шива с быком)	Верхний слой ямы-свалки в пом. 141	1,26	18		1984	
72	Сотер Мегас	Верхний слой над пом. 157	7,01	19		1984	
73	Вима Кадфиз	Помещение 160, пол 3	14,50	25 × 26		1984	II/1?
74	Вима Кадфиз	Помещение 160, пол 3	14,84	25		1984	II/1?
75	Хувишка	Заполнение ямы в пом. 160, нижний гумусный слой	7,00	22		1984	
76	Канишка III?	Помещение 161, пол 2	5,21	20		1984	II/2
77	Канишка I (об. ст. Михр)	Верхний слой над пом. 163	16,29	25		1984	
78	Сотер Мегас	Помещение 159, в хуме Б	6,73	22,4	XII	1984	I/2
79	Сотер Мегас	Помещение 159, в хуме Б	7,12	22,0	XII	1984	I/2
80	Сотер Мегас	Помещение 159, в хуме Б	7,08	19,8		1984	I/2
81	Сотер Мегас	Помещение 159, в хуме Б	7,27	20,9		1984	I/2
82	Сотер Мегас	Помещение 159, в хуме Б	7,15	21,3		1984	I/2

Приложение 2. Монеты городища Зартепа

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
83	Сотер Мегас	Помещение 159, в хуме Б	6,55	20,1		1984	1/2
84	Сотер Мегас	Помещение 159, в хуме Б	7,29	20,4		1984	1/2
85	Сотер Мегас	Помещение 159, в хуме Б	7,30	19,8		1984	1/2
86	Сотер Мегас	Помещение 159, в хуме Б	7,87	20,0		1984	1/2
87	Сотер Мегас	Помещение 159, в хуме Б	7,12	20,4		1984	1/2
88	Сотер Мегас	Помещение 159, в хуме Б	7,12	19,9		1984	1/2
89	Сотер Мегас	Помещение 159, в хуме Б	7,53	21,4		1984	1/2
90	Сотер Мегас	Помещение 159, в хуме Б	7,48	20,6		1984	1/2
91	Сотер Мегас	Помещение 159, в хуме Б	7,93	22,8		1984	1/2
92	Сотер Мегас	Помещение 159, в хуме Б	7,71	20,9		1984	1/2
93	Сасанидо-кушанская группы «Кободо»	Помещение 159, заполнение над 2 полом.	?	17 × 20		1984	1/1
94	Сотер Мегас	Помещение 159, заполнение над 2 полом	4,22	20		1984	1/2
95	Сотер Мегас	Помещение 160, пол 2	2,01	13,1	XII	1985	1/2

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
96	Подражание тетрадрахамм Гелиокла (переход от III периода к IV или период V?)	Помещение 166, из заполнения прохода, в кирпиче	12,83	31,5	XII	1985	
97	Васудева?	Помещение 167, заполнение над 2 полом	6,84	17 × 19		1985	I/2 (не реставрирована)
98	Подражание тетрадрахамм Гелиокла — видимо, VI период	Помещение 133, заполнение над 2 полом II стр. горизонт	14,40	29		1985	II/2 (не реставрирована)
99	Подражание тетрадрахамм Гелиокла — VI период	Помещение 133, заполнение над 3 полом II стр. горизонт	14,29	30,2	XII	1985	II/3
100	Сотер Мегас (без слова «Мегас» в легенде)	Помещение 133, заполнение над 3 полом II стр. горизонт	6,90	21,7	I	1985	II/3
101	Подражание монетам Васудевы (2 стадии)	Помещение 164, заполнение над 3 полом	3,72	18,7	XII	1985	II/1
102	Подражание монетам Васудевы (литая монета?)	Помещение 164, заполнение над 3 полом	1,03	18,6	XII ?	1985	II/1
103	Сасанидо-кушанская группы «Кободов»?	Помещение 156, зольный слой	6,35	16 × 20		1985	не реставрирована
104	Кушано-сасанидская (л. ст. — стоящий царь, об. ст. — Шива перед быком)	Помещение 164, заполнение над 2 полом	1,10	18,8	XII	1985	II/2

Приложение 2. Монеты городища Зартета

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
105	Подражание тетрадрахамм Гелиокла (II или III период)	Помещение 133, III стр. горизонт	8,60	29,2	?	1986	Оборотная сторона затерта. III/1, IV?
106	Подражание тетрадрахамм Гелиокла (II или III период)	Помещение 133, III стр. горизонт	9,93	29,4	XII	1986	III/1, IV?
107	Подражание тетрадрахамм Гелиокла (II или III период)	Помещение 133, III стр. горизонт	11,37	30,5	XII	1986	III/1, IV?
108	Подражание монетам Васудевы (4 стадия?)	Помещение 172, в разрезе улицы «Внутриквартальной»	4,02	18,8	XII	1986	
109	Подражание монетам Васудевы (3 стадия)	Помещение 172, на уровне нижнего пола	1,97	18,4	XII?	1986	III/1, IV?
110	Неопределенная	Пом. 171 — переулок, зеленый гумусный слой, 5 уровень	3,19	17,5	?	1986	
110	Подражание монетам Васудевы (4 стадия?)	Помещение 157, в проходе на ССЗ	1,45	20,1	XII?	1986	
Раскоп 6. Домовладение «Г»							
1	Канишка I	Помещение 42, в хуме на уровне I пола	7,66	22		1976	Зеймаль Е. В., 1967. Рис. 5, 3
2	Неопределенная	Помещение 43, пол ?	6,89	17 × 20		1976	II/1

№	Тип монеты	Место нахождения	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
3	Подражание монетам Васудевы	Помещение 42, пол 2	5,77	17 × 20		1976	I/1
4	Неопределенная	Помещение 42, заполнение над полом 2	1,77	14		1976	I/1
5	Сасанидо-кушанская группы «Кободо»	Помещение 61, пол 2	4,12	17 × 18		1978	I/1
6	Сотер Мегас (тетрадрахма)	Помещение 45, между кирпичами при разборке стены	6,99	15,5		1980	
7	Подражание монетам Васудевы	Помещение 45, в стене	4,55	20,3		1980	
8	Подражание монетам Васудевы	Помещение 45, в стене	3,84	17,9		1980	
9	Подражание монетам Васудевы	Помещение 45, в стене	5,01	21,4		1980	
10	Сасанидо-кушанская. Кушаншах Хормизд (лев)	Помещение 86, пол 3	1,91	14,4		1980	II/1
11	Сасанидо-кушанская. Кушаншах Варахран I	Помещение 86, пол 3	1,37	?		1980	II/1
12	Сасанидо-кушанская группы «Кободо»	Помещение 86, пол 4	3,55	16,7		1980	II/2
13	Подражание монетам Васудевы	Помещение 87 II стр. период	1,52	15,3		1980	II/?
14	Неопределенная	Помещение 87, верхний слой над ВСВ стеной	2,04	16,0		1980	

Приложение 2. Монеты городища Зартепа

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
15	Подражание монетам Васудевы	Помещение 87, заполнение над 1 полом	3,94	19,8		1980	I/1
16	Сасанидо-кушанская?	Помещение 87, заполнение над полом 3	1,35	15,2		1980	II/2
17	Подражание монетам Васудевы	К ЗЮЗ от пом. 88, верхний слой	2,85	18,1		1980	
18	Неопределенная	Помещение 89, верхний слой	1,59	15,5		1980	
19	Сасанидо-кушанская?	Помещение 89, заполнение над полом 4	2,14	14,9		1980	II/1
20	Неопределенная	Помещение 89, пол 4	2,95	16,3		1980	II/1
21	Сасанидо-кушанская?	Помещение 89, пол 5	?	?		1980	II/2
22	Неопределенная	Помещение 90, заполнение над полом 1	3,68	17,9		1980	I/1
23	Сасанидо-кушанская?	Помещение 90, на дне ямы	1,02	16,1		1980	
24	Сасанидо-кушанская?	Помещение 93, пол 4	1,63	15,3		1980	II/2
25	Неопределенная	Помещение 93, заполнение над полом 4	1,91	16,0		1980	II/2

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
26	Сасанидо-кушанская?	Помещение 99, заполнение над полом 2	1,08	13,9		1980	II/1
27	Подражание монетам Васудевы	Помещение 99, заполнение над полом 3	4,50	19,4		1980	II/2
28	Сасанидо-кушанская. Хормизд (корона со львом)	Помещение 103, над полом 2	1,49	14		1981	I/2
29	Сасанидо-кушанская?	Помещение 103, заполнение над полом 1	1,29	15		1981	I/1
30	Сасанидо-кушанская. Хормизд (корона со львом)	Помещение 103, пол 1	1,63	14,5		1981	I/1
31	Подражание монетам Васудевы	Помещение 103, пол 1	1,45	13 × 16		1981	I/1
32	Подражание монетам Васудевы	Помещение 104, пол 2	2,79	16 × 18		1981	III/1
33	Сасанидо-кушанская?	Помещение 106, заполнение над 1 полом	1,16	14		1981	I/1
34	Подражание монетам Васудевы	Помещение 105, заполнение над 1 полом	1,39	14 × 15		1981	I/1
35	Сасанидо-кушанская. Хормизд (корона со львом)	Помещение 106, заполнение над полом 2	0,88	13		1981	I/2
36	Кушано-сасанидская?	Помещение 106, пол 2	?	13		1981	I/2

Приложение 2. Монеты городища Зартена

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
37	Сасанидо-кушанская. Варахран I	Помещение 106, пол 2	1,72	14,5		1981	I/2
38	Сасанидо-кушанская?	Помещение 106, пол 2	0,91	13		1981	I/2
39	Сасанидо-кушанская?	Помещение 106, пол 2	0,95	15		1981	I/2
40	Сасанидо-кушанская?	Помещение 106, пол 2	0,65	14		1981	I/2
41	Сасанидо-кушанская. Хормизд	Помещение 106, пол 2	1,18	14,7		1981	I/2
42	Неопределенная	Помещение 106, пол 2	1,18	11 × 14		1981	I/2
43	Сасанидо-кушанская?	Помещение 106, пол 2	0,70	12		1981	I/2
44	Сасанидо-кушанская. Хормизд	Помещение 106, пол 2	1,17	14		1981	I/2
45	Сасанидо-кушанская?	Помещение 106, пол 2	1,44	13		1981	I/2
46	Сасанидо-кушанская?	Помещение 106, пол 2	1,22	13,5		1981	I/2
47	Сасанидо-кушанская?	Помещение 106, пол 2	1,34	14		1981	I/2
48	Сасанидо-кушанская?	Помещение 106, пол 2	0,74	13		1981	I/2
49	Сасанидо-кушанская?	Помещение 106, пол 2	0,99	13?		1981	I/2
50	Сасанидо-кушанская?	Помещение 106, пол 2	1,00	12,5		1981	I/2
51	Сасанидо-кушанская. Хормизд	Помещение 106, пол 2	1,36	14 × 17		1981	I/2

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
52	Сасанидо-кушанская. Хормизд (лев)	Помещение 106, пол 2	1,54	16		1981	I/2
53	Сасанидо-кушанская?	Помещение 106, пол 2	1,00	15		1981	I/2
54	Сасанидо-кушанская?	Помещение 106, пол 2	0,87	12		1981	I/2
55	Сасанидо-кушанская?	Помещение 106, пол 2	0,69	13		1981	I/2
56	Сасанидо-кушанская. Варахран II (шлем с рогами)	Помещение 106, пол 2	1,08	14		1981	I/2
57	Сасанидо-кушанская. Варахран I	Помещение 106, пол 2	0,66	?		1981	I/2
58	Обломок монеты	Помещение 106, пол 2	0,07	?		1981	I/2
59	Подражание монетам Васудевы	Помещение 108, заполнение над полом 1	0,51	?		1981	I/1
60	Сасанидо-кушанская. Хормизд (лев)	Помещение 108, пол 1	1,22	14		1981	I/1
61	Сасанидо-кушанская?	Помещение 106, пол 2	0,95	13		1981	I/2
62	Сасанидо-кушанская?	Помещение 106, пол 1	1,36	16?		1981	I/1
63	Сасанидо-кушанская?	Помещение 106, заполнение над полом 2	1,65	15		1981	I/2
64	Неопределенная	Помещение 108, пол 3	2,00	14		1981	II/1

Приложение 2. Монеты городища Зартепа

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
65	Хувишка	В кирпиче ССЗ стены помещения 100	5,87	22 × 24,5		1981	
66	Кушано-сасанидская?	Двор «Г», нижний уровень	1,04	14		1981	
67	Кушано-сасанидская?	Помещение 112, заполнение над полом 1	1,47	16		1981	I/1
68	Подражание монетам Васудевы	Помещение 112, заполнение над полом 1	3,54	17		1981	I/1
69	Подражание монетам Васудевы	Помещение 113, пол 1	1,54	14 × 16		1981	I/1
70	Подражание монетам Васудевы	Помещение 110, заполнение над полом 2	2,05	13 × 16		1981	I/2
71	Подражание монетам Васудевы	Помещение 112, пол 1	4,53	16		1981	I/1
72	Кушано-сасанидская?	Помещение 112, заполнение над полом 1	1,45	14,5		1981	I/1
73	Подражание монетам Васудевы	Помещение 113, пол 1	3,10	17		1981	I/1
74	Подражание монетам Васудевы	Помещение 112, заполнение над полом 1	1,16	15		1981	I/1
75	Подражание монетам Васудевы	Помещение 112, заполнение над полом 2	3,21	18		1981	I/2

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
76	Подражание монетам Васудевы	Помещение 114, пол 1	4,16	17,5		1981	I/1
77	Подражание монетам Васудевы	Помещение 114, заполнение над полом 1	1,53	16		1981	I/1
78	Подражание монетам Васудевы	Помещение 114, заполнение над полом 2	1,13	12 × 15		1981	I/2
79	Сасанидо-кушанская группы «Кободо»	Помещение 114, пол 2	3,56	15 × 16		1981	I/2
80	Сасанидо-кушанская группы «Кободо»	Помещение 114, пол 2	3,18	16 × 18		1981	I/2
Раскоп 6. Домовладение «Д»							
1	Сотер Мегас	Помещение 27, над 1 полом	8,14	20		1976	I/1, переотложена
2	Васудева или подражание его монетам	Помещение 13, пол 2	5,37	20 × 21		1976	I/2
3	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	1,90	14,5		1976	II/1
4	Сасанидо-кушанская. Кушаншах Варахрам II?	Помещение 21, пол 2	1,54			1976	I/2
5	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	1,70	13		1976	II/1
6	Подражание монетам Васудевы	Помещение 22, пол 3	1,67	14		1976	II/1
7	Подражание монетам Васудевы	Помещение 22, пол 3	1,20	13		1976	II/1
8	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	2,03	14		1976	II/1

1

2

3

4

Вклейка 1

1. Лепная фигурка всадника. Лицо оттиснуто в матрице
2. Лепная фигурка всадника в чалме (?)
3. Две лепные фигурки всадников
4. Лепная фигурка сидящей женщины с ребенком на руках

1

2

3

4

Вклейка 2

1. Лепная фигурка мужчины (торс)
2. Лепная фигурка мужчины в чалме (?)
3. Матрица для изготовления фигурок богини Ардохшо (?)
4. Оттиск с матрицы, изготовленный в лабораторных условиях

1

2

3

4

Вклейка 3

1. Матричный оттиск фигурки божества со змеей и сосудом в левой руке
2. Матричный оттиск с изображением юноши, играющего на флейте Пана
3. Матричный оттиск с изображением музыкальной процессии
4. Матричный оттиск с изображением женщины с сосудом в левой руке

1

2

3

4

Вклейка 4

1. Матричный оттиск с изображением женщины с сосудом в левой руке
2. Матричный оттиск с изображением ящерицы
3. Матричный оттиск с изображением фигуры, одетой в драпированные одежды
4. Матричный оттиск с изображением женской фигуры под аркой

1

2

3

4

Вклейка 5

1. Матричный оттиск с изображением пары влюбленных
2. Матричный оттиск с изображением мужчины в кафтане с сосудом в левой руке
3. Налеп на стенку сосуда (?) в виде головы Геракла
4. Налеп на стенку сосуда, изображающий сасанидского или кушано-сасанидского правителя (?)

1

2

3

4

Вклейка 6

1. Кувшин, изготовленный в подражание римским металлическим образцам
2. Матричный оттиск с изображением боддисатвы
3. Налеп в виде мордочки льва
4. Фрагмент чаши с наделом в виде мордочки льва

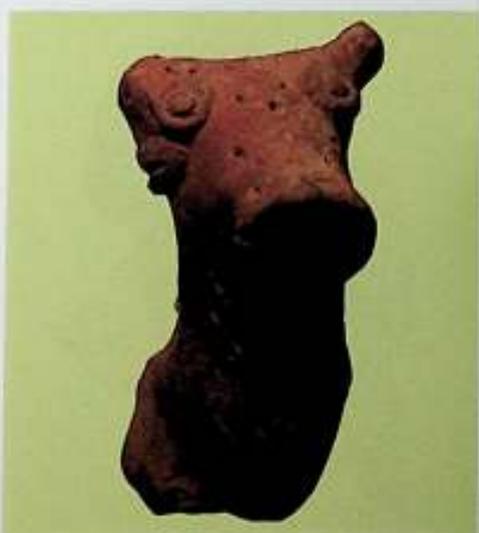
1

2

3

4

Вклейка 7

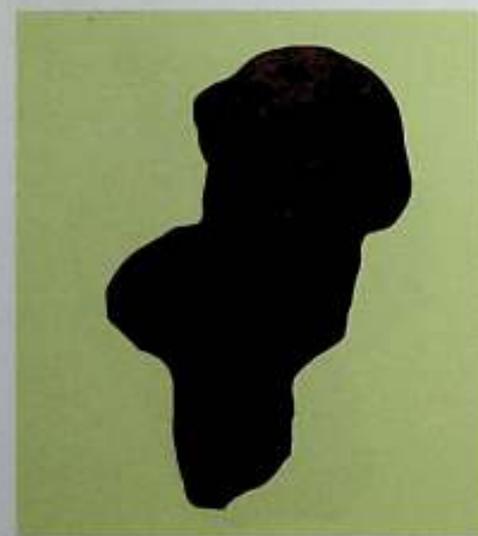
1. Налеп в виде морды льва, располагавшийся под ручкой кувшина
2. Фрагмент лепной фигурки коня с седлом
3. Фрагмент лепной фигурки быка зебу
4. Налеп на стенку сосуда (?) в виде головы быка (?)

1

2

3

4

Вклейка 8

1. Фрагмент налепа на керамике (?) в виде головки «кошачьего хищника» (?)
2. Налеп на венчике чаши в виде головки «кошачьего хищника» (?)
3. Лепная фигурка в виде «кошачьего хищника» (?)
4. Налеп на ручке сосуда в виде животного с высунутым языком неясной видовой принадлежности

1

2

3

4

Вклейка 9

1-4. Налепы на ручках сосудов виде головки обезьянки

1

2

3

4

Вклейка 10

1. Налеп на ручке сосуда в виде головки обезьянки
2. Налеп под ручкой кувшина в виде головки обезьянки
- 3-4. Ручки кувшинов в виде ежа или кабана

1

2

3

4

Вклейка 11

1-4. Ручки сосудов в виде животных неясной видовой принадлежности

1

2

3

4

Вклейка 12

1. Ручка сосуда в виде животного неясной видовой принадлежности
2. Гипсовая головка Будды
3. Фрагмент гипсовой пристенной скульптуры, изображавшей женскую фигуру
4. Обратная сторона скульптуры, изображавшей женскую фигуру

1

2

3

4

Вклейка 13

1. Глиняная голова скульптуры, изображавшей Будду, из раскопа 2
2. Завитки прически, покрывавшей ушнишу скульптуры Будды из раскопа 2
3. Заготовка для изделия из рога бухарского оленя
4. Костяная ручка орудия (?)

1

2

3

4

Вклейка 14

1. Роговой псалий
2. Игральная кость
3. Альчики
4. Кольцо из раковины

1

2

3

4

Вклейка 15

1. Кольцо из раковины
2. Составная часть браслета из раковины
3. Составная часть ожерелья из раковины
4. Раковина каури

1

2

3

4

Вклейка 16

1. Железный ключ от дверного запора
2. Железное долото (?)
3. Железный перстень
4. Железный перстень с изображением на щитке стоящей фигуры

1

2

3

4

Вклейка 17

1. Железная ременная пряжка
2. Бронзовый медальон с изображением кушанского царя Хувишки
3. Фрагмент восьмиарочного китайского бронзового зеркала
4. Фрагмент железного серпа (?)

1

2

3

4

Вклейка 18

1. Каменная гиря с семью насечками
2. Каменное точило (?) с отверстием по центру
- 3-4. Точильные камни

1

2

3

4

Вклейка 19

1-3. Точильные камни с отверстием для подвешивания
4. Предмет неясного назначения из стеатита

1

2

3

4

Вклейка 20

1-2. Терочки из гранита

3. Мини-база из мергелистого известняка

4. Фрагмент волюты из мергелистого известняка

1

2

3

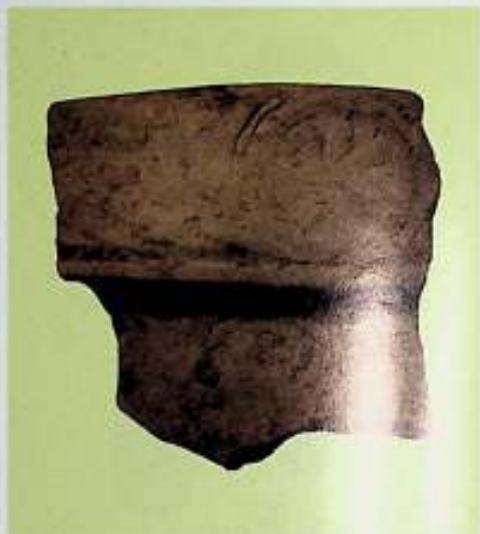
4

Вклейка 21

1. Водолей или ритон в виде коня
2. Ритон в виде козла
3. Фрагмент венчика курильницы с резным орнаментом
4. Глиняная плакетка с изображением светил, зайца и козла

1

2

3

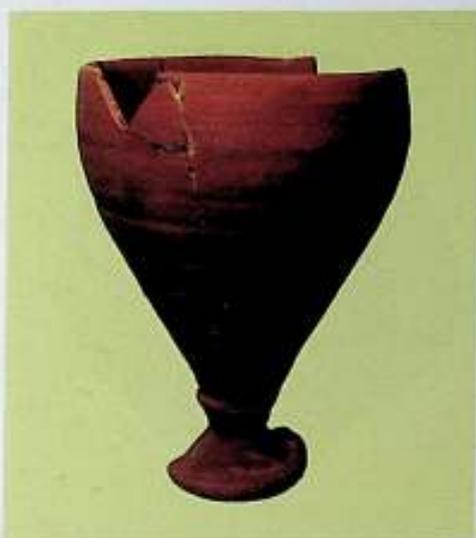
4

Вклейка 22

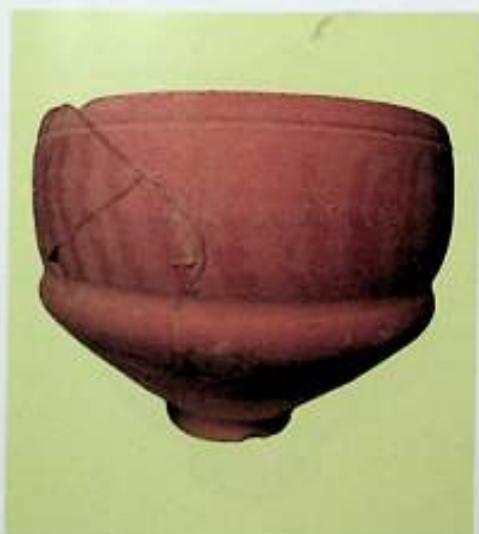
1. Штамп с изображением божества на колеснице
2. Штамп с изображением пальметты
3. Штамп с изображением козла и дерева (?)
4. Штамп с изображением монеты Сотера Мегаса

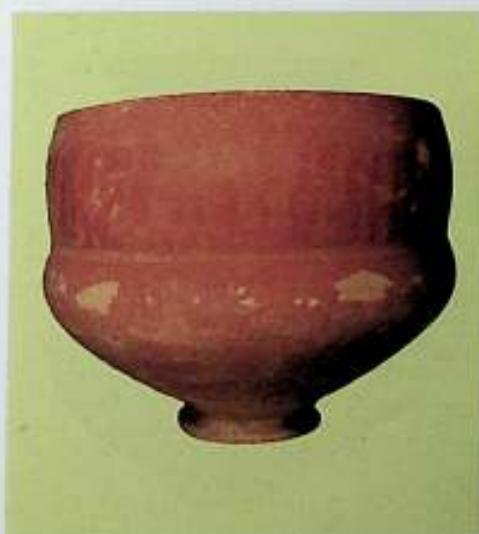
1

2

3

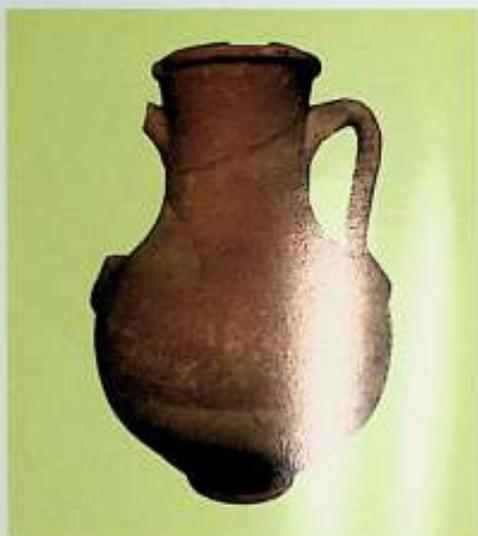
4

Вклейка 23

1. Сосудик со штампованным орнаментом из комплекса I/3
2. Сосудик из комплекса II/1
3. Сосудик из комплекса II/2
4. Сосудик из комплекса I/3

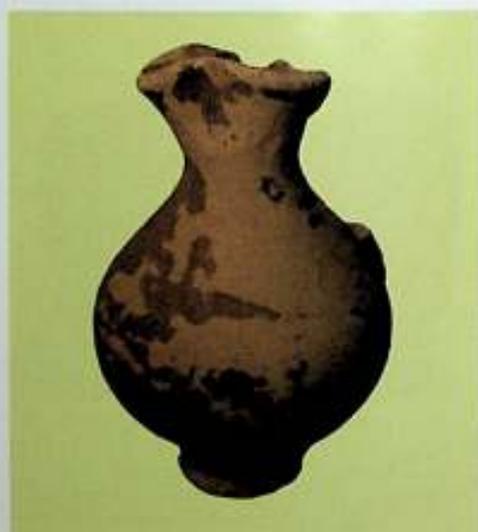
1

2

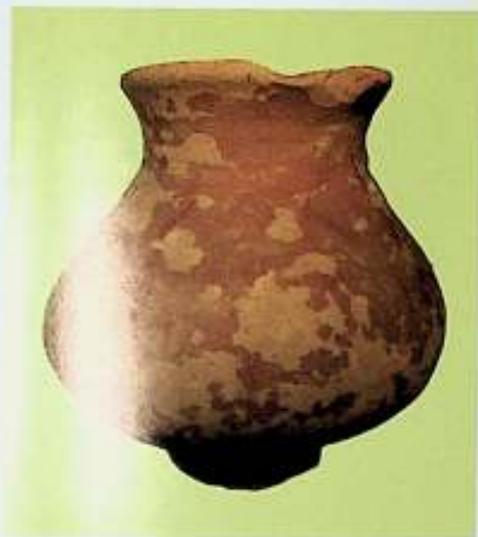
3

4

Вклейка 24

1. Кружка из комплекса 0
2. Двуручный кувшинчик из комплекса I/2
3. Двуручный кувшинчик со штампованным орнаментом из комплекса II/3
4. Кувшинчик со сливом из комплекса II/3

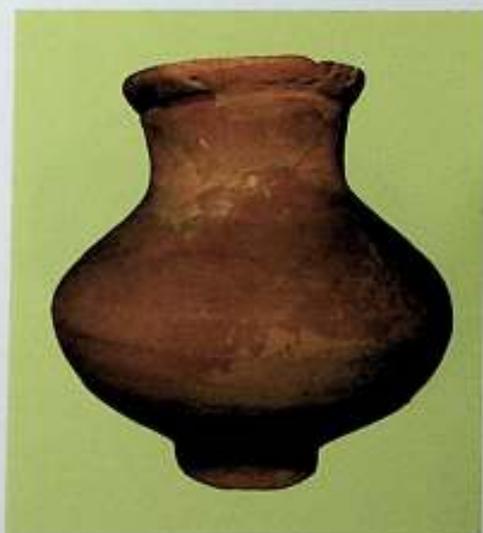
1

2

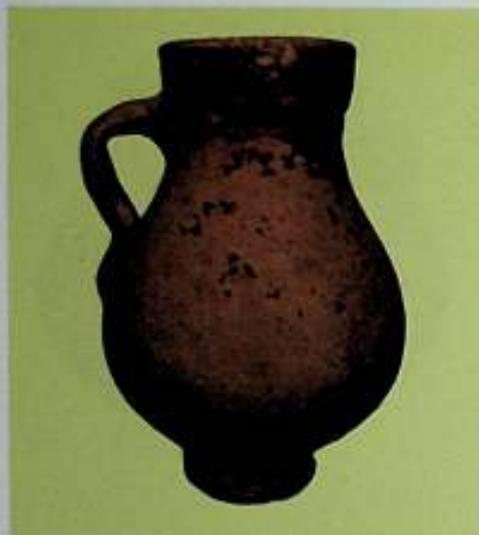
3

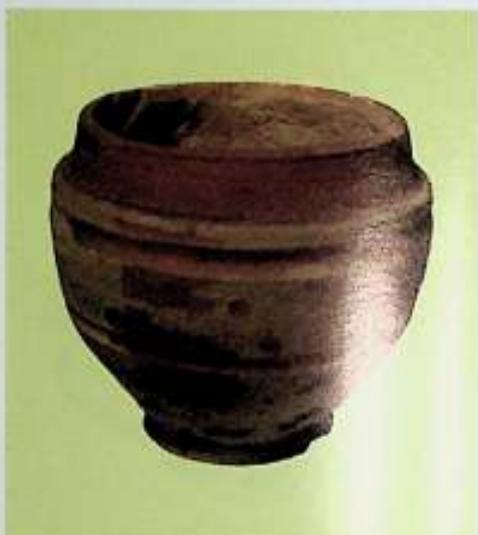
4

Вклейка 25

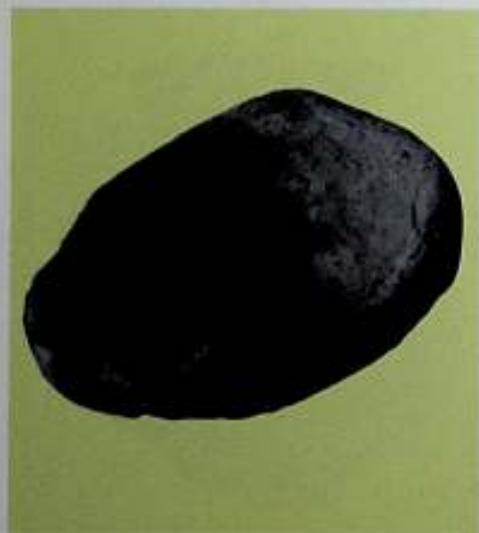
1. Сосудик со штампованным орнаментом из комплекса I/3
2. Сосудик из комплекса II/1
3. Сосудик из комплекса II/2
4. Сосудик из комплекса I/3

1

2

3

4

Вклейка 26

1. Кружка из комплекса 0
2. Двуручный кувшинчик из комплекса I/2
3. Двуручный кувшинчик со штампованным орнаментом из комплекса II/3
4. Кувшинчик со сливом из комплекса II/3

3

4

Вклейка 27

1. «Утюгообразный» светильник
2. Светильник месопотамского типа
3. Светильник с ручкой
4. Светильник-плошка каратепинского типа

1

2

3

4

Вклейка 28

1. Миниатюрный сосудик (тушечница?)
2. Керамическая фляга
3. Керамическая матрица для изготовления наклепного орнамента на керамику
4. Вогнутая крышка с шишковидной ручкой

1

2

3

4

Вклейка 29

- 1-2. Крышки с шишковидной ручкой
3. Вогнутая крышка с ручкой, использовавшаяся для хозяйственной посуды
4. Плоская крышка с ручкой в виде гребешка

1

2

3

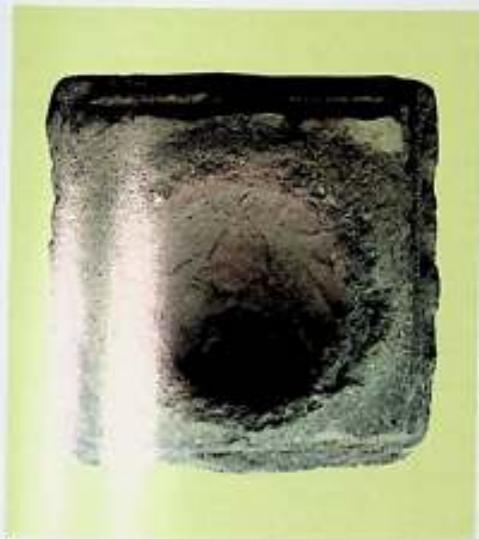
4

Вклейка 30

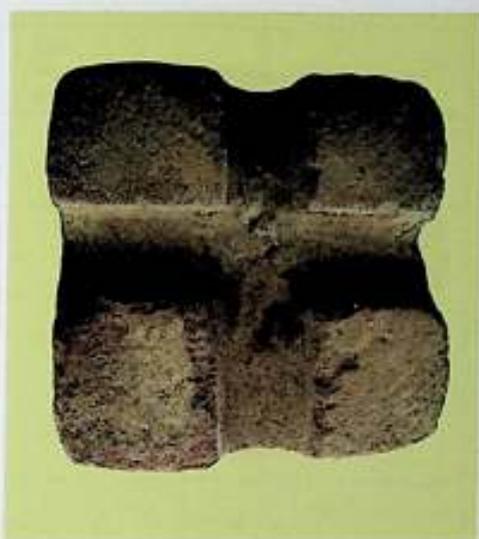
1. «Цедилка»

2. Дно «цедилки» со сквозными отверстиями

3-4. Разные типы «солонок» из керамического комплекса I/3

1

2

3

4

Вклейка 31

1. Керамическая курильница
2. Обратная сторона курильницы с крестовидной прорезью
3. Керамическая курильница с подставкой в виде коня
4. Керамическая курильница с подставкой в виде тяни-толкая

1

2

3

4

Вклейка 32

1. Обратная сторона столика на трех ножках
2. Лицевая сторона другого столика на трех ножках.
3. Миниатюрный столик на трех ножках
4. Обратная сторона столика с пальцевым вдавлением

Приложение 2. Монеты городища Зартепа

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
9	Подражание монетам Васудевы	Помещение 22, пол 3	1,82	14		1976	II/1
10	Неопределенная	Помещение 22, пол 3	1,73	13		1976	II/1
11	Неопределенная	Помещение 22, пол 3	1,37	12,5		1976	II/1
12	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	1,33	14		1976	II/1
13	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	1,63	13		1976	II/1
14	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	1,55	15		1976	II/1
15	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	1,59	12		1976	II/1
16	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	1,22	13		1976	II/1
17	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	1,43	15,5		1976	II/1
18	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	1,29	14		1976	II/1
19	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	1,08	13		1976	II/1
20	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	1,11	14		1976	II/1
21	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	1,30	13		1976	II/1
22	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	1,27	14		1976	II/1
23	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	0,97	12		1976	II/1

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
24	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	1,14	14		1976	II/1
25	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	1,14	13?		1976	II/1
26	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	0,87	13		1976	II/1
27	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	0,77	12		1976	II/1
28	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	1,09	12		1976	II/1
29	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	1,04	11 × 13		1976	II/1
30	Сасанидо-кушанская. Кушаншах Хормизд	Помещение 22, пол 3	0,96	11 × 13		1976	II/1
31	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	0,60	13		1976	II/1
32	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	0,93	13		1976	II/1
33	Сасанидо-кушанская? (фрагменты)	Помещение 22, пол 3	0,91	?		1976	II/1
34	Сасанидо-кушанская. Кушаншах Хормизд	Помещение 22, пол 3	0,75	14		1976	II/1
35	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	0,62	13		1976	II/1
36	Сасанидо-кушанская?	Помещение 22, пол 3	0,61	12,5		1976	II/1
37	Сасанидо-кушанская?	Помещение 34, пол 3	0,17	11?		1976	I/3

Приложение 2. Монеты городища Зартепа

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
38	Неопределенная	Помещение 13, заполнение над полом 2	7,05	20		1976	I/2
39	Сасанидо-кушанская. Кушаншах Хормизд	Помещение 39, пол 2	2,24	18		1976	I/2
40	Подражание монетам Васудевы	Помещение 27, пол 1	3,06	15		1976	I/1
41	Кушано-сасанидская?	Помещение 40, пол 3	1,70	15		1976	I/3
42	Сотер Мегас (драхма)	Помещение 21, заполнение над полом 1	4,36	19		1976	I/1
43	Канишка III	Помещение 40, заполнение над полом 1	6,92	20		1976	I/1
44	Сасанидо-кушанская. Кушаншах Хормизд	Помещение 27, пол 1	1,74	15		1976	I/1
45	Сасанидо-кушанская?	Помещение 21, пол 1	1,90	15		1976	I/1
46	Подражание монетам Васудевы	Помещение 13, пол 3	1,91	16		1976	I/1
47	Кушано-сасанидская?	Помещение 21, пол 1	1,93	14		1976	I/1
48	Неопределенная	Помещение 30, пол 1	1,53	14		1976	I/1
49	Кушано-сасанидская?	Помещение 35, заполнение над полом 3	1,76	16		1976	I/3

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
50	Кушано-сасанидская?	На стене между пом. 13 и 21	1,59	15 × 16		1976	
51	Кушано-сасанидская?	Помещение 37, пол 3	1,11	14		1976	I/3
52	Сасанидо-кушанская. Кушаншах Хормизд	Помещение 22, пол 3	0,92	11 × 13		1976	II/1
53	Сасанидо-кушанская?	Помещение 36, заполнение над полом 2	1,35	12 × 14		1976	I/1
54	Подражание монетам Васудевы?	Помещение 34, пол 3	?	15		1976	I/3
55	Неопределенная (обломки)	Помещение 21, пол 1	0,79	?		1976	I/1
56	Неопределенная (обломки)	На восточной стене пом. 38	0,73			1976	
57	Неопределенная	Помещение 40, пол 1	1,42	14 × 16		1976	I/1
58	Кушано-сасанидская?	Помещение 39, пол 3	3,01	15 × 15		1976	I/3
59	Сасанидо-кушанская Кушаншах Хормизд II (корона с птицей)	Помещение 13, пол 2	1,87	14		1976	I/2
60	Кушано-сасанидская?	Помещение 34, пол 1	2,51	14		1976	I/1
61	Подражание монетам Васудевы	Помещение 23, пол 1	4,43	18		1976	I/1
62	Подражание монетам Васудевы	Помещение 39, пол 2	4,74	17		1976	I/2

Приложение 2. Монеты городища Зартепа

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
63	Сасанидо-кушанская?	Помещение 35, заполнение над 2 полом	1,83	14			I/2
64	Кушано-сасанидская. Арташир (божество под аркой)	Помещение 64, пол 2	2,98	20		1978	II/2
65	Канишка I	Помещение 38, в заполнении суфы				1979	II/1, переотложена?
Раскоп 6. Домовладение «Е»							
1	Сотер Мегас	Помещение 80, пол 1		20,0		1979	I/1, переотложена
2	Канишка III	Помещение 80, заполнение над 1 полом		18 × 20,0		1979	I/1
3	Сасанидо-кушанская?	Помещение 91, заполнение над 2 полом	2,27	15,3		1980	I/2
4	Сасанидо-кушанская?	Помещение 91, пол 2	2,29	14,9		1980	I/2
5	Канишка I (об. ст. бог Вад)	яма № 2, в пом. 80	16,43	25		1979	
Раскоп 6. Улица «Внутриквартальная»							
1	Канишка III	к С от пом. 33, уровень 2	6,45	17 × 20		1976	
2	Неопределенная	уровень 2	2,30	16		1976	
3	Канишка I (об. ст. богиня Нана)	уровень 2	7,70	21,5		1976	
4	Неопределенная (обломок)	улица уровень 1	1,35	?		1976	

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
5	Неопределенная (обломок)	уровень 2	1,31	?		1976	
6	Неопределенная	к С от пом. 21 уровень 1	2,16	14		1976	
7	Подражание монетам Васудевы	уровень 1	2,24	15 × 17		1976	
8	Канишка I	уровень 2	8,76	22		1976	
9	Сотер Мегас	к СВ от пом. 68, 3 уровень	1,71	13,8	XII	1986	
10	Подражание тетрадрахмам Гелиокла (период ?)	к СВ от пом. 67, II стр. гор. Заполнение над 4 уровнем	13,61	30,8	XII	1986	
11	Подражание драхмам Гелиокла (об. ст. стоящий Зевс)	к СВ от пом. 67, III стр. гор. 5 уровень	2,21	19,2	VI ?	1986	В центре монеты отверстие.
12	Вима Кадфиз (медная тетрадрахма)	к СВ от пом. 69, IV стр. гор. 8 уровень	16,02	26,3	XII	1986	
Раскоп 12							
1	Васудева или раннее подражание его монетам	В верхнем слое кирпичной стены между пом. 1 и 2	7,81	22,1	22,1	1985	I/1
2	Васудева	Пом. 1, пол 1	7,40	23,8	23,8	1985	I/1
3	Подражание монетам Васудевы (3 или 4 стадия)	Помещение 2, пол 2	1,87	16,9	16,9	1985	II/1
4	Подражание монетам Васудевы?	Помещение 3, пол 3	4,08	19,3	19,3	1985	II/2
5	Канишка III	Помещение 3, заполнение над полом 3	5,52	20,9	20,9	1985	II/2

Приложение 2. Монеты городища Зартепя

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
6	Неопределенная	Помещение 2, заполнение над полом 2				1985	III/1 (не реставрирована)
Подъемный материал на территории городища Зартепя							
1	Греко-бактрийская?	На городище	10,86	28		1975	
2	Неопределенная	На территории раскопа 6	2,15	15		1975	
3	Канишка III	На территории раскопа 6	3,95	17		1975	
4	Неопределенная	На территории раскопа 6	1,16	10 × 13		1975	
5	Подражание монетам Васудевы?	На территории раскопа 6	1,77	17		1975	
6	Неопределенная	На территории раскопа 6	1,53	15,5		1975	
7	Сотер Мегас	На территории раскопа 6	7,04	18		1975	
8	Неопределенная	На территории раскопа 6	3,54	17		1975	
9	Неопределенная	На территории раскопа 6	2,35	18		1976	
10	Васудева	На территории раскопа 6	7,92	21 × 22		1976	
11	Подражание монетам Васудевы	На территории раскопа 6	3,17	16 × 17		1976	
12	Сасанидо-кушанская. Кушаншах Варахран	На территории раскопа 6	?	15		1976	
13	Сасанидо-кушанская. Кушаншах Хормизд	На территории раскопа 6	1,55	14 × 16		1976	

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
14	Сасанидо-кушанская?	В центре городища, на территории раскопа 6	0,86	14,0		1978	
15	Канишка I	В центре городища, на территории раскопа 6	7,14	18 × 20		1975	
16	Неопределенная	В центре городища, на территории раскопа 6	1,61	13 × 15		1978	
17	Варахран I (об. ст. e/7)	В центре городища, на территории раскопа 6	1,71	15,0		1978	
18	Сасанидо-кушанская?	В центре городища, на территории раскопа 6	1,87	14,0		1978	
19	Неопределенная	В центре городища, на территории раскопа 6	1,78	13,0		1978	
20	Сасанидо-кушанская группы «Кободо»	В центре городища, на территории раскопа 6	4,13	18,0		1978	
21	Подражание монетам Васудевы	В центре городища, на территории раскопа 6	3,42	18,0		1978	
22	Подражание монетам Васудевы	В центре городища, на территории раскопа 6	2,86	21,0		1978	

Приложение 2. Монеты городища Зартепа

№	Тип монеты	Место находки	Вес (г)	Диаметр (мм)	Оси	Год	Примечания
23	Греко-бактрыйский царь Деметрий	На городище (от местных жителей)	5,80	25,4	XII?	1985	
24	Неопределенная (Канишка I?)	На городище (от местных жителей)	12,25	25,8	?	1985	
25	Неопределенная (подражание монетам Васудевы?)	На городище (от местных жителей)	4,46	21,8	?	1985	
26	Канишка III	На городище (от местных жителей)	5,52	21,3	XII	1985	
27	Неопределенная	На городище (от местных жителей)	3,95	18,7	?	1985	
28	Подражание монетам Васудевы (4 стадия?)	На городище (от местных жителей)	1,51	15,8	XII	1985	
29	Кушано-сасанидская (л. ст. — стоящий царь, об. ст. — Шива перед быком)	На городище (от местных жителей)	0,84	14,0	XII	1985	
30	Сасанидский кушаншах Ардашир (b/5)	На городище (от местных жителей)	1,81	18,6	IX	1985	
31	Сотер Мегас	На городище				1985	не реставрирована

Список цитированной литературы

Источники

- Абу Рейхан Бируни*. Индия. Репринтное воспроизведение текста издания 1963 г. М.: Ладомир, 1995. 727 с.
- Аммиан Марцеллин*. Римская история / Пер. с латинского А. Ю. Кулаковского и А. И. Со-ни. СПб.: Алетейя, 2000. 559 с.

Научная литература

- Абетков А. К.* Ранние кочевники Тяньшаня и их культурные связи с кушанской империей // ЦАКЭ. Т. II. 1975. С. 308–309.
- Абетков А. К.* Кочевники древней Киргизии: Загадки археологических памятников // Будущее науки. Вып. 14. М., 1981. С. 269–285.
- Абдуллаев К.* Трансформация греческих образов в терракотовой пластике Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 3. Ташкент: San'at, 2002. С. 27–35.
- Абдуллаев К., Аннаев Т.* Раскопки на городище Зартепа в 1979–1981 гг. // ИМКУз. Вып. 23. Ташкент: Фан, 1990. С. 12–25.
- Абдуллаев К. А., Завьялов В. А.* Сосуды на зооморфных подставках из поселений кушанской Бактрии // СА. 1985а. № 4. С. 202–211.
- Абдуллаев К. А., Завьялов В. А.* Буддийские мотивы в городской культуре позднекушанского времени (По материалам Зар-тепе) // ВДИ. 1985б. № 4. С. 111–121.
- Альбаум Л. И.* Некоторые данные по изучению анхорской группы археологических памятников (1948–1949 гг.) // Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР. Вып. 7. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955. С. 115–137.
- Альбаум Л. И.* Балалык-тепе. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960. 228 с.: ил.
- Анарбаев А.* Благоустройство средневекового города Средней Азии (V — начало XIII в.). Ташкент: Фан, 1981. 120 с.
- Аннаев Т. Д.* Раскопки раннесредневековой усадьбы Куёвкурган в Северном Тохаристане // СА. 1984. № 2. С. 188–200.
- Аннаев Т. Д.* Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Ташкент: Фан, 1988. 82 с.: ил.
- Аскаров А. А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. 231 с.
- Атагарриев Е. А.* Средневековый Дехистан: История и культура города Юго-Западного Туркменистана. Л.: Наука, 1986. 174 с.
- Ахунбабаев Х. Т.* Домашние храмы раннесредневекового Самарканда // Материалы советско-французского коллоквиума. Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда: Античность, раннее средневековье. Ташкент: Фан, 1987. С. 10–22.

- Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А.* Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алма-Ата, 2005.
- Болелов С. Б.* Керамический комплекс периода правления Канишки на Кампыртепа (раскопки 2000–2001 годов) // Материалы тохаристанской экспедиции. Вып. 3. Ташкент: San'at, 2002. С. 41–66.
- Болелов С. Б.* Кушано-Бактрийский археологический комплекс по материалам раскопок Кампыртепа // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года). СПб., 2005. С. 71–74.
- Бонгард-Левин Г. М., Габулов В. А., Кошеленко Г. А.* Открытие митреума в Дура-Европос и современная митраистика // ВДИ. 2004. №1. С. 125–157.
- Борисов А. Я., Луконин В. Г.* Сасанидские геммы. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа. 1963. С. 222.
- Бурханов А. А.* Древности Амуля (Область Амуля в древности и раннем средневековье). Ашгабат: Ылым, 1993. 212 с.: ил.
- Вайнберг Б. И.* Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977. С. 194.
- Вайнберг Б. И., Кругликова И. Т.* Монетные находки из раскопок Дильберджина // Древняя Бактрия: (Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг.). М.: Наука, 1976. С. 172–182.
- Вертоградова В. В.* Индийская эпиграфика из Кара-тепа в Старом Термезе. Проблемы дешифровки и интерпретации. М.: Восточная литература, 1995. 160 с.
- Вдовин В. Ю.* Металлические изделия Яндаклы-депе // Изв. АН Туркменской ССР. Сер. обществ. наук. № 5. Ашхабад: Ылым, 1983. С. 53–60.
- Воронина В. Л.* Доисламские культовые сооружения Средней Азии // СА. 1960. № 2. С. 42–55.
- Вязьмитина М. И.* Керамика Айртама времени кушанов // Труды Термезской археологической комплексной экспедиции. Т. II. Ташкент, 1945. С. 35–64.
- Гертман А. Н.* Сырцовый кирпич Капараса и Елхараса // Древности Южного Хорезма. Труды ХАЭЭ. М.: Наука, 1991. С. 277–286.
- Горбунова Н. Г.* Бронзовые зеркала кугайско-карабулакской культуры Ферганы // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М.: Наука, 1990. С. 45–50. Рис. 18–20.
- Городище Топрак-кала: (Раскопки 1965–1975 гг.) // Труды ХАЭЭ. Т. XII. М., 1981. 150 с.*
- Гуревич Л. Л.* К интерпретации пенджикентских «капелл» // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье: Тезисы докладов конференции. М., 1981. С. 45–47.
- Гуцина И. И.* Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. 1974. С. 32–64.
- Гуцина И. И.* О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н. э. // Труды ГИМ. Вып. 54. М., 1982. С. 20–30.
- Гуцина И. И., Засецкая И. П.* «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 171 с.
- Древности Таджикистана. Каталог выставки // Отв. ред. Е. В. Зеймаль. Душанбе: Дониш, 1985. 343 с.*
- Древности Южного Узбекистана. Soka University Press, 1991. 333 p.*
- Дьяконов М. М.* Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадан) 1950–1951 гг. // МИА. Вып. 37. М.; Л.: Наука, 1953. С. 272–293.

- Емельянов В. В.* Ниппурский календарь и ранняя история Зодиака. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. С. 272.
- Жуков В. Д.* Археологическая разведка в Шахристане Хайрабадтепа // ИМКУз. Вып. 2. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1961. С. 177–190.
- Жуковский В. А.* Развалины Старого Мерва. СПб., 1894. 217 с.: ил.
- Завьялов В. А.* Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зар-тепа в 1975–1976 гг. // СА. 1979а. № 3. С. 141–154.
- Завьялов В. А.* Кушанский медальон с изображением Хувишки // УСА. Вып. 4. Л.: Наука, 1979б. С. 86–87.
- Завьялов В. А.* Зартепинский археологический комплекс позднекушанского времени // Античная культура Средней Азии и Казахстана: Тезисы докладов Всесоюзного научного совещания. Ташкент: Фан, 1979в. С. 16–19.
- Завьялов В. А.* Позднекушанская антропоморфная терракота Зар-тепа // КСИА. 1981. Вып. 167. С. 65–69.
- Завьялов В. А.* Культурный слой в стратиграфической и топографической характеристике и дифференциации поселений и городов Средней Азии // Зоны и этапы урбанизации (теоретические аспекты проблемы «Город и процесс урбанизации в Средней Азии»): Тезисы докладов. Ташкент: Фан, 1989. С. 15–16.
- Завьялов В. А.* [Рецензия] // МАИКЦА. Вып. 17. М.: Наука, 1990. С. 171–179. — Рец. на кн.: А. В. Седов. Кобадан на пороге раннего средневековья. М.: «Наука», 1987. 198 с.: ил.
- Завьялов В. А.* Кушаншахр в конце III — середине V в. Трансформация кушанской культуры под влиянием культуры Сасанидского Ирана // Мерв в древней и средневековой истории Востока II (Культурные взаимодействия и связи): Тезисы докладов. Ашхабад, 1991. С. 36–39.
- Завьялов В. А.* Костяные предметы туалета из памятников Средней Азии кушанского и посткушанского времени // КСИА. 1993. Вып. 209. С. 31–41.
- Завьялов В. А., Галибин В. А.* Бронзовая посуда позднекушанского времени из Зар-тепа // КСИА. 1990. Вып. 199. С. 95–101.
- Завьялов В. А., Мешкерис В. А.* Бактрийский музыкант с флейтой Пана // ОНУз. 1985. № 1. С. 52–55.
- Завьялов В. А., Никоноров В. П., Устинова Ю. Б.* Новые аспекты эллинизации Востока // ВДИ. 1987. № 4. С. 187–191.
- Завьялов В. А., Осипов В. И.* Раскопки жилого комплекса на городище Зар-тепа в 1973 г. // Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976. С. 53–58.
- Заднепровский Ю. А., Массон В. М.* Новые материалы по археологии Таджикистана // ВДИ. 1955. № 1. С. 82–85.
- Захаров А. А.* Геммы Государственного исторического музея // Труды секции археологии научно-исследовательского Института археологии и искусствознания III. М., 1928. С. 3–48.
- Зеймаль Е. В.* Кушанская хронология (материалы по проблеме). М.: Наука, 1968. 186 с.
- Зеймаль Е. В.* Амударьинский клад: Каталог выставки. Л., 1979. С. 94.
- Зеймаль Е. В.* Северный Тохаристан в кушанскую эпоху (опыт историко-стратиграфической периодизации) // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке: Тезисы докладов. М.: Наука, 1983а. С. 39–42.
- Зеймаль Е. В.* Древние монеты Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1983б. 309 с.: ил.
- Зеймаль Е. В.* Древние монеты Таджикистана: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1985. 45 с.
- Зеймаль Т. И.* Вахшская долина в древности и раннем средневековье (археологические памятники и динамика ирригационных систем левобережья долины): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1969 // НА ИИМК РАН, Ф. 35. Оп. 2. Д. 72–73.

- Зеймаль Т. И.* Вахшская долина в древности и средневековье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1969. 17 с.
- Зеймаль Т. И.* Буддийский комплекс Уштурмулло // АРТ. Вып. XIX. Душанбе, 1986. С. 198–200.
- Зеймаль Т. И., Седов А. В.* Комплексы кушано-сасанидского времени в южном Таджикистане // Античная культура Средней Азии и Казахстана: Тезисы докладов Всесоюзной конференции. Ташкент, 1979. С. 120–122.
- Зороастрийские тексты: Суждения духа разума (Дадестан-и меног-и храд), «Сотворение основы» (Бундахишн) и другие тексты / Введ., транскрипция текстов, пер., коммент. и глоссарий О. М. Чунаковой. М.: Восточная литература, 1997. С. 352.
- Ильясов Дж.* Терракоты Кампыртепа // Материалы тохаристанской экспедиции. Вып. 1. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2000. С. 97–106.
- Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х.* Еркурган (стратиграфия и периодизация). Ташкент: Фан, 1984. 160 с.
- Исамиддинов М. Х., Хасанов М. Х.* История древнего и средневекового керамического производства Нахшаба. Ташкент: Изд-во народного наследия имени А. Кадыри, 2000. 199 с.
- История таджикского народа. Т. 1 / Ред. Б. А. Литвинский и В. А. Ранов. Душанбе, 1998. 751 с.
- Керзум А. П., Керзум П. П.* К вопросу о палеогеографическом контексте истории долин Юго-Западного Таджикистана // Уходя оставить свет... Памяти Евгения Владиславовича Зеймала. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2004. С. 80–120.
- Козловский В. А., Некрасова Е. Г.* Стратиграфический раскоп на цитадели древнего Термеза // Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976. С. 30–39.
- Кой-Крылган-Кала — памятник культуры древнего Хорезма // Труды ХАЭЭ. Т. V. М.: Наука, 1967. 349 с.
- Коляков С. М.* Мастерская по обработке рога и кости в крепости Капарас // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 48–53.
- Кошеленко Г. А.* Культура Парфии. М.: Наука, 1966. 218 с.
- Кошеленко Г. А.* Кушано-сасаниды в истории Мерва // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VIII: М.; Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского гос. ун-та, 2000. С. 344–362.
- Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. — V в. н. э.) // САИ Д1–27. М.: Наука, 1970. 279 с.: ил., карт.
- Кругликова И. Т.* Городище Емшитела в Северном Афганистане // КСИА. 1973. Вып. 136. С. 104–113.
- Кругликова И. Т.* Дильберджин (раскопки 1970–1972 гг.). М.: Наука, 1974. 120 с.: ил.
- Кругликова И. Т.* Десять лет работы Советско-Афганской экспедиции // КСИА. 1984. Вып. 180. С. 45–52.
- Кругликова И. Т.* Дильберджин. Храм Диоскуров. М.: Наука, 1986. 119 с.
- Кругликова И. Т.* Цитадель Дильберджина // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. X. М.; Магнитогорск, 2001. С. 312–413.
- Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А.* Дильберджин (раскопки 1970–1973 гг.). М.: Наука, 1977. 132 с.
- Крюков М. В., Переламов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука, 1983. С. 415.
- Кузьмина Е. Е.* Мифология и искусство скифов и бактрийцев: (Культурологические очерки). М., 2002. С. 288.
- Курбанов С.* Археологические исследования цитадели Кампыртепа // Материалы тохаристанской экспедиции. Вып. 1. Ташкент: San'at, 2000. С. 39–74.

- Левина Л. М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М.: Наука, 1971. 250 с.
- Литвинский Б. А.* Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). Душанбе: Дониш, 1968. 119 с.
- Литвинский Б. А.* Украшения из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1973. 211 с.
- Литвинский Б. А.* Орудия и утварь из могильников Западной Ферганы: (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии). М.: Наука, 1978. 216 с.: ил.
- Литвинский Б. А.* Проблематика истории и истории культуры Средней Азии в советской науке (1960–1981 гг.) // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии I. М.: Наука, 1981. С. 14–32.
- Литвинский Б. А.* Проблематика истории и истории культуры Средней Азии в советской науке /1960–1981–2/ // МАИКЦА. Вып. II. М.: Наука, 1982. С. 8–21.
- Литвинский Б. А.* Индийский фактор в цивилизации Центральной Азии // Азия — диалог цивилизаций. СПб.: Гиперрион, 1996. С. 153–193.
- Литвинский Б. А.* Храм Окса в Бактрии. Т. 2. М.: Восточная литература, 2001. 524 с.
- Литвинский Б. А.* Бактрийские шкатулки // Древности Востока: Сб. ст. / Под ред. И. Л. Кызласова. М.: РУСАКИ, 2004. С. 23–37.
- Литвинский Б. А., Седов А. В.* Тепай-шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М.: Наука, 1983. 240 с.: ил.
- Литвинский Б. А., Соловьев В. С.* Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М.: Наука, 1984. 237 с.
- Литвинский Б. А., Соловьев В. С.* Средневековая культура Тохаристана // М.: Наука, 1985. 262 с.
- Логинов С. Д., Никитин А. Б.* Монеты с всадником из Мерва // СА. 1986. № 3. С. 243–249.
- Луконин В. Г.* Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии // ВДИ. 1969а. № 1. С. 20–44.
- Луконин В. Г.* Культура Сасанидского Ирана. М.: Наука, 1969б. 218 с.: ил.
- Луконин В. Г.* Искусство древнего Ирана. М.: Искусство, 1977. С. 232.
- Луконин В. Г.* Иран в III веке. Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М.: Наука, 1979. 134 с.: ил.
- Луконин В. Г.* Древний и раннесредневековый Иран. М.: Наука, 1987. 296 с.
- Луконин В. Г., Тревер К. В.* Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1987. С. 155. ил.
- Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию // МИА. № 136. М.: Наука, 1966. 230 с.
- Мандельштам А. М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л.: Наука, 1975. 226 с.
- Маршак Б. И.* Керамика Согда V–VII вв. как историко-культурный памятник (к методике исследования керамических комплексов): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1965 // НА ИММК РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 123–124А.
- Маршак Б. И.* Монументальная живопись Согда и Тохаристана // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. М.: Наука, 1983. С. 53–55.
- Маршак Б. И.* 233 г. н. э. = 101 г. эры Канишки? // Уходя, оставь свет... Памяти Евгения Владиславовича Зеймала. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2004. С. 46–49.
- Маршак Б. И., Распопова В. И.* Адоранты из северной капеллы II храма Пенджикента // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М.: Наука, 1991. С. 151–173.

- Маршак Б. И., Распопова В. И., при участии Абдуллоева Д. А., Завьялова В. А., Малкиеля И. К., Хасанова М. Х., Шкоды В. Г. Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2001 году // *Материалы Пенджикентской экспедиции*. Вып. 4. СПб., 2002. 86 с.
- Медведев А. Ф. Древнерусские писала X–XV вв. // *СА*. 1960. № 2. С. 63–88.
- Массон В. М. Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии (Перспективы исследования) // *Древняя Бактрия*. Л.: Наука, 1974. С. 3–13.
- Массон В. М. Кушанские поселения и кушанская археология: (Некоторые результаты работ Бактрийской экспедиции в 1973–1975 гг.) // *Бактрийские древности*. Л.: Наука, 1976. С. 3–17.
- Массон В. М. Зартела — кушанский город в Северной Бактрии // *История и культура античного мира*. М.: Наука, 1977. С. 138–144.
- Массон В. М. Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана: (Вопросы периодизации и хронологии) // *ОНУз*. № 4. Ташкент: Фан, 1981а. С. 30–38.
- Массон В. М. Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана: (Вопросы периодизации и хронологии) // *ОНУз*. № 6. Ташкент: Фан, 1981б. С. 36–43.
- Массон В. М. Северная Бактрия // *Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии*. М.: Наука, 1985. С. 250–272.
- Массон М. Е. Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов (224–651 гг.) на территории советских республик Средней Азии // *Труды ЮТАКЭ*. Т. XV. Ашхабад: Ылым, 1974. С. 140–154.
- Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Парфянские ритоны Нисы // *Труды ЮТАКЭ*. Т. IV. Ашхабад: Изд-во АН ТуркмССР, 1959. 266 с.
- Мешкерис В. А. Индийские традиции в художественной культуре Средней Азии. СПб.: Нестор-История, 2004. 162 с.
- Мкртычев Т. К. Буддийское искусство Средней Азии I–X вв. М.: Академкнига, 2002. 286 с.
- Мусакаева А. Подражание монетам Асбара // *Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура: Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. М. Беленицкого*. СПб., 2005. С. 132–135.
- Наймарк А. И. О начале чеканки медной монеты в Бухарском Союзе // *Нумизматика Центральной Азии*. Вып. I. Ташкент, 1995. С. 29–50.
- Некрасова Е. Г. К вопросу об унификации терминологии древней керамики Северной Бактрии // *Древняя Бактрия*. Л.: Наука, 1974. С. 88–92.
- Некрасова Е. Г. Древняя керамика Шерабадского оазиса // *Бактрийские древности*. Л.: Наука, 1976. С. 76–83.
- Некрасова Е. Г. Керамика археологических комплексов халчаянского и дальверзинского типов // *Античная культура Средней Азии и Казахстана: Тезисы докладов*. Ташкент, 1979. С. 85–87.
- Немцева Н. Б. Раннесредневековая усадьба и замок у городища Бабатела на юге Узбекистана // *Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана*. Ташкент: Фан, 1989. С. 132–162.
- Неразик Е. Е. Сельские поселения Афригидского Хорезма (по материалам Беркут-калинского оазиса). М.: Наука, 1966. 154 с.
- Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). М.: Наука, 1976. 255 с.
- Неразик Е. Е. Археологический комплекс первых веков нашей эры из Хорезма // *СА*. 1987. № 2. С. 159–175.
- Неразик Е. Е. Об этнических процессах в раннесредневековом и средневековом Хорезме // *Материалы к этнической истории населения Средней Азии*. Ташкент: Фан, 1986. С. 30–50.

- Новиков С. В. Зооморфные подставки для сосудов из Мерва // Памятники Туркменистана. Вып. 45. Ашхабад, 1988. С. 11–13.
- Памятники культуры и искусства Киргизии: Древность и средневековье: Каталог выставок. Л.: Искусство, 1983. 80 с.: ил.
- Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии // Труды Института этнографии. Т. 42. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 395 с.: ил.
- Пидаев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1978. 144 с.: ил.
- Пидаев Ш. Р. Два клада монет посткушанского времени из Северной Бактрии // Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н. э. — VIII в. н. э.): Тезисы докладов советско-французского коллоквиума. Самарканд, 25–30 августа 1986 г. Ташкент: Фан, 1986. С. 77–78.
- Пидаев Ш. Р. Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок // Материалы советско-французского коллоквиума. Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда: Античность, раннее средневековье. Ташкент: Фан, 1987. С. 87–97.
- Пидаев Ш. Р. Раскопки жилого комплекса в северо-западной части городища Зартепа // ИМКУз. Вып. 22. Ташкент: Фан, 1988. С. 34–44.
- Пидаев Ш. Р. Археологические работы на юго-восточном холме Зартепа // ИМКУз. Вып. 24. Ташкент: Фан, 1990. С. 50–60.
- Пилипко В. Н. Раскопки святилища позднекушанского времени на городище Зартепа // Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976. С. 59–68.
- Пилипко В. Н. Побережье Средней Амударьи // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.: Наука, 1985а. С. 243–249.
- Пилипко В. Н. Поселения Северо-западной Бактрии. Ашхабад: Ылым, 1985б. 215 с.
- Пилипко В. Н. Типология поселений кушанского времени в долине средней Амударьи // СА. 1987. № 3. С. 177–189.
- Полидович Ю. Б., Вольная Г. Н. Образы зайца в скифском искусстве // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского. М., 2005. С. 415–436.
- Пугаченкова Г. А. Коропластика древнего Мерва // Тр. ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад: Изд-во АН ТуркмССР, 1962. С. 117–173.
- Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966. 287 с.
- Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории материальной культуры Узбекистана. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1973. С. 78–128.
- Пугаченкова Г. А. Бактрийский жилой дом (к вопросу об архитектурной типологии) // История и культура народов Средней Азии. М.: Наука, 1976а. С. 38–42.
- Пугаченкова Г. А. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973. М.: Наука, 1976б. С. 125–162.
- Пугаченкова Г. А. Дом ремесленника (раскоп VII) // Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин (раскопки 1970–1973 гг.). М.: Наука, 1977. С. 91–103.
- Пугаченкова Г. А. Жигатеп (раскопки 1974 г.) // Древняя Бактрия. Вып. 2. М.: Наука, 1979а. С. 63–94.
- Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи Кушан. М.: Искусство, 1979б. 247 с.
- Пугаченкова Г. А. Искусство Гандхары. М.: Искусство, 1982. С. 195.
- Пугаченкова Г. А. Раскопки южных городских ворот Дильберджина // Древняя Бактрия. Вып. 3. 1984. С. 93–111.
- Пугаченкова Г. А. Шортепа // ИМКУз. Вып. 21. Ташкент, 1987. С. 21–45.

- Пугаченкова Г. А. Культовые курьильницы Северной Бактрии // ИМКУз. Вып. 25. Ташкент: Фан, 1991. С. 98–110.
- Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзинтепа — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978. 237 с.
- Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры. Древность и средневековье. Ташкент: Фан, 1990. 218 с.
- Пугаченкова Г. А., Усманова З. И. Буддийский комплекс в Гяур-Кале Старого Мерва // ВДИ. 1994. № 1. С. 142–171.
- Равич И. Г., Седов А. В., Шемаханская М. С. Применение моделирования к изучению древних бронз Южного Таджикистана // Естественные науки и археология в изучении древних производств. Материалы совещания. М., 1982. С. 23–27.
- Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. М.: Наука, 1985. С. 256.
- Раевский Д. С. История Зодиака: факты, гипотезы, реконструкции // ВДИ. №1. М.: Наука, 1995. С. 193–199.
- Рапопорт Ю. А. Хорезм в древности // Рапопорт Ю. А., Неразик Е. Е., Левина Л. М. В низовьях Окса и Яксарта: Образы древнего Приаралья. М.: Индрик, 2000. С. 15–68.
- Рапопорт Ю. А., Неразик Е. Е., Левина Л. М. В низовьях Окса и Яксарта: Образы древнего Приаралья. М.: Индрик, 2000. 208 с.: ил.
- Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 140 с.
- Распопова В. И. Помещения с очагом-алтарём в древнем Пенджикенте // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье: Тезисы докладов конференции. М. 1981. С. 132–133.
- Распопова В. И. Жилища Пенджикента (опыт историко-социальной интерпретации). Л.: Наука, 1990. 205 с.
- Распопова В. И. Металлические изделия из Пенджикента (находки 1971–1998 гг.). СПб.: Формика, 1999. 60 с.: ил.
- Рахманов Ш. А. Тавка (к истории древних таможенных сооружений Узбекистана). Ташкент: Изд-во народного наследия им. А. Кадыри, 2001. С. 141.
- Ремпель Л. И. Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении // Труды ЮТАКЭ. Т. II. Ашхабад, 1953. С. 169–191.
- Реутова М. А. Живопись Зар-тепа // ИМКУз. Вып. 25. Ташкент: Фан, 1986. С. 193–197.
- Ртвеладзе Э. В. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана // Древняя Бактрия. Л.: Наука, 1974. С. 74–85.
- Ртвеладзе Э. В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана // Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976. С. 93–103.
- Ртвеладзе Э. В. О генезисе кушанских поселений Северной Бактрии // ВДИ. 1978. № 4. С. 108–116.
- Ртвеладзе Э. В. Об ареале и хронологии сасанидских завоеваний в Северной Бактрии-Тохаристане: (По данным нумизматики) // ОНУз. № 1. Ташкент: Фан, 1982. С. 47–54.
- Ртвеладзе Э. В. Могильник кушанского времени у Ялангуш-тепа // СА. 1983. № 2. С. 125–143.
- Ртвеладзе Э. В. Древняя Бактрия — Средневековый Тохаристан. Динамика историко-культурного развития: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1989. 37 с.
- Ртвеладзе Э. В. Парфия и юэжкийская Бактрия (некоторые моменты политической истории) // ИМКУз. Вып. 31. Самарканд, 2000. С. 86–89.
- Ртвеладзе Э. В. К итогам археологических исследований Кампыртепа в 2000 // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 2. Ташкент: San'at, 2001. С. 7–11.

- Руденко С. И.* Культура населения горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 402. Табл. I–СХХ.
- Русанов Д.* Градостроительная культура Кампыртепа эпохи кушан // *Материалы Тохаристанской экспедиции*. Вып. 1. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент: San'at, 2000. С. 19–32.
- Сабиров К. С.* Кушанская фортификация в свете раскопок на городище Зар-тепа // *Древняя Бактрия*. Л.: Наука, 1976. С. 46–51.
- Сабиров К. С.* Раскопки крепостной стены Зар-тепе // *СА*. 1978. № 1. С. 254–259.
- Сабиров К.* Новые материалы к изучению укреплений кушанского времени. Городище Хайрабадтепа // *ИМКУз*. Вып. 16. Ташкент: Фан, 1981. С. 31–35.
- Сабиров К. С., Пилипко В. Н.* Раскопки оборонительных сооружений городища Зар-тепа // *Древняя Бактрия*. Л.: Наука, 1974. С. 49–53.
- Савчук С. А.* Цитадель Кампыртепа // *Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана*. Ташкент: Фан, 1989. С. 73–80.
- Сайко Э. В.* Некоторые особенности керамики кушанского периода Северной Бактрии // *Центральная Азия в кушанскую эпоху*. Т. II. М.: Наука, 1975. С. 301–307.
- Сверчков Л.* Раскопки в северо-восточной части Кампыртепа // *Материалы Тохаристанской экспедиции*. Вып. 2. Ташкент: San'at, 2001. С. 47–64.
- Седов А. В.* Керамические комплексы ай-ханумского типа на правом берегу Амударьи // *СА*. № 3. 1984. С. 171–180.
- Седов А. В.* Кобадиян на пороге раннего средневековья. М.: Наука, 1987а. 200 с.: ил.
- Седов А. В.* Археологические комплексы Кобадияна кушано-сасанидского времени (сер. IV–V вв. н. э.) // *Прошлое Средней Азии*. Душанбе, 1987б. С. 149–156.
- Симс-Вильямс Н.* Новые бактрийские документы // *ВДИ*. 1997. № 3. С. 3–10.
- Скрипкин А. С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1984. 150 с.
- Смагулов Е. А.* Новые данные к реконструкции комплекса культовых атрибутов на средней Сырдарье // *Изв. АН Казахской ССР. Сер. обществ. наук*. № 5. Алмаата, 1991. С. 23–31.
- Смирнова Н. М.* Халачский клад подражаний и сасанидо-кушанских монет // *Монеты и медали*. Вып. II. М.: Дипак, 2004. С. 108–134.
- Смирнова О. И.* Сводный каталог согдийских монет. М.: Наука, 1981. С. 548.
- Соловьев В. С.* Датировка и интерпретация настенной живописи Тавки // *Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура: Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. М. Беленицкого*. СПб., 2005. С. 194–195.
- Ставиский Б. Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1977. 296 с.
- Ставиский Б. Я.* Исследование Каратепа в Старом Термезе и значение его для изучения культурных взаимосвязей между народами древнего мира // *Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа (древность и средневековье)*. М.: Наука, 1990. С. 6–13.
- Ставиский Б. Я.* О буддийской общине в Мерве // *Культура Востока: проблемы и памятники*. СПб., 1992. С. 73–76.
- Ставиский Б. Я.* Новые данные о Кара-тепе: (Некоторые итоги работ 1978–1989 гг.) // *Буддийские комплексы Кара-тепа в Старом Термезе*. М.: Восточная литература, 1996. С. 9–35.
- Ставиский Б. Я.* Судьбы буддизма в Средней Азии. М.: Восточная литература, 1998. 210 с.

- Сулейманов Р. Х. Археологические находки комплекса Сеталак I // Культура древнебухарского оазиса III–IV вв. н. э. Ташкент, 1983.
- Сулейманов Р. Х. Древний Нахшаб. Ташкент: Фан, 2000. 342 с.: ил.
- Сычева Н. С. История изучения керамики Бактрии-Тохаристана кушанского времени // Сообщения Гос. музея искусства народов Востока. Вып. VIII. М.: Наука, 1970. С. 36–58.
- Сычева Н. С. Керамика Кара-Тепе // Новые находки на Кара-тепа в Старом Термезе. М.: Наука, 1975. С. 88–148.
- Тереножкин А. И. Согд и Чач (Автореферат кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета ИИМК 28 апреля 1948 г.) // КСИИМК. Вып. XXXIII. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 152–169.
- Тигрица и грифон: Сакральные символы животного мира / Подгот. текста, перев. и иссл. А. Г. Юрченко. СПб.: Азбука; Петербургское востоковедение, 2002. С. 390.
- Толстов С. П. Древний Хорезм. М.: Наука, 1948. с.
- Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во восточной литературы, 322 с.
- Топраккала (дворец) // Труды ХАЭЭ. Т. XIV. М.: Наука, 1984. 302 с.
- Тревер К. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1987. 155 с.: ил.
- Трудновская С. А. Предметы вооружения и быта. Украшения // Труды ХАЭЭ. Т. 12. М.: Наука, 1981. С. 101–123.
- Тургунов Б. А. Раскопки второго буддийского храма на Дальверзинтепа (предварительное сообщение) // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент: Фан, 1989. С. 81–95.
- Усманова З. И. Буддийский памятник в Мерве // Сборник научных трудов ТашГУ. № 533 (1). 1977. С. 12–22.
- Филанович М. И. Гяур-кала // Труды ЮТАКЭ. Т. XV. Ашхабад: Ёлым, 1974. С. 15–139.
- Филанович М. И. Две находки в Шаштепа в Ташкенте // ИМКУз. Вып. 20. Ташкент: Фан, 1986. С. 45–50.
- Филанович М. И. К типологии раннесредневековых святилищ огня Согда и Чача // Материалы советско-французского colloquium. Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда: Античность, раннее средневековье. Ташкент: Фан. 1987. С. 148–156.
- Центральная Азия в кушанскую эпоху // Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в Кушанскую эпоху. Т. 1. 1974. Т. 2. 1975. М.: Наука.
- Шейко К. Раскопки жилого комплекса в восточной части Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 1. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент: San'at, 2000. С. 75–96.
- Шемаханская М. С., Равич И. Г., Седов А. В. Опыт технологического исследования позднекушанских бронз // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985. С. 66–70.
- Щетенко А. Я. Раскопки монументального архитектурного комплекса Зар-тепа // Древняя Бактрия. Л.: Наука, 1974. С. 42–48.
- Шишкина Г. В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом // ИМКУз. 1961. Вып. 2. Ташкент: Изд-во АН УзССР. С. 192–222.
- Щукин М. Б. На рубеже эр. СПб.: Фарн, 1994. 323 с.
- Юркевич Э. А. История изучения кушанских памятников Афганистана // СА. 1969. № 2. С. 103–115.

- Azarnooch M.* Les Fouilles de Hadjiabad (Iran), 1977 // *Arabie Orientale, Mésopotamie et Iran Méridionale. De L'âge du Fer au Début de la période Islami. Mémoire 37.* Paris: Editions Recherches sur les Civilisations, 1984. P. 307–315.
- Azarnooch M.* The Sasanian Manor house at Hajiabad, Iran. Monografie di Mesopotamia. III. Firenze, 1994.
- Bactrian gold (from the excavations of the Tillya-Tepe necropolis in Northern Afghanistan). Leningrad: Aurora Art Publishers, 1985. 259 p.
- Bernard P.* Les Fouilles de Kohna Masjid // CRAI, juin-déc. Paris, 1964. P. 212–223.
- Bhattacharya Ch.* Art of Central Asia (with special reference to wooden objects from the Northern Silk route). Delhi, 1977.
- Bivar A. D. H.* Kushan and Kushano-Sasanian Seals and Kushano-Sasanian Coins: Sasanian Seals in the British Museum. CIIr. Pt. 3. Vol. 6. Portfolio 1. London.
- Bivar A. D. H.* The Absolute Chronology of the Kushano-Sasanian Governors of Central Asia // *Prolegomena to the Sources of the History of Pre-Islamic Central Asia.* Budapest, 1979. P. 317–332.
- Brunner Ch. J.* The Chronology of the Sasanian Kušanžahs // *ANS. Museum Notes.* 1979. P. 145–164.
- Carter M. J.* A numismatic reconstruction of Kushano-Sasanian History // *ANS. Notes and Monographs.* 30. 1985. P. 215–281. Pl. 47–52.
- Cribb J.* Numismatic evidence for Kushano-Sasanian chronology // *Studia Iranica.* T. 19, Fasc. 2. Paris, 1990. P. 151–193. Pl. I–VIII.
- Cribb J.* The early Kushan kings: new evidence for chronology (Evidence from the Rabatak Inscription of Kanishka I) // *Coins, Art and Chronology.* Wien, 1999. P. 177–205.
- Dani A. H., Göbl R., Humbach H.* The Tochi Valley inscription in the Peshawar Museum // *Ancient Pakistan.* Vol. 1. 1964. P. 125–150.
- Dubs H. H.* An ancient Chinese mystery cult // *Harvard Theological Review XXXV.* Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1942. P. 221–240.
- Francofort H. P.* Fouilles d'Ai Khanum III. Le sanctuaire du temple à niches indentées // *MDAFA.* T. XXVII. 1984. 143 p.
- Fussman G., Guillaume O.* Fouilles d'Ai Khanum XXV. Surkh Kotal en Bactriane. Vol. II. Paris: Diffusion de Boccard, 1990.
- Fussman G., Le Berre M.* Monuments Bouddhiques de la Région de Caboul // *MDAFA.* T. XXII. Paris: Diffusion de Boccard. P. 110. Pl. I–LI.
- Gardin J.-C.* Céramiques de Bactres // *MDAFA.* T. XV. Paris, 1957.
- Gariboldi A.* Astral simbology on Iranian Coinage // *East & West.* Vol. 54. Rome, 2004. P. 31–53.
- Ghirshman R.* Begram // *MDAFA.* T. 12. Caire, 1946.
- Glass from the ancient World: The Ray Winfield Smith collection: A special exhibition. N 300. Corning; N. Y., 1957.
- Göbl R.* System und Chronologie der Münzprägung des Kušanreiches. Wien, 1984.
- Guillaume O., Rougeulle A.* Fouilles d'Ai Khanum VII. Les petits objets. Paris: Diffusion de Boccard, 1987.
- Hakin J., Carl J., Meunié J.* Diverses recherches archéologiques en Afghanistan. MDAFA. T. VIII. Paris: Presses Universitaires de France, 1959. 140 p., ill.
- Helms S. W.* 1997. Excavations at Old Kandahar in Afghanistan 1976–1978 // *BAR International Series* 686. Oxford.
- Herrmann G., Kurbansakhatov K. et al.* The International Merv project. Preliminary report on the second season (1993) // *Iran.* T. 32. London, 1994. P. 53–75.
- Herrmann G., Kurbansakhatov K. et al.* The International Merv project. Preliminary report on the third season (1994) // *Iran.* 1995. T. XXXIII. BIPS. P. 31–60. Pl. Ia–d; IIa–c; IIIa–d.

- Herrman G., Kurbansakhatov K., St. John Simpson.* The International Merv Project: Preliminary Report On the Fourth Season (1995) // Iran. 1996. T. XXXIV. BIPS. P. 1–22. Pl. I–VI.
- History of Civilizations of Central Asia. Vol. III. UNESCO Publishing, 1994. 573 p.
- Hobbs R.* 1995. Roman coins from Merv, Turkmenistan // Oxford Journal of Archaeology. 1995. Vol. 14. N 1. March 1995. Oxford. P. 97–102.
- Isings C.* A fourth century glass jar with applied masks // Journal of glass studies. Vol. VI. Corning, New York, 1964. P. 59–63.
- Kuwayama S.* Kapisi Begram III: renewing its Dating // Orient. Vol. X. Tokyo, 1974. P. 57–78.
- Kuwayama S.* The Horizon of Begram III and Beyond. A Chronological Interpretation of the Evidence for Monuments in the Kapisi-Kabul-Ghazni Region // East & West. Vol. 41. Rome: IsMEO, 1991. P. 79–120.
- Layard J. W.* The Lady of the Hare. London: Faber and Faber. 1944.
- Litvinsky B. A.* The Bactrian Ivory Plate with Hunting Scene from the Temple of the Oxus // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 7. Kamakura. 2001. P. 137–166.
- Livshits V. A., Shkoda V. G.* Old Indian Kapala in a Bactrian Inscription from Qara-Tepe // Bulletin of the Asia Institute. New Series. Vol. 8. U. S. A. 1994. P. 129–139.
- Loewe M.* Ways to Paradise. Taiwan, 1994.
- Loginov S. D., Nikitin A. B.* Coins of Shapur II from Merv // Mesopotamia. 1993a. 28. P. 247–264. Fig. 6–10.
- Loginov S. D., Nikitin A. B.* Sasanian coins of the late fourth-seventh centuries from Merv // Mesopotamia. 1993b. 28. P. 271–296. Fig. 11–26.
- Markel S.* The Genesis of the Indian Planetary Deities // East & West. Vol. № 41. Rome, 1991. P. 173–188.
- Marshall J.* Taxila. Vol. I–III. Cambridge. 1951.
- McNicoll A., Ball W.* Excavations at Kandahar 1974 and 1975 // BAR International Series 641. Oxford: Tempus reparatum, 1996.
- Mecquenem R.* Archéologie Susienne // MMAI. T. XXIX. Paris: Presses Universitaires de France, 1943.
- Mizuno E. S.* Durman Tepe and Lalma. Buddhist Sites in Afghanistan Surveyed in 1963–1965. Kyoto University, 1968.
- Mizuno E. S.* Chaqalaq Tepe. Fortified Village in North Afghanistan. Excavated in 1964–1967. Kyoto, 1970.
- Nikitin A. B.* Notes on chronology of the Kushano-Sasanian Kingdom // Coins, Art and Chronology. Wien, 1999. P. 259–263.
- Pidaev S. R.* Une Image de Garuda dans l'art de la Bactriane Kushane // Colloque Histoire et Cultes de l'Asie Centrale Préislamique. Paris: U. N. E. S. C. O., 1988. P. 84–86.
- Rosenfield J. M.* The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley; Los Angeles, 1967.
- Schlumberger D., Berre M., Fussman G.* Fouilles d'Al Khanum. Surkh Kotal en Bactriane // MDFA. T. XXV. Paris: Diffusion de Boccard, 1983.
- Scythian Art. The Legacy of the Scythian world: mid-7th — 3rd century B. C. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1986. P. 183.
- Simson St. J.* Mesopotamia in the Sasanian Period: Settlement Patterns, Arts and Crafts // Mesopotamia and Iran in the Parthian and Sasanian Periods. London: British Museum Press, 2000. P. 57–66.
- Sims-Williams N.* From the Kushan-shahs to the Arabs. New Bactrian documents dated in the era of the Tochi inscriptions // Coins, Art and Chronology. Wien, 1999. P. 246–258.
- Stawiski B.* Kunst der Kushan (Mittelasiens). VEB E. A. Seemann Verlag. Leipzig, 1979.
- Tanabe K.* Kushan bronze medallions from Japanese collections // Bulletin of the Ancient Orient Museum. Vol. V. Tokyo, 1983. P. 86–102. Pl. I–IV.

В. А. Завьялов. Кушаншахр при Сасанидах

- Tanabe K.* Silk Road Coins. The Hiraiyama Collection. Kamakura. The Institute of Silk Road Studies, 1993.
- The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Preliminary Report. Seventh and Eighth Seasons. 1933–1934 and 1934–1935. Ed. M. I. Rostovtzeff, F. E. Brown and C. B. Welles. New Haven, London, Leipzig, Prague, 1939. P. 461. Pl. I–LVII. (в тексте ссылка сокращена — Dura Report VII/VIII, 1939).
- Venco Ricciardi R.* Pottery from Coche // Mesopotamia. 1967. T. II. P. 93–104.
- Venco Ricciardi R.* Sasanian pottery from Tell Mahuz (North Mesopotamia) // Mesopotamia. 1970–1971. T. V–VI. P. 427–482. Fig. 87–96.
- Venco Ricciardi R.* Trial Trench at Tell Baruda // Mesopotamia. 1973–1974. T. VIII–IX. P. 15–20.
- Venco Ricciardi R., Negro Ponzi Mancini M. M.* La Terra tra due fiumi. Venti anni di archeologia italiana in Medio Oriente // La Mesopotamia dei tesori. Turin: Quarantelli E. ed., 1985. P. 100–110.
- Veuve S.* La céramique de Kohna Masdjid (Afghanistan). Travail d'Etudes et de Recherches présenté, en vue de l'obtention de la Maitrise spécialisée d'Histoire de l'Art et Archéologie. // DAFA. Bibliothèque N 8856. 1974.
- Wu Hung.* Xiwangmu, the Queen Mother of the West // Orientations. 1987. P. 24–33.
- Zavyalov V. A.* Zar-tepe: a kushanian town in Southern Uzbekistan // New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. Sankt-Petersburg, 1994. P. 67–74.

Список сокращений

АРТ	— Археологические работы в Таджикистане
БТДСВ	— Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке
ВДИ	— Вестник древней истории
ВНС «АКСАК»	— Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана»
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГСКБТС	— Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Советско-французский коллоквиум
ИА РАН	— Институт археологии Российской академии наук
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИМКУз	— История материальной культуры Узбекистана
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИА	— Ленинградское Отделение Института археологии АН СССР
МАИКЦА	— Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИИМК РАН	— Научный архив Института истории материальной культуры РАН
ОНУз	— Общественные науки в Узбекистане
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
УСА	— Успехи среднеазиатской археологии
ХАЭЭ	— Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЦАКЭ	— Центральная Азия в кушанскую эпоху
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
ANS	American Numismatic Society
BAR	British Archeological Reports
BIPS	— British Institute of Persian Studies
CRAI	— Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus des séances
MDAFA	— Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan
ММАИ	— Mémoires de la Mission Archéologique en Iran

Список рисунков

Черно-белые

- Рис. 1.* Карта памятников кушано-сасанидского времени — 16
- Рис. 2.* План городища Зартепа — 18
- Рис. 3.* Зартепа. Разрезы стенок траншеи на Р-9 — 22–23
- Рис. 4.* Зартепа. Р-6. План жилого квартала во II строительном горизонте — 37
- Рис. 5.* Зартепа. Р-6. План жилого квартала в I строительном горизонте — 38
- Рис. 6.* Зартепа. Р-6. План домовладения «А»: а — II горизонт; б — I горизонт — 40
- Рис. 7.* Зартепа. Р-6, домовладение «А», пом. 1. Вымостка 3-го пола. Вид с ССЗ — 41
- Рис. 8.* Зартепа. Р-6, домовладение «А», пом. 3. Фрагменты стенок сосудов на суфе. Вид с ССЗ — 43
- Рис. 9.* Зартепа. Р-6, домовладение «А». Хозяйственный отсек в проходе из пом. 3 в пом. 4 — 44
- Рис. 10.* Зартепа. Р-6, домовладение «А», пом. 15. Капитель на 1-м полу. Вид с СЗ — 46
- Рис. 11.* Зартепа. Р-6, домовладение «А». Пом. 4, 7, 10 в процессе раскопок. Вид с С — 47
- Рис. 12.* Зартепа. Р-6. План домовладения «Б»: а — II горизонт; б — I горизонт — 48
- Рис. 13.* Зартепа. Р-6, домовладение «Б». Хум с кубуром во дворе «Б» — 50
- Рис. 14.* Зартепа. Р-6. План домовладения «Д»: а — II горизонт; б — I горизонт — 52–53
- Рис. 15.* Зартепа. Р-6. План домовладения «В»: а — II горизонт; б — I горизонт — 56
- Рис. 16.* Зартепа. Востоко-юго-восточная оконечность Р-6 — 58
- Рис. 17.* Зартепа. Участок Р-6, исследованный в 1986 г. — 61
- Рис. 18.* Зартепа. Р-6, домовладение «В». Юго-юго-восточная часть пом. 120/124 — 62
- Рис. 19.* Зартепа. Р-6, домовладение «В». План и разрез пом. 159 — 63
- Рис. 20.* Зартепа. Р-6. Улица «Внутриквартальная». Яма № 1 с песчаным заполнением — 64
- Рис. 21.* Зартепа. Р-6. План домовладения «Г»: а — II горизонт; б — I горизонт — 68
- Рис. 22.* Зартепа. Р-6, домовладение «Г», пом. 43. Вид с ЗСЗ — 70
- Рис. 23.* Зартепа. Р-6, домовладение «Б». Наружная грань пом. 67–69 и построек II–IV горизонтов под ними — 73
- Рис. 24.* Зартепа. Р-6, пом. 172. Вид с ЮВ — 74
- Рис. 25.* Зартепа. План и профиль Р-12 по линии А–А — 75
- Рис. 26.* Зартепа. Разрезы помещений на Р-12: 1–1 — пом. 1; 2–2 — пом. 2; 3–3 — пом. 3; 4–4 — пом. 5 — 76
- Рис. 27.* Зартепа. Р-12. Вид с З — 77
- Рис. 28.* Зартепа. Р-13. Вид с ССЗ — 78
- Рис. 29.* Зартепа. Метки на кирпичах из построек на Р-6 — 81

- Рис. 30.* Зартепа. Р-6, домовладение «Г», пом. 94. Обожженные кирпичи на полу. Вид с СЗ — 83
- Рис. 31.* Зартепа. Очаги в помещениях на Р-6 и Р-12 — 86
- Рис. 32.* Зартепа. Очаги в помещениях на Р-6 — 87
- Рис. 33.* Зартепа. Р-6, домовладение «В». Очаги в пом. 164. Вид с ЮВ — 87
- Рис. 34.* Зартепа. Терракотовые фигурки всадников — 98
- Рис. 35.* Зартепа. Р-6. Лепные статуэтки — 98
- Рис. 36.* Зартепа. Р-6, домовладение «В», пом. 125. Голова боддисатвы (?) из заполнения над 1-м полом — 99
- Рис. 37.* Зартепа. Статуэтки буддийского круга — 99
- Рис. 38.* Зартепа. Р-6. Сидящие божества — 100
- Рис. 39.* Зартепа. Р-6, домовладение «В». Яма в пом. 141. Изображения на терракотовых плитках — 101
- Рис. 40.* Зартепа. Р-6. Фрагменты женских статуэток — 101
- Рис. 41.* Зартепа. Р-6, домовладение «В», пом. 150, заполнение над 1-м полом. Женское изображение под аркой на терракотовой плитке — 102
- Рис. 42.* Зартепа. Р-6, домовладение «Е», пом. 97, заполнение над 1-м полом. Терракотовая головка статуэтки молодой женщины (?) — 102
- Рис. 43.* Зартепа. Р-6. Терракотовые фигурки — 103
- Рис. 44.* Зартепа. Р-6. Налепы на керамике — 103
- Рис. 45.* Зартепа. Р-6. Налепы в виде морды льва на чашах — 105
- Рис. 46.* Зартепа. Р-6. Фигурки коней с остатками наездников — 106
- Рис. 47.* Зартепа. Р-6. Фрагменты фигурок коней без следов присутствия всадников — 106
- Рис. 48.* Зартепа. Р-6. Фрагменты фигурок коней с султанами на лобной части — 107
- Рис. 49.* Зартепа. Р-6. Фрагменты фигурок коней с изображенными деталями сбруи — 107
- Рис. 50.* Зартепа. Р-6. Фрагменты фигурок: зебувидный бык и «кошачий хищник» — 108
- Рис. 51.* Зартепа. Р-6. Ручки сосудов, украшенные головками обезьян — 109
- Рис. 52.* Зартепа. Р-6. Налеп в виде мордочки обезьяны под ручкой кувшинчика с 3-го пола пом. 157, домовладение «В» — 109
- Рис. 53.* Зартепа. Р-6, домовладение «В»: фрагменты гипсовой скульптуры — 110
- Рис. 54.* Зартепа. Р-6. Костяные булавки с фигурными навершиями — 111
- Рис. 55.* Зартепа. Р-6. Костяные булавки с фигурными навершиями — 113
- Рис. 56.* Распределение булавок по типам — 114
- Рис. 57.* Зартепа. Р-6. Изделия из кости и рога — 121
- Рис. 58.* Зартепа. Р-6. Костяные рукояти — 122
- Рис. 59.* Зартепа. Р-6. Изделия из раковин — 124
- Рис. 60.* Зартепа. Р-6. Бронзовая посуда — 128
- Рис. 61.* Зартепа. Р-6. Железные предметы повседневного пользования — 131
- Рис. 62.* Зартепа. Р-6. Орудия из железа — 133
- Рис. 63.* Зартепа. Р-6. Металлические изделия — 135
- Рис. 64.* Зартепа. Р-6. Бронзовый медальон и фрагмент китайского зеркала — 136
- Рис. 65.* Зартепа. Р-6. Железные ножи — 137
- Рис. 66.* Зартепа. Р-6. Надписи на керамике — 140
- Рис. 67.* Зартепа. Р-6, домовладение «В», пом. 157. Надпись на венчике сосуда, найденного под суфой — 141
- Рис. 68.* Зартепа. Р-6, домовладение «Б», пом. 75, 3-й пол. Изображение на терракотовой плитке — 143

- Рис. 69.* Зартепа. Р-6. Разновидности штампов на керамике — 144
Рис. 70. Зартепа. Р-6, домовладение «В». Керамические сосуды — 158
Рис. 71. Зартепа. Таблица керамики: чаши — 160
Рис. 72. Зартепа. Таблица керамики: блюда, кубки, кружки, столовые тагора — 160
Рис. 73. Зартепа. Таблица керамики: светильники, миски, хозяйственные горшки, узкогорлые кувшины, хозяйственные тагора — 161
Рис. 74. Зартепа. Таблица керамики: кувшины — 162
Рис. 75. Зартепа. Таблица керамики: хумы и хумчи — 162
Рис. 76. Зартепа. Керамический комплекс III/1 — 163
Рис. 77. Зартепа. Керамический комплекс II/3 — 164
Рис. 78. Зартепа. Керамический комплекс II/3 — 165
Рис. 79. Зартепа. Керамический комплекс II/2 — 166
Рис. 80. Зартепа. Керамический комплекс II/2 — 167
Рис. 81. Зартепа. Керамический комплекс II/2 — 168
Рис. 82. Зартепа. Керамический комплекс II/1 — 169
Рис. 83. Зартепа. Керамический комплекс II/1 — 170
Рис. 84. Зартепа. Керамический комплекс II/1 — 171
Рис. 85. Зартепа. Керамический комплекс II/1 — 172
Рис. 86. Зартепа. Керамический комплекс II/1 — 173
Рис. 87. Зартепа. Керамический комплекс I/3 — 174
Рис. 88. Зартепа. Керамический комплекс I/3 — 175
Рис. 89. Зартепа. Керамический комплекс I/3 — 176
Рис. 90. Зартепа. Керамический комплекс I/3 — 177
Рис. 91. Зартепа. Керамический комплекс I/3 — 178
Рис. 92. Зартепа. Керамический комплекс I/3 — 179
Рис. 93. Зартепа. Керамический комплекс I/2 — 180
Рис. 94. Зартепа. Керамический комплекс I/2 — 181
Рис. 95. Зартепа. Керамический комплекс I/2 — 182
Рис. 96. Зартепа. Керамический комплекс I/2 — 183
Рис. 97. Зартепа. Керамический комплекс I/2 — 184
Рис. 98. Зартепа. Керамический комплекс I/1 — 185
Рис. 99. Зартепа. Керамический комплекс I/1 — 186
Рис. 100. Зартепа. Керамический комплекс I/1 — 187
Рис. 101. Зартепа. Керамический комплекс 0 — 188
Рис. 102. Зартепа. Керамический комплекс 0 — 189
Рис. 103. Зартепа. Керамический комплекс 0 — 190
Рис. 104. Зартепа. Р-6. Подражания позднеримским кувшинам — 219
Рис. 105. Зартепа. Керамические чаши, имитирующие сасанидские прототипы — 224
Рис. 106. Фигурки-подставки курильниц в виде коней — 226

Цветные

Вклейка 1

1. Лепная фигурка всадника. Лицо оттиснуто в матрице
2. Лепная фигурка всадника в чалме (?)
3. Две лепные фигурки всадников
4. Лепная фигурка сидящей женщины с ребенком на руках

Вклейка 2

1. Лепная фигурка мужчины (торс)
2. Лепная фигурка мужчины в чалме (?)
3. Матрица для изготовления фигурок богини Ардохшо (?)
4. Оттиск с матрицы, изготовленный в лабораторных условиях

Вклейка 3

1. Матричный оттиск фигурки божества со змеей и сосудом в левой руке
2. Матричный оттиск с изображением юноши, играющего на флейте Пана
3. Матричный оттиск с изображением музыкальной процессии
4. Матричный оттиск с изображением женщины с сосудом в левой руке

Вклейка 4

1. Матричный оттиск с изображением женщины с сосудом в левой руке
2. Матричный оттиск с изображением якини
3. Матричный оттиск с изображением фигуры, одетой в драпированные одежды
4. Матричный оттиск с изображением женской фигуры под аркой

Вклейка 5

1. Матричный оттиск с изображением пары влюбленных
2. Матричный оттиск с изображением мужчины в кафтане с сосудом в левой руке
3. Налеп на стенку сосуда (?) в виде головы Геракла
4. Налеп на стенку сосуда, изображающий сасанидского или кушано-сасанидского правителя (?)

Вклейка 6

1. Кувшин, изготовленный в подражание римским металлическим образцам
2. Матричный оттиск с изображением боддисатвы
3. Налеп в виде мордочки льва
4. Фрагмент чаши с налепом в виде мордочки льва

Вклейка 7

1. Налеп в виде морды льва, располагавшийся под ручкой кувшина
2. Фрагмент лепной фигурки коня с седлом
3. Фрагмент лепной фигурки быка зебу
4. Налеп на стенку сосуда (?) в виде головы быка (?)

Вклейка 8

1. Фрагмент налепа на керамике (?) в виде головки «кошачьего хищника» (?)
2. Налеп на венчике чаши в виде головки «кошачьего хищника» (?)
3. Лепная фигурка в виде «кошачьего хищника» (?)
4. Налеп на ручке сосуда в виде животного с высунутым языком неясной видовой принадлежности

Вклейка 9

- 1–4. Налепы на ручках сосудов в виде головки обезьянки

Вклейка 10

1. Налеп на ручке сосуда в виде головки обезьянки
2. Налеп под ручкой кувшина в виде головки обезьянки
- 3–4. Ручки кувшинов в виде ежа или кабана

Вклейка 11

1–4. Ручки сосудов в виде животных неясной видовой принадлежности

Вклейка 12

1. Ручка сосуда в виде животного неясной видовой принадлежности
2. Гипсовая головка Будды
3. Фрагмент гипсовой пристенной скульптуры, изображавшей женскую фигуру
4. Обратная сторона скульптуры, изображавшей женскую фигуру

Вклейка 13

1. Глиняная голова скульптуры, изображавшей Будду, из раскопа 2
2. Завитки прически, покрывавшей ушницу скульптуры Будды из раскопа 2
3. Заготовка для изделия из рога бухарского оленя
4. Костяная ручка орудия (?)

Вклейка 14

1. Роговой псалий
2. Игральная кость
3. Альчики
4. Кольцо из раковины

Вклейка 15

1. Кольцо из раковины
2. Составная часть браслета из раковины
3. Составная часть ожерелья из раковины
4. Раковина каури

Вклейка 16

1. Железный ключ от дверного запора
2. Железное долото (?)
3. Железный перстень
4. Железный перстень с изображением на щитке стоящей фигуры

Вклейка 17

1. Железная ременная пряжка
2. Бронзовый медальон с изображением кушанского царя Хувишки
3. Фрагмент восьмиарочного китайского бронзового зеркала
4. Фрагмент железного серпа (?)

Вклейка 18

1. Каменная гиря с семью насечками
2. Каменное точило (?) с отверстием по центру
- 3–4. Точильные камни

Вклейка 19

- 1–3. Точильные камни с отверстием для подвешивания
4. Предмет неясного назначения из стеатита

Вклейка 20

- 1–2. Терочники из гранита

3. Мини-база из мергелистого известняка
4. Фрагмент волюты из мергелистого известняка

Вклейка 21

1. Водолей или ритон в виде коня
2. Ритон в виде козла
3. Фрагмент венчика курильницы с резным орнаментом
4. Глиняная плакетка с изображением светил, зайца и козла

Вклейка 22

1. Штамп с изображением божества на колеснице
2. Штамп с изображением пальметты
3. Штамп с изображением козла и дерева (?)
4. Штамп с изображением монеты Сотера Мегаса

Вклейка 23

1. Чашевидный кубок из комплекса II/2
2. Кубок из керамического комплекса I/3
3. Чашевидный кубок из комплекса II/2
4. Чашевидный кубок из комплекса I/3

Вклейка 24

1. Кружка из комплекса 0
2. Двуручный кувшинчик из комплекса I/2
3. Двуручный кувшинчик со штампованным орнаментом из комплекса II/3
4. Кувшинчик со сливом из комплекса II/3

Вклейка 25

1. Сосудик со штампованным орнаментом из комплекса I/3
2. Сосудик из комплекса II/1
3. Сосудик из комплекса II/2
4. Сосудик из комплекса I/3

Вклейка 26

1. Одноручный кувшинчик
2. Сосуд с желобчатым орнаментом на тулове
3. Лепной светильник с выделенным устьем
4. Гончарный светильник с выделенным устьем

Вклейка 27

1. «Утюгообразный» светильник
2. Светильник месопотамского типа
3. Светильник с ручкой
4. Светильник-плошка каратепинского типа

Вклейка 28

1. Миниатюрный сосудик (тушечница?)
2. Керамическая фляга
3. Керамическая матрица для изготовления наклепного орнамента на керамику
4. Вогнутая крышка с шишковидной ручкой

В. А. Завьялов. Кушаншахр при Сасанидах

Вклейка 29

- 1–2. Крышки с шишковидной ручкой
3. Вогнутая крышка с ручкой, использовавшаяся для хозяйственной посуды
4. Плоская крышка с ручкой в виде гребешка

Вклейка 30

1. «Цедилка»
2. Дно «цедилки» со сквозными отверстиями
- 3–4. Разные типы «солонок» из керамического комплекса I/3

Вклейка 31

1. Керамическая курильница
2. Обратная сторона курильницы с крестовидной прорезью
3. Керамическая курильница с подставкой в виде коня
4. Керамическая курильница с подставкой в виде тяни-толкая

Вклейка 32

1. Обратная сторона столика на трех ножках
2. Лицевая сторона другого столика на трех ножках
3. Миниатюрный столик на трех ножках
4. Обратная сторона столика с пальцевым вдавлением

Оглавление

Предисловие.....	5
Введение.....	7
Глава I. История изучения городища Зартепа и его характеристика.....	17
Глава II. Раскопки городища Зартепа в 1975–1986 гг.	29
Глава III. Архитектура и артефакты	79
§ 1. Характеристика строительных приемов, материалов и застройки	79
§ 2. Антропоморфная терракота.....	97
§ 3. Зооморфная терракота.....	105
§ 4. Фрагменты скульптуры.....	110
§ 5. Изделия из кости	112
§ 6. Изделия из раковин	123
§ 7. Изделия из металла	125
§ 8. Изделия из камня.....	138
§ 9. Надписи на керамике	139
§ 10. Керамическая плакетка	142
§ 11. Монеты	150
Глава IV. Керамические комплексы Зартепа.....	154
§ 1. Комплекс III/1	203
§ 2. Комплекс II/3.....	204
§ 3. Комплекс II/2.....	205
§ 4. Комплекс II/1.....	206
§ 5. Комплекс I/3	207
§ 6. Комплекс I/2	207
§ 7. Комплекс I/1	208
§ 8. Комплекс 0	208
Заключение	233
Summary	235
Приложение 1. Надписи на керамике.....	242
Приложение 2. Монеты городища Зартепа.....	244
Список цитированной литературы	274
Список сокращений	287
Список рисунков.....	288

Научное издание

Владимир Алексеевич Завьялов

**КУШАНШАХР ПРИ САСАНИДАХ
(по материалам раскопок городища Зартена)**

Редактор *Т. А. Круглякова*
Корректор *В. О. Кондратьева*
Технический редактор *С. В. Кузнецов*
Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.1999. Подписано в печать 07.04.2008.
Формат 70 × 100%. Тираж 800 экз. (1-й Завод — 300). Усл. печ. л. 23,9. Заказ №
Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии Издательства СПбГУ
199061, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 41.

В. А. ЗАВЬЯЛОВ

КУШАНШАХР ПРИ САСАНИДАХ

Завьялов Владимир Алексеевич

(род. в 1946 г.) — археолог, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН.

В 1974 г. окончил исторический факультет ЛГУ. С 1975 г. работает в ИИМК РАН (ранее — ЛОИА АН СССР). Сфера научных интересов охватывает археологию Центральной Азии от эпохи бронзы до раннего средневековья включительно. В 1970–1980-е гг. участник Бактрийской и Каракумской экспедиций ЛОИА АН СССР, в 1990–2000-е — Международного Мервского проекта, в настоящее время — проекта Культурного фонда «Крепость Пор-Бажын». Исследовал такие крупные городища Средней Азии, как Алтын Депе и Гяур Кала в Туркменистане, Зартепа в Южном Узбекистане. Автор научных публикаций, посвященных культуре кушано-сасанидской автономии и фортификации древнего Мерва.

ISBN 978-5-8465-0799-9

9 785846 507999